

А. ДЮМА

ШЕВАЛЪЕ
ДЕ
МЕЗОН-РУЖ

Annotation

Эта история переносит нас в дни Великой французской революции. Таинственный и неуловимый, гордый шевалье де Мезон-Руж, реально живший в конце XVIII века, водит за нос агентов Комитета общественного спасения. Призвав всю свою смелость и хитрость, шевалье де Мезон-Руж пытается освободить свою несчастную королеву Марию-Антуанетту, заточенную в Тампльскую башню, узники которой находились под строгим надзором Коммуны, и избавить ее от позорной смерти на эшафоте.

Благодаря несравненному таланту выдающегося рассказчика, Александра Дюма, автора «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо», «Сорока пяти», «Двух Диан» и других популярных во всем мире романов, вы переживете одну из великих страниц истории Франции.

- [Александр Дюма](#)
  - [ЧАСТЬ I](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Глава X](#)
    - [Глава XI](#)
    - [Глава XII](#)
    - [Глава XIII](#)
    - [Глава XIV](#)
    - [Глава XV](#)
    - [Глава XVI](#)
    - [Глава XVII](#)
    - [Глава XVIII](#)
    - [Глава XIX](#)
    - [Глава XX](#)
    - [Глава XXI](#)

- [Глава XXII](#)
  - [Глава XXIII](#)
  - [Глава XXIV](#)
  - [Глава XXV](#)
  - [Глава XXVI](#)
  - [Глава XXVII](#)
  - [Глава XXVIII](#)
- [ЧАСТЬ II](#)
  - [Глава I](#)
  - [Глава II](#)
  - [Глава III](#)
  - [Глава IV](#)
  - [Глава V](#)
  - [Глава VI](#)
  - [Глава VII](#)
  - [Глава VIII](#)
  - [Глава IX](#)
  - [Глава X](#)
  - [Глава XI](#)
  - [Глава XII](#)
  - [Глава XIII](#)
  - [Глава XIV](#)
  - [Глава XV](#)
  - [Глава XVI](#)
  - [Глава XVII](#)
  - [Глава XVIII](#)
  - [Глава XIX](#)
  - [Глава XX](#)
  - [Глава XXI](#)
  - [Глава XXII](#)
  - [Глава XXIII](#)
  - [Глава XXIV](#)
  - [Глава XXV](#)
  - [Глава XXVI](#)
  - [Глава XXVII](#)
  - [Глава XXVIII](#)
-
- [notes](#)
  - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
-

Александр Дюма
Шевалье де Мезон-Руж

ЧАСТЬ I

Глава I

Волонтеры

Это было вечером 10 марта 1793 года.

Часы на Соборе Парижской Богородицы только что пробили десять, и каждый их удар, словно ночная птица, покинувшая свое каменное гнездо, улетал дрожа вдаль печально и монотонно.

Ночь опустилась на Париж, холодная и туманная. Париж был совсем не таким, каким мы его знаем: вспыхивающим по вечерам тысячами огней, отражающимися в его золоченом разгуле, Парижем с суетливыми пешеходами, оживленным шуршанием, развеселыми предместьями — местом смелых стычек, с дерзкими преступлениями — короче говоря, со всем этим многоголосым адом. Это был униженный город, робкий, озабоченный, обитатели которого только изредка появлялись на улицах, перебегая с одной стороны на другую, стремясь поскорее укрыться за дверями домов и в воротах, подобные диким зверям, забивающимся в свои норы от преследования охотников.

Итак, это был, как мы уже сказали, Париж 10 марта 1793 года.

А теперь несколько слов о чрезвычайно напряженной ситуации, приведшей к таким изменениям в облике столицы. А затем мы приступим к описанию событий, являющихся предметом нашего повествования.

После смерти Людовика XVI Франция разорвала связи со всей Европой. К тем трем противникам, которых она сперва победила — к Пруссии, Австрийской империи и Пьемонту, прибавились Англия, Голландия и Испания. Только Швеция и Дания по-прежнему сохраняли нейтралитет, наблюдая за Екатериной II, разрывающей на части Польшу.

Положение осложнялось тем, что Франция, к которой с пренебрежением относились как к реальной силе и презирали ее моральные устои после «сентябрьских убийств»^[1] и казни 21 января^[2], была буквально блокирована, как какой-нибудь заурядный европейский городишко. Англия господствовала на нашем побережье, Испания — в Пиренеях, Пьемонт и Австрия — в Альпах, Голландия и Пруссия — на севере Нидерландов. Лишь на одном участке от Верхнего Рейна до реки Эско 250 тысяч солдат вели наступление на республику.

Наших генералов теснили повсюду. Мацински был вынужден оставить Экс-ла-Шапель и ретироваться в Льеж. Штейнгель и Нейи были снова

отброшены в Лимбург. Миранда, который вел осаду Мэстрихта, отвел свои войска в Тонгр. Баланс и Дампьер при отступлении потеряли часть войскового имущества. Более 10 тысяч дезертиров наводнили тыл. Наконец, Конвент^[3], у которого осталась надежда только на Дюмурье^[4], послал к нему гонцов с приказом покинуть границы Нидерландов, где тот готовился к высадке в Голландию, и возглавить армию на Мезе.

Подобно живому существу, Франция ощущала в Париже — своем сердце, каждый наносившийся ей в самых отдаленных местах удар, будь то вторжение, мятеж или измена. Каждая победа отзывалась всплеском радости, каждое поражение вызывало усиление террора. Поэтому легко можно понять, какое смятение вызвали известия о поражениях, следующих одно за другим.

Накануне, 9 марта, в Конвенте состоялось одно из самых бурных заседаний. Дантон, эта дерзкая голова, поднявшись на трибуну, воскликнул: «Так вы говорите, что не хватает солдат? Дадим же Парижу возможность спасти Францию, попросим у него 30 тысяч мужчин, пошлем их к Дюмурье, и не только Франция будет спасена, но и Бельгия освобождена, и Голландия оккупирована».

Предложение встретили криками энтузиазма. Во всех районах Парижа началась запись, записавшихся приглашали собраться вечером. Спектакли, как и все другие развлечения, были отменены. На ратуше в знак беды взвился черный флаг.

К полуночи в списках волонтеров было 35 тысяч имен.

Только в этот вечер произошло то, что и в памятные сентябрьские дни: добровольцы требовали, чтобы до их отъезда предатели были казнены.

Предатели, контрреволюционеры, заговорщики, изнутри подвергали опасности Революцию, которой и без того угрожали извне. Любое сказанное слово имеет множество смыслов, и каждая из противостоящих сторон толковала его в свою пользу. Предателями объявлялись самые слабые. А ими были жирондисты^[5]. И монтаньяры^[6] решили, что именно жирондисты — предатели.

На следующий день, 10 марта, все депутаты монтаньяры пришли на заседание. Вооруженные якобинцы^[7] уже заполнили трибуны, когда появился Совет Коммуны^[8] во главе с председателем. Тот повторил обещание, данное единогласно накануне о введении чрезвычайного трибунала для суда над предателями.

Тотчас же громкими криками участники заседания потребовали доклада на Комитете общественного спасения^[9]. Комитет собирался

немедленно, и уже через десять минут Робер Линде объявил, что трибунал будет создан и в его состав войдут девять независимых судей, собирающих доказательства всеми возможными способами, трибунал, будет преследовать в судебном порядке по требованию

Конвента или по собственной инициативе тех, кто попытается ввести народ в заблуждение.

Страсти были накалены до предела. Жирондисты поняли, что им дана отставка. Они одновременно встали со своих мест.

«Лучше умереть, — воскликнули они, — чем смириться с этой инквизицией».

В ответ на эти слова монтаньяры громко потребовали голосования.

— Да, — восклицает Феро^[10], — проголосуем, чтобы все знали людей, которые хотят убить невинных именем закона.

Конвент проголосовал и большинством провозгласил: 1. необходимы присяжные; 2. присяжные назначаются в равном количестве от каждого департамента; 3. их кандидатуры утверждаются Конвентом.

В тот момент, когда это приняли, слышались громкие крики. Конвент был привычен к визитам черни. Участники заседания поинтересовались, чего от них хотят. Им ответили, что прибыла депутация от волонтеров, которые отобедали на Хлебном рынке и теперь требуют разрешения пройти торжественным маршем перед Конвентом.

Тотчас же открылись двери и шестьсот полупьяных мужчин, вооруженных саблями, пистолетами и пиками, под рукоплескания прошли маршем, громкими возгласами требуя смерти предателям.

— Да, друзья мои, — ответил им Колло д'Эрбуа^[11], — невзирая на интриги, мы вас спасем, вас и Свободу!

После этих слов он бросил взгляд на жирондистов, взгляд, дававший понять, что опасность для них еще не миновала.

Когда заседание Конвента закончилось, монтаньяры разошлись по клубам, побежали к кордельерам^[12] и якобинцам, предлагая им объявить предателей вне закона и убить их этой же ночью.

Жена Луве^[13] жила рядом с Якобинским клубом на улице Сент-Оноре. Услышав крики, она спустилась вниз, вошла в клуб, и услышав предложение покончить с жирондистами, поспешно возвратилась домой, чтобы предупредить мужа. Вооружившись, Луве бросился от одного дома к другому, чтобы оповестить друзей, но никого не нашел. От одного из слуг он узнал, что все они у Петиона^[14]. Тотчас направился туда и застал их спокойно обсуждающими декрет, который предполагалось представить на

следующий день, в надежде, что, используя случайное большинство, удастся его принять. Луве рассказал, что замышляют против них якобинцы и кордельеры, и призвал принять действенные меры.

Тогда поднялся всегда спокойный и невозмутимый Петион, подошел к окну, открыл его, посмотрел на небо, протянул руки за окно и, взглянув на намокшую ладонь, сказал:

— Идет дождь. Сегодня ночью ничего не будет.

Через это полуоткрытое окно донеслись последние отзвуки часов, пробивших десять.

Вот что происходило вечером 10 марта и было причиной того, что дома, предназначенные для живых, в сыром мраке и зловещей

тишине, стали темными и немymi, как склепы, населенные мертвецами.

И лишь патрули национальной гвардии с разведчиками, идущими впереди со штыками наперевес, тесные ряды кое-как вооруженных волонтеров, жандармов, осматривающих каждую подворотню и заглядывающих в каждую приоткрытую дверь, можно было встретить на улицах, насколько все инстинктивно понимали, что замышляется что-то неведомое и ужасное.

Холодный мелкий дождь, тот самый, что так успокоил Петиона, усиливал скверное настроение и беспокойство патрулей. Каждая их встреча выглядела приготовлением к бою: с недоверием осмотрев друг друга, патрули неспеша и нелюбезно обменивались паролем. Потом, разойдясь в разные стороны, оглядывались, будто боясь внезапного нападения со спины.

В этот вечер, когда Париж стал жертвой паники, которая столь часто возобновлялась, что к этому в какой-то степени можно было привыкнуть, когда тайно ставился вопрос об убийстве умеренных революционеров, которые проголосовав за смерть короля, сегодня не соглашались на казнь королевы, заключенной в башне Тампль со своими детьми и золовкой, в этот самый вечер неизвестная женщина, закутанная в длинную сиреневую накидку, капюшон которой совершенно скрывал голову, кралась вдоль домов по улице Сент-Оноре, прячась в нишах дверей, за выступами стен, всякий раз, при появлении патруля, замирая, как статуя, сдерживая дыхание, пока патруль не пройдет, и тогда возобновляя свой быстрый и беспокойный бег до тех пор, пока новая опасность не принуждала ее к неподвижности.

Благодаря этим мерам предосторожности, она уже благополучно проскочила часть улицы Сент-Оноре, когда на пересечении с улицей

Гренель наткнулась не на патруль, а на небольшую группу удальцов-волонтеров, пообедавших на Хлебном рынке, патриотизм которых был вдохновлен многочисленными тостами, поднятыми за будущие победы.

Бедная женщина вскрикнула и бросилась бежать в сторону улицы Кок.

— Эй! Гражданка, — закричал командир волонтеров. Поскольку потребность командовать так естественна для человека, то эти достойные патриоты уже именовали себя командирами. — Ты куда направляешься?

Беглянка не ответила, продолжая свой путь.

— Целься, — скомандовал командир. — Это переодетый мужчина, аристократ, спасающий свою шкуру.

Звук двух или трех ружей, беспорядочно вскинутых в немного дрожащих, не слишком уверенных руках, подсказал бедной женщине, что этот роковой момент может стать для нее последним.

— Нет, нет! — закричала она, резко остановившись и повернувшись. — Нет, гражданин, ты ошибаешься, я не мужчина.

— А ну, подойди, — приказал командир, — и отвечай прямо, куда ты идешь, очаровательная ночная красавица?

— Но, гражданин, я никуда не иду... Я возвращаюсь.

— Ах, так ты возвращаешься?

— Да.

— Для честной женщины в такое время возвращаться поздновато, гражданка.

— Я иду от больной родственницы.

— Бедная кошечка, — сказал командир, сделав жест, заставивший испуганную женщину быстро отступить назад, — а где же наш пропуск?

— Мой пропуск? Какой, гражданин? Что ты имеешь в виду, чего ты от меня требуешь?

— Ты разве не читала декрет Коммуны?

— Нет.

И не слышала о его провозглашении?

— Да нет же. О чем говорится в этом декрете, Боже мой?

— Ну, для начала напомним тебе, что «Боже мой» больше не говорят.

— Простите, я ошиблась. Это старая привычка.

— Плохая привычка, привычка аристократки.

— Я постараюсь исправиться, гражданин. О чем ты говорил?

— Говорил, что декрет Коммуны запрещает после 10 часов вечера выходить без пропуска. Есть он у тебя?

— Увы! Нет.

— Ты его забыла у своей родственницы?

— Я не знала, что нужно выходить с пропуском.

— Ну что ж, пройдем на ближайший пост. Там ты и расскажешь все это капитану, и если он будет удовлетворен твоими объяснениями, то прикажет отвести тебя домой в сопровождении двух патрульных или же оставит у себя до тех пор, пока не получит о тебе дополнительные сведения. В колонну по одному, ускоренным шагом, вперед марш!

По крику ужаса несчастной пленницы командир волонтеров понял, что именно этого она безумно боялась.

— О! — сказал он, — я уверен, что задержали какую-то важную птицу. Итак, скорее в путь!

Командир схватил пленницу за руку и потащил за собой на караульный пост во Дворец Равенства.

Они были уже почти у цели, когда какой-то молодой человек высокого роста, закутанный в плащ, повернул за угол улицы Круа-де-Рети-Шан как раз в тот момент, когда арестованная пыталась мольбами добиться свободы. Не слушая, командир волонтеров грубо потащил ее за собой. Женщина закричала от боли и ужаса.

Молодой человек увидел эту борьбу, услышал крик и, перескочив с одной стороны улицы на другую, оказался лицом к лицу с этой небольшой группкой.

— В чем дело, и что вы делаете с этой молодой женщиной? — спросил он у того, кто показался ему старшим.

— Вместо того, чтобы задавать мне вопросы, займитесь лучше своими делами.

— Кто эта женщина, граждане, и чего вы от нее хотите? — повторил молодой человек более настойчиво.

— А кто вы такой, чтобы нас допрашивать?

Молодой человек распахнул плащ, и все увидели, как блеснул эполет на его мундире.

— Я — офицер, — сказал он, — и вы можете в этом убедиться.

— Офицер... А каких войск?

— Муниципальной гвардии.

— Ну и что? Разве это что-нибудь для нас значит? — ответил кто-то из волонтеров. — Разве мы знаем офицеров муниципальной гвардии?

— Что он там сказал? — спросил другой волонтер с протяжным ироничным выговором, характерным для простолюдина, точнее для парижской черни, когда она сердится.

— Он сказал, — ответил молодой человек, — что если эполеты не внушают уважения к офицеру, то сабля сделает это.

И тут же, сделав шаг назад, незнакомец распахнул складки своего плаща, и при свете фонаря блеснула широкая и мощная сабля. Потом, быстрым движением, свидетельствующим о привычке к вооруженным поединкам, схватил командира волонтеров за воротник куртки и приставил острие сабли к его горлу.

— Ну, а теперь, — сказал он ему, — поговорим как добрые друзья.

— Но, гражданин... — пробормотал командир волонтеров, пытаясь освободиться.

— Эй, я тебя предупреждаю, что при малейшем движении, которое сделаешь ты или твои «удальцы», я разрублю тебя пополам.

Все это время двое волонтеров продолжали удерживать женщину.

— Ты спрашиваешь, кто я такой, — продолжал молодой человек, — но ты не имеешь на это права, так как не командуешь регулярным патрулем. Однако, я тебе скажу. Меня зовут Морис Линдей, я командовал артиллерийской батареей 10 августа. Я — лейтенант муниципальной гвардии и секретарь секции Братьев и Друзей. Этого тебе достаточно?

— О! Гражданин лейтенант, — ответил командир, который чувствовал нажим острия сабли все сильнее, — это совсем другое дело. Если ты действительно тот, за которого себя выдаешь, то есть верный патриот...

— Ну вот, я так и знал, что мы пойдем друг друга, обменявшись несколькими словами, — сказал офицер. — Теперь твоя очередь отвечать: почему эта женщина кричала и что вы ей сделали?

— Мы ее вели на караульный пост.

— Почему вы вели ее туда?

— У нее нет пропуска, а последний декрет Коммуны приказывает арестовывать всех, кто попадает на улицах Парижа после 10 часов вечера без пропуска. Ты забыл, что Отечество в опасности и что черный флаг висит на городской ратуше?

— Черный флаг висит на ратуше и Отечество в опасности, потому что двести тысяч наемников наступают на Францию, — произнес офицер, — а не потому что какая-то женщина бежит по улицам Парижа после 10 часов вечера. Но это не имеет значения, граждане, есть декрет Коммуны. Вы по своему правы и, если бы вы мне сразу все рассказали, объяснение было бы более коротким и менее грозным. Хорошо быть патриотами, но неплохо при этом быть и вежливыми людьми, и офицеров нужно уважать, ведь они — избранники народа. А теперь уведите эту женщину, если хотите, вы свободны.

— О! Гражданин! — закричала, схватив Мориса за руку женщина, с глубокой тревогой следившая за их спором. — Не оставляйте меня во

власти этих полупьяных грубиянов.

— Хорошо, — сказал Морис. — Возьмите меня под руку, и я провожу вас вместе с ними до поста.

— До поста, — повторила женщина с ужасом. — Но зачем вести меня туда, если я никому не причинила вреда.

— Вас ведут на пост, — сказал Морис, — вовсе не потому, что вы сделали что-то плохое, и не потому что вы можете это сделать, а потому что декрет Коммуны запрещает выходить без пропуска, а у вас его нет.

— Но, сударь, я не знала.

— Гражданка, на посту вас встретят достойные люди, которые выслушают ваши объяснения, и которых вам нечего бояться.

— Сударь, — сказала женщина, сжимая руку офицера, — я вовсе не оскорблений боюсь, а смерти: если меня отведут на пост, — я погибла.

Глава II

Незнакомка

В ее голосе было столько страха и одновременно благородства, что Морис вздрогнул. Этот дрожащий голос незнакомки взволновал его до глубины души.

Он повернулся к волонтерам, которые совещались между собой. Униженные тем, что им помешал всего лишь один человек, они явно намеревались перейти в наступление. Их было восемь против одного Мориса. У троих были ружья, у других — пистолеты и пики. У Мориса же — только сабля: борьба была бы неравной.

Да и сама женщина поняла это, потому что, вздохнув, она опять уронила голову на грудь.

Что касается Мориса, то, нахмутив брови, презрительно приподняв губу, вынув саблю из ножен, он пребывал в нерешительности: долг мужчины призывал его защитить эту женщину, а долг гражданина — оставить ее.

Вдруг на углу улицы де Бон Занфан блеснули вспышки выстрелов, и послышался размеренный шаг патрульного отряда. Заметив скопление людей, патруль остановился примерно в десяти шагах от группы волонтеров. Командир прокричал:

— Кто идет?

— Друг! — воскликнул Морис. — Друг! Подойди сюда, Лорэн.

Тот, кому было адресовано это обращение, быстро подошел в сопровождении восьми человек.

— А, это ты, Морис, — сказал Лорэн. — Ах, ты распутник! Что ты делаешь на улице в такое время?

— Ты же видишь, я возвращаюсь из секции Братьев и Друзей.

— Да, наверное для того, чтобы направиться в секцию сестер и подруг. Знаем мы это...

Знайте, моя красавица,
Как только полночь пробьет,
Верная рука любовника вашего,
Тихонько скользнув в темноте,
Отодвинет засов.

— Ну что! Разве не так?

— Нет, мой друг, ты ошибаешься. Я возвращался прямо к себе, когда встретил эту гражданку, отбивавшуюся от волонтеров. Я подбежал к ним и спросил, почему они хотят арестовать ее.

— Узнаю тебя, — сказал Лорэн.

Таковы уж французские кавалеры.

Затем он повернулся к волонтерам.

— Почему вы арестовали эту женщину? — спросил поэтично настроенный капрал.

— Мы уже говорили об этом лейтенанту, — ответил командир. — Потому что у нее не было пропуска.

— Ну! Полноте! — сказал Лорэн. — Вот так преступление!

— Ты что же не знаешь постановления Коммуны? — спросил командир волонтеров.

— Как же! Как же! Но есть и другое постановление.

— Какое?

— А вот такое:

На Пинде и на Парнасе,
постановляет Любовь,
Молодость, Красота и Грация,
в любое время дня
Могут везде ходить без пропуска.

— Ну, гражданин, что ты скажешь об этом постановлении? Оно изящно, мне кажется.

— Во-первых, оно не опубликовано в «Монитере»^[15], а во-вторых, мы ведь не на Пинде и не на Парнасе. Сейчас, к тому же, не день, да и гражданка, может быть, не молода, не красива и не грациозна.

— Держу пари, что наоборот, — сказал Лорэн. — Ну, гражданка, докажи мне, что я прав, сними свой капюшон, чтобы все могли оценить, распространяются ли на тебя условия декрета.

— О, сударь, — сказала молодая женщина, прижимаясь к Морису, — после того, как вы защитили меня от ваших врагов, защитите меня от ваших друзей, умоляю вас.

— Видите, видите, — сказал командир волонтеров, — она прячется. У меня такое мнение, что это шпионка аристократов, какая-нибудь мерзавка, шлюха.

— О, сударь, — сказала молодая женщина, заставив Мориса сделать шаг в сторону, и открывая свое лицо, очаровывающее молодостью, красотой и благородством. — Посмотрите на меня, разве я похожа на ту, о ком они говорят?

Морис был ослеплен. Он никогда даже и не мечтал увидеть то, что предстало его взору. Но незнакомка снова закрыла лицо и сделала это так же быстро, как и открыла.

— Лорэн, — тихо произнес Морис, — потребуй, чтобы арестованную отвели на твой пост. У тебя есть на это право, ведь ты командуешь патрулем.

— Хорошо! — ответил молодой капрал. — Я понимаю с полуслова.

Затем, повернувшись к незнакомке, продолжил:

— Пойдем, красавица. Поскольку вы не желаете доказать нам, что подходите под каноны декрета, следуйте за нами.

— Как это, за вами? — спросил командир волонтеров.

— Конечно. Мы проводим гражданку на пост у ратуши, где у нас караульное помещение, и там разузнаем о ней подробнее.

— А вот и нет, — сказал командир первой группы. — Она наша, и мы ее не отдадим.

— Эх, граждане, граждане, — заметил Лорэн, — ведь мы так и рассердиться можем.

— Можете сердиться, черт возьми, нам все равно. Мы истинные солдаты Республики. Вы только патрулируете на улицах, мы же будем проливать кровь на фронте.

— Остерегайтесь распространяться об этом по пути на фронт, а то всякое может произойти, если вы не будете более вежливы, чем сейчас.

— Вежливость свойственна аристократам, а мы — санкюлоты^[16], — ответили волонтеры.

— Ну, хватит, — сказал Лорэн, — не говорите об этом при даме. Может быть она англичанка. Не сердитесь на такое предположение, моя прелестная ночная птичка, — добавил, он, галантно повернувшись к незнакомке.

Об этом сказал один поэт,
А мы повторяем недостойным эхом.
Англия — лебединое озеро
Посредине огромного пруда.

— Ага, вот ты себя и выдал, — сказал командир волонтеров. — Ты признался, что ты агент Питта^[17], наемник Англии, ты...

— Тише, — ответил Лорэн, — ты ничего не смыслишь в поэзии, друг мой, стало быть, мне придется говорить с тобой в прозе. Послушай, мы национальная гвардия, мы добры и терпеливы, но все мы дети Парижа, а это значит, что когда нас раздражают, мы бьем крепко.

— Сударыня, сказал Морис, — вы видите, что происходит, и можете догадаться, чем все это кончится: через пять минут эти мужчины перережут из-за вас друг друга. Вы считаете, что причина, по которой вы скрываетесь, заслуживает того, чтобы из-за нее пролилась кровь?

— Сударь, — ответила женщина, прижимая руки к груди, — я могу сказать вам только одно: если вы позволите меня арестовать, то для меня и для других несчастья будут так велики, что умоляю вас, пронзите лучше мне сердце саблей, что у вас в руках, и сбросьте мой труп в Сену, но не оставляйте меня здесь.

— Хорошо, сударыня, — ответил Морис. — Я все беру на себя.

И отпустив руки прекрасной незнакомки, которые он держал в своих, Морис сказал патрульным:

— Граждане, как ваш офицер, как патриот, как француз, приказываю вам защитить эту женщину. А ты, Лорэн, если этот сброд скажет хоть слово, — в штыки!

— Оружие к бою! — скомандовал Лорэн.

— О! Боже мой! Боже мой! — воскликнула незнакомка, еще глубже пряча голову в капюшон, и прислоняясь к каменной тумбе. — Господи, спаси его. Защити его!

Волонтеры попытались занять оборону. Один из них даже выстрелил из пистолета, и пуля пробила шляпу Мориса.

В сумерках произошел короткий бой, во время которого слышались выстрелы, потом проклятия, богохульства, но никто не осмелился выйти из дома, чтобы посмотреть, что происходит, ибо, как мы уже сказали, в городе ползли слухи о предстоящей резне и многие подумали, что уже началось. Только два или три окна приоткрылись, чтобы тут же снова захлопнуться.

Волонтеров было меньше, они были хуже вооружены, поэтому их вскоре вывели из строя. Двое были тяжело ранены. Четверо остальных стояли вдоль стены, к груди каждого из них был приставлен штык.

— Ну вот, — сказал Лорэн, — теперь, я надеюсь, вы будете ягнятами. Что же касается тебя, гражданин Морис, то поручаю тебе проводить эту женщину на караульный пост к ратуше. Ты понимаешь, что несешь за это ответственность?

— Да, — ответил Морис.

Затем тихо добавил:

— А какой пароль?

— Ах ты, черт! — выругался Лорэн, почесав за ухом, — Пароль... Ну...

— Не боишься ли ты, что я буду им злоупотреблять?

— Ах ты, Боже мой, — ответил Лорэн, — пользуйся им, как хочешь, это твое дело.

— Так ты назовешь мне пароль?

— Да, конечно. Но давай-ка вначале избавимся от этих молодцов. А кроме того, перед тем, как расстаться, я хотел бы дать тебе несколько добрых советов.

— Хорошо, я подожду.

Лорэн подошел к своим гвардейцам, продолжавшим держать в страхе волонтеров.

— Ну что, теперь с вас достаточно? — спросил он.

— Да, жирондистская собака, — ответил командир добровольцев.

— Ты ошибаешься, друг мой, — заметил Лорэн спокойно, — мы еще более достойные санкюлоты, чем ты, мы принадлежим к клубу Фермопил [\[18\]](#), патриотизм которого, я надеюсь, никто не будет оспаривать. Отпустите граждан, — продолжал Лорэн. — Они, я думаю, не будут возражать.

— Да, это так же верно, как и то, что эта женщина подозрительна...

— Если бы она была подозрительна, то сбежала бы во время боя, вместо того, чтобы ожидать, пока драка закончится.

— Гм! — произнес один из добровольцев, — то, что ты говоришь, похоже на правду, гражданин Фермопил.

— Впрочем, мы все об этом узнаем, потому что мой друг отведет ее на пост. А мы все пойдем и выпьем за здоровье нации.

— Мы пойдем выпить? — спросил командир волонтеров.

— Конечно, а то меня мучает жажда. Я знаю один неплохой кабачок на углу улицы Томас-дю-Лувр.

— Ух! Почему же ты сразу не сказал об этом, гражданин? Мы ведь разозлились из-за того, что усомнились в твоём патриотизме. В подтверждении этих слов, во имя нации, давай обнимемся.

— Обнимемся, — сказал Лорэн.

И волонтеры стали с воодушевлением брататься с патрульными из национальной гвардии. В то время охотнее приветствовали объятия, чем отсечение голов.

— Итак, друзья, — воскликнули объединившиеся бойцы, — скорее в

кабачок на Томас-дю-Лувр.

— А как же мы, — жалобно простонали раненые, — вы, что же нас бросите?

— Что ж, — ответил Лорэн, — придется оставить вас здесь, храбрецов, которые сражались за родину с патрулем, такова суровая действительность. За вами пришлют носилки. А пока, в ожидании, пойте «Марсельезу», это вас развлечет:

Вперед, сыны отчизны милой!
Мгновенье славы настает!

Затем, подойдя к Морису, который вместе с незнакомкой ожидал на углу улицы Кок, в то время как гвардейцы вместе с волонтерами, обнявшись, поднимались к площади Дворца Равенства, сказал:

— Морис, я обещал тебе дать совет, вот он. Лучше тебе пойти с нами, чем компрометировать себя, защищая эту гражданку, которая действительно мне кажется очень очаровательной, но от этого еще более подозрительной, потому что очаровательные женщины, которые бегают по улицам в полночь...

— Сударь, не судите обо мне по внешнему виду, умоляю вас.

— Ну так вот, вы говорите «сударь», а это большой промах с вашей стороны, слышите, гражданка? Да и сам я сказал «вы».

— Хорошо! Гражданин, позволь своему другу сделать доброе дело.

— Какое?

— Проводить меня до дома и охранять всю дорогу.

— Морис! Морис! — сказал Лорэн. — Подумай о том, что ты собираешься сделать: ты ведь себя ужасно компрометируешь.

— Я знаю, — ответил молодой человек. — Но что же делать, если я ее оставлю, то бедная женщина будет арестована первым же встретившимся патрулем.

— О, да! Тогда как вместе с вами, сударь... тогда как вместе с тобой, гражданин, я хочу сказать, я буду спасена.

— Ты слышишь, спасена! — заметил Лорэн. — Стало быть она бежит от какой-то большой опасности.

— Дорогой мой Лорэн, — сказал Морис, — посмотрим правде в глаза. Это либо добрая патриотка, либо аристократка. Если она аристократка, то мы виноваты, что защищаем ее, если же она патриотка, то охранять ее — наш долг.

— Прости, друг мой, но твоя логика абсурдна. Ты похож на того, кто говорит:

Забрали разум у меня
И мудрость требуют мою.

— Ну ладно, Лорэн, — сказал Морис, — прекрати ссылаться на Дора, Парни, умоляю тебя. Поговорим серьезно: ты мне скажешь пароль или нет?

— То есть, Морис, ты вынуждаешь меня пожертвовать долгом ради друга или пожертвовать другом ради долга. Однако, боюсь, Морис, что долг превыше всего.

— Друг мой, решай вопрос в пользу долга или друга. Но, прошу тебя именем Неба, решай немедленно.

— Ты не будешь злоупотреблять паролем?

— Обещаю.

— Этого недостаточно. Поклянись.

— Чем?

— Поклянись Родиной.

Лорэн снял шляпу, повернул кокардой к Морису, и тот поклялся а этом импровизированном алтаре.

— А теперь я скажу тебе пароль: «Флагшток и Лютеция». Может быть кто-то и скажет вместо «Лютеция» — «Лукреция»^[19], не обращай внимания, происхождение одно и то же — римское.

— Гражданка, — сказал Морис, — теперь я к вашим услугам. Спасибо, Лорэн!

— Счастливого пути, — ответил тот, надевая шляпу.

И, верный своему анакреонтическому вкусу, он ушел, напевая:

Наконец, моя Элеонора,
Ты познала сей чудесный грех,
Которого боялась и желать.
Но испытал его.
Ты все еще страшишься, Нора,
Скажи же, что плохого в нем?

Глава III

На улице Фоссе-Сен-Виктор

Морис, оставшись наедине с молодой женщиной, на какое-то мгновение почувствовал себя смущенным. Боязнь оказаться обманутым, притягательность чудесной красоты, смутные угрызения, терзавшие его чистую совесть экзальтированного республиканца, боролись в нем, когда он собирался предложить руку своей спутнице.

— Куда вы идете, гражданка? — спросил он.

— Увы, сударь, довольно далеко, — ответила она.

— И все-таки...

— В сторону Зоологического сада.

— Хорошо, пойдемте.

— Ах, Боже мой, сударь, — сказала незнакомка, — я прекрасно осознаю, что затрудняю вас, но если бы не происшедшее со мной несчастье и не подстерегающая на улицах опасность, поверьте, я никогда не стала бы злоупотреблять вашим великодушием.

— Но, сударыня, — сказал Морис, который наедине с незнакомкой забыл лексикон, предписанный законами Республики, и вернулся к нормальному человеческому языку, — как же так получилось, что вы оказались одна в этот час на улицах Парижа? Посмотрите, сейчас, кроме нас, нигде нет ни души.

— Сударь, я вам уже говорила, что была с визитом в предместье Руль. Я ушла в полдень, ничего не зная о том, что происходит, и

возвращалась также в полном неведении о происходящем: все это время я провела в довольно уединенном доме.

— Да, — прошептал Морис, — в каком-то особняке, в какого-то логове аристократа. Признайтесь, гражданка, что вслух вы просите меня о помощи, а в душе насмехаетесь над тем, что я вам ее оказываю.

— То есть как это? — воскликнула она.

— Конечно. Вам служит проводником республиканец. И вдобавок — республиканец, изменивший своему делу.

— Но, гражданин, — живо возразила незнакомка, — вы заблуждаетесь, я не меньше вас люблю Республику.

— В таком случае, гражданка, если вы такая добрая патриотка, вам нечего скрывать. Откуда вы идете?

— О, сударь, пощадите! — воскликнула незнакомка.

И столько было в этом слове «сударь» глубокого и целомудренного стыда, что Морис подумал: все это связано с личными чувствами и переживаниями.

— Несомненно, эта женщина возвращается с любовного свидания, — пробормотал он.

Он почувствовал, как от этой догадки, непонятно почему, сжалось его сердце.

После этого он замолчал.

Тем временем ночные пешеходы достигли улицы Веррери, повстречав на своем пути три или четыре патрульных отряды, которые, благодаря паролю, беспрепятственно их пропускали. И только при объяснении с офицером последнего патруля, возникли сложности.

Тогда Морис добавил свою фамилию и адрес.

— Хорошо, — сказал офицер, — с вами все в порядке, а вот гражданка...

— Эта гражданка?

— Кто она?

— Это... сестра моей жены.

Офицер пропустил их.

— Так значит, вы женаты, сударь, — прошептала незнакомка.

— Нет, сударыня. Почему вы так решили?

— Вы могли бы сказать, что я — ваша жена, — ответила она смеясь.

— Сударыня, — сказал в свою очередь Морис, — слово «жена» священо, и его нельзя произносить просто так. А я даже не имею чести быть знакомым с вами.

На этот раз незнакомка почувствовала, как сжалось ее сердце, и промолчала.

Они как раз шли по мосту Мари.

Молодая женщина все убыстряла шаг по мере того, как они приближались к конечной цели путешествия.

Миновали мост Турель.

— Ну вот, мы, кажется, в вашем квартале, — сказал Морис, ступая на набережную Сен-Бернар.

— Да, гражданин, — ответила незнакомка, — но именно здесь мне особенно нужна ваша помощь.

— Сударыня, вы запрещаете мне быть нескромным, и в то же время вы делаете все возможное, чтобы раздражить мое любопытство. Это неблагородно. Доверьтесь мне, хоть немного. Мне кажется, я заслужил ваше доверие. Не удостоите ли вы меня чести узнать, с кем я говорю?

— Вы говорите, сударь, — ответила незнакомка, — с женщиной, которую вы спасли от угрожавшей ей огромной опасности, и которая будет благодарна вам за это всю жизнь.

— Я не требую так много, сударыня, будьте менее благодарны, но откройте ваше имя.

— Это невозможно.

— Однако, если бы вас привели на караульный пост, вы бы назвали его.

— Нет-нет, никогда! — воскликнула незнакомка.

— Но тогда бы вас отправили в тюрьму.

— Я была готова ко всему.

— Но ведь тюрьма сейчас...

— Это эшафот, я знаю.

— И вы бы предпочли эшафот?

— Измене. Назвать свое имя — это было бы изменой!

— Я вам уже говорил, что вы заставляете меня играть странную для республиканца роль!

— Вы играете роль благородного человека. Вы встречаете несчастную женщину, которую оскорбляют. Вы не относитесь к ней с презрением, несмотря на то, что она может оказаться простолюдинкой. И поскольку ее вновь могут обидеть, чтобы оградить ее от беды, вы провожаете ее до убогого квартала, где она живет. Вот и все.

— Да, вы правы. Да, я мог бы в это поверить, если бы не видел вас и не говорил с вами. Но ваша красота и речь выдают ваше происхождение. Именно ваша изысканность столь странная при вашем наряде и в этом убогом квартале, свидетельствуют, что за этой столь поздней прогулкой кроется какая-то тайна. Вы молчите, ну что же, не будем больше об этом. Далеко еще до вашего жилища, сударыня?

Они как раз вышли на улицу Фоссе-Сен-Виктор.

— Видите тот маленький темный дом, — спросила незнакомка Мориса, указывая рукой на дом, расположенный за стенами Зоологического сада. Когда мы дойдем до него, мы расстанемся.

— Хорошо, сударыня. Приказывайте, я ведь здесь для того, чтобы вам повиноваться.

— Вы сердитесь?

— Я? Нисколько. Впрочем, какая вам разница?

— Для меня это много значит, я хочу попросить вас еще об одной милости.

— Какой?

— О сердечном и искреннем прощании... прощании с другом!

— Прощании с другом? О! Это слишком большая честь, сударыня. Очень странный друг, от которого подруга скрывает свое имя и дом, где живет, из опасения увидеть своего друга еще раз.

Молодая женщина опустила голову и ничего не ответила.

— Впрочем, сударыня, — продолжал Морис, — если я проник в какую-то тайну, не сердитесь на меня. Я не стремился к этому.

— Вот мы и пришли, сударь, — сказала незнакомка.

Они стояли у начала старинной улицы Сен-Жак с высокими закопченными домами, узкими проходами, переулками, в которых теснились кожевенные и прочие мастерские, потому что буквально в двух шагах протекала речушка Бьевр.

— Здесь? — спросил ошеломленный Морис. — Как! Вы здесь живете?

— Да!

— Невозможно!

— И тем не менее, это так. Прощайте. Прощайте, мой храбрый кавалер. Прощайте, мой благородный покровитель!

— Прощайте, сударыня, — ответил Морис с легкой иронией. — Только успокойте меня и скажите, что вам больше не грозит никакая опасность.

— Не грозит.

— В таком случае, я удаляюсь.

И Морис, отступив на два шага, холодно попрощался.

Незнакомка на какое-то мгновение застыла.

— Я не хотела бы вот так расстаться с вами, — сказала она. — Дайте же, сударь, вашу руку.

Морис подошел к незнакомке и протянул руку.

Он почувствовал, что молодая женщина надела ему на палец кольцо.

— О! Гражданка, что вы делаете? Разве вы не замечаете, что теряете одно из своих колец?

— Сударь, зачем вы так зло говорите?

— По-моему, сударыня, я не страдаю пороком неблагодарности?

— Полноте, сударь. Умоляю вас, друг мой. Не уходите так. Ну, чего вы хотите? Что вам угодно?

— Вы что, хотите мне заплатить? — с горечью сказал молодой человек.

— Нет, — мягко ответила незнакомка, — я хочу чтобы вы простили мне тайну, которую я вынуждена от вас скрывать.

Морис увидел, как в темноте блестят ее прекрасные глаза, влажные от слез, почувствовал, как дрожит ее теплая рука в его руках, услышал се

голос, полный мольбы, и гнев его сменился восторженностью.

— Что мне угодно? — воскликнул он. — Мне угодно увидеть вас снова.

— Невозможно.

— Ну, хотя бы только один раз, на час, на минуту, на секунду.

— Я же вам сказала — это невозможно.

— Как! — воскликнул Морис. — Я вас действительно больше никогда не увижу?

— Никогда, — печальным эхом повторила незнакомка.

— Сударыня, вы играете мною, — сказал Морис.

Он поднял свою благородную голову и встряхнул длинными волосами, как человек, пытающийся избавиться от наваждения.

Незнакомка странно смотрела на него. Было видно, что и ей тяжело расставаться с провожатым.

— Послушайте, — сказала она после минутного молчания, нарушаемого только вздохами Мориса, которые он пытался сдерживать. — Поклянитесь мне честью не открывать глаз с того момента, когда я попрошу вас закрыть их.

— А, если поклянусь, что со мной будет?

— Я вам докажу свою признательность. Обещаю вам больше никому и никогда не проявлять ее таким образом, если это даже и не имеет для вас значения.

— Но могу я наконец узнать?..

— Нет, доверьтесь мне и вы увидите...

— Я, сударыня, не знаю, ангел вы или демон.

— Так вы клянетесь?

— Да, клянусь!

— И что бы ни произошло, вы не откроете глаз? Что бы ни произошло, понимаете? Даже если вы почувствовали бы удар кинжала.

— Честное слово, вы меня ошеломляете этими требованиями.

— Итак, поклянитесь же, сударь. Мне кажется, вы не очень рискуете.

— Хорошо, клянусь вам, чтобы со мной ни произошло, не открывать глаз, — сказал Морис, закрыв было глаза, но остановился.

— Позвольте мне взглянуть на вас еще раз, один лишь раз, — сказал он, — умоляю вас.

Молодая женщина сняла капюшон и улыбнулась без малейшего кокетства. И при свете луны, которая как раз показалась из-за облаков, он еще раз увидел эти длинные вьющиеся волосы цвета воронова крыла, безупречные по форме брови, как будто прорисованные тушью, эти

прекрасные миндалевидные глаза, томные и бархатистые, совершенной формы нос, губы, свежие и блестящие, словно кораллы.

— Как вы красивы! Очень красивы! Слишком красивы! — воскликнул Морис.

— Закройте глаза, — велела незнакомка.

Морис повиновался.

Молодая женщина взяла его за руки, повернула к себе. Вдруг его лицо обдало благоухающим жаром, и ее рот коснулся его рта, оставив между губами то самое кольцо, от которого он отказался.

Это было ощущение быстрое как мысль и обжигающее как пламя. Морис вновь почувствовал потрясение, подобное току, почти боль, такое оно было неожиданное и глубокое, до такой степени проникло в самое его сердце и затронуло тайные струны его души.

Он сделал быстрое движение, протянув руку перед собой.

— Ваша клятва! — раздался голос уже издалека.

Морис закрыл глаза руками, чтобы не поддаваться искушению нарушить клятву. Он больше ни о чем не думал, стоял неподвижно и был в нерешительности.

Через минуту он услышал шум хлопнувшей двери в пятидесяти-шестидесяти шагах от него. Затем все стихло.

Тогда он открыл глаза, огляделся как только что проснувшийся человек. Возможно, он бы и подумал, что все было лишь сон, если бы у него в губах не было кольца, что превращало это невероятное приключение в неоспоримую реальность.

Глава IV

Нравы эпохи

Когда Морис Линдей пришел в себя и осмотрелся, он увидел только разбегавшиеся вправо и влево узкие улочки. Он пытался что-то вспомнить, что-то узнать, но ночь была темной, а рассудок его немного помутившимся. Луна, выглянувшая только на мгновение, чтобы осветить прекрасное лицо незнакомки, опять скрылась за облаками. Молодой человек очень неуверенно пошел в сторону своего дома на улицу Руль.

Выйдя на улицу Сент-Авуа, Морис был поражен большим количеством патрульных отрядов, прохаживающихся в окрестностях Тампля.

— Что случилось, сержант? — спросил он у озабоченного командира патрульного отряда, только что закончившего обыск на улице Фонтэн.

— Что случилось? — переспросил сержант. — А то, мой офицер, что сегодня ночью хотели выкрасть жену Капета^[20] со всем ее выводком.

— Кто хотел?

— Один из патрульных отрядов, уж не знаю каким образом, добыл пароль, вошел в Тампль под видом стрелков национальной гвардии и пытался их похитить. К счастью, изображавший капрала, обращаясь к офицеру охраны, назвал его «сударем» и таким образом выдал себя. Аристократ!

— Черт возьми! — выругался Морис. — Заговорщиков арестовали?

— Нет. Они выбежали на улицу и рассеялись в окрестностях.

— Есть ли какая-то надежда поймать этих удальцов?

— Главное сейчас — поймать этого негодяя, их главаря. Его провел один из офицеров муниципальной гвардии. Заставил побегать нас, злодей! Но нашел лазейку и удрал.

При других обстоятельствах Морис остался бы на всю ночь вместе с патриотами, борющимися за спасение Республики, но уже больше часа прошло с тех пор, как не только любовь к родине занимала его мысли. Он продолжал свой путь. Новость, которую Морис только что узнал, мало-помалу заслонила недавно пережитым. Впрочем, эти мнимые попытки похищения стали очень частыми. Сами патриоты знали, что при определенных обстоятельствах ими пользовались просто как политическим средством, поэтому новость не слишком беспокоила молодого

республиканца.

Возвратясь домой, Морис застал своего слугу (В это время не было домашних слуг в привычном понимании. В услужение шли добровольно, это не считалось чем-то унижительным) заснувшим в ожидании хозяина и беспокойно храпящим.

Он осторожно разбудил его, велел снять сапоги, затем отослал, чтобы никто не отвлекал его от раздумий, и лег в постель. Поскольку было уже поздно, а он был молод, то сразу уснул, несмотря на все переживания.

На следующий день он Нашел на ночном столике письмо.

Письмо было написано мелким, элегантным и незнакомым почерком. Он посмотрел на печать, на ней было лишь одно английское слово: «nothing» — «ничто».

Он распечатал конверт, в нем были такие слова:

«Спасибо! Вечная благодарность в обмен на вечное забвение!».-

Морис позвал слугу. Истинные патриоты больше не звонили, ибо звонок связывали с рабством. Многие из слуг ставили это условием при поступлении на службу.

Слуга Мориса получил при крещении, тридцать с небольшим лет назад, имя Жан, но в 1792 году изменил его, поскольку имя Жан ассоциировалось с аристократией и деизмом^[21]. Назвал он себя Сцеволой^[22].

— Сцевола, — спросил Морис, — ты знаешь, что это за письмо?

— Нет, гражданин.

— Кто тебе его вручил?

— Консьерж.

— Кто его принес?

— Рассыльный, конечно, поскольку нет марки.

— Сходи и попроси консьержа подняться.

Консьерж поднялся, потому что просил об этом Морис, а его очень любили все слуги, с которыми ему приходилось иметь дело. Консьерж заявил, что любого другого жильца он попросил бы самого спуститься за интересующими его сведениями.

Консьержа звали Аристей.

Морис расспросил его о письме. Письмо принес незнакомый человек около восьми часов утра. Молодой человек умел спрашивать, он задавал вопросы и так и этак, но консьерж все равно ничего нового не мог добавить к своему ответу.

Морис уговорил его взять десять франков и проследить за посыльным,

если он появится еще раз, чтобы узнать, где тот живет.

Поспешим заметить, что к большой радости Аристея, который был немного унижен тем, что ему придется следить за себе подобным, незнакомец, доставивший письмо, больше не появлялся.

Оставшись один, Морис с досадой смял письмо, стянул с пальца кольцо, положил все это на ночной столик и повернулся к стене с безумным желанием снова уснуть. Но через час, отбросив все напускное, Морис поцеловал кольцо и перечитал письмо. В кольце был необыкновенно красивый сапфир.

Письмо же, как мы уже говорили, было маленькой прелестной запиской, за версту отдававшей аристократией.

В тот момент, когда Морис рассматривал эти чудесные вещицы, дверь его комнаты отворилась. Морис надел кольцо на палец и спрятал письмо под подушку. Была ли это стыдливость зарождающейся любви? Или же стыд патриота, который не хочет, чтобы узнали о его отношениях с неосторожными людьми, пишущими подобные записки, один аромат которой может скомпрометировать и писавшую, и распечатавшую ее руку?

Вошедший был молодым человеком, одетым в костюм патриота, но с чрезвычайной элегантностью. Его куртка с узкими фалдами была сшита из тонкого сукна, короткие штаны — из тонкой шерсти, ажурные чулки — из тонкого шелка. Что же касается фригийского колпака, то благодаря своей элегантной форме и чудесному яркому цвету, он выглядел просто шикарно.

На поясе у молодого человека висела пара пистолетов с бывшей королевской фабрики в Версале, а также короткая прямая сабля.

— Эй! Ты спишь, Брут, — сказал вошедший, — а отечество в опасности.

— Нет, Лорэн, — смеясь ответил Морис, — я не сплю, я мечтаю.

— Да, я понимаю, ты мечтаешь о своей Кариссе.

— Не понимаю.

— Вот как!

— О чем ты говоришь? Кто эта Карисса?

— Как кто? Женщина.

— Какая женщина?

— Женщина с улицы Сент-Оноре, женщина, задержанная патрулем, незнакомка, из-за которой мы рисковали своими головами вчера вечером.

— О, да! — ответил Морис, притворившийся непонимающим, но прекрасно знавший, что именно имел в виду его друг.

— И кто же она такая?

— Этого я не знаю.

— Она красива?
— Вот невидаль! — сказал Морис, презрительно скривив рот.
— Бедная женщина, забывшая обо всем во время какого-нибудь любовного свидания.

...Как мы слабы перед любовью.
Всегда терзающей людей.

— Возможно, — прошептал Морис. Эта мысль, с которой он раньше смирялся, внушала ему отвращение. Сейчас он предпочел бы заговорщицу возлюбленной.

— И где же она живет?
— Не знаю.
— Как это не знаешь? Не может быть!
— Почему?
— Ты ведь се провожал.
— Она убежала от меня за мостом Мари.
— Убежала от тебя? — воскликнул Лорэн и разразился громким смехом. — От тебя убежала женщина, вот это да!

Голубка разве убежит
От небесного тирана — грифа?
И газель в пустыне не сбежит,
Коль попалась в лапы тигра.

— Лорэн, когда ты будешь говорить наконец как все? Ты меня ужасно раздражаешь своими кошмарными стихами.

— Как все! Я говорю лучше, чем все, мне так кажется. Я говорю как гражданин Дсмустье^[23], и в прозе, и в стихах. Что же до моей поэзии, дорогой друг, то я знаю одну Эмилию, которая вовсе не находит ее плохой. Но вернемся, однако, к твоей.

— К моей поэзии?
— Нет, к твоей Эмилии.
— А разве у меня есть Эмилия?
— Твоя газель, наверное, превратилась в тигрицу и показала тебе зубы.
И теперь ты раздосадован, но влюблен.
— Я влюблен! — воскликнул Морис, потрянув головой.

— Да, ты влюблен.

Из этого не делай тайну.
Стрелы Цирцеи ранят наше сердце
Сильней, чем молнии Юпитера.

— Лорэн, — предупредил Морис, вооружаясь ключом, лежавшим на ночном столике, — заявляю, что если ты произнесешь еще хотя бы одну строфу, я тебя ударю.

— Что ж, поговорим о политике, я, кстати, для этого и пришел. Ты знаешь новости?

— Я знаю, что вдова Капета хотела удрать.

— Да ты все уже знаешь!

— Что еще нового?

— Знаменитый шевалье де Мезон-Руж в Париже.

— Правда?! — воскликнул Морис, вскакивая.

— Собственной персоной.

— Когда он прибыл?

— Вчера вечером.

— Под видом кого?

— Переодетый стрелком национальной гвардии. Какая-то женщина, скорее всего переодетая в простолюдинку аристократка, пронесла ему одежду на ту сторону заставы. Через минуту они вернулись, держась за руки. И только, когда они миновали заставу, у часового возникли какие-то подозрения. Вначале — женщина с пакетом, потом — она же под руку с военным. Это было подозрительно. Часовой забил тревогу, за ними погнались. Они исчезли в одном из особняков на Сент-Оноре, дверь в котором открылась словно по мановению волшебной палочки. У этого особняка есть и второй выход — на Елисейские поля. Шевалье де Мезон-Руж и его спутница исчезли — ищи ветра в поле. Особняк снесут, владельца гильотинируют, но это не помешает шевалье еще раз попытаться сделать то, что ему не удалось четыре месяца назад, и вчера — во второй раз.

— И его не арестовали?

— Ха, попробуй-ка арестовать Протея^[24], дорогой мой. Я думаю, что самому Аристею^[25] это вряд ли удалось бы сделать.

Pastor Aritsoeus fugiens Peneia Tempe...

— Берегись, — сказал Морис, поднося ключ к его губам.

— Сам берегись, черт побери! На сей раз ты ударил бы не меня, а Вергилия.

— Да, конечно, ведь ты не пытаешься это перевести, и претензий у меня быть не должно. Однако вернемся к шевалье де Мезон-Ружу.

— Согласись, это отважный человек.

— Конечно, чтобы приниматься за такое дело, нужно обладать большим мужеством.

— Или большой любовью.

— Ты что же, думаешь, что шевалье так любит королеву?

— Я-то в это не верю. Я повторяю то, что все говорят. Впрочем, в нее многие мужчины влюблены, что же удивительного в том, что она и его пленила? Говорят, что и Барнав^[26] очарован ею.

— Неважно, главное, что шевалье имеет единомышленников в самом Тампле.

— Возможно.

Любовь сокрушает решетки
И насмехается над замками.

— Лорэн!

— Но это так.

— Ты что же, думаешь как другие?

— Почему бы и нет?

— Тебя послушать, так у королевы должна быть пара сотен возлюбленных.

— Две сотни, три сотни, четыре сотни. Она достаточно красива для этого. Я ведь не говорю, что она всех их любит. Но они все могут любить ее. Все видят солнце, но солнце не смотрит на каждого.

— Итак, ты хочешь сказать, что шевалье де Мезон-Руж...

— Я только говорю, что его сейчас преследуют, и, если он уйдет от ищеек Республики, то он — хитрый лис.

— А что же делает для этого Коммуна?

— Коммуна сейчас издаст постановление, согласно которому на фасаде каждого дома должен быть вывешен список с именами и фамилиями всех жильцов. Осуществляется мечта предков: почему нет

окошечка в каждом человеческом сердце, чтобы всякий смог видеть, что там происходит!

— О! Превосходная идея! — воскликнул Морис.

— Насчет окошка в сердце человека?

— Нет, насчет того, чтобы повесить списки на дверях домов.

На самом же деле Морис подумал, что это поможет ему найти незнакомку или хотя бы укажет хоть какой-то след на пути поисков.

— Не правда ли? — сказал Лорэн. — Я уже говорил, что эта мера поможет нам выявить сотен пять аристократов. Кстати, сегодня утром в наш клуб явилась депутация волонтеров во главе с нашими ночными противниками, которых я покинул мертвецки пьяными. Они явились с гирляндами цветов и в венках из бессмертников.

— Правда? — рассмеялся Морис. — И сколько их было?

— Тридцать человек, они побрились и нацепили бутоньерки. «Граждане клуба Фермопил, — сказал оратор, — мы истинные патриоты и хотим, чтобы союз французов не омрачали никакие недоразумения. Побратаемся снова».

— Ну и?

— Мы опять побратались, соорудив алтарь Родины из стола секретаря и двух графинов, в которые поставили букеты цветов. Поскольку ты был героем праздника, тебя вызывали три раза, чтобы наградить венком. Но так как ты не отзывался, а наградить кого-нибудь нужно было обязательно, то венок водрузили на бюст Вашингтона. Вот так проходила церемония.

Когда Лорэн закончил этот рассказ очевидца, на улице послышался шум, раздалась барабанная дробь, сначала вдали, потом все ближе и ближе.

— Что это такое? — спросил Морис.

— Провозглашение постановления Коммуны, — ответил Лорэн

— Мне нужно бежать в секцию, — сказал Морис, прыгнув в изножье кровати и позвав слугу, чтобы одеться.

— А я пойду спать, — сказал Лорэн, — я ведь этой ночью спал всего два часа из-за этих бешеных волонтеров. Если не будет серьезных споров в секции — не тревожь меня, если же дойдет до большой драки, то пришли за мной.

— А почему ты так сияешь? — спросил Морис, взглянув на собравшегося уходить Лорэна.

— Потому что по пути к тебе я должен был пройти по улице Бетизи, а на этой улице, на четвертом этаже есть окно, которое всегда открывается, когда я там прохожу.

— А ты не боишься, что тебя примут за мюскадена ^[27]?

— Меня за мюскадена? Меня ведь хорошо знают, как настоящего санкюлота. Впрочем, нужно же чем-то жертвовать ради прекрасного пола. Культ родины вовсе не исключает культа любви: наоборот, одно подчиняется другому.

И алтарь Свободы

В алтарь Граций преобразен.

— Ну, попробуй ударить меня за это, и я объявлю тебя аристократом, и побрею тебя так, что тебе не на что будет надеть парик. Прощай, дорогой друг!

Они обменялись сердечным рукопожатием, после чего Лорэн ушел, мечтая о своей нимфе, о своей Хлориде.

Глава V

Кто такой гражданин Морис Линдей

Пока Морис Линдей, наскоро одевшись, направляется в секцию на улице Лепеллетье, в которой, как мы уже знаем, он является секретарем, поведаем читателям, кто же предки этого человека, способного на душевные порывы, свойственные только сильным и благородным натурам.

Накануне молодой человек сказал чистую правду, что зовут его Морис Линдей, и что живет он на улице Руль. Он мог бы еще добавить, что был выходцем из той полуаристократии, к которой относят судейских. Его предки еще двести лет назад были в оппозиции к верховному королевскому суду.-

Его отец, добряк Линдей, всю жизнь жаловался на деспотизм, но когда 14 июля 1789 года Бастилия пала от рук восставшего народа, он умер от испуга и ужаса, перед тем, что деспотизм сменила воинственная свобода. И сын его остался один на белом свете — владелец солидного состояния и республиканец в душе.

Итак, революция застала Мориса в силе и мужской зрелости, готового вступить в борьбу. Республиканское же его воспитание крепло благодаря постоянному посещению клубов и чтению всех памфлетов того времени. Одному Богу известно сколько Морис должен был их прочитать. Разумное и глубокое презрение ко всякого рода иерархии, абсолютная неприязнь ко всей знати, беспристрастная оценка прошлого, стремление к новым идеям, симпатия к народу, столкновения с наиболее аристократическими организациями — все это штрихи к портрету нашего героя, достаточно типичные для того времени.

Что же касается внешности, то Морис Линдей был пяти футов и 8 дюймов роста, 25–26 лет, обладал мускулами Геракла. Он был красив той французской красотой, в которой проявляется своеобразие французской породы: чистый лоб, голубые глаза, выющиеся каштановые волосы, розовые щеки и зубы цвета слоновой кости.

А теперь, после портрета, его гражданская позиция.

Морис был если и не очень богат, то по крайней мере материально независим, его имя знали и уважали. Он был известен своим либеральным воспитанием и еще больше своими либеральными принципами. Мориса поставили во главе партии молодых патриотов-буржуа. Может быть у санкюлотов его считали немного умеренным, а в секции — слегка

надушенным. Но санкюлоты простили его умеренность, увидев, как он разбивает узловатые дубины, словно это хрупкий камыш, а в секции его элегантность была прощена после того, как он отбросил человека, взгляд которого ему не понравился, на двадцать метров, ударив того кулаком между глаз.

Остается рассказать, что Морис участвовал в штурме Бастилии, в походе на Версаль. Он как лев сражался 10 августа^[28] и в этот памятный день, надо отдать ему должное, он убивал как швейцарцев, так и патриотов: он не хотел мириться ни с убийцей в куртке якобинца, ни с врагом республики в красной одежде.

Это он, чтобы призвать защитников дворца сдаться и напрасно не проливать кровь, бросился на жерло пушки, из которой артиллерист собирался выстрелить. Это он первым проник в Лувр через окно, несмотря на огонь, который вели, обороняясь, пятьдесят швейцарцев и дворян. И еще до того, как он заметил сигнал капитуляции, его страшная сабля успела разрубить более десятка защитников дворца. Затем, увидев, как его друзья убивают пленных, которые бросили свое оружие и умоляли о пощаде, протягивая руки, он принялся яростно рубить своих друзей, что сделало его репутацию достойной лучших времен Рима и Греции.

Когда была объявлена война, Морис поступил на военную службу и в звании лейтенанта уехал на фронт вместе с первыми полутора

тысячами волонтеров, посланных в бой городом, за которыми каждый день должны были следовать следующие полторы тысячи.

В первом же бою, в Жемапе, он был ранен, пуля, пробив плечо, засела в кости. Мориса отослали в Париж на поправку. В течение месяца Мориса терзала лихорадка, он корчился от боли. Но в январе уже был на ногах и возглавлял клуб Фермопил, то есть командовал сотней молодых людей, выходцев из парижской буржуазии, вооруженных и готовых противостоять любой попытке реставрации тирана Капета. Морис, гневно сдвинув брови, бледный, с сердцем, сжимавшимся от странного чувства ненависти и жалости одновременно, присутствовал на казни короля и был, может быть, единственным, кто в толпе молчал, когда голова этого потомка Людовика Святого упала, а душа возносилась на небо. И только после казни, он поднял вверх свою страшную саблю. Все его друзья кричали: «Да здравствует свобода!» не замечая, что на этот раз его голос не присоединился к их голосам.

Вот каков был этот человек, направляющийся утром 11 марта на улицу Лепеллетье, и бурную жизнь которого мы постараемся показать во всех деталях, и неожиданных поворотах, характерных для той эпохи.

К десяти часам Морис пришел в секцию, секретарем которой он был.

Волнение было сильным. Обсуждали вопрос о направлении в Конвент обращения с требованием ликвидировать жирондистские заговоры. С нетерпением ждали Мориса.

Много говорили и о шевалье де Мезон-Руже, о смелости, с которой этот упорный заговорщик во второй раз вернулся в Париж, где за его голову, и он знал об этом, была назначена большая сумма. С этим возвращением связывали попытку освобождения королевы, совершенную накануне в Тампле, и каждый выражал свое негодование и ненависть к предателям и аристократам.

Но вопреки всеобщему ожиданию, Морис был мягок и молчалив, он ловко сформулировал воззвание, сделал за три часа всю свою работу, спросил, закончено ли заседание и, получив утвердительный ответ, взял шляпу, вышел из клуба и направился на улицу Сент-Оноре.

Придя туда, он осмотрелся, и Париж показался ему совсем другим. Он вновь увидел угол улицы Кок, где ночью перед ним предстала прекрасная незнакомка, отбивавшаяся от волонтеров. Потом он дошел до моста Мари той же дорогой, что и накануне, останавливаясь там, где их останавливали патрули, вспоминая разговор с незнакомкой, как будто улицы могли сохранить эхо слов, которыми они обменивались. Сейчас в час дня при свете солнца воспоминания ночи оживали на каждом шагу.

Миновав мосты, Морис вскоре пришел на улицу Виктор, как ее тогда называли.

— Бедная женщина! — прошептал Морис, — она не подумала вчера, что ночь длится только 12 часов, и ее тайна перестанет быть тайной с наступлением дня. При свете солнца я найду ту дверь, в которую она ускользнула, и кто знает, не увижу ли я ее саму в каком-нибудь окне?

Он вышел на старинную улочку Сен-Жак и стал так, как незнакомка оставила его вчера. На мгновение он закрыл глаза, возможно надеясь — бедный безумец! — что вчерашний поцелуй во второй раз обожжет его губы. Но ничто не обожгло его, кроме воспоминаний.

Морис открыл глаза, увидел две улочки — одну справа, другую — слева. Они были грязными, плохо мощеными, с нагромождением заборов, пересеченные мостиками, перекинутыми через ручей. Виднелись деревянные арки, закоулки, плохо прикрытые двери, гниль. Это была нищета во всем своем безобразии. То тут, то там виднелся садик с изгородью или палисадник с подпорками, кое-где оградами служили стены. Под навесами сушились кожи и распространяли тот омерзительный запах, которым отличаются кожевенные мастерские. Морис искал, и так и этак в

течение двух часов, но ничего не нашел, ничего не разгадал. Раз десять он возвращался, чтобы сориентироваться. Но все его попытки были бесполезны, а поиски безрезультатны. Казалось, что следы молодой женщины смыты туманом и дождем.

— Что ж, — сказал себе Морис. — Вероятно мне все это пригрезилось. Эта клоака не могла быть ночью убежищем для моей прекрасной феи даже на минуту.

Этот отчаянный республиканец был достаточно лиричен, он пришел к этой мысли, чтобы не потускнел ореол, сияющий над головой его незнакомки. Домой он вернулся в отчаянии.

— Прощай, — сказал он, — таинственная красавица. Ты обошлась со мной, как с ребенком или дураком. Действительно, разве пришла бы она туда со мной, если бы там жила? Нет! Она лишь пролетела там, как лебедь над смрадным болотом. И подобно следу птицы в воздухе, ее след невидим.

Глава VI

В Тампле

В этот же день, в тот самый час, когда Морис в скорбном разочаровании возвращался к себе через мост Турнель, группа солдат муниципальной гвардии во главе с Сантерром^[29], командующим национальной парижской гвардии, производила обыск в Тампльской башне, переоборудованной с 13 августа 1792 года в тюрьму.

Особенно тщательно этот обыск производился в квартире на четвертом этаже, состоявшей из прихожей и трех комнат.

В одной из комнат находились две женщины, молодая девушка и девятилетний ребенок, все они были в трауре.

Старшей из женщин было лет тридцать семь-тридцать восемь. Она сидела за столом и читала.

Вторая сидела за вышивкой. Ей можно было дать двадцать восемь — двадцать девять лет.

Молодой девушке было лет четырнадцать, она сидела рядом с ребенком, который был болен и лежал, закрыв глаза, притворившись спящим, хотя, конечно, при шуме обыска уснуть было невозможно.

Обыскивающие перетряхивали кровати, рылись в белье. Те, кто закончил поиски, смотрели с наглой неподвижностью на несчастных узниц, которые упорно не поднимали глаз, одна — от своей книги, другая — от вышивки, а третья — от своего брата.

Старшая из женщин была высокая, бледная и красивая. Казалось, она полностью ушла в книгу, хотя вероятнее всего, читала она чисто механически, мысли же ее были далеко.

Один из гвардейцев подошел к ней, грубо вырвал книгу и швырнул на середину комнаты.

Узница протянула руку к столу, взяла второй том и продолжила чтение.

Монтаньяр с яростью вырвал второй том, так же, как и первый. При этом узница, сидевшая у окна за вышивкой, вздрогнула, а девушка бросилась к читавшей и, обняв ее за голову, со слезами прошептала:

— О! Бедная мамочка!

Потом поцеловала ее.

Та, в свою очередь, коснулась губами уха девушки, будто тоже хотела ее поцеловать и сказала:

— Мари, в заслонке печи спрятана записка, возьми ее!

— Ну, хватит! — произнес гвардеец, грубо оттащив девушку от матери. — Сколько можно обниматься?

— Сударь, — ответила девушка, — разве Конвент издал декрет о том, что дети больше не могут обнимать своих матерей?

— Нет, но он постановил карать предателей и аристократов, и мы здесь для того, чтобы вас допросить. Ну, Антуанетта, отвечай.

Та, к которой так грубо обратились, не удостоила спрашивающего даже взглядом. Напротив, она отвернулась, и легкий румянец вы ступил на ее щеках, побледневших от горя и слез.

— Не может быть, чтобы ты не знала о заговоре прошлой ночи, — продолжал гвардеец. — Кто должен был тебе помочь?

Узница по-прежнему молчала.

— Отвечайте, Антуанетта, — сказал Сантерр, приближаясь к ней и не замечая дрожи ужаса, охватившего женщину при виде этого человека, который 21 января утром пришел в Тампль за Людовиком XVI, чтобы отвести его на эшафот. — Отвечайте. Этой ночью был заговор против Республики, вас пытались освободить. В Тампльскую башню вы заключены по юле народа и должны ожидать наказания за ваши преступления. Итак, вам было известно о заговоре?

Мария-Антуанетта вздрогнула от звука этого голоса, казалось, она пытается бежать от него, подавшись назад, насколько позволял стул. Но на этот вопрос она не ответила Сантерру, как и гвардейцу на два предыдущих.

— Значит, вы не желаете отвечать? — крикнул Сантерр, сильно топнув.

Узница взяла со стола третий том.

Сантерр отвернулся. Грубая сила этого человека, командовавшего 25-ю тысячами людей, лишившего жизни Людовика XVI, разбилась о достоинство несчастной узницы, которой он тоже мог отрубить голову, но которую не мог сломить.

— А вы, Елизавета? — обратился он к другой женщине, которая оставила свое вышивание, чтобы сложить руки и помолиться, не этим людям, конечно, а Богу, — вы будете отвечать?

— Я не знаю, о чем вы спрашиваете, — ответила она, — следовательно, не могу и отвечать.

— Черт возьми! Гражданка Капет, — сказал Сантерр, теряя терпение, — я ведь ясно сказал, что вчера вечером вам пытались помочь бежать. Вы должны знать виновных.

— Мы ведь не имеем никакой связи с внешним миром, сударь, а стало

быть не можем знать ни того, что делается для нас, ни того, что делается против нас.

— Хорошо, — сказал Сантерр, — посмотрим, что знает об этом твой племянник.

И он подошел к кровати дофина.

Услышав эту угрозу, Мария-Антуанетта немедленно встала.

— Сударь, — сказала она, — мой сын болен и спит. Не будите его.

— Тогда отвечай.

— Я ничего не знаю.

Сантерр направился прямо к кровати маленького узника.

— Давай-ка, Капет, просыпайся, — сказал он, грубо встряхнув его.

Ребенок открыл глаза и улыбнулся.

Гвардейцы окружили кровать.

Вне себя от горя и страха, королева подала знак дочери, которая воспользовалась моментом и выскользнула в соседнюю комнату. Там она открыла одну из печных заслонок, вытащила оттуда записку, сожгла ее, и, сразу же вернувшись обратно, ободрила мать взглядом.

— Что вы от меня хотите? — спросил ребенок.

— Хотим знать, слышал ли ты что-нибудь прошлой ночью.

— Нет, я спал.

— Ты видно, любишь крепко поспать.

— Да, потому что, когда я сплю, я вижу сны.

— И что же тебе снится?

— Что я опять вижу отца, которого вы убили.

— Так ты ничего не слышал? — повторил Сантерр.

— Ничего!

— Да, волчата в сговоре с волчицей, — с яростью произнес представитель муниципальной гвардии. — Однако же заговор был.

Королева улыбнулась.

— Она презирает нас, Австриячка, — крикнул Сантерр. — Ну, хорошо же, если так, то применим декрет Коммуны по всей строгости. Вставай, Капет.

— Что вы собираетесь делать? — воскликнула королева. — Разве вы не видите, что он болен, его лихорадит. Вы хотите, чтобы он умер?

— Твой сын, — ответил Сантерр, — предмет постоянной тревоги для Совета Тампля. Именно он является целью для всех заговорщиков. Ведь они думают, что смогут увезти вас всех сразу. Ну что ж, посмотрим. Тизон!

— Позовите Тизона.

Тизон был поденщиком, выполнявшим в тюрьме всю тяжелую работу.

Он пришел.

Это был человек лет сорока, с обветренным суровым и диким лицом, вьющимися черными волосами, падающими на брови.

— Тизон, — спросил Сантерр, — кто вчера приносил арестованным еду?

Тизон назвал фамилию.

— А кто приносил белье? ²

— Моя дочь.

— Разве твоя дочь прачка?

— Да.

— И ты позволил ей работать здесь с арестованными?

— А почему бы и нет? Она ведь за это получает, как получала бы любая другая. Ведь эти деньги не принадлежат больше тиранам, это деньги нации. А поскольку нация платит за них...

— Тебе ведь говорили, что ты должен внимательно осматривать белье.

— Да. А я разве не выполняю свой долг? В доказательство могу сказать, что вчера среди белья был носовой платок с завязанными на нем двумя узлами, я отнес его в Совет. Моей жене приказали развязать узлы, разгладить платок и отдать мадам Капет, не говоря ей ничего.

При упоминании об этих двух узлах, завязанных на носовом платке, королева вздрогнула, ее зрачки расширились, и она обменялась взглядом с мадам Елизаветой.

— Тизон, — сказал Сантерр, — твоя дочь — гражданка, в патриотизме которой никто не сомневается, но с сегодняшнего дня она не будет ходить в Тампль.

— Боже мой! — воскликнул испуганный Тизон. — Что вы такое говорите? Как! Я смогу видеть свою дочь только тогда, когда буду выходить?

— Ты не будешь больше выходить, — ответил Сантерр.

Тизон обвел всех блуждающим взглядом.

— Я больше не выйду! — воскликнул он вдруг. — Как же так? А я хочу выходить! Я подаю в отставку. Я не предатель и не аристократ, чтобы меня держали в тюрьме. Я вам заявляю, что хочу выйти.

— Гражданин, — сказал Сантерр, — подчиняйся приказам Коммуны и замолчи или тебе не поздоровится. Это я тебе говорю. Оставайся и наблюдай за всем, что здесь происходит. За тобой тоже присмотрят, я тебя об этом предупреждаю.

В это время королева, думая, что о ней забыли, мало-помалу успокоилась и уложила сына обратно в кровать.

— Пусть твоя жена придет сюда, — приказал Сантерр Тизону.

Тот беспрекословно подчинился. Угрозы Сантерра превратили его в покорного ягненка.

Пришла жена Тизона.

— Подойди сюда, гражданка, — сказал Сантерр. — Сейчас мы выйдем в прихожую, а ты общешься арестованных.

— Знаешь, жена, — сказал Тизон, — они не хотят больше пускать нашу дочь в Тампль.

— Как! Они больше не пустят нашу дочь в Тампль? Что же, мы больше ее не увидим?

Тизон покачал головой.

— Вы можете что-нибудь ответить на это?

— Мы подадим рапорт в Совет Тампля, и Совет решит. А пока...

— А пока, — сказала жена, — я хочу видеть дочь.

— Тихо! — скомандовал Сантерр. — Тебя позвали для того, чтобы ты обыскала арестованных, так займись этим, а потом посмотрим...

— Но!.. Однако!..

— Мне кажется, что у нас здесь все идет не так, как надо, — произнес Сантерр, нахмутив брови.

— Делай, что тебе приказал гражданин генерал! Выполняй, женщина. А потом, тебе ведь сказали, посмотрим.

Тизон взглянул на Сантерра с подобострастной улыбкой.

— Хорошо, — сказала женщина, — идите, я готова их обыскать.

Мужчины вышли.

— Сударыня, — сказала королева, — поверьте, что...

— Я не верю ничему, гражданка Капет, — ответила женщина, проскрежетав зубами, — ведь ты, только ты, причина всех несчастий нашего народа. И уж я постараюсь найти у тебя что-нибудь подозрительное, увидишь...

Четверо мужчин оставались за дверью, чтобы в любую минуту прийти на помощь, если королева будет сопротивляться.

Обыск начался с королевы.

У нее обнаружился платок с тремя узелками, который, к несчастью, оказался ответом на тот, о котором говорил Тизон, карандаш, наплечная повязка и воск для запечатывания писем.

— Ага! Я так и знала, — сказала жена Тизона. — Я уже говорила гвардейцам, что она писала, эта Австриячка! Как-то раз я нашла каплю воска на розетке подсвечника.

— О, прошу вас, — взмолилась королева, — покажите только

наплечную повязку.

— Ага, ты хочешь, чтобы я пожалела тебя! А кто меня пожалеет? У меня отняли дочь.

У мадам Елизаветы и у принцессы ничего не было.

Жена Тизона позвала гвардейцев, и они вернулись во главе с Сантерром. Она вручила им все, что нашла у королевы, предметы переходили из рук в руки, их рассматривали, высказывая различные предположения. Особое внимание гонителей королевской семьи привлек носовой платок с тремя узелками.

— А теперь, — сказал Сантерр, — мы зачитаем тебе постановление Конвента.

— Какое постановление? — спросила королева.

— Постановление, согласно которому тебя разлучают с сыном.

— Неужели это правда, неужели существует такое постановление?

— Да. Конвент слишком тревожится за ребенка, которого ему доверила нация, чтобы оставлять его в компании такой порочной матери, как ты.

Глаза королевы метали молнии.

— По крайней мере, хотя бы сформулируйте обвинение, звери вы, а не люди!

— Черт возьми, — ответил Сантерр, — это не трудно, вот...

И он произнес гнусное обвинение, подобное выдвинутому против Агриппины.

— О! — воскликнула королева. Она стояла бледная и великолепная в своем негодовании.

— Ну все, — сказал командир муниципальной гвардии, — мы здесь уже около двух часов. Не можем же мы терять весь день. Вставай, Капет, и следуй за нами.

— Никогда! Никогда! — закричала королева, бросаясь между гвардейцами и молодым Людовиком, намереваясь защитить подступы к кровати сына, подобно тигрице, защищающей свое логово. — Никогда не позволю отобрать моего сына.

— О, сударь, — сказала мадам Елизавета, сложив в мольбе руки, — молю именем Неба! Сжальтесь над двумя матерями!

— Говорите, — сказал Сантерр, — назовите имена, расскажите о планах ваших соучастников, объясните, что означают узелки на носовом платке, принесенном вместе с бельем дочерью Тизона, и тс, что завязаны на платке, найденном в вашем кармане. Тогда вам оставят сына.

Казалось, взгляд мадам Елизаветы умолял королеву принести эту ужасную жертву.

Но та, гордо вытерев слезу, которая подобно бриллианту блестела в уголке ее глаза, сказала:

— Прощайте, сын мой. Никогда не забывайте вашего отца, который теперь на небесах, и вашу мать, которая скоро с ним соединится. По утрам и вечерам повторяйте молитву, которой я вас научила. Прощайте, сын мой.

Она в последний раз поцеловала его. Затем поднялась, холодная и непреклонная.

— Я ничего не знаю, — сказала она, — можете делать все, что угодно.

Но в королеве было больше сил, чем в сердце женщины. Тем более — в сердце матери. Она упала на стул без чувств, когда уносили ребенка. По его щекам катились слезы, он тянул к ней руки, но не издал ни звука.

За гвардейцами, унесшими королевского ребенка, захлопнулась дверь, и женщины остались одни.

Прошла минута безнадежной тишины, нарушаемой лишь рыданиями.

Королева первая нарушила молчание.

— Дочь моя, — сказала она, — где записка?

— Я сожгла ее, как вы мне велели, матушка.

— Не читая?

— Не читая.

— Итак, прощай последний проблеск, последняя надежда! — прошептала мадам Елизавета.

— Вы правы, тысячу раз правы, мы так страдаем!

Потом она повернулась к дочери:

— Мари, но по крайней мере, почерк вы видели?

— Да, мама, мельком.

Королева поднялась, бросила взгляд на дверь, чтобы убедиться, что за ними никто не наблюдает, и, вынув из прически шпильку, подошла к стене, вытащила из трещины маленький сложенный кусочек бумаги и показала принцессе.

— Дочь моя, вспомните хорошенько, прежде чем отвечать, почерк на той записке был тот же, что здесь?

— Да, мама, — воскликнула Мари, — тот самый, я узнаю его!

— Слава тебе, Господи! — воскликнула королева с жаром, падая на колени. — Если он смог написать утром, значит он спасен. Господи, благодарю тебя! Такой благородный друг достоин одного из твоих чудес.

— О ком вы говорите, мама? — спросила принцесса. — Кто он, этот друг? Как его зовут, я буду молиться за него.

— Да, дочь моя, вы правы, никогда не забывайте этого имени, потому что это имя храбрейшего и честнейшего дворянина. Он жертвует собой не

из-за честолюбия, а в дни несчастья. Он никогда не видел королеву Франции, вернее, королева Франции его никогда не видела, а он готов пожертвовать своей жизнью, чтобы защитить ее. И, может быть, будет награжден за это, как сегодня всех награждают, — ужасной смертью... Но, если он умрет, там наверху я его отблагодарю. Его зовут...

Королева с беспокойством огляделась вокруг и прошептала:

— Его зовут шевалье де Мезон-Руж. Молитесь за него.

Глава VII

Клятва игрока

Попытка освободить королевскую семью, несмотря на всю безрассудность, экзекуций за собой не повлекла и вызвала гнев у одних и интерес у других. А подтверждалась вероятность этой попытки тем, что, как сообщил Комитет общественной безопасности, за последний месяц большое число эмигрантов вернулось через разные пункты французской границы. Очевидно, если уж люди рисковали головой, то ради какой-то цели, и целью этой по всей вероятности, было содействие похищению королевской семьи.

По предложению Конвента Осселэна^[30], был обнародован жестокий декрет, согласно которому к смерти приговаривался любой эмигрант, намеревавшийся вернуться во Францию из-за границы, каждый француз, подозреваемый в намерении эмигрировать, каждый, уличенный в оказании помощи при бегстве или возвращении эмигрантов, и, наконец, каждый, уличенный в какой-либо помощи эмигрантам вообще.

Этот страшный декрет повлек за собой усиление террора. Не хватало еще только закона о подозрительных^[31].

Шевалье де Мезон-Руж был врагом, слишком деятельным и смелым, поэтому за его возвращением в Париж и появлением в Тампле последовали самые жестокие меры. Во многих подозрительных домах были проведены тщательные обыски. Но, кроме нескольких эмигранток, да стариков, пытающихся на склоне лет пререкаться с палачами, поиски не дали никаких результатов.

Естественно, это были дни, хлопотные для членов парижских секций, а, следовательно, у секретаря секции Лепеллетье, одной из наиболее влиятельных в Париже, было очень мало времени, чтобы думать о своей незнакомке.

Покидая улицу Сен-Жак, он решил попытаться обо всем забыть, но, как сказал его друг Лорэн:

Если внушать себе:
«Нужно забыть!» —
Вспоминаешь.

Морис тогда ничего на это не ответил. Глубоко в сердце спрятал он все подробности того приключения, стремясь избежать навязчивых расспросов своего друга. Но Лорэн знал Мориса как человека жизнерадостного и импульсивного и, замечая теперь, что тот постоянно ищет уединения, о чем-то все время думает, с полным на то основанием опасался, что несносный мальчишка Купидон пустил стрелы в сердце его друга.

Шевалье, однако, так и не поймали, о нем больше не было слышно. Вдовствующей королеве, разлученной с сыном, ничего не оставалось кроме слез наедине с золовкой и дочерью.

Молодой дофин попал к сапожнику Симону, этому мучителю, который должен был в течение двух лет заменять ему отца и мать.

Наступил период относительного затишья.

Вулкан монтаньяров отдыхал перед тем как поглотить жирондистов.

Морис ощущал тяжесть этого затишья, как чувствуют в воздухе тяжесть перед грозой. Не зная чем заняться в часы досуга, кроме как целиком отдаваться чувству, если и не бывшему любовью, то очень на нее походившему, он перечитал письмо, поцеловал прекрасный сапфир и решил, подобно игроку после проигрыша, несмотря на данную себе клятву, предпринять последнюю попытку, пообещав себе, что она действительно будет последней.

Молодой человек много раз думал о том, чтобы пойти в секцию Зоологического сада и попробовать там навести справки у секретаря, своего коллеги. Но ему в голову пришла мысль, что его прекрасная незнакомка могла быть замешана в каком-нибудь политическом заговоре, и это остановило его. При мысли, что его чрезмерное любопытство может привести очаровательную женщину на площадь Революции и стать причиной того, что эта ангельская головка будет гильотинирована, кровь стыла в жилах Мориса.

Он решил попытать счастья сам, без чьей-либо помощи и сведений. План его, впрочем, был очень прост. Списки жильцов на двери каждого дома должны были дать ему первые зацепки, а последующие беседы с консьержами — окончательно пролить свет на эту тайну. У него, как у секретаря секции Лепеллетье, было полное право на подобные расспросы.

Поскольку Морис не знал имени своей незнакомки, он собирался довериться интуиции, даже не допуская мысли, что у такого очаровательного создания может быть имя не соответствующее внешнему облику. У нее должно быть имя сильфиды, феи или ангела: ведь пришествие этого ангела на землю должно было быть отмечено именем как пришествие существа сверхъестественного. Стало быть, имя безошибочно

продвинуло бы его в поисках.

Морис надел куртку из грубого коричневого драпа, натянул на голову красный колпак и отправился на поиски, никому ничего не сказав.

С собой у него была узловатая дубина, которую в народе называли «конституция». В его руках это было серьезное оружие, по весу достойное самого Геркулеса. В его кармане лежало удостоверение секретаря секции Лепеллетье. Так что, он был защищен и физически, и морально.

Он снова прошел по улице Сен-Виктор, старинной улочке Сен-Жак, читая при свете угасающего дня списки жильцов, написанные то более, то менее разборчивым почерком на дверях каждого дома.

Морис уже подошел к сотому дому и читал уже сотый список, не надеясь, что найдет в списках имя, о котором мечтал и которое даст ему хоть какой-то след в поисках незнакомки, как вдруг какой-то бравый сапожник, увидев нетерпение на лице человека, читающего фамилии, открыл дверь, вышел, держа в руках кожаный ремень и шило, и посмотрел на Мориса поверх очков.

— Ты хочешь узнать о жильцах этого дома? — сказал он. — Спрашивай, я готов тебе ответить.

— Спасибо, гражданин, — пробормотал Морис, — я искал фамилию одного друга.

— Назови мне эту фамилию, гражданин, я знаю всех в этом квартале. Где живет этот друг?

— Он жил, припоминаю, на старинной улочке Сен-Жак, но боюсь, не переехал ли он.

— Так как же его зовут? Мне нужно знать его фамилию.

Захваченный врасплох, Морис некоторое время колебался, потом назвал первое пришедшее на ум имя.

— Рене, — сказал он.

— А чем он занимался?

Мориса окружали кожевенные мастерские.

— Он был подмастерьем у кожевенных дел мастера.

— В таком случае, — сказал какой-то буржуа, только что остановившийся рядом и глядевший на Мориса добродушно, но с некоторым недоверием, — следует обратиться к хозяину.

— Конечно, — подтвердил сапожник, — правильно, хозяева знают фамилии своих рабочих. А вот и гражданин Диксмер, он владелец кожевенной мастерской, у него более пятидесяти рабочих, и он сможет сообщить нужные вам сведения.

Морис повернулся и увидел высокого роста буржуа, со спокойным

лицом, в богатой одежде, свидетельствовавшей о процветании его дел.

— Только, как заметил гражданин сапожник, — продолжал буржуа, — нужно знать его фамилию.

— Я сказал: Рене.

— Рене — ведь это имя, которое дают при крещении, а я спрашиваю фамилию. Все рабочие записаны у меня по фамилиям.

— Честное слово, — ответил Морис, которого этот допрос уж начинал выводить из себя, — я не знаю его фамилии.

— Как, гражданин, — сказал буржуа с улыбкой, в которой Морису почудилось больше иронии, чем тому хотелось бы, — ты не знаешь фамилии своего друга?

— Нет.

— В таком случае, ты его, по всей вероятности, не найдешь.

И буржуа, грациозно поприветствовав Мориса, сделал несколько шагов и вошел в один из домов на старинной улочке Сен-Жак.

— Да, действительно, если ты не знаешь фамилии... — произнес сапожник.

— Да, не знаю, — ответил Морис, который был раздражен и недалеко от того, чтобы выплеснуть свое дурное настроение в ссоре. — Ты что-нибудь имеешь против?

— Ничего, гражданин, совсем ничего. Только, если ты не знаешь фамилии своего друга, то, как заметил гражданин Диксмер, скорее всего не найдешь его.

И сапожник вернулся в свою каморку, пожав плечами.

Морису очень хотелось взгреть гражданина сапожника, но тот был стар, слабость и спасла его. Будь он лет на двадцать помоложе, Морис устроил бы ему незабываемый спектакль равенства перед законом, но неравенства перед силой.

Тем временем на город опускалась ночь, догорали последние отблески уходящего дня.

Морис решил воспользоваться остатками света уходящего дня и пошел вглубь первой улочки, затем — вглубь второй. Он осматривал каждую дверь, исследовал каждый закоулок, заглядывал в каждый палисадник, взбирался на каждую стену, смотрел сквозь каждую решетку, в каждую замочную скважину, стучал в двери пустых лавок, не получая ответа. Так он потратил около двух часов на бесполезные поиски.

Пробило девять часов вечера. Было совершенно темно. Не слышно было ни звука, не было заметно ни малейшего движения. Казалось, в этом пустынном квартале жизнь прекратилась вместе с уходом дня.

Отчаявшись, Морис собрался было возвращаться, как вдруг в узком проходе блеснул какой-то свет. Морис углубился в темный переулок, не заметив, что в тот же момент чья-то любопытная физиономия, уже с четверть часа следившая за каждым его движением, спрятавшись в деревьях, возвышающихся над стеной, поспешно исчезла.

Через несколько секунд после того, как исчезла голова наблюдавшего, через маленькую дверь, скрытую в стене, вышли трое мужчин и бросились вслед за Морисом, а четвертый в целях предосторожности перекрыл выход из переуллка.

В конце переуллка Морис обнаружил какой-то двор, на противоположной стороне которого виднелся свет. Он постучал в дверь бедного, одиноко стоящего дома, но при первом же ударе свет погас.

Морис снова постучал, но ему никто не ответил. Он понял, что ответа не дожидется и напрасно теряет время. Морис вернулся в переулок.

В это время дверь темного дома приоткрылась, оттуда вышли трое мужчин, и раздался свист.

Морис повернулся и увидел на расстоянии двойной длины его дубины две тени.

Глаза его уже успели привыкнуть к темноте, и он увидел, как блеснули три клинка.

Морис понял, что окружен. Он хотел сделать мулине^[32], но переулок был настолько узок, что его дубина одновременно задевала обе противоположные стены. В ту же секунду его оглушили сильным ударом по голове. Это было нападение четверых мужчин, вышедших из двери в стене. Нападавших было уже семеро, они одновременно бросились на Мориса и, несмотря на его отчаянное сопротивление, повалили на землю, связали руки и завязали глаза.

Морис не закричал, не позвал на помощь. Ведь мужество и сила всегда страдают в одиночку, им стыдно кого-либо звать.

Впрочем, если бы даже Морис и позвал, то вряд ли помощь пришла в этом пустынном квартале.

Итак, Морис был связан по рукам и ногам, но не издал ни звука.

Он подумал, что раз ему завязали глаза, то ведь не для того, чтобы тут же убить. Морис был в том возрасте, когда каждая отсрочка дает надежду.

Он собрал всю свою силу и ждал.

— Кто ты? — спросил голос, в котором еще ощущалось участие в недавней борьбе.

— Я — человек, которого убивают, — ответил Морис.

— Точнее — ты уже мертвец, если заговоришь громко, закричишь или

позовешь на помощь.

— Если бы я собирался закричать, то мог бы это сделать давным-давно.

— Ты готов отвечать на мои вопросы?

— Сперва спросите, а я посмотрю, должен ли отвечать.

— Кто послал тебя сюда?

— Никто.

— Ты пришел сюда по собственной воле?

— Да.

— Ты лжешь.

Морис сделал неимоверно сильный рывок, пытаясь освободить руки, но это было невозможно.

— Я никогда не лгу! — сказал он.

— В любом случае, пришел ли ты сам или тебя прислали, ты шпион.

— А вы трусы.

— Мы — трусы?

— Да, вас ведь человек семь или восемь, вы бросаетесь на одного, связываете его, оскорбляете. Трусы! Трусы! Трусы!

Это неистовство Мориса вместо того, чтобы разозлить противников, казалось, успокоило их: эта горячность была доказательством того, что молодой человек не был тем, за кого его приняли. Настоящий шпион задрожал бы и попросил пощады.

— Тут не оскорбления, — сказал голос, более мягкий и в то же время наиболее повелительный из всех предыдущих. — В наше бурное время можно быть шпионом и оставаться при этом честным человеком.

— Спрашивайте, я отвечу тому, кто произнес эту фразу.

— Что вы делаете в этом квартале?

— Я ищу одну женщину.

Ответ был встречен шепотом недоверия. Шепот усиливался и стал угрожающим.

— Ты лжешь! — произнес тот же голос. — Здесь нет никаких женщин, и, насколько мы понимаем в женщинах, искать в этом квартале некого. Говори правду или умрешь.

— Не убьете же вы меня просто из удовольствия убить, конечно, если вы не разбойники.

И Морис сделал вторую попытку освободить руки от веревки. Эта попытка была более решительна и неожиданна, чем первая. Вдруг острый и болезненный холод пронзил ему грудь.

Морис невольно отступил назад.

— Ну что! Почувствовал? — сказал один из нападавших. — Прибавь еще восемь таких же лезвий и можешь представить, что тебя ждет.

— Ну что ж, добивайте, — сказал Морис смиренно. — По крайней мере сразу все и кончится.

— Так кто же ты такой? — спросил голос, мягкий, но в то же время требовательный.

— Вы что, хотите знать мое имя?

— Да, твое имя.

— Я — Морис Линдей.

— Как! — воскликнул кто-то, — Морис Линдей, революционер, патриот? Морис Линдей, секретарь секции Лепеллетье?

Это было произнесено с таким жаром, что Морис понял — момент решающий. Ответить так или иначе — значит бесповоротно решить свою судьбу.

Морис был неспособен на предательство и подлость. Он выпрямился и твердо сказал:

— Да, Морис Линдей. Да, Морис Линдей, секретарь секции Лепеллетье. Да, Морис Линдей, патриот и революционер, якобинец. Морис Линдей, для которого самым прекрасным будет тот день, когда он умрет за Свободу.

Этот ответ был встречен мертвой тишиной.

Морис Линдей подставил свою грудь в ожидании, когда лезвие, острие которого он только что почувствовал, вонзится полностью в его сердце.

— Это правда? — произнес через несколько секунд чей-то взволнованный голос. — Может молодой человек и не лжет.

— Посмотрите в кармане, — сказал Морис, — и вы найдете мое удостоверение. Посмотрите на мою грудь и вы найдете на рубашке вышитые инициалы «М. Л.», если их, конечно, не залила кровь.

Тотчас Морис почувствовал, как сильные руки подняли его и понесли. Путь был недолгим. Потом он услышал, как открылась одна дверь, за ней — другая. Вторая дверь была гораздо уже первой, и они с трудом протиснулись в нее.

Он слышал, как сопровождающие перешептывались между собой.

«Я пропал, — подумал про себя Морис, — они привяжут мне к шее камень и бросят в речушку Вьевр».

Но через несколько секунд он почувствовал, что несшие его, поднялись по нескольким ступеням. Теплый воздух ударил ему в лицо, его положили на какое-то сидение. Он услышал, как ключ дважды повернулся в замке, и удаляющиеся шаги. Видимо, его оставили одного. Морис

прислушался так внимательно, как это может сделать только человек, жизнь которого зависит от какого-нибудь одного слова. Ему послышалось, как голос, который поразил его смесью твердости и мягкости сказал другим:

— Обсудим.

Глава VIII

Женевьева

Прошедшие два часа показались Морису столетием. И это естественно: молодой, красивый, сильный человек, имеющий поддержку сотен преданных друзей, с которыми мечтал иногда о великих свершениях, вдруг почувствовал, что может расстаться с жизнью, попав в эту гнусную западню.

Он понимал, что его заперли в каком-то помещении, но следили ли за ним?

Он снова попытался разорвать свои путы. Его железные мускулы надулись и напряглись, веревка впилась ему в тело, но не разорвалась.

Самое ужасное было то, что руки ему связали за спиной, и он не мог снять с глаз повязку. Имей он возможность видеть, может, смог бы и убежать.

Однако, предпринимаемым им различным попыткам никто не препятствовал, вокруг не ощущалось никакого движения. Морис сделал вывод, что он один.

Его ноги касались чего-то мягкого, напоминающего песок или жирную землю. Острый запах раздражал его обоняние и указывал на наличие растений. Морис решил, что находится в оранжерее или в чем-то в этом роде. Он сделал несколько шагов, наткнулся на стену, повернулся, ощупывая ее руками, обнаружил садовые инструменты и вскрикнул от радости.

С невероятными усилиями он исследовал эти инструменты одни за другим. Теперь возможность побега зависела от времени: если Случай или Провидение дали бы ему минут пять, и если бы он нашел какой-нибудь режущий инструмент, он был бы спасен.

Он нашел лопату.

Руки Мориса были связаны за спиной и ему пришлось пережить настоящую борьбу, пока удалось перевернуть лопату острием вверх. Прислонив се к стене, он стал перерезать, а точнее перетирать веревку, связывающую запястья. Железо лопаты резало медленно. Пот заливал лоб Мориса. Он услышал шум приближающихся шагов и сделал последнее усилие, почти сверхъестественное. Веревка, наполовину перетертая, порвалась.

На этот раз он закричал. От радости. Теперь он был уверен, что умрет,

защищаясь.

Морис сорвал с глаз повязку.

Он не ошибся, он был в оранжерее, в павильоне, где хранились растения, которые не могут оставаться под открытым небом в холодное время года. В углу были сложены садовые инструменты, один из которых сослужил ему такую хорошую службу. Напротив было окно. Он бросился к нему. Окно было забрано решеткой, и под ним стоял часовой с ружьем.

В другом конце зимнего сада, примерно в тридцати шагах, возвышалось небольшое строение, составлявшее единое целое с павильоном. Жалюзи в нем были опущены, но сквозь них виднелся свет.

Он подошел к двери и прислушался: за дверью прохаживался другой часовой. Это его шаги Морис слышал раньше.

В глубине коридора слышались приглушенные голоса. Обсуждение, по всей видимости, переросло в дискуссию. Морис не мог слышать всего, о чем говорили. Однако некоторые слова доносились вполне отчетливо, как будто для них не существовало расстояний: *шпион, кинжал, смерть*.

Морис удвоил внимание. Приоткрылась какая-то дверь, и он стал отчетливее слышать, о чем спорили.

— Да, — говорил один голос, — это шпион, он наверняка что-то обнаружил. Его послали, чтобы выведать наши секреты. Если мы его отпустим, он может нас выдать.

— А как же его обещание? — спросил кто-то.

— Много ли стоит его слово? Сперва даст, потом изменит. Разве он дворянин, чтобы можно было верить его слову?

Морис заскрежетал зубами при мысли, что кто-то обсуждает его достоинства.

— Он не знает нас, кто мы и чем занимаемся, но теперь он знает адрес и вернется сюда с подходящей компанией.

Этот аргумент оказался решающим.

— Хорошо, — сказал голос, уже несколько раз поражавший Мориса и принадлежавший, видимо, главному из них, — так значит, решено?

— Ну да, сто раз да. Я не понимаю вас с вашим благородством, дорогой мой. Если комитет общественного спасения нас захватит, увидите, будет ли он церемониться.

— Значит, вы настаиваете на вашем решении?

— Несомненно. Вы, надеюсь, тоже не будете против?

— У меня ведь только один голос и он за освобождение пленника. У вас же шесть голосов и все они за смерть. Стало быть — смерть.

Пот, струившийся по лбу Мориса, вдруг словно замерз.

— Он ведь будет кричать, — сказал чей-то голос. — Вы хотя бы увели подальше мадам Диксмер.

— Она ничего не знает. Она сейчас в первом павильоне.

— Мадам Диксмер, — прошептал Морис. — Я начинаю понимать. Сейчас я у хозяина кожевенной мастерской, который говорил со мной на старинной улочке Сен-Жак и который ушел, усмехаясь тому, что я не смог назвать фамилию своего друга. Но какой смысл, черт возьми, хозяину мастерской убивать меня?

«Во всяком случае, — сказал он себе, — до того, как они меня заколют, я тоже убью не одного».

И он прыгнул в угол, где были сложены безобидные садовые инструменты, которые в его руках могли стать страшным оружием.

Затем он стал у двери так, чтобы она, распахиваясь, закрывала его.

Сердце Мориса сильно билось, готовое выпрыгнуть из груди, казалось в тишине слышны его удары.

Вдруг Морис вздрогнул всем телом, он услышал, как чей-то голос сказал:

— Поверьте мне, будет лучше всего, если мы разобьем стекло и через оконные решетки убьем его выстрелом из карабина

— Нет, никаких выстрелов, — произнес другой голос, — выстрел может нас выдать. А, вот и вы, Диксмер. А где ваша жена?

— Я только что посмотрел через жалюзи: она ничего не подозревает, она читает.

— Диксмер, решение за вами. Вы за выстрел из карабина или за удар кинжала?

— Пусть будет кинжал. Идем!

— Идем! — произнесли одновременно пять или шесть голосов.

Морис был сыном Революции, с твердым сердцем и душой безбожника, как и многие в это время. Но при слове «идем», произнесенном за дверью, отделявшей его от смерти, он вспомнил, как нужно креститься. Этому учила его в детстве мать, заставляя молиться, стоя на коленях.

Шаги приблизились, потом затихли, ключ заскрипел в замочной скважине, и дверь медленно открылась.

В течение этой минуты Морис сказал себе:

«Если я буду драться с ними, меня наверняка убьют. Если же я брошусь на убийц, то застану их врасплох. Затем выберусь через сад в переулок и, может быть, спасусь».

И тотчас же он прыгнул как лев, издав дикий крик, в котором было

больше угрозы, чем ужаса, опрокинул двух вошедших первыми, считавших, что он связан, и не ожидавших нападения, растолкал других, в одну секунду преодолел, благодаря своим сильным ногам расстояние в десять туазов^[33], увидел в конце коридора широко открытую дверь, выходящую в сад, бросился в нее, перепрыгивая через ступени, выскочил в сад и, пытаясь получше сориентироваться, побежал к выходу.

Дверь была заперта на два засова и на замок. Морис отодвинул засовы, хотел открыть и замок, но ключа у него не было.

Преследователи были уже на крыльце: они заметили его.

— Он там, — закричали они, — стреляйте, Диксмер, скорее, стреляйте. Убейте его! Убейте!

Морис зарычал: он был заперт в саду. Он прикинул высоту стен — футов десять.

Все произошло стремительно, в считанные секунды.

Убийцы бросились за Морисом.

Он был на расстоянии тридцати шагов от них. Он осмотрелся взглядом приговоренного к смерти, который ищет малейшую возможность для своего спасения.

Он увидел павильончик, жалюзи, сквозь жалюзи пробивался свет.

Он сделал только один прыжок, прыжок в десять шагов, схватился за жалюзи, выбил стекло и ввалился в освещенную комнату, где читала сидя женщина у огня.

Испуганная, она вскочила и закричала, прося о помощи.

— Посторонись, Женестьева, уйди в сторону, — прокричал голос Диксмера, — отойди, чтобы я мог убить его!

В десяти шагах от себя Морис увидел ствол карабина.

Но едва только женщина взглянула на Мориса, сна в ужасе закричала и вместо того, чтобы посторониться, как приказывал муж, бросилась между Морисом и карабином.

Этот порыв привлек все внимание Мориса к благородному созданию, стремившемуся защитить его.

Он вскрикнул в свою очередь.

Это была незнакомка, которую он так искал.

— Вы!.. Вы!.. — воскликнул он.

— Тише! — произнесла она.

Потом, повернувшись к вооруженным преследователям, приближавшимся со стороны окна, сказала:

— Вы не убьете сю!

— Это шпион, — громко сказал Диксмер, мягкое и спокойное от

природы лицо которого оставалось беспощадным. — Это шпион и он должен умереть.

— Это он шпион? — ответила Женевьева. — Он шпион? Подойдите сюда, Диксмер. Я вам скажу только одно слово, и вы поймете, что глубоко заблуждаетесь.

Диксмер отошел от окна, Женевьева шагнула навстречу и, наклонившись к его уху, тихо произнесла несколько слов.

Хозяин кожевенной мастерской поднял голову.

— Он?

— Он самый, — ответила Женевьева.

— Вы уверены в этом?

Молодая женщина на этот раз ничего не ответила. Она повернулась к Морису и, улыбаясь, протянула ему руку.

На лице Диксмера была странная смесь приязни и холодности. Он опустил приклад карабина на пол.

— Ну тогда другое дело, — сказал он.

Затем он подал своим товарищам знак следовать за ним, отошел с ними в сторону и сказал несколько слов, после чего те удалились.

— Спрячьте кольцо, — тем временем прошептала Женевьева. — Его все здесь знают.

Морис быстро снял кольцо с пальца и положил в карман жилета.

Через минуту дверь павильона отворилась и Диксмер, уже без оружия, подошел к Морису.

— Извините, гражданин, — сказал он ему. — Если бы я раньше знал, в каком я долгу перед вами! Моя жена, вспоминая об услуге, которую вы оказали ей 10 марта, забыла ваше имя. И мы были в полном неведении, кому обязаны. Знай мы это, поверьте, ни на секунду не усомнились бы ни в вашей чести, ни в ваших намерениях, простите же еще раз!

Морис был ошеломлен. Он чудом держался на ногах, чувствуя, что голова его идет кругом, и он вот-вот упадет.

Он прислонился к камину.

— И все-таки, — спросил он, — почему вы хотели убить меня?

— А вот это секрет, гражданин, — ответил Диксмер. — Но я вам его открою. Как вы уже знаете, я хозяин кожевенной мастерской. Большинство кислот, которые я применяю для выделки кож, являются запрещенным товаром. Короче, контрабандисты, работающие на меня, подумали, что готовится донос в Совет Коммуны. Увидев, что вы собираете сведения, я испугался. А мои контрабандисты испугались еще сильнее меня, увидев ваш красный колпак и решительный вид. И не стану от вас скрывать, что

ваша смерть была делом решенным.

— Уж это-то я хорошо знаю, черт возьми, — воскликнул Морис, — вы не сообщили мне На этот раз ничего нового. Я слышал ваш спор и видел карабин.

— Я у вас попросил прощения, — ответил Диксмер со смиренным видом. — Поймите же, благодаря теперешним беспорядкам, мы, я и мой компаньон господин Моран, сколачиваем себе приличное состояние. У нас есть фурнитура для военных ранцев, ежедневно мы изготавливаем их от полутора до двух тысяч. У муниципалитета нет времени проверять наши счета. Таким образом мы можем немножко грешить. А, кроме того, как я уже сказал, материалы мы получаем контрабандой. Все это позволяет нам зарабатывать хорошие деньги.

— Черт возьми! — сказал Морис. — Теперь я понимаю ваш страх: один донос, и все это прекращается. Но теперь-то вы знаете, кто я, и должны успокоиться, не так ли?

— Теперь, — ответил Диксмер, — я даже не потребую с вас слова.

Потом, положив руку Морису на плечо, Диксмер посмотрел на него с улыбкой:

— Ну, а теперь, когда вы среди друзей, я могу вас спросить: зачем вы пришли сюда, молодой человек? Разумеется, — добавил хозяин кожанной мастерской, — если вы захотите промолчать, то вольны сделать это.

— Но, кажется, я вам об этом говорил, — пробормотал Морис.

— Да, о какой-то женщине, — сказал буржуа, — было что-то связанное с женщиной.

— Боже мой! Гражданин, — сказал Морис. — Я прекрасно понимаю, что должен вам все объяснить. Да, я искал одну женщину, которая накануне сказала мне, что живет в этом квартале Я не знаю ни ее имени, ни положения, ни адреса. Знаю только, что безумно влюблен, что она — маленького роста...

Женевьева была высокой.

— Что она блондинка, и что у нее живое лицо...

Женевьева была брюнеткой с большими задумчивыми глазами.

— Гризетка, — продолжал Морис. — Чтобы ей понравиться, я и надел этот популярный наряд.

— Ну вот, все и объяснилось, — сказал Диксмер с выражением такого ангельского доверия на лице, что никто не смог бы в нем усомниться.

Женевьева, чувствуя, что заливается краской, отвернулась.

— Бедный гражданин Линдей, — сказал Диксмер, смеясь, — как

ужасно вы провели здесь время, а уж вам-то я бы желал зла в самую последнюю очередь. Такой преданный патриот, брат! А ве: ть я и в самом деле подумал, что какой-то злоумышленник использует ваше имя.

— Не будем больше об этом, — сказал Морис, который понял, что пора уходить, — укажите мне обратный путь и забудем...

— Указать вам дорогу? — воскликнул Диксмер. — Вы хотите нас покинуть? Нет, нет, сегодня я, вернее мы, я и мой компаньон, даем ужин, на котором будут и те brave молодцы, которые хотели вас зарезать. Я бы очень хотел, чтобы вы поужинали с нами. Вы увидите, что они вовсе не такие дьяволы, как на первый взгляд.

— Но, — сказал Морис, вне себя от радости, что может еще несколько часов находиться возле Женевьевы, — я не знаю, следует ли мне согласиться.

— Как, следует ли согласиться!? — воскликнул Диксмер. — Я думаю, что следует: на ужине будут такие же преданные патриоты как и вы. Да и я не поверю, что вы простили меня до тех пор, пока мы не преломим хлеб за одним столом.

Женевьева не произнесла ни слова. Морис терзался.

— Я ведь сам не знаю, — бормотал молодой человек, — боюсь, не буду ли вам мешать, гражданин... Этот костюм... Мой ужасный вид...

Женевьева робко взглянула на него.

— Мы приглашаем от чистого сердца, — сказала она.

— Согласен, гражданка, — ответил Морис, кланяясь.

— Хорошо, пойду успокою наших приятелей, — сказал Диксмер, — а вы пока согрейтесь, дорогой друг.

Он вышел. Морис и Женевьева остались одни.

— Ах, сударь, — сказала молодая женщина с интонацией, которой напрасно старалась выразить упрек, — вы нарушили и данное вами слово, вы не сумели сохранить тайну.

— Как! — воскликнул Морис, — сударыня, разве я вас скомпрометировал? В таком случае, простите меня. Я удаляюсь и никогда...

— Боже! — воскликнула она, вставая. — Вы ранены в грудь. Рубашка вся в крови.

И действительно, на тонкой белой рубашке Мориса, которая была в таком странном контрасте с его грубым костюмом, виднелось большое пятно запекшейся крови.

— О! Сударыня, не беспокойтесь, — сказал молодой человек. — Один из контрабандистов уколол меня кинжалом.

Женевьева побледнела и взяла его за руку.

— Простите меня, — прошептала она, — за то зло, которое я вам причинила. Вы спасли мне жизнь, а я чуть не стала причиной вашей смерти.

— Разве я не вознагражден за все, ведь я нашел вас? Неужели вы хоть на мгновение усомнились, что я искал только вас, а не другую женщину.

— Пойдемте со мной, — перебила Женевьева, — я дам вам белье... Не нужно, чтобы наши гости видели вас в таком виде: это было бы для них страшным упреком.

— Я вам ужасно мешаю, правда? — сказал Морис, вздыхая.

— Вовсе нет, я выполняю свой долг.

И она добавила:

— И выполняю его даже с удовольствием.

Женевьева проводила Мориса в большую туалетную комнату, обставленную очень элегантно и изысканно, чего Морис никак не ожидал увидеть в доме хозяина кожаной мастерской. Этот Диксмер действительно казался миллионером.

Потом она открыла все шкафы.

— Берите, — сказала она, — вы здесь у себя дома.

И ушла.

Когда Морис вышел, он увидел вернувшегося Диксмера.

— Пойдемте, к столу! — сказал он, — ждут только вас.

Глава IX

Ужин

Когда вместе с Диксмером и Женевьевой Морис вошел в столовую, расположенную в той части здания, где он побывал вначале, стол был уже накрыт к ужину, но зала была еще пуста.

Начали входить приглашенные, всего — шестеро. Это были мужчины, приятные внешне и в большинстве своем молодые, одетые по последней моде. На двоих или троих были даже якобинские куртки и красные колпаки.

Диксмер представил им Мориса, огласив при этом все его звания и перечислив достоинства.

Затем, повернувшись к Морису, сказал:

— Вы, гражданин Линдей, видите всех, кто помогает мне в деле. В силу особенностей нашего времени, благодаря революционным принципам, стершим все границы, мы живем по законам святого равенства. Каждый день мы дважды собираемся за этим столом. Итак, к столу, граждане, к столу!

— А мсье Моран? — робко спросила Женевьева. — Разве мы не будем его ждать?

— И то правда, — ответил Диксмер. — Гражданин Моран, о котором я уже вам говорил, гражданин Линдей, это мой компаньон. Если можно так выразиться, он отвечает за мозговую сторону нашего дела: ведает делопроизводством, заведует кассой, оформляет счета, выдает и получает деньги, то есть, занят больше нас всех. И из-за этого иногда опаздывает. Я схожу за ним.

В эту минуту дверь отворилась и вошел гражданин Моран.

Это был невысокого роста человек, черноволосый, с густыми бровями. Он был в очках с зелеными стеклами, которые обычно носят люди, чьи глаза устают от работы. За очками прятались черные глаза, блеск которых не могли скрыть даже стекла. Как только он произнес первые слова, Морис сразу узнал этот голос, мягкий и повелительный одновременно, который он постоянно слышал во время ужасного спора, узнал именно по мягкости. Моран был одет в черный костюм с большими пуговицами, на нем была рубашка из белого шелка с тонким жабо, которое он в течение всего ужина часто тербил рукой. Морис не мог не восхищаться белизной и превосходной формой этой руки, что поражало, ведь это была рука

торговца.

Все сели на свои места. Гражданин Моран расположился справа от Женеьевы, Морис — слева, Диксмер — напротив жены, остальные гости заняли свободные места за продолговатым столом.

Ужин был изысканным: у Диксмера был аппетит делового человека и он, не скрывая этого, отдавал дань своему столу. Его работники, вернее те, кто считались ими, составляли ему в этом добрую компанию. Гражданин Моран говорил мало, ел еще меньше, почти не пил и редко смеялся. Морис, возможно в силу обстоятельств, при которых впервые услышал этот голос, испытывал к нему живую симпатию. Только временами он пытался и не мог определить возраст Морана и это его беспокоило. Моран казался ему то человеком сорока — сорока пяти лет, то совсем молодым.

Диксмер, занимая место за столом, счел своим долгом разъяснить гостям причину присутствия постороннего человека в их узком кругу.

Он отчитался в этом как наивный, не привыкший лгать человек, но гости, казалось, остались вполне довольны объяснением, потому что, несмотря на всю неловкость, с которой промышленник представил молодого человека, его небольшая речь удовлетворила всех.

Морис взглянул на него с удивлением.

«Клянусь честью, — сказал он себе, — я кажется, перестаю верить самому себе. Неужели это тот самый человек с горящим взглядом и грозным голосом, который преследовал меня с карабином в руках три четверти часа назад с желанием убить? В тот момент я мог бы принять его за героя или убийцу, черт возьми! Как обстоятельства меняют человека!»

Во время этих наблюдений в сердце Мориса соседствовали печаль и радость, и оба эти чувства были так глубоки, что молодой человек и сам себе не мог объяснить, что преобладало в его душе. Наконец-то он был рядом с прекрасной незнакомкой, которую столько искал. Как он себе и представлял, у нее было нежное имя. Он пьянел от счастья, чувствуя, что она находится рядом с ним. Он впитывал каждое слово, произнесенное ею, звуки ее голоса приводили в трепет самые потаенные струны его сердца. Но сердце это было разбито тем, что он видел.

Женеьева оказалась такой, какой он ее представлял, действительность не разрушила сон той грозовой ночи. Это была молодая элегантная женщина с грустным взглядом, с возвышенной душой. Ее судьба была характерной для периода, предшествовавшего незабываемому 1793 году, это была благородная девушка, вынужденная из-за постигшего дворянство разорения связать свою судьбу с буржуазией, с коммерцией. Диксмер казался честным человеком, безусловно был богат, его отношение к

Женевьеве, казалось, было отношением человека, который поставил себе цель сделать женщину счастливой. Но эти доброта и богатство, благородные намерения, разве могли они заполнить то огромное расстояние, которое существовало между этой женщиной и ее мужем: между молодой девушкой, поэтичной, изысканной, очаровательной и мужчиной довольно заурядной внешности со своими меркантильными заботами? Чем Женевьева заполняла эту пустоту?.. Увы, подсказывал Морису тот случай: любовью. Напрашивалось первоначальное предположение, возникшее в тот вечер, когда он встретился с молодой женщиной: она возвращалась с любовного свидания.

Мысль, что Женевьева кого-то любила, терзала сердце Мориса.

Итак, он вздыхал и уже сожалел о том, что пришел сюда, чтобы принять еще большую дозу яда, называемого любовью.

Но наступила минута и, слушая этот голос, такой нежный, чистый и мелодичный, встречая ее взор, такой ясный, которому, казалось, нечего скрывать и который открывал самые глубины души, Морис думал, что совершенно невозможно, чтобы такое создание могло обманывать. И он ощущал горькую радость, думая, что это прекрасное тело и душа принадлежат этому буржуа с честной улыбкой и вульгарными шутками и всегда будут принадлежать только ему.

Говорили, в основном, о политике, да иначе и быть не могло. О чем еще было говорить в то время, когда политикой было пропитано все, она, казалось, виднелась на дне тарелок, покрывала все стены и каждый час о ней возвещали на улице.

Вдруг один из молчавших до этого гостей поинтересовался новостями об узниках Тампля.

При звуке этого голоса Морис невольно вздрогнул. Он узнал человека, который в недавнем приключении выступал за экстремальные меры, именно он уколол Мориса кинжалом, а затем настаивал на его смерти.

Объясняя патриотические взгляды и крайние революционные пристрастия того, Диксмер представил его как хозяина мастерской, честного мастера. При определенных обстоятельствах и Морис не был бы против чрезвычайных мер, которые в то время были в моде, проповедником которых выступал Дантон. Но будь Морис на месте этого человека, оружие и голос которого доставили ему так много неприятных минут, да и сейчас еще вызывали острые ощущения, он бы не убивал того, кого заподозрил в шпионаже, а закрыв того в саду, победил бы его один на один с саблей к руке, без жалости и сострадания. Вот так бы поступил Морис. Но нельзя же требовать от промышленника того, что можно потребовать от Мориса.

Этот экстремально настроенный человек, который, казалось, в своих политических взглядах выступал за те же жестокие методы, что и в личном поведении, заговорил о Тампле и удивился, что охрану узников доверили постоянному совету, который можно было легко подкупить, и солдатам муниципальной гвардии, чья верность уже не раз подвергалась соблазнам.

Да, — сказал гражданин Моран, — но все же нужно признать, что, во всяком случае до сегодняшнего дня, повеление солдат муниципальной гвардии оправдывало доверие нации а имени Неподкупный заслуживает, пожалуй, только гражданин Робеспьер.

— Несомненно, несомненно, — возобновил свою речь его собеседник, — но если ничего не случилось до сих пор, то нельзя утверждать, что ничего не произойдет и впредь.

— Это касается и национальной гвардии, — продолжал владелец кожевенной мастерской, — а ведь из секций также призывают группы граждан на службу в Тампль. Итак, вы не допускаете мысли, что в одной такой группе из двадцати-двадцати пяти человек не окажется восемь-десять молодцов, которые в одну прекрасную ночь перережут часовых и похитят узников?

— Полноте! — сказал Морис. — Ты видишь, гражданин, что это никудышный способ, ведь уже была похожая попытка похищения, но провалилась.

— Да, — снова сказал Моран, — но лишь только потому, что один из переодетых аристократов имел неосторожность в разговоре, уж не знаю с кем, обронить слово «сударь»

— А потом, — добавил Морис, который пытался доказать, что полиция Республики хорошо себя проявила, — появление в Париже шевалье де Мезон-Ружа было замечено с самого начала.

— Ах вот как! — воскликнул Диксмер.

— Разве знали, что Мезон-Руж в Париже? — холодно спросил Моран. — И что, было известно, каким именно образом он проник в Париж?

— Совершенно верно.

— Черт возьми! — сказал Моран, наклоняясь вперед, чтобы лучше видеть Мориса, — интересно было бы узнать об этом подробнее, ведь нам до сих пор об этом ничего не известно. Вы — секретарь одной из главных секций Парижа, вы ведь должны быть лучше осведомлены?

— Несомненно, — ответил Морис, — то, что я вам сейчас расскажу — истинная правда.

Все гости, и даже Женевьева, казалось, проявили нескрываемый

интерес к рассказу молодого человека.

— Итак, — сказал Морис, — шевалье де Мезон-Руж, кажется, прибыл из Вандеи. Он пересек всю Францию удачно, как всегда. Днем, прибыв к заставе Руль, он прождал там до девяти часов вечера. В девять часов какая-то женщина, переодетая простолюдинкой, прошла через эту заставу с костюмом стрелка национальной гвардии для шевалье. Через десять минут она вернулась вместе с ним. Часовой, видевший, как она проходила одна, заподозрил недоброе, заметив, что женщина возвращается в сопровождении молодого человека. Часовой забил тревогу, сообщил на караульный пост, караульный отряд отправился за ними. Эта пара, почувствовав за собой погоню, бросилась к одному из особняков на Елисейских полях, где им открыли дверь. По всей вероятности, патруль, преданный тиранам, ожидал шевалье на углу улицы Бар-дю-Бек. Остальное вы знаете.

— Да, — сказал Моран, — все, что вы нам здесь рассказали, довольно любопытно...

— А особенно последний факт.

— Да, конечно. Но известно ли, что стало с той женщиной?

— Нет, она исчезла, и абсолютно неизвестно, кто она и что с ней.

Компаньон Диксмера и сам гражданин Диксмер, казалось, вздохнули с облегчением.

Женевьева слушала рассказ бледная, неподвижная и молчаливая.

— Но, — произнес гражданин Моран со своей обычной холодностью, — но кто же может доказать, что шевалье де Мезон-Руж был в Тампле с тем патрулем?

— Один из членов муниципальной гвардии, мой друг, дежуривший в тот день в Тампле, опознал его.

— Стало быть он знал его приметы?

— Он видел его когда-то раньше.

— А как выглядит этот шевалье де Мезон-Руж? — поинтересовался Моран.

— Ему лет 25–26, невысокого роста, блондин с приятным лицом, чудесными глазами и великолепными зубами.

Стало очень тихо.

— Ну хорошо, — сказал Моран, — если ваш друг из муниципальной гвардии узнал этого пресловутого шевалье де Мезон-Ружа, почему же он его не арестовал?

— Ну, во-первых, потому что, не зная о его пребывании в Париже, он побоялся быть обманутым случайным сходством, а потом, мой друг

немного умеренный, и он всегда поступает так, как поступают люди мудрые и умеренные: в случае сомнения воздерживается от действий.

— Вы стали бы действовать иначе, гражданин? — спросил Диксмер Мориса, резко засмеявшись.

— Поверьте, — ответил Морис, — я бы предпочел обмануться, чем упустить столь опасного человека как этот шевалье де Мезон-Руж.

— И что бы вы сделали, сударь? — произнесла Женестье

— Что бы я сделал, гражданка? — ответил Морис. — О, Боже! Я бы быстро закрыл все двери и ворота в Тампле, направился бы прямо к этому патрульному отряду, схватил за ворот шевалье и сказал бы ему: «Шевалье де Мезон-Руж, я арестовываю вас как предателя нации!» И уж если бы я схватил его за ворот, то не выпустил бы, будьте в этом уверены.

— Но что бы с ним было потом? — спросила Женестье

— Сначала был бы судебный процесс над ним и его соучастниками, потом он был бы гильотинирован, вот и все.

Женестье вздрогнула и бросила на своего соседа взгляд полный ужаса.

Но гражданин Моран казалось не заметил этого взгляда и спокойно опорожнил свой стакан.

— Гражданин Линдей прав, — сказал он, — только так и нужно было действовать. К сожалению, этого не сделали.

— А известно ли, что стало с шевалье де Мезон-Ружем? — спросила Женестье

— Вероятно, он, — сказал Диксмер, — увидев, что его попытка не удалась, сразу же покинул Париж.

— А возможно даже и Францию, — добавил Моран.

— Вовсе нет, вовсе нет, — продолжил Морис.

— Как! Он имел неосторожность остаться в Париже? — воскликнула Женестье

— Он отсюда не двигался.

Это предположение, высказанное Морисом так уверенно, было встречено всеобщим удивлением.

— Вы вероятно высказываете лишь свое предположение, гражданин? — спросил Моран.

— Нет, это реальный факт.

— О! — произнеси Женестье. — Не могу этому поверить, гражданин, это было бы непростительной неосторожностью.

— Вы женщина, гражданка, стало быть должны понимать, что у человека с характером де Мезон-Ружа должно быть нечто, заставляющее

его не думать о собственной безопасности.

— И что же ставит его выше страха лишиться жизни таким ужасным способом?

— Бог мой! Любовь, гражданка, — ответил Морис.

— Любовь? — повторила Женевьева.

— Несомненно. Разве вы не знаете, что шевалье де Мезон-Руж влюблен в Антуанетту?

Раздались два-три неуверенных смешка, робких и вымученных. Диксмер посмотрел на Бориса так, будто пытался проникнуть в его тайные мысли. Женевьева чувствовала, что слезы застилают ей глаза, а пробежавшая по телу дрожь, не ускользнула от Мориса. Гражданин Моран пролил вино из бокала, который в этот момент подносил к губам, и его бледность ужаснула бы Мориса, если бы все внимание молодого человека в этот момент не было сосредоточено на Женевьеве.

— Вы взволнованы гражданка, — прошептал Морис.

— Разве вы не говорили, что я пойму, потому что я женщина? Нас, женщин, всегда трогает такая преданность даже идущая вразрез нашим принципам.

— А преданность шевалье де Мезон-Ружа еще более привлекательна, — сказал Морис, — уверяют, что он никогда не говорил с королевой.

— Послушай, гражданин Линдей, — сказал человек, тяготеющий к крайним мерам, — мне кажется, и позволь уж мне сказать об этом, что ты слишком снисходителен к этому шевалье.

— Сударь, — сказал Морис, возможно намеренно используя слово, переставшее ее быть в употреблении, — я всегда восхищаюсь натурами гордыми и мужественными, что не мешает мне бороться с ними, когда я встречаю их в рядах своих врагов. Я не теряю надежды встретиться когда-нибудь с шевалье де Мезон-Ружем.

— И? — произнесла Женевьева.

— И, если я его встречу, то сражусь с ним.

Ужин был закончен. Женевьева, поднимаясь из-за стола, подала всем пример,

В этот момент раздался бой часов.

— Полночь, — холодно произнес Моран.

— Полночь! — воскликнул Морис. — Уже полночь!

— Это восклицание радует меня, — сказал Диксмер. — Оно доказывает, что вам не было скучно, и вселяет надежду, что мы встретимся вновь. Это дом доброго патриота и он открыт для вас, и смею надеяться,

что вы скоро убедитесь и в том, что это дом друга.

Морис поблагодарил и повернулся к Женеьеве:

— Гражданка тоже позволяет мне вернуться?

— Я не только позволяю, я прошу вас об этом, — живо ответила Женеьева. — Прощайте, гражданин.

И она ушла к себе.

Морис попрощался с каждым из гостей, выделив при этом Морана, который ему очень понравился, пожал руку Диксмеру, и ушел, слегка ошеломленный, но скорее радостный, чем опечаленный всеми этими событиями, такими разными, пережитыми этим вечером.

— Неуместная, досадная встреча! — сказала после ухода Мориса молодая женщина, разражаясь слезами в присутствии мужа, которого она привела к себе.

— Ну, полно! Гражданин Морис Линдей — известный патриот, секретарь влиятельной секции, чистый, любимый, популярный. Напротив, это ценное приобретение для бедного владельца мастерской, связанного с контрабандой, — ответил улыбаясь Диксмер.

— Вы действительно так думаете, друг мой?.. — робко спросила Женеьева.

— Я думаю, что он будет как бы свидетельством патриотизма и своего рода индульгенцией для нашего дома. И я уверен, что, начиная с этого вечера, сам шевалье де Мезон-Руж был бы у нас в безопасности.

И Диксмер, поцеловав жену в лоб скорее с отеческой, чем с супружеской нежностью, оставил ее в маленьком павильоне, который полностью принадлежал ей, и перешел в другую часть дома, где он жил вместе с гостями, которые были на ужине.

Глава X

Сапожник Симон

Наступил май. Ясный день наполнял теплом легкие, уставшие дышать ледяным туманом зимы, лучи живительного солнца опустились на темные стены Тампля.

Во внутреннем двореке, отделявшем башню от садов, смеялись и курили солдаты караульного отряда.

Несмотря на прекрасный день, все три женщины ответили отказом на предложение спуститься и прогуляться по саду: королева после смерти мужа упорно не покидала свою комнату, чтобы не проходить мимо дверей тех комнат, что на втором этаже занимал король.

После зловещего дня, 21 января, она иногда прогуливалась на свежем воздухе, но на верхней, огороженной зубцами башни площадке.

Солдаты муниципальной гвардии были предупреждены, что трем женщинам разрешено выходить, но целый день они напрасно прождали, что узницы воспользуются разрешением.

Около пяти часов во внутренний дворик спустился какой-то мужчина и подошел к сержанту, командиру караульного поста.

— А, это ты, папаша Тизон! — произнес он и по голосу чувствовалось, что у сержанта было хорошее настроение.

— Да, это я, гражданин. Я принес от Мориса Линдея, твоего друга, он сейчас находится наверху, разрешение, выданное Советом Тампля моей дочери. Сегодня вечером она может прийти ненадолго. проведать мать.

— И в то время, когда придет дочь, тебя здесь не будет, бессердечный отец? — спросил сержант.

— Увы, но не по своей воле я должен покинуть Тампль, гражданин сержант. Я тоже надеялся обнять свою бедную дочь, которую

не видел уже два месяца. Как бы не так! Служба, проклятая служба вынуждает меня в это время покинуть Тампль, идти с докладом в Коммуну. У ворот меня ожидают два сержанта с фиакром, и все это как раз в то время, когда должна прийти бедная Софи.

— Бедный отец, — сказал сержант.

К Родине любовь
Душит голос крови.
Одно стонет, и другое просит

В жертву долга...

— Папаша Тизон, если ты сможешь найти рифму, завершающую это стихотворение, скажи мне. А то мне никак не удастся ее подобрать.

— А ты, гражданин сержант, когда дочь придет повидаться со своей бедной матерью, которая без нее уже просто погибает, пропусти уж ее.

— Приказ для меня — закон! — ответил сержант, в котором читатели несомненно узнали нашего друга Лорэна. — Заверяю тебя, когда придет твоя дочь, ее пропустят.

— Спасибо, brave фермопил, спасибо, — поблагодарил Тизон.

И он направился с докладом в Коммуну, нашептывая:

— О, бедная жена, хоть бы ей посчастливилось!

— Послушай, сержант, — обратился к Лорэну один из караульных, слышавших этот разговор, глядя вслед уходящему Тизону, — это трогает до глубины души, не правда ли?

— Что именно, гражданин Дево? — спросил Лорэн.

— Ну, как же! — сказал сентиментальный гвардеец. — Видеть как человек с суровым лицом и каменным сердцем, этот безжалостный страж королевы уходит со слезами горя и радости на глазах из-за того, что его жена увидит дочь, а он — нет! Да, сержант, не раздумывая можно сказать, все это очень печально...

— Несомненно, вот поэтому он и не раздумывает, а просто уходит со слезами, как ты точно подметил.

— О чем он должен думать?

— Хотя бы о том, что другая женщина, с которой он так безжалостно обращается, тоже три месяца не видела своего ребенка. Но о ее горе, о ней он не думает, его волнуют только свои беды. Конечно, эта женщина была королевой, — продолжал сержант насмешливым тоном, смысл которого трудно было понять, — и он должен обращаться с королевой иначе, чем со своей женой.

— Неважно, все равно это грустно, — сказал Дево.

— Грустно, но необходимо, — заметил Лорэн. — Самое лучшее, как ты уже сказал, не думать...

И он принялся мурлыкать:

Вчера Нисетта в роще темной
Шла одинешенька...

В то время как Лорэн сочинял эту буколическую песенку, слева от поста вдруг послышался сильный шум: проклятия, угрозы, плач.

— Что случилось? — спросил Дево.

— Кажется, голос ребенка, — прислушиваясь, ответил Лорэн.

— Действительно, — сказал один из караульных, — там бьют бедного малыша. Все-таки не стоило посылать людей, не имеющих собственных детей.

— Не хочешь ли спеть? — произнес какой-то пьяный и хриплый голос. И, подавая пример, заорал:

Мадам Ве́то^[34] собиралась
Перерезать весь Париж.

— Нет, — ответил ребенок, — я не буду петь.

— Так ты будешь петь?

И пьяный опять завел свое:

Мадам Ве́то собиралась...

— Нет, — ответил ребенок, — нет, нет, нет.

— Ах ты, маленький негодяй! — сказал хриплый голос.

И в воздухе раздался свист ремня. Ребенок завопил от боли.

— Черт возьми! — сказал Лорэн, — это же подлец Симон избивает маленького Капета.

Кое-кто из солдат караульной службы пожал плечами, двое или трое попытались улыбнуться. Дево поднялся и ушел.

— Я ведь говорил, — прошептал он, — что таким отцам, как я, здесь нечего делать.

Вдруг маленькая дверь открылась, и королевский сын выбежал во двор под ударами ремня своего стража, но рядом упало что-то тяжелое, задев его ногу.

— А! — закричал ребенок.

Он споткнулся и опустился на колени.

— Принеси мне колодку, чудовище, а не то я...

Ребенок поднялся и в знак отказа покачал головой.

— Ах так! — прорычал тот же голос. — Ну, подожди, я покажу тебе.

И сапожник Симон высунул голову из чулана, словно дикий зверь из

берлоги.

— Довольно! — прикрикнул Лорэн, нахмутив брови. — И до чего же мы так дойдем, гражданин Симон?

— Нужно покарать этого волчонка, — сказал сапожник.

— За что его карать? — спросил Лорэн.

— За что?

— Да.

— За то, что этот маленький негодяй не хочет ни петь, как настоящий патриот, ни работать, как настоящий гражданин.

— И зачем тебе это нужно? — ответил Лорэн. — Разве нация доверила тебе Капета для того, чтобы ты учил его петь?

— Ах, вот в чем дело! — произнес удивленный Симон. — Куда это ты суешь свой нос, сержант? Я тебя спрашиваю.

— Куда я сую свой нос? Я вмешиваюсь в то, что касается каждого человека, имеющего сердце. А сердечному человеку не пристало смотреть, как бьют ребенка.

— Подумаешь! Ведь это сын тирана.

— В первую очередь это ребенок, ребенок, не имеющий никакого отношения к преступлениям своего отца, невинный ребенок. Следовательно, его не за что наказывать.

— А я говорю, что его отдали мне для того, чтобы я делал с ним все, что захочу. А я хочу, чтобы он пел песню «Мадам Вето», и он будет петь.

— Но пойми, несчастный, — сказал Лорэн, — мадам Вето — это его мать. Ты бы хотел, чтобы твоего сына заставляли петь о том, что его отец — негодяй?

— Я? — завопил Симон. — Ах, ты чертов аристократ!

— Не надо проклятий, — остановил его Лорэн. — Я не Капет, но и меня никто бы не заставил петь силой.

— Я сдам тебя под арест, поганый аристократ.

— Ты? — сказал Лорэн. — Ты сдашь меня под арест? Попробуй арестовать хоть одного фермопила!

— Посмотрим. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. А пока, Капет, собери мои колодки, возьми туфель или, тысяча чертей...

— А я, тебе говорю, — страшно побледнев, сказал Лорэн, делая шаг назад и сжав зубы, — что он не будет собирать твои колодки. Я тебе говорю, что он не будет подавать тебе туфли, слышишь ты, гнусный негодяй? Ах да, у тебя есть большая сабля, но ею ты можешь напугать только самого себя. Попробуй только коснуться ее!

— А!.. Убивают! — завопил Симон, белея от бешенства.

В это время во двор вошли две женщины. У одной из них в руках был документ. Она обратилась к часовому.

— Сержант! — крикнул часовой. — Это дочь Тизона, она просит разрешения повидать свою мать.

— Пропусти, Совет Тампля разрешил, — сказал Лорэн, не оборачиваясь, так как боялся, чтобы Симон не воспользовался этим и не начал бить ребенка.

Часовой пропустил обеих женщин, но не успели они подняться и на четыре ступеньки по темной лестнице, как встретили Мориса Линдея, который в это время спускался во двор.

Почти стемнело, во всяком случае, различить черты лица было уже почти невозможно.

Морис остановил их.

— Кто вы, гражданки? — спросил он. — И что вам здесь нужно?

— Я — Софи Тизон, — сказала одна из женщин. — Я получила разрешение повидаться со своей матерью, и иду к ней.

— Да, — сказал Морис. — Но разрешение дано только тебе одной, гражданка.

— Я привела с собой подругу, чтобы среди солдат было хотя бы две женщины.

— Хорошо, но твоя подруга наверх не пойдет.

— Как будет угодно, гражданин, — сказала Софи Тизон, пожав руку подруге, которая словно выросла в стену и, казалось, была поражена страхом от неожиданного поворота событий.

— Граждане часовые, — подняв голову, крикнул Морис, обращаясь к часовым, которые стояли на площадке каждого этажа. — Пропустите гражданку Тизон. Только ее, подруга останется на лестнице, проследите за этим.

— Да, гражданин, — ответили часовые.

— Поднимайтесь же, — сказал Морис.

Женщины прошли.

Что касается Мориса, то, перепрыгнув одним махом четыре или пять ступенек, которые ему оставалось преодолеть, он вбежал во двор.

— Что тут случилось? — спросил он караульных. — Кто шумел? Крики ребенка были слышны аж на верхней площадке.

— Здесь, — сказал Симон, который, привыкнув к манерам солдат из муниципальной гвардии, подумал, что Морис идет к нему на помощь, — этот предатель, этот аристократ мешает мне взгреть Капета.

И он ткнул пальцем в Лорэна.

Да, черт возьми, я ему мешаю, — сказал Лорэн, обнажая свой клинок, — и, если ты еще раз назовешь меня аристократом или предателем, я разрублю тебя пополам.

— Убивают! Охрана, на помощь! — завопил Симон.

— Это я здесь — охрана, — ответил Лорэн, — и не зови меня, потому что, если я подойду, то уничтожу тебя.

— Ко мне, гражданин гвардеец, ко мне! — воскликнул Симон, который на сей раз почувствовал серьезную угрозу со стороны Лорэна.

— Сержант прав, — холодно произнес Морис, которого звал на помощь Симон, — Ты позоришь нацию, подлец, ты избиваешь ребенка.

— Знаешь, почему он его бьет, Морис? Потому что ребенок не хочет петь «Мадам Вето», потому что сын не хочет оскорблять свою мать.

— Негодяй! — сказал Морис.

— И ты тоже? — сказал Симон. — Значит я окружен предателями?

— Ах ты, мерзавец, — произнес Морис, хватая Симона за горло и вырывая у него из рук ремень. — Ну-ка попробуй докажи, что Морис Линдей — предатель.

И он сильно стегнул сапожника по спине.

— Спасибо, сударь, — сказал ребенок, который наблюдал эту сцену. — Только потом он будет мстить мне за это.

— Иди, Капет, — сказал Лорэн. — Иди, дитя мое, если он опять будет тебя бить, зови на помощь, и мы накажем этого палача. Ну, Капет, возвращайся в башню.

— Почему вы называете меня Капет, вы ведь меня защищаете? — спросил ребенок. — Вы же прекрасно знаете, что Капет — это не мое имя.

— Как не твое имя? — заинтересовался Лорэн. — Как же тебя зовут.

— Меня зовут Людовик Шарль де Бурбон. Капет — это фамилия моих предков. Я знаю историю Франции, меня учил отец.

— И ты хочешь сделать сапожника из ребенка, которого сам король учил истории Франции? — воскликнул Лорэн.

— Будь спокоен, — сказал Морис ребенку. — Обо всем этом будет доложено.

— И я доложу, — сказал Симон. — Кроме всего прочего, я доложу, что вы вместо одной женщины, которая имела право войти в башню, пропустили двоих.

В это время из башни действительно вышли две женщины. Морис подбежал к ним.

— Ну как, гражданка, — обратился он к той, что стояла ближе к нему. — Ты видела свою мать?

И тут же Софи Тизон встала между ним и своей подругой.

— Да, гражданин, спасибо, — ответила она.

Морису хотелось рассмотреть подругу девушки или хотя бы услышать ее голос. Но она была плотно закутана в мантию и, казалось, не решалась произнести ни слова. Ему даже показалось, что она дрожит...

Этот ее страх вызвал у него подозрения.

Он поспешно поднялся в башню и, войдя в первую комнату, через витраж увидел как королева что-то прятала в карман. Записка, решил он.

— М-да, — сказал он, — меня обвели вокруг пальца.

Он подозревал Агриколу.

— Гражданин Агрикола, — сказал он. — Войди к Марии-Антуа-нетте и не своди с нее глаз.

— Боже мой! — ответил гвардеец. — А что?..

— Я тебе говорю, иди и не теряй ни минуты, ни секунды.

Гвардеец вошел к королеве.

— Позови жену Тизона, — приказал он другому гвардейцу.

Спустя пять минут вошла сияющая жена Тизона.

— Я повидалась с дочерью, — сказала она.

— Где это было? — спросил Морис.

— Здесь же, в этой прихожей.

— Прекрасно, а твоя дочь не просила повидаться с Австриячкой?

— Нет.

— И она не заходила к ней?

— Нет.

— А когда ты разговаривала с дочерью, из комнаты узницы никто не выходил?

— Откуда я знаю? Я смотрела только на свою дочь, которую не видела уже три месяца.

— А ну-ка, вспомни хорошенько.

— Ах, да, кажется, вспомнила...

— Что?

— Выходила молодая девушка.

— Мария-Тереза?

— Да.

— Она разговаривала с твоей дочерью?

— Нет.

— Твоя дочь ничего ей не передавала?

— Нет.

— Она ничего не роняла на пол?

— Моя дочь?
— Нет, дочь Марии-Антуанетты?
— Она подняла свой носовой платок.
— Ах, несчастная! — воскликнул Морис. Он бросился к колоколу и с силой дернул веревку.
Это был набат.

Глава XI

Записка

В башню поспешно поднялись еще два гвардейца, которых сопровождали караульные с поста.

Двери были закрыты, часовые тщательно следили за выходом из каждой комнаты.

— Что вам угодно, сударь? — спросила королева вошедшего Мориса. — Я уже собирался лечь в постель, когда, пять минут назад, этот гражданин (королева указала на Агриколу), вдруг ворвался в комнату, ничего не объяснив.

— Сударыня, — ответил Морис, приветствуя ее. — Это не моему коллеге нужно что-то от вас, а мне.

— Вам, сударь? — спросила Мария-Антуанетта, разглядывая Мориса, манеры которого вызывали у нее расположение. — И что же вам угодно?

— Угодно, чтобы вы отдали мне записку, которую спрятали в карман, когда я вошел.

Королева и мадам Елизавета вздрогнули. Королева сильно побледнела.

— Вы, сударь, ошибаетесь. Я ничего не прятала, — сказала она.

— Ты лжешь, Австриячка! — воскликнул Агрикола.

Морис быстро положил руку на его плечо.

— Минуточку, дорогой коллега, — сказал он, — позволь мне поговорить с гражданкой. Ведь все-таки я занимаюсь этим делом.

— Ну, давай, только не церемонься с ней, черт возьми!

— Вы спрятали записку, гражданка, — строго произнес Морис, — вы должны отдать ее нам.

— Какую записку?

— Ту, которую принесла вам дочь Тизона, а гражданка ваша дочь (Морис указал на принцессу) подобрала ее с пола вместе с носовым платком.

Три женщины в ужасе переглянулись.

— Но, сударь, это уже больше, чем тиранство, — сказала королева. — Мы ведь женщины!

— Не будем смешивать, — твердо продолжал Морис, — мы не судьи и не палачи. Мы — надсмотрщики, то есть ваши сограждане, которым поручено вас охранять. Нами получен приказ, и нарушить его, значит — изменить. Прошу вас, гражданка, отдайте мне записку, которую вы

спрятали.

— Господа, — надменно произнесла королева, — поскольку вы — надсмотрщики, то ищите, и лишите, как это водится, этой ночью нас сна.

— Боже упаси нас поднять руку на женщин. Сейчас я сообщу обо всем в Коммуну, и мы будем ждать указаний оттуда. Только, пожалуйста, не ложитесь в постели, спите в креслах, а мы будем вас охранять... И, если понадобится, то опять начнутся обыски.

— В чем дело? — спросила жена Тизона, просунув в дверь свое растерянное лицо.

— Похоже, гражданка, что ты имеешь отношение к измене. Придется навсегда лишиться тебя возможности видеться с дочерью.

— Видеться с моей дочерью?.. Да что ты такое говоришь, гражданин? — спросила жена Тизона, которая до сих пор не могла понять, почему ей запретят видеться с дочерью.

— Я говорю, что твоя дочь приходила сюда не для того, чтобы увидеться с тобой, а для того, чтобы передать письмо гражданке Капет, и что она сюда больше не придет.

— Но, если она не будет приходить, я не смогу ее видеть, ведь нам запрещено выходить?..

— На этот раз тебе некого винить, сама виновата во всем, — сказал Морис.

— О! — завопила бедная мать. — Я виновата! Да что ты такое говоришь, в чем я виновата? Ведь ничего не было, ручаюсь за это. — О! Если бы я предполагала, что может что-нибудь случиться! Горе тебе, Антуанетта, ты дорого мне заплатишь!

И эта до крайности разъяренная женщина, погрозила королеве кулаком.

— Никому не угрожай, — сказал Морис, — будь мягче. Ты — женщина и гражданка. Антуанетта тоже женщина и мать, поэтому она должна сжалиться над матерью. Завтра твоя дочь будет аресто-

вана и заключена в тюрьму... Потом, если что-нибудь обнаружится, а ты хорошо знаешь, что когда очень хотят, то всегда находят, она погибнет, и она и ее подруга.

Жена Тизона, слушавшая Мориса с возрастающим ужасом, ошеломленно посмотрела на королеву.

— Ты слышишь, Антуанетта?.. Моя дочь?.. Это ты погубила мою дочь?

Казалось, что и королева пришла в ужас, но не от угрозы, которой горели глаза тюремщицы, а от отчаяния, которое она видела в этом взгляде.

— Подойдите, мадам Тизон, мне нужно с вами поговорить, — сказала она.

— Ну, хватит! Никаких уговоров! — воскликнул коллега Мориса. — Это уже слишком, черт возьми!

— Оставь их в покое, Агрикола, — сказал Морис ему на ухо. — Любым способом нужно узнать истину.

— Ты прав, гражданин Морис, но...

— Зайдем за витраж, гражданин Агрикола, и повернемся спиной, я уверен, что та, для которой мы делаем это снисхождение, не заставит нас в этом раскаться.

Эти слова были сказаны так, чтобы королева их услышала. Она бросила в сторону молодого человека благодарный взгляд. Морис беззаботно отвернулся и зашел за витраж. За ним последовал Агрикола.

— Понимаешь ли ты эту женщину? — спросил он Агриколу. — Королева — великая грешница, но это женщина с большой благородной душой. Венец разбит, но горе еще больше возвысило ее.

— Черт возьми! Как ты хорошо говоришь, гражданин Морис! Мне нравится слушать тебя, тебя и твоего друга Лорэна. То, что ты сейчас произнес — это тоже стихи.

Морис улыбнулся.

Во время этого разговора по другую сторону витража происходила сцена, которую предвидел Морис.

Жена Тизона подошла к королеве.

— Мадам, — сказала королева, — ваше отчаяние разрывает мне сердце. Я вовсе не хочу лишать вас ребенка, это слишком жестоко, но подумайте, что, если я сделаю то, что от меня требуют эти мужчины, возможно, ваша дочь погибнет.

— Делайте, что они говорят! — закричала жена Тизона. — Делайте, что они говорят!

— Но прежде подумайте, о чем идет речь.

— О чем идет речь? — спросила тюремщица с почти диким любопытством.

— Ваша дочь приводила с собой подругу.

— Да, такую же работницу, как и она сама. Из-за того, что здесь много солдат, она не хотела приходить одна.

— Эта подруга вручила вашей дочери записку, а ваша дочь ее уронила. Проходившая мимо Мари подобрала ее. Это ничего не

значащая бумага, но в ней злонамеренные люди смогут найти тайный смысл. Разве вы не слышали, что, если они захотят что-то найти, то

обязательно найдут.

— И дальше что?

— Вы хотите, чтобы я отдала эту бумагу? Вы хотите, чтобы я пожертвовала другом, но разве это поможет вам вернуть дочь?

— Делайте, что они говорят! — опять закричала женщина. — Делайте, что они говорят!

— Но ведь эта записка скомпрометирует вашу дочь, — сказала королева, — поймите же!

— Моя дочь, как и я, — истинная патриотка, — воскликнула мегера. — Слава богу, Тизонов знают! Делайте, что вам говорят!

— Боже мой! — сказала королева, — как бы мне хотелось суметь убедить вас!

— Моя дочь! Я хочу, чтобы мне вернули мою дочь, — топая ногами, закричала жена Тизона. — Отдай бумагу, Антуанетта, отдай!

— Вот она, мадам.

И королева протянула несчастному созданию бумагу, которую та радостно подняла над головой и закричала:

— Сюда, идите сюда, граждане! Бумага у меня. Берите ее и верните мне моего ребенка.

— Вы жертвуете друзьями, сестра, — сказала мадам Елизавета.

— Нет, сестра, — грустно ответила королева. — Я приношу в жертву только нас. Записка никого не может скомпрометировать.

На крики жены Тизона появились Морис и Агрикола. Она тотчас же отдала им записку. Развернув ее, они прочитали:

«На востоке один друг бодрствует».

Едва взглянув на записку, Морис вздрогнул.

Почерк показался ему знакомым.

— О! Боже мой! — воскликнул он. — Это что, почерк Женевьевы? О! Нет! Нет! Это невозможно. Я просто сошел с ума. Этот почерк просто похож на ее. Да и что может быть общего у Женевьевы с королевой?

Он повернулся и увидел, что Мария-Антуанетта смотрит на него. Что же касается жены Тизона, то она в ожидании решения пожирала Мориса глазами.

— Ты хорошо сделала свое дело, — сказал он жене Тизона, — а вы, гражданка, поступили просто прекрасно, — сказал он королеве.

— В таком случае, сударь, — ответила Мария-Антуанетта, — последуйте моему примеру. Проявите милосердие и сожгите эту записку.

— Ты шутишь, Австриячка, — сказал Агрикола, — сжечь бумагу, которая, возможно, поможет нам схватить целый выводок аристократов? Ей-ей, это было бы слишком глупо.

— И правда, сожгите ее, — сказала жена Тизона. — Она может скомпрометировать мою дочь.

— Я думаю, что не только твою дочь, но и других, — сказал Агрикола, вынув из рук Мориса записку, которую тот, будь он один, наверняка бы сжег.

Десять минут спустя, записка была уже доставлена членам Коммуны. Ее читали и комментировали на все лады.

— «На востоке один друг бодрствует», — сказал чей-то голос. — Что, черт возьми, все это значит?

— Ну как же! — ответил географ. — В Лорьяне^[35], это же ясно. Лорьян — это маленький городок в Бретани, расположенный между Ваном и Кемпером. Черт возьми! Надо бы сжечь этот город, если в нем живут аристократы, которые еще бодрствуют и следят за Австриячкой.

— Это тем опаснее, — сказал другой, — что Лорьян — это морской порт, в нем можно войти в сговор с англичанами.

— Я предлагаю, — сказал третий, — послать в Лорьян комиссию, которая проведет там расследование.

О принятом решении Морису было сообщено.

— Сомневаюсь, что место нахождения «востока» определено правильно, — сказал он себе. — Но, что точно, так это то, что речь идет не о Бретани.

На следующий день королева, которая, как мы уже говорили, не спускалась в сад, потому что не могла проходить мимо комнат, где содержался в заключении ее муж, попросила разрешения подняться на верхнюю площадку башни, чтобы прогуляться там с дочерью и мадам Елизаветой.

Ее просьбу удовлетворили. Морис тоже поднялся по лестнице, спрятавшись в будке часового и стал ждать, что же последует за вчерашней запиской.

Сначала королева с безразличным видом прогуливалась в обществе мадам Елизаветы и своей дочери. Потом ее спутницы продолжили прогулку, а она остановилась, повернулась в сторону востока и внимательно посмотрела на дом, в окнах которого появилось несколько человек. В руках одного из них был белый носовой платок.

Морис достал из кармана подзорную трубу и, пока он ее настраивал, королева сделала широкий взмах рукой, как бы давая понять тем

любопытным у окна, что им пора удалиться. Но Морис все же успел заметить светлую голову бледнолицего мужчины, поклон которого был так почтителен.

За этим молодым человеком, а ему было не больше двадцати пяти — двадцати семи лет, стояла женщина, скрытая им наполовину. Морис направил на нее подзорную трубу, ему показалось, что он узнал Женевьеву, и он вышел из укрытия. Тотчас же женщина, в руке которой тоже была подзорная труба, бросилась назад, увлекая за собой молодого человека. Была ли это действительно Женевьева? Узнала ли она Мориса? Или же эта любопытствующая пара удалилась только по знаку королевы?

Морис еще немного подождал, не появится ли вновь молодой человек и женщина. Но окно было пустым, и он поручил Агриколе тщательно следить за ним, а сам поспешил спуститься по лестнице и стал в засаде на углу улицы Порт-Фуэн, чтобы увидеть, выйдут ли те люди из дома. Это оказалось напрасным, никто не появился.

И тогда, не сумев справиться с подозрениями, разъедавшими ему сердце с того самого момента, когда подруга дочери Тизона упорно не желала открыть лицо и молчала, Морис направился на старинную улочку Сен-Жак.

Когда он вошел, Женевьева в белом пеньюаре сидела под жасминовым кустом, где ей обычно подавали завтрак. Как всегда, она ласково поздоровалась с Морисом, пригласив его выпить чашку шоколада.

Тем временем появился Диксмер, выразивший тем большую радость, что увидел Мориса в такое неурочное время дня. Но до того, как позволить Морису выпить чашку шоколада, Диксмер, по-прежнему полностью захваченный своими коммерческими делами, потребовал, чтобы его друг, секретарь секции Лепеллетье вместе с ним прошелся по мастерским. Морис согласился.

— Итак, дорогой Морис, — сказал Диксмер, беря под руку молодого человека и увлекая его за собой, — я сообщу вам важную новость.

— Политическую? — спросил Морис, по-прежнему занятый своими мыслями.

— Ах, дорогой гражданин, — улыбаясь, ответил Диксмер, — ну, разве мы занимаемся политикой? Нет, нет, новость имеет отношение исключительно к промышленности. Божьей милостью мой почтенный друг Моран, очень одаренный химик, как вы знаете, только что открыл тайну стойкой окраски красного сафьяна. Сейчас я покажу вам эту краску. Впрочем, вы увидите Морана за работой! В своем деле он настоящий волшебник.

Морис не очень понимал, как можно быть волшебником в производстве красного сафьяна. Но тем не менее согласился и последовал за Диксмером. Они прошли мастерские и в своеобразной лаборатории Морис увидел гражданина Морана за работой: тот был в своих зеленых очках, рабочей одежде и, казалось, как нельзя более эффективно превращал грязновато-белую баранью кожу в пурпурную. Его, видневшиеся из-под засученных рукавов, ладони и руки были по локоть красного цвета. Как и говорил Диксмер, он всем сердцем радовался кошенили^[36].

Кивком он поздоровался с Морисом, ни на миг не отрываясь от работы.

— Ну, гражданин Моран, — спросил Диксмер, — что вы нам скажете?

— Мы будем зарабатывать сто тысяч ливров в год только этим способом, — сказал Моран. — Я уже неделю не сплю, и кислоты сожгли мне глаза.

Морис оставил Диксмера с Мораном, а сам вернулся к Женевьеве, тихонько говоря:

— Нужно признать, что моя теперешняя деятельность притупила мой ум. После недели пребывания в Тампле я сам себя буду принимать за аристократа и сам на себя донесу. Добрый Диксмер! Славный Моран! И как хоть на мгновение я мог их подозревать!

С нежной улыбкой Женевьева ждала Мориса, и это заставило его забыть о подозрениях. Она была такая же, как всегда: нежная, дружелюбная, очаровательная.

Те часы, когда он видел Женевьеву, были часами, когда он действительно жил. Все остальное время он находился в том состоянии, которое можно было назвать «лихорадка 1793». Она как бы делила Париж на два лагеря и превращала существование людей в ежечасную борьбу.

Однако к полудню ему пришлось покинуть Женевьеву и вернуться в Тампль.

В конце улицы Сент-Авуа он встретил Лорэна, который возвращался домой после дежурства. Тот шел вместе с отрядом, поэтому ему пришлось выйти из строя, чтобы пообщаться с Морисом, лицо которого светилось нежным счастьем, как бывало всегда после свидания с Женевьевой.

— О! — Лорэн сердечно пожал руку друга.

Напрасно ты прячешь истому,
Я знаю, чего ты желаешь,
Я знаю, о чем ты вздыхаешь,
Любовь в твоём взоре и в сердце твоём...

Морис сунул руку в карман за ключом. Это средство он изобрел, чтобы прерывать поэтические порывы своего друга. Но тот, увидев это движение, засмеялся и отбежал.

— Кстати, — сказал Лорэн, сделав несколько шагов, он повернулся, — ты еще три дня пробудешь в Тампле, Морис. Рекомендую присмотреть за маленьким Капетом.

Глава XII

Любовь

Вот уже в течение некоторого времени Морис чувствовал себя безумно счастливым и крайне несчастным одновременно. Так бывает всегда при зарождении чувства.

Ежедневная работа в секции Лепеллетье, вечерние визиты на улочку Сен-Жак, появления в клубе фермопил, заполняли его жизнь.

Он не скрывал от себя, что видеть каждый вечер Женевьеву было для него тем же, что пить большими глотками безнадежную любовь.

Женевьева была одной из тех робких и легких на вид женщин, которые чистосердечно протягивают руку другу, невинно подставляют лоб вашим губам с доверием сестры или неведением девственницы, и перед кем слова любви кажутся богохульством, а плотские желания — святотатством.

Рафаэль запечатлел самые чистые чувства на своих полотнах в образе улыбающейся Мадонны, с целомудренными глазами, небесным выражением лица. Пожалуй, эти картины божественного ученика Перуджино могли бы дать представление об облике Женевьевы.

Среди свежести и аромата своих цветов, отдаленная от забот своего мужа да и от него самого, Женевьева каждый раз, когда Морис ее видел, казалась живой загадкой, которую он не мог разгадать да и не осмеливался разгадывать.

Однажды вечером, как обычно, они сидели вдвоем у того самого окна, через которое он впервые попал в эту комнату так шумно и поспешно. Легкий вечерний ветерок доносил запах цветущей сирени. Морис, после долгого молчания, во время которой он наблюдал за одухотворенным взглядом Женевьевы, смотрящей на зажигающуюся на лазурном небосклоне серебряную звезду, осмелился спросить у нее, как могло случиться, что она так молода, в то время как ее муж перешагнул средний возраст, так изысканна, тогда как в муже ее все говорило о его простонародном происхождении и воспитании, наконец, она так поэтична, в то время, как ее муж думал только о взвешивании, растяжке и окраске кож.

— И потом, почему в доме владельца кожевенных мастерских, — спросил Морис, — и арфа, и пианино, и эти пастели — ваши работы, как вы сказали? Наконец, непонятно, почему аристократизм, который я так ненавижу в других, я обожаю в вас?

Женевьева посмотрела на Мориса взглядом, полным искренности,
— Благодарю, — сказала она, — за этот вопрос. Это свидетельствует о том, что вы человек деликатный и что вы никогда не наводили обо мне справок у кого-либо.

— Никогда, сударыня, — сказал Морис, — у меня есть один преданный друг, который за меня отдаст жизнь, у меня есть сотня товарищей, готовых идти со мной туда, куда я их поведу, но, когда речь идет о женщине, а особенно о такой женщине как Женевьева, я могу довериться только одному человеку — себе самому.

— Благодарю, Морис, — сказала молодая женщина. — Я сама расскажу вам о себе все, что вы захотите узнать.

— Как звучит ваша девичья фамилия? — спросил Морис. — Ведь я знаю только вашу фамилию по мужу.

Женевьева усмотрела в этом вопросе эгоизм влюбленного и улыбнулась.

— Женевьева дю Трейи, — сказала она.

Морис повторил:

— Женевьева дю Трейи.

— Моя семья, — продолжала Женевьева, — разорилась со времен войны в Америке. В ней участвовали мой отец и старший брат.

— Оба дворяне? — поинтересовался Морис.

— Нет, нет, — ответила Женевьева, покраснев.

— Но вы ведь мне только что сказали, что ваша девичья фамилия дю Трейи.

— Без частицы, сударь. Моя семья была богатой, но не придавала никакого значения дворянскому титулу.

— Вы мне не доверяете, — улыбаясь заметил молодой человек.

— О нет, нет, — опять принялась за рассказ Женевьева. — В Америке мой отец был связан с отцом мсье Морана, а мсье Диксмер служил поверенным мсье Морана. Когда мы разорились, то, зная, что у мсье Диксмера независимое состояние, мсье Моран представил его моему отцу, а тот его, в свою очередь, — мне. Я поняла, что он хочет жениться на мне, и это, чувствовалось, было и желанием моей семьи. Я никого никогда не любила. Я согласилась. И вот уже три года, как я жена Диксмера, и должна сказать, что в течение этих трех лет мой муж был ко мне так добр, так великодушен, что несмотря на разницу во взглядах и возрасте, которую вы отметили, у меня не было ни минуты сожаления.

— Но, — сказал Морис, — когда вы выходили замуж за мсье Диксмера, он ведь еще не был во главе этого предприятия?

— Нет, мы жили в Блуа. После 10 августа мсье Диксмер купил этот дом и мастерские. А чтобы я не видела рабочих, чтобы отделить меня от всего того, что могло бы стеснить мои привычки, как вы заметили, Морис, немного аристократические, он предоставил мне эту часть дома, в которой я живу одна, в уединении, согласно своим вкусам, желаниям и я счастлива, когда такой друг как вы, Морис, приходит отвлечь меня или помечтать вместе со мной.

И Женевьева протянула Морису руку, которую тот пылко поцеловал. Женевьева слегка покраснела.

— Теперь, друг мой, — сказала она, отнимая руку, — вы знаете, как я стала женой мсье Диксмера.

— Да, — ответил Морис, пристально взглянув на Женевьеву, — но вы ничего не сказали о том, как мсье Моран стал компаньоном вашего мужа.

— О! Это очень просто, — ответила Женевьева. — У мсье Диксмера, как я вам уже сказала, было какое-то состояние, но его было недостаточно для того, чтобы одному взяться за такое большое предприятие. Сын мсье Морана, его покровителя, друга моего отца, как я вам уже говорила, предложил половину средств, и поскольку имел познания в области химии, го предался исследованиям с большим энтузиазмом. Он также ответствен за всю коммерческую часть и благодаря ему торговля мсье Диксмера получила такой размах.

— К тому же, мсье Моран, — сказал Морис, — один из ваших лучших друзей, не так ли, сударыня.

— Мсье Моран — благородная натура, это одно из самых возвышенных сердец, существующих на белом свете, — серьезно ответила Женевьева.

— Если он не представил вам иных доказательств, — сказал Морис, немного задетый тем, что молодой женщине компаньон мужа казался столь значительным, — кроме того, что делил доходы предприятия с мсье Диксмером и изобрел новый способ окраски сафьяна, позвольте вам заметить, что похвала ваша довольно высокопарна.

— Он представил мне и другие доказательства, — сказала Женевьева.

— Он ведь еще довольно молод, не правда ли? — поинтересовался Морис. — Хотя из-за его очков с зелеными стеклами трудно сказать, сколько ему лет.

— Ему тридцать пять лет.

— Вы давно его знаете?

— С детства.

Морис прикусил губу. Он всегда подозревал, что Моран любит

Женевьеву.

— Да, — сказал Морис, — это и объясняет ту фамильярность, с которой он обращается с вами.

— Он постоянно держится в определенных рамках, — улыбаясь ответила Женевьева. — Мне кажется, что эта непринужденность, которую даже едва можно назвать дружеской, не нуждается в объяснении.

— О, простите, сударыня, — сказал Морис, — вы знаете, что все человеческие привязанности имеют своих завистников, и моя дружба испытывает ревность к той дружбе, которой вы одариваете Морана.

Он замолчал. Женевьева тоже молчала. В этот день они больше не говорили о Моране и Морис расстался с Женевьевой, еще более влюбленный в нее, чем прежде, ведь теперь он ее ревновал.

Хотя молодой человек и был ослеплен своим чувством, а сердце его сжималось от страсти, он не мог не заметить, что в рассказе Женевьевы оказалось много пробелов, сомнительных мест, недомолвок, на которые он сразу не обратил внимания, но которые всплыли потом в его памяти и странно тревожили его. Это беспокойство не могли скрасить ни свобода, предоставленная Диксмером в его беседах с Женевьевой, ни уединение, в котором они проводили вечера. Кроме того, Морис стал сотрапезником в доме и не только оставался наедине с Женевьевой, которую, впрочем, казалось, охраняла от желаний молодого человека ее ангельская чистота, но и сопровождал Женевьеву в небольших прогулках, которые та совершала время от времени.

Одно его удивляло, что, несмотря на сложившуюся в общении с обитателями дома непринужденность, чем больше он искал сближения с Мораном, впрочем, вероятнее всего для того, чтобы удобнее было следить за проявлением чувств, которые, как казалось Морису, тот питает к Женевьеве, тем больше этот странный человек, ум которого привлекал Мориса, а утонченные манеры пленяли с каждым днем все больше, казалось, старался отдалиться от Мориса. Тот горько пожаловался на это Женевьеве, потому что не сомневался, что Моран видит в нем соперника, и лишь ревность удаляет их друг от друга.

— Гражданин Моран ненавидит меня, — сказал он однажды Женевьеве.

— Вас? — спросила Женевьева, удивленно взглянув на него своими прекрасными глазами. — Вас ненавидит мсье Моран?

— Да, я в этом уверен.

— А почему он должен вас ненавидеть?

— Хотите, я скажу вам? — воскликнул Морис.

— Конечно, — ответила Женевьева.

— Ну, хорошо, потому что я...

Морис остановился. Он собирался сказать: «Потому что я вас люблю».

— Я не могу вам сказать почему, — покраснев ответил Морис.

Отчаянный республиканец рядом с Женевьевой был робким и колеблющимся, как молодая девушка.

Женевьева улыбнулась.

— Скажите, — начала она снова, — что между вами нет симпатии, и я вам, может быть, поверю. Вы — натура пылкая, у вас блестящий ум, вы — изысканный человек. Моран же торговец и химик. Он робок и скромн. И эта робость, эта скромность мешают ему сделать первый шаг вам навстречу.

— А кто просит его делать первый шаг? Я их уже сделал пятьдесят, а он никак мне не ответил. Нет, — продолжал Морис, покачивая головой, — нет, конечно же дело не в этом.

— Ну, тогда в чем же?

Морис предпочел промолчать.

На следующий день после этого объяснения с Женевьевой, он приехал к ней в два часа дня и нашел ее одетой для выхода.

— А, добро пожаловать, — сказала Женевьева, — вы будете сопровождать меня в качестве кавалера.

— И куда вы направляетесь? — спросил Морис.

— Я еду в Отей. Прекрасная погода. Я бы хотела немного прогуляться пешком. В экипаже мы доедем до заставы, там оставим его и пойдем в Отей пешком. Когда я закончу в Отее свои дела, мы вернемся к экипажу.

— О, — сказал восхищенный Морис, — вы дарите мне великолепный день.

Молодые люди отправились в путь. Они миновали Пасси, их экипаж спускался вниз, слегка подпрыгивая на неровностях дороги, затем они продолжили свою прогулку пешком.

Подойдя к Отею, Женевьева остановилась.

— Подождите меня в конце парка, — сказала она. — Я приду сразу, как только закончу свои дела.

— К кому же вы идете? — поинтересовался Морис.

— К подруге.

— Я не могу вас сопровождать?

Женевьева, улыбаясь, покачала головой.

— Это невозможно, — сказала она.

Морис кусал губы.

— Хорошо, — сказал он, — я подожду.

— Что? — переспросила Женевьева.

— Ничего, — ответил Морис. — Вы долго там будете?

— Если бы я знала, что так побеспокою вас, Морис, что вы сегодня заняты, — сказала Женевьева, — то никогда не стала бы просить оказать мне эту маленькую услугу, я попросила бы сопровождать меня...

— Мсье Морана? — быстро спросил Морис.

— Вовсе нет. Вы ведь знаете, что мсье Моран на фабрике в Рамбуйе и вернется только вечером.

— Тогда кому бы вы отдали предпочтение?

— Морис, — нежно произнесла Женевьева, — я не могу заставить ждать человека, назначившего мне встречу, если вы не можете меня подождать, то возвращайтесь в Париж, только потом пришлите мне экипаж.

— Нет, нет, сударыня, — живо сказал Морис, — я к вашим услугам.

И он поклонился Женевьеве, которая, слегка вздохнув, направилась в Отсй.

А Морис отправился в место, назначенное для встречи, и, прогуливаясь взад и вперед, сбивал своей тростью верхушки трав, цветов и сорняков, которые росли вдоль дороги. Как все очень занятые люди, Морис туда и обратно ходил довольно быстро.

Что сейчас особенно занимало все мысли Мориса, так это желание знать, любила ли его Женевьева или не любила совсем. Она держала себя с молодым человеком как сестра или подруга, но он чувствовал, что ему этого было недостаточно. Всем сердцем он любил ее. Она стала вечной думой его дней, бесконечно повторяющимся сном его ночей. Раньше ему нужно было только одно — вновь видеть Женевьеву. Теперь этого было недостаточно: ему нужно было, чтобы Женевьева его любила.

Женевьевы не было около часа, и это время показалось ему вечностью. Но вот он увидел, как она направляется к нему с улыбкой на устах. Морис же, напротив, шел к ней, нахмутив брови. Наше бедное сердце устроено так, что умудряется искать неприятности даже в самом счастье.

Улыбаясь, Женевьева взяла Мориса под руку.

— Ну, вот и я, — сказала она. — Простите, друг мой, что я заставила вас ждать...

Морис ответил кивком, и они пошли по чудесной аллее, тенистой, влажной, густой, поворот которой вывел их на большую дорогу.

Это был один из тех дивных весенних вечеров, когда каждое растение питает воздух своим ароматом, каждая птица, сидящая на ветке, поет свой гимн Всевышнему, один из тех вечеров, которые, кажется, предназначены

для того, чтобы навсегда остаться в воспоминаниях.

Морис молчал, Женестьева о чем-то думала. Она обрывала лепестки букета, который держала в руке, опирающейся на руку Мориса.

— Что с вами? — спросил вдруг Морис. — Что вас так огорчило?

Женестьева могла бы ему ответить: «Мое счастье».

Она посмотрела на него своим нежным и поэтичным взором.

— А вы сами, — сказала она, — разве вы сегодня не более грустны, чем обычно?

— Я, — сказал Морис. — У меня есть причина быть грустным, а вы?

— Вы несчастны?

— Конечно. Разве вы никогда по моему дрожащему голосу не замечали, как я страдаю? Разве не случалось, что во время беседы с вами или вашим мужем мне приходилось вставать, как будто мне не хватало воздуха, и выходить, ведь мне казалось в такие моменты, что моя грудь вот-вот разорвется?

— Но, — спросила смущенная Женестьева, — чем вы объясняете это страдание?

— Если бы я был кокеткой, — сказал Морис, горько засмеявшись, — я бы сказал, что у меня расшалились нервы.

— А сейчас вы тоже страдаете?

— Очень, — сказал Морис.

— Ну, что же, тогда будем возвращаться.

— Уже?

— Конечно.

— Ах, да! Правда, — прошептал молодой человек, — я и забыл, что мсье Моран должен вернуться из Рамбуи до наступления сумерек, а уже смеркается.

Женестьева посмотрела на него с упреком.

— Опять! — сказала она.

— Почему же в прошлый раз вы так расхвалили мне мсье Морана? — спросил Морис. — Это ваша вина.

— А с каких это пор, — спросила Женестьева, — перед людьми, которых ценишь, нельзя говорить того, что думаешь о человеке достойном уважения?

— Слишком сильно это уважение, раз оно заставляет вас так ускорить шаги из боязни опоздать на несколько минут.

— Сегодня вы крайне несправедливы, Морис. Разве я не провела с вами часть дня?

— Вы правы, я и правда слишком требователен, — вновь начал Морис,

отдаваясь раздражению. — Пойдем к мсье Морану, пойдем!

Женевьева чувствовала, как досада переполняет ее сердце.

— Да, — сказала она, — пойдем к мсье Морану. Он, по крайней мере, друг, который никогда не доставляет мне неприятностей.

— Да, такие друзья всегда ценны, — сказал Морис, задыхаясь от ревности, — и я тоже хотел бы иметь таких.

В это время они уже шли по большой дороге, горизонт алел в последних лучах заходящего солнца, которые играли на позолоченной резьбе собора Инвалидов. И первая звезда, та самая, что в прошедшие вечера уже привлекала взор Женевьевы, засияла в темной синеве неба.

Со смиренной покорностью Женевьева выпустила руку Мориса.

— Что с вами? Вы и меня заставляете страдать, — сказала она.

— Ах, — ответил Морис, — я ведь не такой интриган, как некоторые. Я не умею заставить себя любить.

— Морис! — воскликнула Женевьева.

— О, сударыня! Если он всегда добр, всегда в ровном настроении, то только потому, что он не страдает.

Женевьева вновь оперлась своей белой рукой о мощную руку Мориса.

— Прошу вас, — сказала она изменившимся голосом, — не надо больше, не говорите!

— Почему?

— Потому что ваш голос причиняет мне боль.

— Итак, все во мне вам не нравится, даже голос?

— Молчите, заклинаю вас.

— Повинуюсь, сударыня.

И пылкий молодой человек провел рукой по лбу, влажному от пота.

Женевьева видела, что он действительно страдал. Такие натуры, как Морис, страдают как никто другой.

— Вы мой друг, Морис, — сказала Женевьева, подняв на него ангельский взор, — драгоценный друг. Сделайте так, Морис, чтобы я не потеряла этого своего друга.

— О, вы не будете о нем долго сожалеть! — воскликнул Морис.

— Вы ошибаетесь, — сказала Женевьева, — я буду сожалеть о вас долго, всегда.

— Женевьева! Женевьева! — воскликнул Морис. — Сжальтесь надо мной!

Женевьева вздрогнула.

В первый раз Морис произнес ее имя с таким чувством.

— Хорошо, — продолжал Морис, — поскольку вы обо всем

догадываетесь, позвольте мне говорить об этом, Женевьева. Хотя вы, может быть, и испепелите меня взглядом. Уж слишком долго я молчу. Я буду говорить, Женевьева.

— Сударь, — ответила молодая женщина, — я ведь вас просила во имя нашей дружбы молчать. Сударь, я прошу вас об этом снова, сделайте это для меня. Ни слова больше, именем Неба, ни слова больше!

— Дружба, дружба. Ах, если это та дружба, которую вы питаете к мсье Морану, я не хочу больше вашей дружбы, Женевьева, мне нужно больше, чем другим.

— Ну, довольно, — сказала мадам Диксмер, — хватит, мсье Линдей. Вот наш экипаж, соблаговолите отвезти меня к моему мужу.

Морис дрожал от волнения и охватившего его жара. Когда Женевьева, чтобы подняться в экипаж, оперлась о руку Мориса, молодому человеку ее рука показалась пламенем. Они сели в экипаж. Женевьева сзади, в глубине кареты. Морис разместился впереди. Они проехали весь Париж, не сказав ни слова.

И только Женевьева на протяжении всей дороги все прикладывала к глазам носовой платок.

Когда они приехали в мастерскую, Диксмер был занят в своем рабочем кабинете. Моран, вернувшись из Рамбуйе, переодевался. Направляясь в свою комнату, Женевьева протянула Морису руку со словами:

— Прощайте, Морис, вы этого хотели...

Морис ничего не ответил, прошел к камину, где висела миниатюра с изображением Женевьевы, пылко поцеловал ее, прижал к сердцу, потом повесил на место и ушел.

Морис не помнил как вернулся к себе. Ничего не видя и не слыша он шел по Парижу. Все происшедшее предстало перед ним как сон, он не мог дать себе отчета ни в своих действиях, ни в чувствах. Бывают моменты, когда самая трезвая, не теряющая самообладания душа, забывается под влиянием необузданности, вызванной низменными силами воображения.

Это было, как мы уже отметили, бегство, а не обычное возвращение домой. Он разделся без помощи слуги, не ответил кухарке, которая принесла ему ужин. Потом взял со стола письма, пришедшие за день, прочитал их одно за другим, не понимая ни слова. Туман ревности, опьянение разума еще не развеялось.

В десять часов Морис машинально улегся в постель, так как сделал все, что полагалось после того, как расстался с Женевьевой.

Если бы хладнокровному Морису рассказали о его странном поведении как о действиях кого-то другого, он бы не понял, не принял бы

действий, поставивших Женевьеву в затруднительное положение, счел бы этого человека сумасшедшим. Он почувствовал страшный удар, который был нанесен всем его надеждам, в которых он никогда раньше не отдавал себе отчета, и на которых, какими бы неясными они не были, покоились все его мечты о счастье, витавшие подобно неуловимому пару на горизонте.

Итак, с Морисом произошло то, что почти всегда происходит в подобном случае. Он был оглушен полученным ударом. И, очутившись в постели, тотчас же уснул или, вернее, лишился чувств до следующего дня.

Его разбудил шум открывающейся двери. По привычке зашел слуга, чтобы открыть окна в спальне Мориса, и принес цветы.

В 93-м году выращивали массу цветов, и Морис их обожал. Но сейчас он даже не взглянул на них и, приподнявшись, опираясь отяжелевшей головой на руку, стал вспоминать все, что произошло накануне.

Морис спрашивал себя и не мог ответить, что вызвало его дурное настроение. Одной из причин была ревность к Морану. Но следовало ли ревновать к человеку, который уехал в Рамбуйе, тогда как сам Морис был наедине с женщиной, которую любил, мог наслаждаться этим свиданием в окружении пленительной природы, просыпающейся в один из первых дней весны.

Его дурное настроение не могло объясниться и подозрением к тому, что могло бы произойти в доме в Отее, куда он проводил Женевьеву, и где она находилась более часа. Нет, непрекращающейся мукой его жизни была мысль о том, что Моран — возлюбленный Женевьевы. Это была странная фантазия его мозга, ведь никогда ни единым жестом, ни единым взглядом, ни единым словом компаньон Диксмера не дал подтверждения этому подозрению.

Голос слуги вывел его из задумчивости.

— Гражданин, — сказал он, показывая на лежащие на столике распечатанные письма, — вы уже выбрали, какие из них оставите, а какие сжечь?

— Сжечь что? — спросил Морис.

— Те письма, которые гражданин прочитал вчера вечером, перед тем как лечь в постель.

Морис не помнил, чтобы он прочитал хотя бы одно письмо.

— Сожгите все, — приказал он.

— А вот сегодняшние, гражданин, — сказал слуга.

Он протянул Морису пачку писем, а другие бросил в камин.

Морис взял письма, которые дал ему слуга, пальцами почувствовал знакомую толщину сургучной печати и вдохнул знакомый аромат,

исходящий от одного из писем. Он стал быстро перебирать их и при виде печати и почерка на одном конверте вздрогнул.

Этот человек, такой стойкий перед лицом любой опасности, побледнел только от запаха одного из писем.

Подошел слуга поинтересоваться, что с ним случилось, но Морис знаком велел ему удалиться.

Морис осмотрел письмо с одной и с другой стороны. У него было предчувствие, что в письме таится беда для него, и вздрогнул, как вздрагивают перед неизвестностью.

Тем не менее он призвал все свое мужество, распечатал письмо и прочитал следующее:

«Гражданин Морис!

Нам необходимо разорвать связи, которые, как мне кажется, с вашей стороны выходят за пределы дружеских отношений. Вы человек чести, гражданин, и теперь, когда миновала ночь, после того, что произошло между нами вчера вечером, вы должны понять, что ваше присутствие в нашем доме стало невозможным. Я рассчитываю, что вы сумеете найти подходящий предлог, чтобы объяснить это моему мужу. Надеюсь сегодня же увидеть ваше письмо господину Диксмеру и буду убеждать себя, что мне придется сожалеть о заблудшем друге, увидеть которого вновь мне мешают правила приличия.

Прощайте навсегда.

Женевьева.

Р. S. Посыльный ждет ответ».

Морис позвал: вошел слуга.

— Кто принес это письмо?

— Гражданин посыльный.

— Он здесь?

— Да.

Больше Морис не вздыхал, не колебался. Он прыгнул в изножье кровати, натянул брюки, сел перед пюпитром, взял первый попавшийся лист бумаги (это как раз был лист с напечатанным вверху названием секции) и написал:

*«Гражданин Диксмер,
Я вас любил и все еще люблю, но не считаю возможным
видеться с вами впредь».*

Морис искал причину, по которой он не мог больше встречаться с гражданином Диксмером, и нашел только одну, ту, которая возникала в эту эпоху в головах у всех. Он продолжил:

*«Ходят слухи о вашей умеренности в отношении
государственных интересов. Я вовсе не хочу вас обвинять, но и
не могу вас защищать. Примите мои сожаления и будьте
уверены, что ваши секреты будут погребены в моем сердце».*

Морис даже не перечитал письмо, написанное, как мы уже сказали, под воздействием первой пришедшей в голову мысли. У него не было сомнений по поводу воздействия, которое это письмо должно было произвести. Диксмер, как казалось Морису — отменный патриот, по крайней мере на словах. Диксмер рассердится, получив письмо, его жена и Моран станут склонять его к молчанию, он не ответит, и, таким образом, забвение подобно черной вуали скроет радостное прошлое и превратит его в мрачное будущее. Морис подписал письмо, запечатал его, передал слуге, и посыльный ушел.

И тогда слабый вздох сорвался с уст республиканца. Он взял перчатки, шляпу и направился в секцию.

Он надеялся, бедный Брут, вновь обрести свой стоицизм в общественной деятельности.

А состояние общественных дел было ужасным: шла подготовка к 31 мая^[37]. Террор, подобно бурному потоку, устремился с вершины Горы и пытался снести преграду, воздвигнутую на его пути жирондистами, этими дерзкими умеренными, которые осмелились потребовать возмездия за сентябрьскую резню и какое-то время бороться за спасение жизни короля.

Пока Морис отдавался работе с таким пылом, что лихорадка, от которой он хотел избавиться, пожирала его голову вместо сердца, посыльный вернулся на старинную улочку Сен-Жак и наполнил дом оцепенением и ужасом.

Письмо, побывав у Женевьевы, было вручено Диксмеру.

Диксмер распечатал его, прочитал, сначала ничего не поняв, потом протянул гражданину Морану, который после чтения уронил свой белый, будто слоновой кости, лоб на руку.

В положении, в котором находились Диксмер, Моран и их товарищи, и о котором совершенно не знал Морис, но знают читатели, это письмо было подобно удару молнии.

— Он честный человек? — с тревогой спросил Диксмер.

— Да! — без колебаний ответил Моран.

— Неважно! — вступил в разговор тот из их компании, который придерживался крайних мер. — Мы поступили крайне глупо, что не убили его тогда.

— Друг мой, — сказал Моран, — мы боремся против насилия, мы клеймим его преступлением. Каковы бы ни были последствия, мы хорошо сделали, что не убили человека. А потом, я повторяю, у Мориса благородная и честная душа.

— Да, но если эта благородная и честная душа принадлежит экзальтированному республиканцу, то он, возможно, сочтет себя преступником как раз, если не принесет в жертву свою честь на алтарь отечества, как они это называют.

— Но, — сказал Моран, — разве вы думаете, что он что-то знает?

— Ну, а как иначе понять фразу, о том, что секреты будут погребены в его сердце?

— Очевидно речь идет о том, что я доверил ему относительно нашей контрабанды, ни о чем другом он не знает.

— Но, — сказал Моран, — а об этом свидании в Отее он ничего не подозревает? Вы ведь знаете, что он сопровождал вашу жену?

— Это я посоветовал Женевьеве взять его с собой для охраны.

— Послушайте, — сказал Моран, — мы сможем убедиться, верны ли наши подозрения. Очередь дежурства нашего отряда в Тампле 2 июня, то есть через неделю. Вы, Диксмер, — капитан, а я — лейтенант. Если ваш отряд, то есть наша компания, получит контрприказ, как его уже однажды получил отряд «Бют-де-Мулэн», который Сантерр заменил на отряд де Гравийе, значит все раскрылось, и нам остается лишь бежать из Парижа или умереть, сражаясь. А, если все пойдет, как задумано...

— Мы погибнем точно так же, — ответил ему Диксмер.

— Почему же?

— Черт возьми! Разве все планы не завязаны на этого общественного деятеля? Разве не он, сам того не зная, должен открыть нам дорогу к королеве?

— Да, действительно, — сказал удрученный Моран.

— Итак, вы видите, — произнес Диксмер, нахмутив брови, — нам необходимо во что бы то ни стало вновь связаться с этим молодым

человеком.

— Ну, а если из боязни скомпрометировать себя, он откажется? — спросил Моран.

— Послушайте, — ответил ему Диксмер, — я посоветуюсь сейчас с Женеьевой, она последняя, кто из нас его видел. Может быть она что-нибудь знает?

— Диксмер, — произнес Моран, — едва ли стоит впутывать во все наши заговоры Женеьеву. Конечно, не потому, что я боюсь ее болтливости. Но мы играем в слишком опасную игру, и мне стыдно и жаль делать ставку на голову женщины.

— Голова женщины, — ответил Диксмер, — весит столько же, сколько и голова мужчины, а особенно там, где хитрость, чистосердечие или красота могут сделать столько же, а иногда даже больше, чем сила, мощь и мужество. Женеьева разделяет наши убеждения и наши симпатии. Женеьева разделит и нашу участь.

— Поступайте, как считаете нужным, дорогой друг, — ответил Моран. — Я сказал лишь то, что должен был сказать. Женеьева достойна во всех отношениях той миссии, которую вы на нее возлагаете, а вернее, она сама возложила на себя. Святые всегда становятся мучениками.

И он протянул белую женственную руку Диксмеру, который сжал ее своими сильными пальцами.

Затем Диксмер, посоветовав Морану и другим их товарищам, соблюдать еще большую осторожность, чем когда бы то ни было, прошел к Женеьеве.

Она сидела у стола, склонившись над вышивкой.

Услышав шум открывающейся двери, она повернулась и увидела мужа.

— О, это вы, друг мой, — произнесла она.

— Да, — ответил Диксмер, лицо которого было спокойным и улыбающимся. — Я получил от нашего друга Мориса письмо, из которого ничего не понял. Вот, прочтите и скажите, что вы об этом думаете?

Женеьева взяла письмо дрожащей рукой и прочитала.

Диксмер следил за тем, как ее глаза пробежали по строчкам.

— И что? — спросил он, когда Женеьева закончила чтение.

— Я думаю, что мсье Морис Линдей честный человек, — спокойно ответила Женеьева, — и что нам не надо ничего бояться с его стороны.

— Вы уверены, что он не знает, к кому вы ездили в Отей?

— Абсолютно уверена.

— Почему же тогда вдруг такое решение? Он не показался вам вчера

более холодным или же наоборот более взволнованным, чем обычно?

— Нет, — ответила Женевьева, — я думаю, он был таким, как всегда.

— Прежде чем отвечать мне, Женевьева, хорошо подумайте, потому что ваш ответ, и вы должны это понять, будет иметь огромное влияние на все наши планы.

— Подождите, — сказала Женевьева, которая, несмотря на все усилия, уже не могла скрывать охватившее ее волнение, — подождите же.

— Хорошо, — сказал Диксмер, мышцы его лица слегка напряглись, — вспомните все, Женевьева.

— Да, — начала молодая женщина, — да, я припоминаю. Вчера он был хмур. Мсье Морис немного тиран в своих привязанностях... и мы несколько раз сердились друг на друга в течение последних недель.

— Это были простые размолвки? — спросил Диксмер.

— Вероятно.

— Послушайте, Женевьева, при нашем положении дел, поймите правильно, не должно быть вероятностей, нам нужна уверенность.

— Хорошо, друг мой, я в этом уверена.

— Стало быть, это письмо лишь предлог для того, чтобы не приходить в наш дом?

— Друг мой, ну как я могу ответить вам на это?

— Ответьте как есть, Женевьева, — ответил Диксмер, — потому что ни у одной другой женщины, кроме вас, я бы этого не спросил.

— Это предлог, — опустил глаза, сказала Женевьева.

— Ах так! — воскликнул Диксмер.

Затем, после нескольких минут молчания, он вынул из-за жилета свою руку, которой сдерживал биение сердца, и положил ее на спинку стула, на котором сидела жена.

— Дорогой друг, окажите мне услугу, — сказал Диксмер.

— Какую? — спросила удивленная Женевьева, повернувшись к нему.

— Вы можете устранить опасность в самом начале. Морис, возможно, более информирован о наших секретах, чем мы думаем. То что вы считаете предлогом, возможно соответствует и действительности. Напишите ему записку.

— Я? — вздрогнув, прошептала Женевьева.

— Да, вы. Скажите ему, что это вы распечатали письмо и именно вы хотите получить объяснение по этому поводу! Он придет, вы его расспросите и легко отгадаете, что же произошло.

— О, нет, нет! — воскликнула Женевьева. — Я не могу сделать то, о чем вы меня просите. Я этого не сделаю.

— Дорогая Женевьева, когда на карту поставлены такие интересы, как вы можете отступить из-за каких-то мелких соображений самолюбия?

— Я ведь сказала вам, сударь, свое мнение о Морисе, — ответила Женевьева, — он честен, он рыцарь, но он капризен, а я хочу быть зависимой только от своего мужа.

Она ответила с таким спокойствием и вместе с тем настолько твердо, что Диксмер понял: дальнейшие разговоры на эту тему бесполезны. Больше он не промолвил ни единого слова, посмотрел на Женевьеву невидящим взглядом, провел рукой по вспотевшему лбу и вышел.

Моран в волнении ожидал его. Диксмер слово в слово повторил ему состоявшийся разговор.

— Ну, хорошо, — ответил Моран, — не будем пока больше об этом думать. В любом случае, я не хочу ни добавлять забот вашей жене, ни ранить ее самолюбие.

Диксмер положил руку ему на плечо.

— Вы сошли с ума, сударь, — произнес он, пристально взглянув на Морана, — или вы не даете отчета своим словам.

— Как, Диксмер, вы думаете?..

— Я думаю, шевалье, что вы, как и я, не можете поддаваться эмоциям и порывам, исходящим из вашего сердца. Ни вы, ни я, ни Женевьева не принадлежим себе. Мы призваны защитить устои, которые обычно разрушают основание, на которое опираются. Так вот, в данном случае мы и являемся этим основанием.

Моран вздрогнул и промолчал, его молчание было печальным.

Не проронив ни слова, они несколько раз прошлись по саду.

Затем Диксмер расстался с Мораном.

— Мне нужно отдать несколько распоряжений, — произнес он спокойным голосом. — Я покидаю вас, мсье Моран.

Моран протянул Диксмеру руку, потом посмотрел ему вслед.

— Бедный Диксмер, — прошептал он. — Боюсь, что в этом деле он рискует больше всех.

Диксмер вернулся в мастерские, отдал несколько приказов, почитал газеты, приказал раздать хлеб и масло беднякам близлежащего района и, вернувшись к себе, переоделся.

Через час Мориса, занимающегося подготовкой к очередному выступлению в секции, оторвал от дела слуга, который наклонился к нему и тихонько сказал:

— Гражданин Линдей, к вам пришел какой-то человек. Он утверждает, что должен сообщить вам что-то очень важное. Он ждет вас дома.

Вернувшись домой, Морис был крайне удивлен, застав там Диксмера, листавшего газеты. По дороге Морис все время расспрашивал слугу о госте, но тот совсем не знал этого человека, и поэтому не мог ничего о нем сообщить.

Увидев Диксмера, Морис остановился на пороге и невольно покраснел.

Диксмер поднялся и, улыбаясь, протянул ему руку.

— Какая муха вас укусила, и что это вы такое мне написали? — спросил он молодого человека. — По правде говоря, все это меня больно ударило, дорогой Морис. Я умеренный и фальшивый патриот, так, кажется вы написали? Понятно, что вы не можете повторить мне в лицо подобные обвинения. Признайтесь, что вы просто ищете со мной ссоры.

— Я признаю все, что вы хотите, дорогой Диксмер, потому что вы были для меня примером порядочного человека. Но тем не менее я принял решение, и оно бесповоротно.

— Как же так? — спросил Диксмер. — Вы утверждаете, что меня не в чем упрекнуть, и все равно нас покидаете?

— Дорогой Диксмер, поверьте, что для того, чтобы предпринять подобные действия и лишиться такого друга как вы, у меня должны быть очень веские причины.

— Да, но во всяком случае, — опять заговорил Диксмер, пытаясь улыбнуться, — причины совсем иные. То, о чем вы написали, только предлог.

Морис на минуту задумался.

— Послушайте, Диксмер, — сказал он, — мы живем в такое время, когда сомнение, высказанное в письме, может и должно вызвать беспокойство, я это понимаю. Не пристало честному человеку оставлять вас под гнетом такого беспокойства. Да, Диксмер, причины, о которых идет речь в письме, — только предлог.

Это признание, которое по идее должно было прояснить чело коммерсанта, казалось, наоборот, омрачило его.

— Ну, а настоящая причина? — спросил Диксмер.

— Я не могу вам ее назвать, — ответил Морис. — Но если бы вы ее знали, то одобрили бы мое поведение, я в этом уверен.

Диксмер настаивал.

— Вы все же хотите услышать? — спросил Морис.

— Да, — ответил Диксмер.

— Хорошо, — ответил Морис, который испытывал некоторое облегчение от того, что приблизился к правде. — Ну так вот, у вас молодая

и красивая жена, нравственная чистота которой хорошо известна. Так вот, я подумал, что мои визиты к вам могут быть неверно истолкованы.

Диксмер слегка побледнел.

— Правда? — спросил он. — Ну что ж, дорогой Морис, супруг должен быть благодарен вам за это.

— Понимаете, — продолжал Морис, — я не самоуверен и не думаю, что мое присутствие могло бы быть опасно для вашего покоя или покоя вашей жены, но оно может послужить источником клеветы, а вы знаете, что чем абсурднее клевета, тем легче в нее верят.

— Ребенок! — сказал Диксмер, пожав плечами.

— Пусть я ребенок, как хотите, — ответил Морис, — издали мы останемся добрыми друзьями, ведь нам не в чем будет упрекнуть друг друга, тогда как рядом, наоборот...

— Что рядом?

— Все закончится тем, что мы озлобимся.

— Подумайте, Морис, разве я могу в это поверить?

— Ах, Боже мой! — произнес молодой человек.

— Но почему вы мне обо всем этом не написали, вместо того, чтобы сказать, Морис?

— Чтобы избежать того, что между нами сейчас происходит.

— Вы рассердились, Морис, что я достаточно люблю вас, чтобы прийти за объяснениями? — спросил Диксмер.

— Совсем наоборот! — воскликнул Морис. — Я счастлив, клянусь вам, видеть вас еще раз до того как мы окончательно расстаемся.

— Расстанемся, гражданин! И все же мы вас очень любим, — ответил Диксмер, взяв руку молодого человека и сжав ее в своих руках.

Морис вздрогнул.

— Моран, — продолжал Диксмер, от которого это не ускользнуло, — сегодня утром сказал мне: «Сделайте все, что сможете, но верните этого дорогого мсье Мориса».

— Ах, сударь, — ответил молодой человек, нахмутив брови и отнимая руку, — я бы не подумал, что так нужен гражданину Морану.

— Вы не верите? — спросил Диксмер.

— Я, — ответил Морис, — не хочу ни сомневаться, ни вообще думать на эту тему. Когда я приходил к вам, то делал это ради вас и вашей жены, а вовсе не ради гражданина Морана.

— Вы его не знаете, Морис, — сказал Диксмер, — у него прекрасная душа.

— Согласен, — ответил Морис, горько улыбаясь.

— Ну, а теперь, — продолжал Диксмер — вернемся к цели моего визита.

Морис стал в позу человека, которому нечего больше сказать и который ждет.

— Так вы говорите, что были пересуды?

— Да, гражданин, — подтвердил Морис.

— Ну что же, поговорим откровенно. Почему вы должны обращать внимание на болтовню какого-то бездельника соседа? Ведь у вас есть совесть, а у Женеьевы честь, не так ли?

— Я моложе вас, — сказал Морис, которого уже начала удивлять эта настойчивость, — и я более восприимчив к таким вещам. Поэтому я вам заявляю, что репутации такой женщины как Женеьева не должна коснуться даже болтовня бездельника соседа. Позвольте мне, дорогой Диксмер, остаться верным моему первому решению.

— Ну что ж, — сказал Диксмер, — раз уж мы признаемся во всем, признайтесь еще в одном.

— В чем? — спросил Морис, краснея... — В чем вы хотите, чтобы я признался?

— Что вас не политика и не слухи о вашем постоянном присутствии у меня в доме заставляют покинуть нас.

— А что же тогда?

— Тайна, которую вы узнали.

— Какая тайна? — переспросил Морис, с выражением такого наивного любопытства, что коммерсант воспрянул духом.

— Да это дело с контрабандой, о которой вы узнали в тот вечер, когда мы познакомились таким странным образом. Вы мне так и не смогли простить этого мошенничества и обвиняете в том, что я плохой республиканец, потому что использую английские товары в своих мастерских.

— Мой дорогой Диксмер, клянусь вам, что я совершенно забыл, когда посещал ваш дом, что бывал у контрабандиста.

— Правда?

— Правда.

— У вас нет больше никаких других причин, чтобы покинуть мой дом, кроме тех, о которых вы сказали?

— Слово чести.

— Ну хорошо, Морис, — сказал Диксмер, поднимаясь и пожимая руку молодого человека, — я надеюсь, что вы поразмыслите и откажетесь от этого вашего решения, которое всех нас так огорчает.

Морис поклонился и ничего не ответил, что свидетельствовало о его окончательном отказе.

Диксмер вышел в отчаянии от того, что не смог сохранить отношения с человеком, который при определенных обстоятельствах стал бы для них не только полезным, но и необходимым.

Шло время. Мориса раздирали тысячи противоречивых желаний. Диксмер просил его вернуться. Женевьева могла бы его простить. Отчего же он был в таком отчаянии? На его месте Лорэн, наверняка бы, вспомнил множество афоризмов своих любимых авторов. Но ведь было и письмо Женевьевы: содержало оно категорическую отставку. Но, несмотря на это, Морис носил его на груди вместе с той маленькой запиской, которую получил на следующий день после того, как вызволил Женевьеву из рук грубых патрульных. И, наконец, он упорно ревновал ее к этому ненавистному Морану, который был первопричиной его разрыва с Женевьевой.

Итак, в своем решении Морис оставался непреклонным.

Но надо заметить, что после того, как он был лишен каждодневных визитов на старинную улочку Сен-Жак, Морис почувствовал гнетущую пустоту и, когда наступал час его обычных походов в сторону квартала Сен-Виктор, он впадал в глубокую меланхолию и мысленно пробегал все обычные стадии ожидания и сожаления.

Каждое утро, просыпаясь, он надеялся найти письмо от Диксмера и признавался сам себе, что хотя и сопротивлялся уговорам живого Диксмера, но уступил бы письму. Каждый день он покидал дом с надеждой встретить Женевьеву и уже придумал тысячу предлогов, чтобы заговорить с ней при встрече. Каждый вечер он возвращался домой с надеждой встретить там посыльного, который однажды утром принес ему печаль, ставшую теперь постоянной спутницей.

Часто в минуту отчаяния Морис краснел от мысли, что испытывает такую муку и не может воздать по заслугам тому, от кого так страдает: ведь первопричиной всех печалей был Моран. Тогда Морис придумывал план ссоры с Мораном. Но компаньон Диксмера был таким хрупким и безобидным, что оскорбления или провокации со стороны такого колосса, как Морис, были бы подлостью.

Несколько раз заходил Лорэн, чтобы отвлечь друга от переживаний, о которых Морис говорить упорно не желал, однако и не отрицал, что они существуют. Лорэн сделал все, что мог для того, чтобы вернуть Родине это сердце, страдающее от любви к другой. Но, несмотря на то, что положение в стране оставалось тяжелым, и в любом другом состоянии Морис был бы

полностью вовлечен в вихрь политических событий, молодой республиканец страдал так, что не мог участвовать в этих событиях с активностью, превратившей его в героя 14 июля и 10 августа.

Вот уже в течение десяти месяцев две противоборствующие системы, до сих пор лишь слегка атаковавшие друг друга, готовились к схватке, которая должна была стать смертельной для одной из них. Эти две системы, рожденные самой Революцией, с одной стороны были представлены умеренными, то есть жирондистами Бриссо, Петионом, Верньо, Валазе, Ланжине, Барбару и т. д., а с другой — им противостояла Гора, то есть террор, представленная Дантоном, Робеспьером, Шенье, Фабром, Маратом, Колло д'Эрбуа, Эбером и другими.

После событий 10 августа казалось, что влияние должно было перейти к партии умеренных. Правительство было сформировано из оставшихся старых и новых членов. Были приглашены Ролан, Сервьен и Клавьер — прежние министры и Дантон, Монж и Лебрен — из вновь назначенных. За исключением одного, Дантона, который являлся среди своих коллег как бы генератором энергии, все остальные министры принадлежали к партии умеренных.

Когда мы произносим «умеренный», то, разумеется, не в прямом смысле.

Но события 10 августа эхом отзывались за границами Франции, и враждебная коалиция уже готовилась к наступлению, но не для того, чтобы помочь Людовику XVI лично, а в защиту роялистских принципов, пошатнувшихся в самой своей основе. И тогда прозвучали слова угрозы, произнесенные Брунсвиком^[38], и их ужасной реальностью стало падение Лонгви и Вердена. Последовал террор, Дантон уже предвидел сентябрьские дни и реализовывал это кровавое предвидение, которое показало врагу, что вся Франция, являющаяся соучастницей ужасного убийства, готова бороться за свое существование со всей энергией отчаяния. Сентябрь спас Францию, но поставил ее вне закона.

Франция оказалась спасенной, энергия оказалась бесполезной, и партия умеренных вновь обрела некоторую силу. И тогда жирондисты стали упрекать участников этих кровавых дней. Звучали слова «губитель» и «убийца». Словарь нации даже пополнился новым ловом *septembriseur* — участник сентябрьских событий.

Дантон с этим согласился. Как и Кловис, он лишь на короткое время склонил голову под этим кровавым крещением, чтобы потом поднять ее еще выше и с большей угрозой. Второй случай для возобновления террора представился во время процесса над королем. В борьбу вступили насилие и

умеренность, но это была борьба не личностей, а принципов. Умеренность была побеждена, и голова Людовика XVI отсечена на эшафоте.

Как и 10 августа, 21 января — день казни Людовика XVI — дало новый толчок к действиям коалиции. Ей еще противостоял какое-то

время Дюмурье, но был арестован за беспорядки его администрации, препятствовавшей помощи людьми и деньгами, и заявил, что он против якобинцев и обвинил их в дезорганизации. Он переходит в партию жирондистов и, объявляя себя их другом, вредит им.

Восстает Вандея. Раздаются угрозы из разных областей страны. В тылах — измена. Якобинцы обвиняют умеренных и хотят нанести по ним удар 10 марта, то есть в тот самый вечер, описанием событий которого начинается наше повествование. Но их спасает поспешность со стороны противников, а, возможно, и дождь, заставивший Петиона, этого глубокого знатока парижского духа, сказать: «Идет дождь. Сегодня ночью ничего не будет».

Но, начиная с 10 марта, для жирондистов все является предзнаменованием разгрома. Марат был обвинен и оправдан. Робеспьер и Дантон мирятся, так, по крайней мере, мирятся тигр и лев, чтобы вместе победить быка, которого должны сожрать. Энриу, участник сентябрьской резни, назначен генералом национальной гвардии. Другими словами, все предвещает этот ужасный день, который должен был грозовым вихрем снести последнюю преграду, которую Революция противопоставляла Террору.

Таковы были события, в которых Морис при любых других обстоятельствах принял бы активное участие, этого требовали его могучая натура и экзальтированный патриотизм. Но к счастью или к несчастью, ни призывы Лорэна, ни события на улицах не могли изгнать из головы Мориса одну единственную мысль, неотступно его преследовавшую. И когда наступило 31 мая, то бесстрашный участник осады Бастилии и Тюильри валялся дома в кровати, пожираемый лихорадкой, убивающей самых сильных, но от которой можно излечить одним лишь взглядом или словом.

Глава XIII

31 мая

В этот день, вошедший в историю, 31 мая, когда с самого утра слышался гул набата и трубили общий сбор, отряд из предместья Сен-Виктор вошел в Тампль.

После того как все обычные формальности по размещению караула были выполнены, для охраны башни прибыл дежурный из муниципальной гвардии с четырьмя дополнительными орудиями.

В это же время явился и Сантерр в форме с желтыми эполетами, забрызганной жирными пятнами.

Он провел смотр отряда и счел его состояние удовлетворительным, затем пересчитал караульных из муниципальной гвардии, их оказалось трое.

— Почему гвардейцев только трое? — спросил он. — Кто же этот отсутствующий, недостойный называться гражданином?

— Того, кого здесь нет, гражданин генерал, — ответил наш старый знакомый Агрикола, — не обвинишь в умеренности, ведь это секретарь секции Лепеллетье, лидер храбрых фермопилов, гражданин Морис Линдей.

— Хорошо, — ответил Сантерр, — я тоже знаю Мориса Линдея как достойного патриота, однако, если он не явится в течение десяти минут, его занесут в списки отсутствующих.

И генерал занялся другими делами.

Во время этой беседы в нескольких шагах находились капитан стрелков и солдат. Один из них опирался на ружье, другой сидел на стволе пушки.

— Вы слышали? — вполголоса спросил капитан солдата. — Морис до сих пор не пришел.

— Да. Но он придет, будьте спокойны.

— Если он не явится, — сказал капитан, — я поставлю вас часовым на лестнице и, когда она поднимется на площадку, вы сможете сказать ей несколько слов.

В это время вошел человек, по трехцветному шарфу которого можно было определить принадлежность к муниципальной гвардии. Но он был незнаком капитану и солдату, поэтому они не сводили с него глаз.

— Гражданин генерал, — обратился незнакомец к Сантерру, — прошу назначить меня вместо гражданина Мориса Линдея. Он болен, вот

заключение врача. Мое дежурство через неделю, так что он отдежурит за меня также, как сегодня я за него.

— Да, но только в том случае, если все эти Капеты через неделю будут еще живы, — заметил один из гвардейцев.

Сантерр в ответ на шутку усмехнулся, затем повернулся к ходатаю Мориса.

— Ладно, — сказал он, — иди и запишись вместо Мориса Линдея, но в графе примечаний отметь причину этой замены.

С радостным удивлением капитан и солдат переглянулись.

— Через неделю, — сказали они друг другу.

— Капитан Диксмер, — крикнул Сантерр, — займите вместе с солдатом ваш пост в саду.

— Пойдемте, Моран, — сказал капитан стоявшему рядом стрелку.

Раздалась барабанная дробь, и владелец кожевенных мастерских вместе со своим компаньоном направились в указанное место.

По пути на территории Тампля им встречались группы вооруженных караульных, прохаживающихся по охраняемым участкам.

Их пост находился в саду, где во времена Людовика XVI иногда прогуливалось королевское семейство. Теперь он был запущен и бесплоден, почти без цветов и деревьев.

Шагах в двадцати пяти от части стены, ограждавшей Тамплъ и выходившей на улицу Порт-Фуэн, находилась хибара, которую муниципальные власти разрешили построить для удобства караульных. В дни, когда им запрещалось покидать Тамплъ, они могли здесь подкрепиться. Вести хозяйство в этом небольшом кабачке было поручено истинной патриотке, вдове жителя предместья, убитого 10 августа. Ее называли вдовушка Плюмо.

Эта хижина, построенная из досок и самана, располагалась посредине бывшей грядки, о существовании которой напоминали остатки карликовой изгороди из самшита. Состояла она всего из одной комнаты площадью в двенадцать квадратных футов. Под хижинкой размещался подвал, в который вели вырубленные прямо в земле ступени. В нем вдовушка Плюмо хранила продукты и напитки, о которых заботилась вместе с дочерью, девочкой лет двенадцати-пятнадцати.

После начала дежурства караульные прохаживались по саду, рассматривали рисунки, патриотическое содержание которых соответствовало подписям, которыми была испещрена стена, окружавшая Тамплъ. Под рисунком повешенного короля надпись гласила: «Мсье Вето принимает воздушные ванны». Или другой — изображен

гильотинированный король и надпись: «Мсье Вето гильотинирован». Другие караульные уже направились к вдовушке Плюмо за информацией гастрономического характера.

Среди них находились и капитан со стрелком, на которых мы уже обратили внимание.

— А, капитан Диксмер, — сказала кабатчица, — заходите. У меня есть для вас превосходное сомюрское вино!

— Благодарю, гражданка Плюмо, но ведь сомюрское, на мой взгляд, ничего не стоит без сыра бри, — ответил капитан, который прежде чем произнести это, внимательно осмотрелся и заметил, что на полках нет именно этого сыра.

— Капитан, как нарочно у меня только что взяли последний кусок этого сыра.

— Ну что ж, — сказал капитан, — нет сыра, не будет и сомюрского, а ведь я хотел угостить не только своего напарника, но и остальных.

— Прошу тебя, капитан, подожди минут пять, я сбегаяю к консьержу. Он соперничает со мной, и у него всегда есть этот сыр. Пусть я переплачу, но постараюсь для тебя, потому что ты достойный патриот.

— Да, сходи, — ответил Диксмер, — а мы пока сами спустимся в подвал и выберем вино.

— Будь как у себя дома, капитан.

Вдова Плюмо во весь дух понеслась к домику консьержа, а капитан, взяв свечу, вместе со стрелком спустился в подвал.

— Итак, — осмотревшись, сказал Моран, — подвал идет в сторону улицы Порт-Фуэн, глубина девять-десять футов и каменной облицовки нет.

— А какой грунт?

— Известковый туф. Это все наносная земля, ее несколько раз перекапывали, поэтому нигде нет даже намека на камень.

— Быстрее, — воскликнул Диксмер, — я слышу возвращается хозяйка. Возьми пару бутылок и давай наверх.

Они вылезли из подвала как раз в тот момент, когда вдова вернулась с великолепным сыром бри, который они так настойчиво требовали.

Следом за ней вошли несколько солдат, привлеченных превосходным сыром.

Диксмер выставил двадцать бутылок вина, а гражданин Моран рассказывал о самопожертвовании Куртиуса, бескорыстии Фабрициуса, патриотизме Брута и Кассия. Все оценили эти рассказы, также как и сыр бри, и анжуйское вино, предложенное Диксмером.

Пробило одиннадцать часов. В половине двенадцатого менялись

часовые.

— Обычно Австриячка прогуливается с двенадцати до часу, не так ли? — спросил Диксмер у Тизона, который в это время проходил мимо кабачка.

— Точно, с двенадцати до часу. — И он принялся напевать:

В свою очередь поднялась мадам,
Тарам, там там, там там.

Солдаты знали эту грубоватую песенку и встретили ее обычными ухмылками.

Диксмер объявил, что часовые меняются, и теперь их черед стоять на постах до половины второго. Он велел всем поторопиться с завтраком, затем подал знак Морану, чтобы тот взял оружие и, как было условлено, отправился на последний этаж башни, дежурить у той самой будки, в которой прятался Морис, когда заметил подаваемые королеве сигналы из окна дома на улице Порт-Фуэн.

Если бы в момент, когда Моран получил этот приказ, который он так ждал, кто-нибудь взглянул на него, то наверняка отметил бы смертельную бледность его лица, обрамленного черными прядями волос.

Вдруг вокруг Тампля раздался шум, и вдалеке послышались крики и рев.

— В чем дело? — поинтересовался Диксмер у Тизона.

— Да так, мелочи, — ответил тюремщик. — Этот бриссотинский^[39] сброд перед тем как отправиться на гильотину решил устроить нам небольшой бунт.

Шум становился все более угрожающим. Было слышно, как подкатывали артиллерийские орудия. Мимо Тампля с воплями пробежала толпа:

— Да здравствуют секции! Да здравствует Анрио!^[40] Долой бриссотинцев! Долой роландистов!^[41] Долой мадам Вето!

— Хорошо орут! — сказал Тизон, довольно потирая руки, — Пойду открою окно, чтобы мадам Вето могла полностью насладиться любовью, которую питает к ней ее народ.

И он направился к башне.

— Эй, Тизон! — крикнул кто-то мощным голосом.

— Да, генерал, — резко остановившись, ответил тюремщик.

— Сегодня никаких прогулок, — приказал Сантерр. — Узницы не

должны покидать своих комнат.

Приказ не подлежал обсуждению.

— Хорошо! — сказал Тизон. — Это прибавит им огорчений.

Диксмер и Моран мрачно переглянулись, потом в ожидании времени теперь уже бессмысленного караула, прогуливались от кабачка до стены, выходящей на улицу Порт-Фуэн. Моран измерял это расстояние шагами — каждый шаг равнялся трем футам.

— Сколько? — спросил Диксмер.

— Шестьдесят или шестьдесят один фут, — ответил Моран.

— И сколько понадобится дней?

Моран задумался, затем тростинкой начертил на песке какие-то геометрические знаки, которые тотчас же стер.

— Не менее семи.

— Морис будет здесь через неделю, — прошептал Диксмер. Итак, за эту неделю обязательно нужно помириться с ним.

Пробило половину двенадцатого. Моран взял ружье и, вздыхая, в сопровождении капрала пошел сменять часового, который прохаживался на верхней площадке башни.

Глава XIV

Самопожертвование

На следующий день после событий, о которых мы рассказали в предыдущей главе, то есть 1 июня, в десять часов утра Женевьева сидела у окна на своем привычном месте. Она спрашивала себя, почему вот уже три недели как дни стали для нее такими грустными, почему они тянутся так медленно, и почему вместо того, чтобы с нетерпением ждать наступления вечера, теперь она ждет его со страхом?

Ночи ее тоже были печальными. А прежде они были прекрасны: она вспоминала прошедший день и мечтала о завтрашнем.

Ее взгляд упал на ящик с чудесными цветами — это были красные гвоздики. Зимой этот ящик стоял в помещении, где под временным арестом оказался Морис, теперь же она перенесла его в комнату, чтобы распустившиеся цветы радовали ее взор.

Это Морис научил ее ухаживать за цветами в этом деревянном ящике. Она сама их поливала, подрезала, подвязывала под руководством Мориса. Во время его визитов ей нравилось показывать ему цветы, которые росли, благодаря их совместному любовному уходу. Но, с тех пор как Морис перестал приходить, за бедными цветами некому было ухаживать, увядающие бутоны желтели, и полузасохшие цветы свисали по обе стороны ящика.

Взглянув на это плачевное зрелище, Женевьева поняла причину своей печали. Ей подумалось, что дружба схожа с цветами, если ее питать своими чувствами, то сердце от этого расцветает, потом какой-нибудь каприз или несчастье срезает эту дружбу на корню, и бедное сердце, жившее этим, сжимается, изнемогающее и увядшее.

Молодая женщина ощутила ужасную тоску. Чувство, которое она хотела побороть в себе и надеялась, что добилась в этом успеха, кричало, что оно умрет только вместе с ее сердцем. Она была в отчаянии — эта борьба становится для нее все невыносимее. Она склонила голову, поцеловала один из увядших бутонов и заплакала.

Ее муж вошел, когда она вытирала глаза.

Но занятый своими мыслями Диксмер не заметил, какую мучительную боль только что перенесла его жена, не обратил внимания на ее покрасневшие веки.

При появлении мужа, Женевьева быстро поднялась, подбежала к нему

и повернулась так, чтобы окно оказалось у нее за спиной.

— Ну как? — поинтересовалась она.

— Ничего нового. К ней невозможно приблизиться. Ей ничего невозможно передать, невозможно даже увидеть ее.

— Как! — воскликнула Женевьева. — Это все из-за этого бунта в Париже?

— Да! Именно из-за него надзиратели стали вдвое недоверчивее. Они боятся, что во время всеобщей неразберихи кто-нибудь попытается вновь проникнуть в Тампль. В то время, когда Ее Величество должна была подняться на верхнюю площадку башни, Сантерр отдал приказ, запрещающий прогулку и королеве, и мадам Елизавете, и принцессе.

— Бедный шевалье, он должно быть очень расстроен.

— Узнав, что мы лишились такого шанса, он пришел в отчаяние. Он до такой степени побледнел, что мне пришлось увести его оттуда из боязни, что его состояние может нас выдать.

— Но, — робко спросила Женевьева, — разве в Тампле не было никого из ваших знакомых из муниципальной гвардии?

— Там должен был дежурить один наш знакомый, но он не пришел.

— Кто же это?

— Гражданин Морис Линдей, — сказал Диксмер тоном, которому постарался придать видимость безразличия.

— А почему он не пришел? — спросила Женевьева, в свою очередь делая такое же усилие.

— Он болен.

— Болен?

— Да, и даже серьезно. Вы знаете, что он истинный патриот, и, несмотря на это, вынужден был уступить свое дежурство другому.

— Боже мой, Женевьева, вы теперь осознаете, — продолжил Диксмер, — что он, по всей вероятности, избегает встреч и общения с нами.

— Я думаю, друг мой, — ответила Женевьева, — что вы преувеличиваете сложность ситуации. Мсье Морис может не приходить сюда из-за своих капризов, и не видется с нами из-за каких-то пустяков, но тем не менее, он нам не враг. Ведь холодность не исключает вежливости, и я уверена, что своим визитом вы прошли половину пути к примирению.

— Женевьева, — сказал Диксмер, — для того, что мы ждем от Мориса, нужна не вежливость, а настоящая глубокая дружба. Эта дружба разбита, и надеяться не на что.

Диксмер глубоко вздохнул, и его лицо, обычно такое безмятежное,

омрачилось морщинами.

— Нет, — робко произнесла Женевьева, — если вы считаете, что мсье Морис так нужен в ваших делах...

— Я не представляю успеха без его помощи, — ответил Диксмер.

— Тогда почему вы не попытаетесь еще раз посетить гражданина Линдея?

Ей казалось, что если она назовет молодого человека по фамилии, то ее голос будет менее нежен, чем в том случае, если бы она произнесла его имя.

— Нет, — ответил Диксмер, покачав головой. — Я сделал все, что в моих силах. Новый визит может показаться ему странным и возбудить подозрения. И потом, видите ли, Женевьева, в этом деле я вижу глубже, чем вы: в сердце у Мориса рана.

— Рана? — спросила очень взволнованно Женевьева. — О, Боже! Что вы хотите сказать? Говорите же, друг мой!

— Я хочу сказать, и вы в этом убеждены, также как и я, Женевьева, что причина нашего разрыва с гражданином Линдсем не только каприз.

— Что же еще вы считаете причиной разрыва?

— Возможно гордость, — живо ответил Диксмер.

— Гордость?..

— Да, он оказывал нам честь. По крайней мерс он так думал, этот парижский буржуа, этот полуаристократ, судя по тому как он одевается, полуаристократ, скрывающий свою чувствительность под маской патриотизма. Он оказывал нам честь, этот республиканец, всемогущий в своей секции, в клубе, в муниципалитете, жалуя дружбой фабрикантов-кожевенников. Может, мы не всегда шли ему навстречу, может быть, в чем-то мы забывались?

— Но, — вновь заговорила Женевьева, — если мы не всегда шли ему навстречу или в чем-то забывались, то, мне кажется, ваш визит должен был искупить эту вину.

— Да, но только в том случае, если вина исходила от меня. А если она исходила от вас?

— От меня! Ну, в чем я могла провиниться перед мсье Морисом, друг мой? — удивленно произнесла Женевьева.

— Ах, да кто знает? Но разве не вы первая обвиняли его в капризах? Я возвращаюсь к моей первоначальной мысли. Вы, Женевьева, виновны в том, что не написали Морису.

— Я! — воскликнула Женевьева. — Вы так думаете?

— Я не только в данный момент так думаю, — ответил Диксмер, — я

много об этом думал в течение трех недель, пока длится наш разрыв.

— И?... — робко произнесла Женестьева.

— И считаю этот шаг просто необходимым.

— О нет! — воскликнула Женестьева. — Диксмер, не требуйте от меня этого.

— Вы же знаете, Женестьева, что я никогда и ничего от вас не требую: я только прошу. Вы слышите? Я прошу вас написать гражданину Морису.

— Но... — произнесла Женестьева.

— Послушайте, — перебил ее Диксмер, — или у вас были серьезные причины для ссоры с Морисом, потому что по отношению ко мне он не высказал никаких претензий, или ваша ссора — простое ребячество.

Женестьева ничего не ответила.

— Если эта ссора — ребячество, было бы безумием так ее затягивать. И если даже была серьезная причина, то, исходя из положения, в котором мы сейчас находимся, мы тем более не должны — хорошо поймите это — считаться ни с нашим достоинством, ни с самолюбием. Не будем взвешивать все «за» и «против». Пересильте себя, напишите записку гражданину Морису Линдеу, и он вернется.

— Но, — сказала она, — нельзя ли найти другого, менее компрометирующего средства для того, чтобы вернуть полное согласие между вами и мсье Морисом?

— Компрометирующего, так вы сказали? Но, напротив, это как мне кажется, самое естественное средство.

— Но не для меня, друг мой.

— Вы очень упрямы, Женестьева.

— Но согласитесь, что вы сталкиваетесь с моим упрямством впервые.

Диксмер мял в руках носовой платок, которым уже несколько раз вытирал вспотевший лоб.

— Да, — сказал он, — и именно поэтому я очень удивлен.

— Боже мой! — сказала Женестьева. — Диксмер, неужели вы и правда совсем не понимаете причин моего упрямства и хотите заставить меня говорить?

Она уронила голову на грудь, ее руки безвольно повисли вдоль тела.

Диксмер, казалось, сделал над собой невероятное усилие, взял за руку Женестьеву, заставил ее поднять голову и, посмотрев ей в глаза, рассмеялся. Его смех показался бы Женестьеве крайне неестественным, если бы в тот момент она не была так взволнованна.

Я понял в чем дело, — сказал он, — вы правы, я был слеп. С вашим редкостным умом, дорогая Женестьева, с вашим благородством, вы

попались на банальность, вы испугались, как бы Морис не влюбился в вас.

Женевьева почувствовала, как смертельный холод пронзил ее сердце. Эта ирония мужа по поводу любви Мориса, любви неистовой силы, которую, зная характер молодого человека, она ценила и в глубине сердца сама разделяла, боясь признаться в этом самой себе, ошеломила ее. Ей даже не хватало сил взглянуть на мужа. Она чувствовала, что не может что-либо ему ответить.

— Я угадал, не так ли? — продолжал Диксмер. — Но успокойтесь, Женевьева, я знаю Мориса. Это непримиримый республиканец, в сердце которого может быть только одна любовь, любовь к родине.

— Сударь, — воскликнула Женевьева, — вы уверены в том, что сказали?

— Ну, конечно, — ответил Диксмер. — Если бы Морис любил вас, то вместо того, чтобы ссориться с вами, он удвоил бы заботу и предупредительность по отношению к тому, кого намеревался обмануть. Если бы Морис любил вас, он не отказался бы так легко от титула друга дома, с помощью которого и совершают подобные измены.

— Заклинаю вашей честью, — воскликнула Женевьева, — не шутите этим, умоляю Вас!

— А я и не шучу, сударыня. Я говорю, что Морис не любит вас, вот и все!

— А я, — покраснев, воскликнула Женевьева, — говорю вам, что вы ошибаетесь.

— В таком случае, — ответил Диксмер, — Морис, у которого хватило сил скорее удалиться, чем обмануть доверие хозяина, — честный человек. А честные люди теперь редкость, Женевьева, и нужно стараться сблизиться с ними. Женевьева, вы напишете Морису, не так ли?..

— О! Боже мой! — только и произнесла молодая женщина.

И она уронила голову на руки. Тот, на которого она рассчитывала опереться в минуту опасности, вместо того, чтобы поддержать ее, еще и подталкивал к краю пропасти.

Диксмер с минуту смотрел на нее, потом попытался улыбнуться.

— Хватит, дорогая, — сказал он, — не будем больше говорить о женском самолюбии. Если Морис захочет сделать вам какое-то признание, так же как и в первый раз не обращайтесь на это внимание. Я вас знаю, Женевьева. У вас достойное и благородное сердце. Я уверен в вас.

— О, Боже! — воскликнула Женевьева и, сделав шаг, поскользнулась так, что коленом коснулась пола. — Кто может быть уверен в других, когда никто не уверен в себе самом?

Диксмер побледнел так, что казалось вся кровь отхлынула у него от лица к сердцу.

— Женестьева, — сказал он, — я виновен в том, что заставил вас пройти через все муки, которые вы только что испытали. Я должен был сказать вам сразу: Женестьева, мы живем с вами в эпоху великих пожертвований. Женестьева, ради королевы, нашей благодетельницы, я бы пожертвовал не только рукой, головой, но даже и моим счастьем. Некоторые отдадут за нее свои жизни. Я же сделаю для нее больше, ради нее я рискну своей честью, моя честь, если она будет поругана, будет еще одной слезой, которая упадет в океан печали, готовый поглотить Францию. Но моей чести ничего не угрожает до тех пор, пока ее охраняет такая женщину, как Женестьева.

Диксмер впервые раскрыл себя полностью.

Женестьева подняла голову, взглянула на него полными восхищения глазами, медленно встала и подставила лоб для поцелуя.

— Вы этого хотите? — спросила она.

Диксмер утвердительно кивнул головой., х

— Тогда диктуйте.

И она взяла перо.

— Нет, — сказал! Диксмер, — поскольку он помирится с нами после того, как получит письмо от Женестьевы, то пусть же это письмо и будет от Женестьевы, а не от Диксмера.

Диксмер во второй раз поцеловал жену в лоб, поблагодарил ее и вышел.

И тогда дрожащая Женестьева написала:

«Гражданин Морис!

Вы знаете, как вас любит мой муж. Неужели за эти три недели разлуки, которые нам показались вечностью, вы все забыли? Приходите, мы ждем вас. Ваше возвращение будет для нас настоящим праздником.

Женестьева».

Глава XV

Богиня Разума

Как сказали накануне генералу Сантерру, Морис действительно был серьезно болен.

С тех пор как больной не выходил из своей комнаты, Лорэн регулярно навещал его и делал все возможное, чтобы хоть как-то развлечь друга. Морису по-прежнему нездоровилось. Есть такие болезни, когда не хотят поправляться.

Первого июня Лорэн пришел около часа.

— Что за праздник сегодня? — поинтересовался Морис. — Ты просто великолепен.

И действительно, на Лорэне был костюм, строго соответствующий времени: красный колпак, якобинская куртка и трехцветный пояс, украшенный игрушками, которые называются пистолетами.

— Вначале, — сказал Лорэн, — будет разгром Жиронды, которая уже доживает Последние часы, о чем извещает барабанный бой. Сейчас, например, на площади Каррусель уже готовят ядра для пушек. Затем, послезавтра, состоится большое торжество, на которое я тебя приглашаю.

— А что сегодня? Ты ведь сказал, что зашел за мной?

— Ах да! Сегодня у нас репетиция.

— Какая репетиция?

— Репетиция большого торжества.

— Мой дорогой, — сказал Морис, — ты ведь знаешь, что я, никуда не выхожу уже целую неделю и, следовательно, ничего не знаю. Нужно, чтобы ты мне всё объяснил.

— Как! Разве я тебе ничего не говорил?

— Ничего.

— Ну, прежде всего, ты уже знаешь, что мы некоторое время назад упразднили старого Бога и заменили его новым.

— Да, знаю.

— А теперь, кажется, все заметили, что новое божество — умеренный, роландист и жирондист.

— Лорэн, хватит святотатствовать. Ты же знаешь, я это не люблю.

— Мой дорогой, чего же ты хочешь? Нужно жить в своем времени. Я ведь тоже любил его, этого прежнего Бога, хотя бы потому, что я к нему привык. Ну, а, что касается нового божества, то он действительно виновен,

потому что с тех пор, как он на небесах, все идет вкривь и вкось, ну и, наконец, наши законодатели подписали декрет о своем отказе от власти...

Морис пожал плечами.

— Можешь пожимать плечами сколько угодно.

— Ну что же, — продолжал Лорэн, — пойдем, полюбуешься богиней Разума.

— Зачем ты впутываешься во все эти маскарады? — спросил Морис.

— Друг мой, если бы ты знал богиню Разума так, как знаю ее я, ты бы стал одним из самых ярых ее приверженцев. Я хочу вас познакомить, я представляю тебя ей.

— Оставь меня в покое с твоими глупостями. Мне грустно, и ты это прекрасно знаешь.

— Тем более, черт возьми! Она хоть немного тебя развеселит, это хорошая девушка... Да ты ведь ее знаешь, эту суровую богиню, которую парижане собираются украсить лавровыми венками и возить в позолоченной повозке! Это... угадай...

— Ну, как я могу угадать?

— Это Артемиза.

— Артемиза? — переспросил Морис, пытаясь вспомнить, что у него связано с этим именем.

— Ну, высокая брюнетка, с которой я познакомил тебя в прошлом году, на балу в Опере. Ты потом еще пошел с нами ужинать.

— А, да, действительно, — ответил Морис, — теперь припоминаю. Так это она?

— Да, у нее больше всех шансов получить этот титул. Я представил ее на конкурс, все фермопилы обещали мне отдать за нее свои голоса. Через три дня состоится конкурс, а сегодня — подготовительный обед. Сегодня мы будем разливать шампанское, а послезавтра, возможно, будем разливать кровь? Но пусть разливают, что хотят, Артемиза станет богиней, черт меня побери! Итак, пойдем, примерим ей тунику.

— Благодарю, но у меня всегда было отвращение к подобным вещам.

— Одевать богинь? Черт возьми, дорогой мой! С тобой очень нелегко. Хорошо, если это может тебя развеселить, то я буду надевать на нее тунику, а ты — снимать.

— Лорэн, я болен. Я не только не могу сам веселиться, но мне плохо и от веселья других.

— Ты меня просто пугаешь, Морис: ты больше не дерешься, не смеешься. Ты, случайно, не участвуешь в каком-нибудь заговоре?

— Не выдумывай, Лорэн. Оставь меня в покое. Я не могу и не хочу

никуда идти. У меня постельный режим, я остаюсь.

Лорэн почесал за ухом.

— Я вижу в чем тут дело, — сказал он.

— Что же ты видишь?

— Я вижу, что ты ждешь богиню Разума.

— Черт возьми, — разозлился Морис, — очень тягостно иметь таких остроумных друзей. Уходи, или я осыплю проклятиями и тебя, и твою богиню...

— Давай, осыпай...

Но стоило Морису поднять руку, чтобы усилить слова жестом, как вошел слуга и протянул ему письмо.

— Гражданин Ажесилас^[42], тыходишь в самый неподходящий момент, — воскликнул Лорэн. — Именно сейчас твой хозяин собирался проявить себя во всем великолепии.

Морис опустил руку и с полным безразличием потянулся за письмом. Но стоило ему лишь коснуться конверта, как он вздрогнул, с жадностью поднес письмо к глазам, пожирая взглядом и почерк, и печать. Побледнев так, что, казалось, сейчас последует обморок, он распечатал конверт.

— О! — прошептал Лорэн. — Вот, кажется, и у тебя пробуждается интерес к жизни.

Но Морис больше его не слушал, целиком погрузившись в эти несколько строк, написанных Женевьевой. Прочитал их раз, потом перечитал два, три, четыре раза. Потом он вытер лоб и уронил руку с видом ошавевшего человека.

— Черт побери! — закричал Лорэн. — Кажется, пришло письмо с хорошими известиями?

Морис в пятый раз перечитал текст, и вновь румянец окрасил его лицо. Иссохшие глаза вновь увлажнились, глубокий вздох расширил грудь, и Морис, позабыв о болезни и слабости, выпрыгнул из кровати.

— Одежду! — крикнул он удивленному слуге. — Мою одежду, дорогой Ажесилас. О, Лорэн, мой добрый Лорэн, я ведь ждал это письмо каждый день, но, по правде говоря, уже не надеялся. Так, белые штаны, рубашка с жабо. Сейчас же бриться и причесываться!

Слуга бросился выполнять приказания Мориса.

— О! Вновь увидеть ее! — воскликнул молодой человек. — Лорэн, ведь до сих пор я не знал, что такое счастье.

— Бедный Морис, — заметил Лорэн, — мне кажется, тебе надо сделать то, что я тебе посоветовал.

— О, дорогой друг, — опять воскликнул Морис, — прости меня, но

сейчас я совсем потерял голову.

— Возьми мою, — смеясь ответил Лорэн, довольный своей шуткой.

Морис тоже рассмеялся, и другу было удивительно вновь слышать его смех.

Счастье вновь вернуло ему чувство юмора.

Но это было еще не все.

— Вот возьми, — сказал он, протягивая цветущую ветку апельсинового дерева, — передай от моего имени этот цветок достойной вдове Мавзола^[43].

— Вот так галантность! — воскликнул Лорэн. — Прощаю тебя, потому мне кажется, что ты влюблен, а я всегда с глубоким почтением отношусь к большим несчастьям.

— Да, я влюблен, — проговорил Морис, сердце которого разрывалось от захлестнувшего его счастья. — Да, я влюблен и теперь знаю, что она меня тоже любит. Если бы она меня не любила, то не позвала бы, не так ли, Лорэн?

— Согласен, — ответил обожатель богини Разума. — Но то, как ты воспринимаешь подобные вещи, меня просто пугает.

Часто любовь Эгерии^[44]
оборачивается изменой
Тирана по имени Купидон.
Люби Разум, как я люблю,
О нем ведь порой забывают,
И глупость не сделаешь ты.

— Браво! Браво! — закричал Морис, хлопая в ладоши.

Он бросился к лестнице, перепрыгивая через четыре ступени, выбежал на улицу и устремился в знакомом направлении — на старинную улочку Сен-Жак.

— Это он мне аплодировал, как ты думаешь, Ажесилас? — спросил Лорэн.

— Да, конечно, гражданин, и в этом нет ничего удивительного, то, что вы прочли, было очень красиво.

— В таком случае он болен еще сильнее, чем я думал, — заметил Лорэн.

И в свою очередь он спустился по лестнице, только более спокойно. Ведь Артемиза не была Женевьевой.

Едва Лорэн с цветущей веткой апельсинового дерева вышел на улицу Сент-Оноре, как толпа молодых граждан почтительно проследовала за ним, несомненно принимая его за одного из тех добродетельных молодых людей, которым Сен-Жюст^[45] предлагал носить белые одежды и ходить, держа в руке флер-доранж.

Этот эскорт разрастался, поскольку в то время добродетельного молодого человека можно было встретить весьма редко.

И вся процессия была свидетелем того, как цветы были преподнесены Артемизе. Это был знак внимания, от которого остальные претендентки на титул богини Разума сделались просто больными.

В этот же вечер по Парижу распространилась известная теперь кантата:

Да здравствует богиня Разума!
Ясное пламя и мягкий твой свет.

И поскольку эта кантата дошла до нас без имени ее автора, установление которого потребует от исследователей этого периода истории Франции большой настойчивости, мы возьмем на себя смелость утверждать, что она была сочинена для прекрасной Артемизы нашим другом Гиацинтом Лорэном.

Глава XVI

Блудный сын

Даже если бы у него за спиной выросли крылья, Морис не смог бы бежать быстрее.

Улицы были заполнены народом, но Морис замечал толпу только потому, что она замедляла его бег. Говорили, что Конвент осажден, что большинство народа недоволено им, что депутатов не выпускают из здания. Очевидно, в этих слухах была доля истины, поскольку гремела барабанная дробь и слышались пушечные выстрелы.

Но что значили в этот момент для Мориса и пальба, и удары набата? Что ему до того, что депутаты не могут выйти из здания? Он несея со всех ног.

На бегу он представлял, как Женевьева ждет его у окна, выходящего в сад, чтобы еще издалека, только заметив его, послать свою самую очаровательную улыбку.

Несомненно и Диксмера предупредят о его счастливом возвращении, и он протянет Морису свою мягкую большую руку для преданного и искреннего рукопожатия.

В этот день он любил Диксмера, любил даже Морана с его черными волосами и зелеными очками, под которыми угадывался неискренний взгляд.

Он любил всех, потому что был счастлив. Он охотно осыпал бы всех встречных цветами, чтобы и они были счастливы также как он.

Но в своих ожиданиях Морис обманывался, как это обычно бывает с девятнадцатью из двадцати слушающих только голос своего сердца.

Вместо того, чтобы ждать Мориса с самой нежной улыбкой, Женевьева дала себе обещание встретить его холодной вежливостью. Это был слабый заслон, который она хотела поставить бурному потоку, бушевавшему в ее сердце.

Она поднялась в свою комнату на втором этаже и решила спуститься, только когда ее позовут.

Увы! Она тоже обманывала себя.

Не обманывался только Диксмер, он ждал появления Мориса за оградой и иронично улыбался.

Что же касается гражданина Морана, то он, как всегда, был занят своими делами.

Морис толкнул маленькую дверь, которая вела в сад. Как и раньше прозвонил колокольчик, извещая о его приходе.

Стоящая у закрытого окна Женевьева вздрогнула.

Она опустила занавеску, которую держала чуть отодвинутой.

Первое, что ощутил Морис, вернувшись в этот дом, было разочарование. Женевьева не только не ждала его у окна на первом этаже, но и войдя в салон, где они расстались, он не обнаружил ее и с горечью про себя отметил, что за три недели отсутствия стал здесь чужим.

Его сердце сжалось.

Морис увидел Диксмера. Тот подбежал к нему со словами радости.

Тогда появилась и Женевьева, которая перед этим долго хлопала себя по щекам, чтобы вызвать прилив крови. Но ей не удалось даже дойти до конца лестницы, как весь этот искусственный румянец исчез, отхлынув к сердцу.

Морис заметил, как Женевьева появилась в дверном проеме, он приблизился к ней, чтобы поцеловать руку. Вот тогда-то он и заметил, как изменилась молодая женщина.

В свою очередь, она с ужасом отметила его худобу и лихорадочный блеск глаз.

— Ну вот и вы, сударь? — произнесла она с волнением, которое ей не удалось скрыть.

А ведь она обещала себе, что при встрече будет говорить безразличным тоном: «Здравствуйте, гражданин Морис. Почему вы так редко бываете у нас?»

Но произнесенное ею приветствие показалось Морису холодным.

Диксмер сразу прекратил эти затянувшиеся взаимные разглядывания, приказав подать обед. Было около двух часов.

В столовой Морис заметил, что его прибор тоже был на столе.

Пришел и гражданин Моран, одетый в коричневый костюм. У нет были все те же очки с зелеными стеклами, те же пряди черных волос и то же белое жабо. Морис держался миролюбиво и всем присутствующим внушал гораздо меньше опасений, так как был у них перед глазами, а не находился где-то в отдалении.

Ну какова была вероятность того, что Женевьева любила этого маленького химика? Нужно быть очень влюбленным, а следовательно сумасшедшим, чтобы придумать такую нелепость.

Да и момент для ревности был явно неподходящим. В кармане у Мориса лежало письмо от Женевьевы, и сердце его, прыгая от радости, казалось куда-то падает.

Женевьева вновь обрела спокойствие. У женщин есть такая особенность: настоящее почти всегда может стереть у них следы прошлого и угрозы будущего.

Женевьева почувствовала себя счастливой и овладела собой, то есть стала спокойной и холодной, несмотря на ее приветливость при встрече. Этот нюанс ее поведения Морис так и не смог понять. Лорэну легче, он, наверняка, нашел бы какое-нибудь объяснение в творениях своих любимых авторов.

Разговор зашел о богине Разума. Падение жирондистов и рождение нового культа, который все небесное наследство передавал в женские руки — эти два события были главными на этот день. Диксмер утверждал, что он бы не рассердился, если бы честь быть богиней Разума была бы оказана Женевьеве. Морис хотел было рассмеяться, но Женевьева оказалась того же мнения, что и ее муж. Морис, глядя на них, поразился, что дух патриотизма затмил даже трезвый ум Диксмера и повлиял на поэтическую натуру Женевьевы.

Моран развивал мысль о роли женщины в политике, вспоминая деятельность Теруань де Мерикур^[46], героини событий 10 августа и мадам Ролан^[47], которая была душой Жиронды. Затем он метнул несколько словесных стрел против женщин из народа, участвовавших в заседаниях Конвента. Эти слова заставили Мориса улыбнуться. А ведь это были злые насмешки над женщинами-патриотками, которым впоследствии придумали отвратительное название — лакомки гильотины.

— Гражданин Моран, — остановил его Диксмер, — давайте-ка уважать патриотизм, даже когда он заблуждается.

— А я считаю, — произнес Морис, — что касается патриотизма, то женщины всегда в достаточной мере патриоты, если, конечно, они не слишком аристократичны.

— Вы правы, — ответил Моран, — но я открыто заявляю, что считаю женщину достойной презрения, если она приобретает мужские манеры, а мужчину — подлецом, если он оскорбляет женщину даже в том случае, если женщина его заклятый враг.

Моран очень естественно подвел Мориса к этой деликатной теме. Морис утвердительно кивнул головой. Полемика была начата, и Диксмер добавил:

— Минуточку, минуточку, Моран, надеюсь, вы исключите тех женщин, которые являются врагами нации?

После этого замечания несколько минут стояла тишина...

И эту тишину нарушил именно Морис.

— Не будем исключать никого, — грустно сказал он. — Женщины, которые были врагами нации, уже сегодня достаточно наказаны, как мне кажется.

— Вы говорите об узниках Тампля? Об Австриячке, о сестре и дочери Капета? — произнес Диксмер такой скороговоркой, что лишил свою фразу всякого выражения.

Моран побледнел в ожидании ответа молодого республиканца, остальные пребывали в таком же напряжении — ведь они придавали ответу огромное значение.

— Да, я говорю именно о них, — пояснил Морис.

— Как! — сдавленным голосом сказал Моран. — Так это правда, что о них говорят, гражданин Морис?

— А что говорят? — спросил молодой человек.

— Что с ними жестоко обращаются как раз те, чей долг их защищать.

— Есть такие, кто недостойн называться мужчиной. Есть неспособные сражаться подлецы, которым нужно мучить побежденных для того, чтобы убедить самих себя в том, что они — победители.

— О! Вы совсем не из таких, Морис, я в этом абсолютно уверена, — воскликнула Женевьева.

— Сударыня, — ответил Морис, — во время казни короля я должен был убить каждого, кто захотел бы спасти его. И тем не менее, когда он проходил мимо меня, я невольно снял шляпу и, повернувшись к своему отряду, сказал: «Граждане, я вас предупреждаю, что изрублю всякого, кто посмеет оскорбить бывшего короля!»

— И после этого предупреждения не последовало ни одного возгласа. Кстати, я собственноручно написал первое из десяти тысяч объявлений, которые были расклеены по Парижу, когда король возвращался из Варенны:

«Кто поклонится королю — будет избит,
Кто оскорбит его — будет повешен.»

— Итак, — продолжал Морис, не замечая, какой потрясающий эффект произвели на присутствующих его слова, — я в достаточной мере доказал, что являюсь истинным патриотом, что ненавижу королей и их сторонников. И я заявляю, что несмотря на мои взгляды, а они основаны на глубоких убеждениях, несмотря на то, что считаю Австриячку виновной в большей части тех бед, которые приносят горе Франции, никогда ни один мужчина,

кто бы он ни был, будь это даже сам Сантерр, не оскорбит бывшую королеву в моем присутствии.

— Гражданин, — перебил его Диксмер, покачав головой, как сделал бы человек, не одобряющий подобной смелости, — знаете, вам нужно быть очень уверенным в нас, чтобы говорить подобное.

— Я могу сказать это перед вами и перед кем угодно, Диксмер. Еще добавлю: она, может быть, погибнет на эшафоте также, как и ее муж, но я не из тех, кому женщина внушает страх, я соблюдаю законы человечности по отношению к тем, кто слабее меня.

— А королева, — робко спросила Женевьева, — показывала ли она как-нибудь, мсье Морис, что она ценит вашу порядочность по отношению к ней?

— Узница неоднократно благодарила меня за проявленное уважение, сударыня.

— Выходит, она с удовольствием ждет, когда же наступит ваше дежурство?

— Надеюсь на это, — ответил Морис.

— Тогда значит, — произнес Моран, дрожа, — вы и детей не мучаете?

— Я? — воскликнул Морис. — Спросите у этого подлого сапожника Симона, как тяжела моя рука, он это хорошо прочувствовал, когда посмел бить молодого Капета.

Этот ответ произвел за столом Диксмера самопроизвольное движение: все собравшиеся почтительно встали.

Только Морис продолжал сидеть и даже не подозревал, что явился причиной этого порыва восхищения.

— А в чем дело? — с удивлением спросил он.

— Мне показалось, что позвали из мастерской, — ответил Диксмер.

— Нет, нет, — отозвалась Женевьева, — мне тоже так показалось, но мы ошиблись.

И все снова заняли свои места.

— Так это, значит, о вас говорят, гражданин Морис? — спросил Моран дрожащим голосом. — Так это, значит, вы тот гвардеец, кто так благородно защитил ребенка?

— А разве об этом говорят? — наивно спросил Морис.

— Вот оно, благородное сердце, — сказал Моран, поднимаясь из-за стола, чтобы больше не проявить случайно своих чувств. Он направился в мастерскую, как будто там его ждала срочная работа.

— Да, гражданин, об этом говорили, — ответил Диксмер, — и смею заметить, что все мужественные и благородные люди восхищались вами,

даже не зная вас.

— И оставим его неизвестным, — сказала Женевьева. — Это очень опасная слава.

Итак, в этой беседе каждый высказал свое отношение к героизму, самопожертвованию и чувствительности, вплоть до признания в любви.

Глава XVII

«Горняки»

Когда обед был закончен, Диксмеру доложили, что в кабинете его ожидает нотариус. Он извинился перед Морисом, с которым именно так он обычно и расставался, и направился к себе.

Речь шла о приобретении небольшого дома на улице Кордери, напротив сада у башни Тампль. Диксмер скорее покупал место, а не полуразрушенный дом, который намеревался восстановить.

Поэтому его владелец почти не торговался. В то же утро нотариус встретился с ним, и они сошлись на цене в девятнадцать тысяч пятьсот пятьдесят ливров. Оставалось только подписать купчую и выдать сумму в обмен на это строение. Владелец должен был полностью освободить дом в тот же день, а на следующий — рабочие должны были приступить к его реставрации.

Купчая была подготовлена, Диксмер и Моран направились на улицу Кордери вместе с нотариусом, чтобы тотчас же осмотреть новое приобретение, ведь они покупали дом без предварительного осмотра.

Это строение находилось неподалеку от того места, где сейчас находится дом № 20, было оно четырехэтажным, с мансардой. Нижний этаж раньше сдавали виноторговцу, поэтому под домом находились великолепные подвалы.

Их-то особенно и расхваливал владелец, потому что подвалы были своеобразной достопримечательностью дома. Диксмер и Моран, казалось, не обратили на подвалы особого внимания, но тем не менее оба из любезности вместе с домовладельцем спустились и осмотрели то, что он называл подземельем.

Хозяин дома несколько не преувеличивал, подвалы действительно были великолепны. Один из них находился под улицей Кордери. Было слышно, как наверху по мостовой проезжали экипажи.

Казалось, Диксмер и Моран не заинтересовались этим роскошным подземельем и даже поговорили между собой о том, чтобы засыпать его. Ведь то, что было необходимо торговцу вином, было абсолютно ни к чему двум добропорядочным буржуа, рассчитавшим занять весь дом.

Осмотрев подвалы, они поднялись на второй этаж, потом на третий и на четвертый. С четвертого сад Тампля был весь как на ладони, по нему разгуливал караул из муниципальной гвардии, получивший эту территорию

для своих нужд с тех пор, как члены королевской семьи сюда не выходили.

Диксмер и Моран увидели также вдовушку Плюмо, как всегда суетившуюся у своего кабачка. Сами же они, конечно, не хотели, чтобы она их тоже узнала, поэтому стали у окна позади хозяина, который расхваливал очередную достопримечательность этого дома.

Покупатель захотел осмотреть мансарду.

Владелец дома не ожидал этого, и у него не оказалось с собой ключей. Однако, при виде продемонстрированной ему пачки ассигнаций тотчас же отправился за ними вниз.

— Я не ошибся, — сказал Моран, — этот дом как нельзя лучше подходит для нашего дела.

— А что вы скажете о подвалах?

— Это просто помощь Провидения, которое сократит нашу работу на два дня.

— Вы уверены, что подвалы тянутся в сторону кабачка за стенами Тампля?

— Они отклоняются немного влево, но это не страшно.

— Каким же образом, — спросил Диксмер, — вы станете продвигаться под землей в нужном направлении?

— Будьте спокойны, дорогой друг, я уже подумал об этом.

— А если мы отсюда подадим королеве условный знак?

— Она не сможет увидеть его со своей площадки. Только мансарда может находиться на нужном уровне, да и то я пока сомневаюсь. Надо посмотреть.

— Неважно, — ответил Диксмер, — Тулан или Мони смогут увидеть наш сигнал откуда-нибудь и предупредят Ее Величество.

Диксмер завязал на ситцевой занавеске несколько узлов и выставил ее из окна, словно занавеску выдуло ветром.

Потом оба, будто бы им не терпелось осмотреть мансарду, подошли к лестнице и стали ждать владельца дома. Уходя, они закрыли дверь четвертого этажа, чтобы владельцу не пришлось в голову убрать обратно в комнату развевающуюся занавеску.

Мансарда, как и предвидел Моран, оказалась ниже уровня верхней площадки Тампля. Это было одновременно и трудностью, и преимуществом: трудность заключалась в том, что нельзя было продолжать общаться с королевой с помощью условных знаков, а преимуществом же было то, что отсутствие этой возможности исключало всякое подозрение.

Ведь за высокими домами наблюдали особо.

— Надо бы через Мони, Тулана или дочь Тизона как-то сообщить

королеве, чтобы она была начеку, — прошептал Диксмер.

— Я подумаю об этом, — ответил Моран.

И они спустились вниз, где в салоне их ожидал нотариус с приготовленной купчей.

— Хорошо, — сказал Диксмер, — дом мне подходит. Отсчитайте гражданину 19 тысяч 550 ливров, и пусть он ставит свою подпись.

Владелец дома тщательно пересчитал деньги и расписался.

— Тебе известно, гражданин, — сказал Диксмер, — мое главное условие? Дом должен быть освобожден сегодня, потому что завтра сюда придут мои рабочие.

— Да, конечно, гражданин. Ты можешь взять ключи. Сегодня вечером, к восьми часам, дом будет абсолютно пуст.

— Извини, — сказал Диксмер, — но нотариус говорил, что из дома есть также выход на улицу Порт-Фуэн?

— Да, гражданин, есть, — ответил домовладелец, — но я его закрыл, потому что у меня один слуга, ему трудно следить сразу за двумя входными дверьми. Если поработать там пару часов, то и ту дверь можно будет прекрасно использовать. Хотите в этом убедиться?

— Спасибо, не стоит, — ответил Диксмер, — мне совершенно не нужна та дверь.

И они удалились, в третий раз напомнив владельцу, что тот обещал освободить дом к восьми часам вечера.

Они вернулись в девять. За ними на некотором расстоянии следовали человек пять-шесть, на которых при общем беспорядке, царившем в Париже, никто не обратил внимания.

Сначала они вошли в дом вдвоем: бывший владелец сдержал слово, дом был абсолютно пуст.

Ставни были тщательно закрыты. Высекли огонь и зажгли свечи, которые захватил с собой Моран.

Затем в дом, один за другим, вошли сопровождавшие их мужчины. Это оказались контрабандисты, которые однажды вечером хотели убить Мориса, а впоследствии стали его друзьями.

Заперли двери и спустились в подвал.

И вот подвал, на который днем совсем не обращали внимания, вечером стал самой важной частью всего дома.

Сначала закрыли все отверстия, через которые любопытный взгляд мог проникнуть внутрь.

Потом Моран перевернул пустую бочку, взял лист бумаги и стал чертить на нем карандашом геометрические фигуры.

А в это время его товарищи с Диксмером вышли из дома, прошли на улицу Кордери, туда, где она пересекается с улицей Бос и остановились у закрытого экипажа.

В этом экипаже находился человек, который молча выдал каж дому шанцевые инструменты: одному — заступ, другому — кирку, третьему — лопату, четвертому — мотыгу. И каждый спрятал полученный инструмент под широким плащом. «Горняки» опять направились к дому, а экипаж исчез.

Моран закончил свои расчеты. Он встал прямо в углу подвала.

— Копайте здесь, — сказал он.

И спасители королевы тотчас же принялись за работу.

Положение узниц Тампля становилось все более тяжелым и мучительным. Какое-то время у королевы, мадам Елизаветы и принцессы была небольшая надежда. Гвардейцы из муниципальных войск Тулан и Лепитр сочувствовали августейшим узницам и проявляли к ним внимание. Сначала не привыкшие к этому бедные женщины им не доверяли. Но разве можно не доверять, когда надеешься? Да и что еще могло случиться с королевой, которая была разлучена с сыном тюрьмой, а с мужем смертью? Погибнуть на эшафоте, как он? Она уже думала об этом и свыклась с этой мыслью.

Когда в первый раз дежурили Тулан и Лепитр, королева спросила у них, действительно ли они интересуются ее судьбой и попросила подробнее рассказать о гибели короля. Это было грустное испытание, которому она подвергла их сочувствие.

Королева попросила принести ей газеты, в которых рассказывалось о казни. Лепитр пообещал захватить их с собой в следующий раз, их смена была через три недели.

Пока был жив король, в Тампле дежурили четыре гвардейца из муниципалитета. После смерти короля гвардейцев стало трое: один дежурил днем, а двое — ночью. Тулан и Лепитр придумали хитрость, благодаря которой всегда дежурили вместе по ночам.

Часы дежурства обычно распределялись по жребию: на одной бумажке писали «день», а на двух других — «ночь», бросали в шляпу, а затем гвардейцы по очереди вытаскивали их. Таким образом случай определял время дежурства.

Каждый раз, когда дежурили Лепитр и Тулан, они на всех трех бумажках писали «день» и предлагали третьему гвардейцу тянуть жребий. Тот испытывал судьбу, и, конечно же, на его бумажке всегда было написано, что он должен дежурить днем. Тулан и Лепитр брали оставшиеся бумажки

и тихонько ворчали, что им всегда достается самое неприятное для дежурства время, то есть ночь.

Когда королева убедилась в их добром отношении, то наладила через них связь с шевалье де Мезон-Ружем. Но тогда попытка освобождения не удалась. Королева и мадам Елизавета должны были бежать, переодевшись в офицеров муниципальной гвардии, их должны были обеспечить пропусками. Что же касается детей королевы, принцессы и дофина, то для их похищения был придуман другой план. Служитель, который зажигал в Тампле масляные лампы, всегда приводил с собой двоих детей, которые были такого же возраста, что и принц с принцессой. Один из заговорщиков, Тюржи, должен был одеть костюм этого служителя и вывести королевских детей.

А теперь несколько слов об этом Тюржи.

Это был старый лакей, который обычно прислуживал королю за столом, он был переведен в Тампль из Тюильри вместе с несколькими слугами, потому что на первых порах стол короля был просто роскошен. В первый месяц заключения он стоил нации в 30–40 тысяч франков.

Но можно легко догадаться, что подобная расточительность не могла продолжаться долго. Коммуна издала приказ. Из Тампля отослали поваров, кухарок и поварят. Оставили только одного лакея, это и был Тюржи. Вполне естественно, что Тюржи был посредником между узниками и их сторонниками, потому что имел право выходить из Тампля, а стало быть, мог относить записки и приносить ответы.

Обычно эти ответы были скручены и спрятаны в пробки графинов с миндальным молоком, которые приносили королеве и мадам Елизавете. Они были написаны с помощью лимонного сока и становились видимыми, только когда их подносили к огню.

Все было готово для побега, но однажды Тизон раскурил свою трубку с помощью пробки от графина. По мере того, как бумага горела, он стал замечать проявляющийся на ней текст. Тизон потушил наполовину сгоревшую бумагу и принес ее остатки в Совет Тампля. Там ее поднесли к огню, но прочитать могли лишь обрывки слов, поскольку другая половина записки превратилась в пепел.

Опознали почерк королевы. Тизона допросили, и он рассказал, что со стороны Лепитра и Тулана, по его мнению, наблюдается в отношении узницы попустительство. На гвардейцев донесли в муниципалитет, и они больше в Тампле не появлялись.

Оставался Тюржи.

Но подозрительность достигла высшей точки. Его никогда не

оставляли с принцессами наедине. Всякое сношение с внешним миром сделалось невозможным.

В один из дней мадам Елизавета отдала Тюржи маленький ножичек с золотым лезвием, которым она пользовалась, разрезая фрукты, чтобы он его почистил. У Тюржи появились кое-какие догадки, и во время чистки он отделил ручку. Внутри лежала записка.

В этой записке был перечень условных знаков.

Тюржи протянул нож мадам Елизавете, но находившийся поблизости гвардеец вырвал его и внимательно осмотрел, также отделив ручку от лезвия. К счастью, записки там не было. Но гвардеец тем не менее конфисковал нож.

Это было как раз в то время, когда неутомимый шевалье де Мезон-Руж мечтал о повторной попытке и собирался осуществить задуманное с помощью дома, который только что приобрел Диксмер.

Мало-помалу узницы потеряли надежду на спасение. В этот день королева была напугана криками, доносящимися с улицы. Она поняла, что обвиняли жирондистов, которые были последним оплотом умеренности. И от всего этого королеву охватила смертельная тоска. Если не будет жирондистов, то в Конвенте некому будет защищать королевскую семью.

В семь часов подали ужин. Гвардейцы тщательным образом осмотрели все блюда, развернули одну за другой все салфетки, прощупали хлеб и вилкой, и пальцами, разбили орехи, короче, все прошло через их руки. Они очень боялись, чтобы какая-нибудь записка не дошла до узниц. Проверив все, они пригласили членов королевской семьи к столу:

— Вдова Капета, ты можешь есть.

Королева покачала головой в знак того, что она не голодна.

Но в этот момент принцесса подошла к матери, будто хотела ее обнять, и чуть слышно шепнула:

— Садитесь за стол, я думаю, будет какой-то сигнал от Тюржи.

Королева вздрогнула и подняла голову. Напротив нее стоял Тюржи, через его левую руку была переброшена салфетка, а взглядом он указывал на правую руку.

Королева встала, подошла к столу и заняла свое обычное место.

За их трапезой наблюдали два гвардейца. Им было запрещено даже на секунду оставлять узниц наедине с Тюржи.

Ноги королевы и мадам Елизаветы встретились под столом и слегка коснулись друг друга.

Королева сидела лицом к Тюржи, и все движения лакея, прислуживающего за столом, были ей хорошо видны. Впрочем, все его

жесты были настолько естественны, что не могли вызвать, да и не вызвали никаких подозрений у надзирателей.

После ужина со стола убирали с такими же мерами предосторожности, как и накрывали: мельчайшие крошки хлеба были подняты и тщательно осмотрены, после чего Тюржи вышел первым, за ним — гвардейцы. Оставалась жена Тизона.

После того как ее разлучили с дочерью, о судьбе которой она абсолютно ничего не знала, эта женщина стала совершенно свирепой. Каждый раз, когда королева обнимала свою дочь, жену Тизона обуревала безумная ярость, и королева, материнское сердце которой понимало горе другой матери, часто останавливалась именно в тот момент, когда хотела предаться единственному утешению, которое ей еще оставалось, — прижать к сердцу свою дочь.

Тизон вернулся за женой, но та заявила, что не уйдет до тех пор, пока вдова Капета не ляжет спать.

Мадам Елизавета ушла в свою комнату.

Королева и принцесса разделись и легли, лишь тогда жена Тизона взяла свечу и вышла.

Охранники тоже улеглись, расположившись в коридоре на своих складных брезентовых кроватях.

Луна, эта бледная гостья узниц, скользнула косым лучом через отверстие в навесе и окно к подножию кровати королевы.

Какое-то время все в комнате было тихо.

Потом тихонько отворилась дверь, и чья-то тень скользнула через полосу лунного света и подошла к изголовью кровати. Это была мадам Елизавета.

— Вы видели? — прошептала она.

— Да, — ответила королева.

— Вы поняли?

— Да. Но не могу в это поверить.

— Давайте повторим эти знаки.

— Сначала он коснулся своего глаза, чтобы дать нам понять, что есть новости.

— Затем переложил салфетку с левой руки на правую, а это значит, что вопросом нашего освобождения занимаются опять.

— Потом он поднес руку ко лбу, а это значит, что помощь к нам придет из страны, а не из-за границы.

— Потом, когда вы попросили его не забыть принести завтра ваше миндальное молоко, он завязал на платке два узла.

— Значит, опять нам пытаются помочь шевалье де Мезон-Руж. Благородное сердце!

— Это он, — сказала мадам Елизавета.

— Вы спите, дочь моя? — спросила королева.

Нет, матушка, — ответила принцесса.

— Тогда молитесь за него, вы знаете, за кого.

Мадам Елизавета бесшумно вернулась в свою комнату, и потом в течение пяти минут был слышен голос принцессы, которая в тишине ночи беседовала с Богом.

Это было как раз в тот момент, когда по указанию Морана в подвале небольшого дома на улице Кордери раздались первые удары заступов.

Глава XVIII

Тучи

Пережив упоение первых взглядов после разлуки, Морис понял, что Женевьева оказала ему совсем не такой прием, как он ожидал. Он рассчитывал на встречу с глазу на глаз, чтобы вновь обрести утраченное или хотя бы развеять сомнения.

Но Женевьева препятствовала его планам, решив не оставаться с ним наедине, ведь она хорошо помнила, что эти свидания были весьма опасными, несмотря на всю их нежность.

Морис надеялся на завтрашний день, так как сегодня к Женевьеве с визитом пришла одна из родственниц, приглашенная заранее. На сей раз Морису нечего было ей сказать, поскольку Женевьева могла быть в этом и невиновна.

Когда он собрался уходить, Женевьева попросила Мориса проводить родственницу на улицу Фоссе-Сен-Виктор.

Морис ушел, надув губы, но Женевьева улыбнулась ему на прощанье и он принял эту улыбку, как обещание.

Увы! Морис обманывался. На следующий день, 2 июня, в тот ужасный день, когда пали жирондисты, он спровадил своего друга Лорэна, который непременно хотел пойти с ним в Конвент, отложил все дела, чтобы навестить свою подругу. Таким образом Свобода имела в лице Женевьевы опасную соперницу.

Морис застал Женевьеву в ее маленьком салоне. Она была полна грации и предупредительности, но вместе с ней в салоне находилась молодая горничная с трехцветной кокардой, которая вышивала инициалы на носовых платках, сидя в углу у окна, и не ушла при появлении Мориса.

Морис нахмурился; Женевьева заметила гнев Олимпийца и стала еще любезнее, но не настолько, чтобы отослать из комнаты прислугу. Морис нервничал и ушел на час раньше, чем обычно. Все это могло быть случайностью, поэтому он набрался терпения.

В этот вечер ситуация была такой, что ее отзвуки дошли даже до Мориса, который уже довольно давно жил вне политики.

Потребовалось ни больше, ни меньше, чем падение политической партии, правившей во Франции в течение десяти месяцев, чтобы отвлечь его от любовных переживаний хотя бы на мгновение.

На следующий день Женевьева вела себя с Морисом точно также, как

и накануне. Предвидя это, Морис продумал план своего поведения: спустя десять минут после прихода и, убедившись, что занятую вышиванием горничную и не думают отсылать, взглянул на часы, поднялся, поклонился Женеьеве и ушел, не сказав ни слова.

И более того, он ни разу не обернулся.

Бледная и нервная Женеьева поднялась, чтобы посмотреть вслед уходящему Морису, на мгновенье застыла, затем опустилась в кресло, впав в уныние от результатов своей дипломатии.

В этот момент появился Диксмер.

— Что, Морис ушел? — воскликнул он удивленно.

— Да, — пробормотала Женеьева.

— Но ведь он только что пришел?

— Да, около четверти часа назад.

— Ну, так он, наверное, вернется?

— Сомневаюсь.

— Оставьте нас, Мюгэ^[48], — сказал Диксмер.

Горничная взяла имя этого цветка вместо ненавистного ей имени Мария, которое она имела несчастье носить также как и Австриячка.

Мюгэ вышла.

— Итак, дорогая Женеьева, — спросил Диксмер, — вы помирились с Морисом?

— Напротив, друг мой, кажется, что сейчас отношения между нами стали еще более холодными, чем когда-либо.

— И чья же в этом вина? — спросил Диксмер.

— Мориса, конечно.

— Ну-ка, расскажите, я рассужу.

— Как! — покраснев, ответила Женеьева. — Вы не догадываетесь?

— Почему он рассердился? Не догадываюсь.

— Он, кажется, невлюбил Мюгэ.

— Ах так? Ну, так нужно было ее отослать. Я не желаю из-за горничной лишаться такого друга как Морис.

— Но я думаю, — произнесла Женеьева, — он не будет требовать, чтобы ее вообще выслали из дома, будет достаточно...

— Чего?

— Что ее удалят из моей комнаты.

— И Морис прав, — сказал Диксмер. — Ведь он пришел к вам, а не к Мюгэ. Стало быть, Мюгэ ни к чему было находиться в комнате во время его прихода.

Женеьева с удивлением посмотрела на мужа.

— Но, друг мой... — пробормотала она.

— Женестьева, — продолжал Диксмер, — я думал, что вы — моя союзница, которая облегчит выполнение возложенной на меня миссии, а получается как раз наоборот, ваши страхи удваивают наши трудности. Я уже был уверен, что все наладилось, а оказывается, теперь придется все начинать сначала. Разве я не говорил, Женестьева, что уверен в вас и вашей чести? Разве я не говорил вам, наконец, что очень нужно, чтобы Морис вновь стал нашим самым близким другом? О, Боже! Ну, почему женщины вечно препятствуют нашим планам?

— Но, друг мой, нет ли у вас какого-нибудь другого средства? Я уже говорила, что будет лучше, если Морис станет находиться подальше от нас.

— Да, для всех нас, может быть. Но для той, которая выше нас, ради которой мы поклялись пожертвовать своим счастьем, жизнью и даже честью, нужно, чтобы этот человек вернулся к нам. Вы знаете, что тень подозрения уже пала и на Тюржи, и поговаривают, что узницам дадут другого лакея?

— Хорошо, я отошлю Мюгэ.

— Боже мой, Женестьева, — сказал Диксмер с нетерпением, которое он проявлял очень редко, — зачем вы мне все это говорите? Зачем раздувать пожар на пустом месте? Зачем создавать лишние трудности? Женестьева, будьте просто честной, преданной женой и делайте все как считаете нужным, вот и все. Завтра меня не будет, я заменяю Морана на земляных работах. Завтра я не обедаю с вами, а Моран во время обеда должен кое о чем просить Мориса. Он вам все расскажет сам. То, чего он должен добиться у Мориса, очень важно. Речь идет не о цели, к которой мы движемся, а о средстве ее достижения. Это последняя надежда этого человека, такого благородного, такого преданного, нашего защитника, которому мы обязаны жизнью.

— И ради которого я бы тоже отдала свою жизнь! — с воодушевлением воскликнула Женестьева.

— Да, Женестьева, это благороднейший человек, не знаю, как случилось, что вы не сумели сделать так, чтобы Морис полюбил его, а ведь очень важно, чтобы Морис полюбил его. А сейчас вы поставили Мориса в такое положение, что он может отказать Морану в просьбе, а вам нужно любой ценой добиться, чтобы Морис выполнил ее. Вы хотите, чтобы я сказал вам, Женестьева, до чего доведут Морана ваша деликатность и чувствительность?

— О, сударь, — воскликнула Женестьева, сжав руки и побледнев, — сударь, не будем говорить об этом.

— Хорошо, — ответил Диксмер, целуя жену в лоб, — будьте сильной и подумайте.

И он ушел.

— О! Боже мой! Боже мой! — прошептала Женестьева с тревогой. — Как они все добиваются, чтобы я приняла эту любовь, к которой сама стремлюсь всей душой!..

Следующий день, как мы уже отметили, был воскресеньем.

В семье Диксмеров, как и во всех буржуазных семьях того времени, существовал следующий обычай: в воскресенье обед был

более продолжительным, чем в обычные дни. Став близким другом дома, Морис был приглашен на эти обеды и старался их не пропускать. По воскресеньям, хотя за стол садились в два часа, он обычно приезжал к двенадцати.

Но после того, как Морис ушел, не попрощавшись, Женестьева почти не надеялась увидеть его на этом воскресном обеде.

И действительно, пробило двенадцать, а Мориса не было, потом — половину первого, потом — час.

Невозможно объяснить, что в эти часы ожидания происходило в сердце Женестьевой.

Сначала она оделась, как обычно, потом, видя, что он опаздывает, из чисто женского кокетства приколотла один цветок к корсажу, другой — в волосы. И снова стала ждать, чувствуя, что сердце сжимается все сильнее и сильнее. Скоро уже было нужно садиться за стол, а Морис все не приходил.

Без десяти два Женестьева услышала стук копыт лошади Мориса, который знала очень хорошо.

— Ну, наконец-то, — воскликнула она, ее гордость не могла больше бороться с любовью. — Он меня любит! Он меня любит!

Морис спрыгнул с лошади, передал поводья встречавшему его садовнику и приказал ждать его у ворот. Женестьева с беспокойством заметила, что садовник не повел лошадь в конюшню.

Морис вошел. Он был в этот день во всем блеске своей мужской красоты. На нем был черный камзол с широкими отворотами, белый жилет, замшевые штаны подчеркивали стройность ног с мускулами Аполлона, а воротничок белого батиста и красивые волосы, обрамлявшие лицо, оттеняли элегантность и мужественность его красоты.

Он вошел. Женестьева с лучезарной улыбкой поспешила ему навстречу.

— Ах, вот и вы, наконец, — сказала она, протягивая руку. — Вы пообедаете с нами, не так ли?

— Напротив, гражданка, — холодно ответил Морис, — я приехал

сообщить, что не смогу присутствовать на обеде.

— Не сможете?

— В секции меня ждут неотложные дела. Я приехал сказать, чтобы вы меня не ждали напрасно и не обвинили в невежливости.

Женевьева почувствовала, что ее сердце опять сжалось.

— Боже мой! — произнесла она. — И Диксмер сегодня не обедает дома, а он так рассчитывал застать вас здесь по возвращении, просил задержать вас!

— В таком случае мне понятна ваша настойчивость, сударыня. Вы получили наказ мужа. А я об этом и не догадывался. Наверное, я никогда не избавлюсь от излишнего самомнения.

— Морис!

— Да, сударыня, я должен был понять, что мне не следует появляться здесь в отсутствие Диксмера. Ведь это ставит вас в затруднительное положение.

— Почему? — робко спросила Женевьева.

— Потому что после моего возвращения, вы меня всячески избегаете. А ведь я вернулся только из-за вас, и вы это знаете. Боже мой! С тех пор, как я вернулся, все время вижу кого-то рядом с вами.

— Полноте, друг мой, — сказала Женевьева, — вы еще сердитесь, а я ведь стараюсь устроить все как можно лучше.

— Нет, Женевьева, вы могли бы сделать лучше: принять меня как раньше или прогнать навсегда.

— Ну, Морис, — нежно произнесла Женевьева, — войдите в мое положение, поймите мою тревогу и не будьте со мной тираном.

Молодая женщина подошла и грустно посмотрела на него.

Морис молчал.

— Так чего же вы хотите? — продолжала она.

— Я хочу любить вас, Женевьева, потому что чувствую, что не могу больше жить без этой любви.

— Морис, сжальтесь!

— В таком случае, сударыня, надо было позволить мне умереть.

— Умереть?

— Да, умереть или забыть.

— Значит, вы могли бы обо всем забыть? — воскликнула Женевьева, и ее глаза наполнились слезами.

— О! Нет, нет, — прошептал Морис, упав на колени, — нет, Женевьева, умереть, может быть, но забыть — никогда, никогда!

— Однако, Морис, — твердо сказала Женевьева, — так было бы

лучше, потому что эта любовь преступна.

— Вы и мсье Морану так говорили? — произнес Морис, который от этой внезапной холодности сразу пришел в себя.

— Мсье Моран совсем не такой безумец, как вы, Морис, и мне никогда не приходилось говорить ему о том, как он должен вести себя в доме друга.

— Готов держать пари, — ответил Морис, иронично улыбаясь, — что если Диксмер обедает не дома, то уж Моран обязательно будет здесь. Вот чего было бы достаточно, чтобы помешать мне любить вас. Ведь как только Моран будет здесь, рядом с вами, — и в голосе Мориса прозвучало презрение, — я не смогу любить вас или, по меньшей мере, не смогу думать о том, что люблю вас.

— А я, — сжимая руку молодого человека, воскликнула Женевьева, доведенная до крайности этими вечными подозрениями, — клянусь вам. Вы слышите, Морис? И мне не хотелось бы больше никогда возвращаться к этому. Я вам клянусь, что Моран никогда не сказал мне ни слова о любви, что Моран никогда не любил меня, что он никогда не будет любить меня. Я вам клянусь моей честью и душой моей матери.

— Увы! Увы! — воскликнул Морис. — Как бы я хотел вам поверить!

— Верьте мне, бедный безумец, — сказала она с улыбкой, которая любому другому, но не ревнивцу, показалась бы очаровательной. —

Верьте мне. Ну, что вы еще хотите знать? Моран любит одну женщину, и все остальные женщины на земле меркнут для него, как меркнут полевые цветы перед звездами неба.

— Перед какой это женщиной, — спросил Морис, — могут меркнуть все другие, в число которых входит и Женевьева?

— Разве та, которую любят, — смеясь продолжала Женевьева, — не является для любящего венцом творения?

— Ну что ж, — сказал Морис, — если вы не любите меня, Женевьева...

Молодая женщина с тревогой ждала конца фразы.

— Если вы меня не любите, — продолжал Морис, — то можете ли вы мне поклясться, что не любите никого другого?

— О! В этом, Морис, я могу вам поклясться от всего сердца, — воскликнула Женевьева, довольная тем, что Морис сам подсказал ей ответ.

Морис схватил руки Женевьевы, которые она простирала к небу, и покрыл их страстными поцелуями.

— Теперь, — сказал он, — я буду добрым, доверчивым и великодушным. Я хочу улыбаться и быть счастливым.

— И не будете больше ничего от меня требовать?

— Я постараюсь.

— Теперь, я думаю, — сказала Женестьева, — ни к чему держать лошадь у ворот. Дела в секции подождут.

— О, Женестьева, ради вас я заставил бы подождать и весь мир.

Во дворе слышались шаги.

— Сейчас нам доложат, что обед подан, — сказала Женестьева.

Они быстро пожали друг другу руки...

Это был Моран, который сказал, чтобы его не ждали и сядились за стол.

Ему тоже хотелось хорошо выглядеть во время воскресного обеда.

Глава XIX

Просьба

Моран был одет с особой изысканностью.

Даже самый утонченный щеголь не смог бы упрекнуть его ни в безукоризненном узле галстука, ни в отлично сидевших сапогах, ни в тонкости его белья.

Прежними оставались только его волосы и очки. Клятва Женеьевы так ободрила Мориса, что ему показалось, что он впервые по-настоящему разглядел и эти волосы, и эти очки.

«Черт возьми, — сказал себе Морис, направляясь навстречу Морану. — Ну какого черта я так ревновал ее к тебе, великолепный гражданин Моран! Одевайся так хоть каждый день, а по воскресеньям — в золотые одежды. С сегодняшнего дня, я обещаю, что буду замечать только твои волосы и очки, и не буду обвинять тебя в том, что ты любишь Женеьеву».

Можно понять, насколько рукопожатие Мориса, которым после своего внутреннего монолога он обменялся с Мораном, было сердечнее и откровеннее, чем обычно.

Против обыкновения обед проходил в очень узком кругу. На небольшом столе стояли только три прибора. Морис подумал, что под столом он сможет коснуться ног Женеьевы. Нога могла бы продолжить безмолвную любовную фразу, начатую рукой.

Сели за стол. Морис искоса глянул на Женеьеву. Она находилась между светом окна и ним. Ее волосы от этого приобрели голубоватый отлив воронова крыла. Лицо ее светилось от счастья, а глаза были влажны от переполнявшей ее любви. Морис под столом искал и нашел ногу Женеьевы. Он увидел, как при этом прикосновении она покраснела, потом побледнела. Ее маленькая ножка покоилась теперь между ногами Мориса.

Вместе с изысканной одеждой для воскресного обеда Моран, казалось, вновь обрел свое блестящее остроумие, которым Морис восхищался и прежде. Каскад шуток сопровождался полыханием пламени в его глазах, которое не могли погасить даже зеленые стекла очков.

Он говорил смешные вещи, но сам никогда не смеялся. Именно этот невозмутимый тон придавал силу и особое очарование остроумия Морана. Этот торговец много ездивший по коммерческим делам в поисках различных шкур — от пантеры до кролика, знал Египет, как Геродот,

Африку — как Левайан^[49], а Оперу и будуарные сплетни — как Мюскаден.

— Черт побери! Гражданин Моран, вы просто настоящий ученый!

— О, я много видел, а еще больше читал, — сказал Моран, — а потом нужно же было мне подготовиться к оседлой, размеренной жизни, я ведь скоро сколочу состояние и стану жить спокойно. Уже пора, гражданин Морис, пора!

— Вы говорите как старик, — заметил Морис. — Сколько же вам лет?

При этом вопросе Моран вздрогнул, несмотря на то, что вопрос был вполне естественен.

— Мне 38 лет, — сказал он. — Вот что значит быть ученым, как вы говорите, выглядишь старше своих лет.

Женевьева рассмеялась, за ней засмеялся Морис, Моран лишь улыбнулся.

— Итак, вы много путешествовали? — спросил Морис, сжимая ногу, которую Женевьева хотела потихоньку высвободить.

— Часть моей молодости прошла за границей.

— Простите, но вы ведь не только многое видели, но и выводы делали, — продолжал Морис, — потому что такой человек как вы не может быть ненаблюдательным.

— Согласен, многое, — ответил Моран. — Я мог бы сказать, что видел все!

— Ну все, гражданин, это, пожалуй, многовато, — смеясь заметил Морис, — и, если вы думаете...

— Да! Вы правы. Я никогда не видел двух вещей. И действительно, в нашей сегодняшней жизни эти две вещи становятся все более редкими.

— Что же это? — спросил Морис.

— Первая, — ответил Моран серьезно, — это Бог.

— За неимением Бога, гражданин, — сказал Морис, — я мог бы показать вам богиню.

— Как это? — перебила Женевьева.

— Да, богиню нашего времени: богиню Разума. У меня есть друг, о котором я несколько раз вам говорил, мой дорогой бравый Лорэн, у него золотое сердце и только один недостаток — он любит сочинять четверостишия и каламбуры.

— Ну и что?

— Так вот, он хочет подарить Парижу богиню Разума, она не имеет изъянов и вполне соответствует образу божества. Это гражданка Артемиза, бывшая танцовщица из Оперы, а теперь — парфюмерщица на улице Маритэн. Как только она окончательно станет богиней, я смогу вам ее

показать.

Моран серьезно поблагодарил Мориса кивком головы и продолжал:

— Второе, — сказал он, — это король.

— О, со вторым сложнее, — заметила Женевьева, пытаясь улыбнуться, — его больше нет.

— Но вы должны были видеть последнего, — сказал Морис.

— Я совсем не имею в виду коронованную голову: это должно быть довольно грустно.

— Действительно, — произнес Морис. — Я могу это подтвердить, потому что в последние месяцы видел это вблизи.

— Коронованную голову? — спросила Женевьева.

— По крайней мере ту, — продолжал Морис, — на которой остался тяжелый и болезненный след от короны.

— Ах да, королева, — сказал Моран. — Вы правы, гражданин Морис, — это должно быть тягостное зрелище...

— Она такая прекрасная и гордая, как о ней говорят? — поинтересовалась Женевьева.

— Разве вы никогда ее не видели, сударыня? — в свою очередь спросил удивленный Морис.

— Я? Никогда!.. — ответила молодая женщина.

— Это очень странно, — заметил Морис.

— Ну почему же странно? — сказала Женевьева. — До 1791 года мы жили в провинции. А с 91-го я живу на этой старинной улочке Сен-Жак, которая тоже напоминает провинцию, только здесь меньше солнца, птиц и цветов. Вы ведь знаете, какой образ жизни я веду, гражданин Морис, и он всегда был таким. Ну как же я могла увидеть королеву? Мне никогда не представлялся такой случай.

— И не думаю, что вы воспользуетесь тем, который, к несчастью, может представиться, — сказал Морис.

— Что вы хотите сказать? — спросила Женевьева.

— Гражданин Морис, — продолжил Моран, — наверное, имеет в виду то, что уже не является большим секретом.

— Что именно?

— Возможную казнь Марии-Антуанетты, ее смерть на том же эшафоте, на котором был казнен ее муж. Гражданин говорит, что вы не воспользуетесь случаем увидеть королеву в тот день, когда ее повезут из Тампля на площадь Революции.

— О, конечно же нет! — воскликнула Женевьева на эти слова, произнесенные Мораном с леденящим хладнокровием.

— Итак, можете надевать по ней траур, — бесстрастным тоном продолжал химик. — Австриячку хорошо охраняют, а Революция подобна волшебнику, который одним мановением волшебной палочки убирает тех, кто не нужен.

— И все же, — сказала Женестьева, — мне бы хотелось увидеть эту бедную женщину.

— Ладно, — сказал Морис, который рвался выполнить все желания Женестьевы. — Вы действительно этого хотите? Если Революция — волшебница, в этом я согласен с гражданином Мораном, то я, в качестве представителя муниципалитета, могу некоторое время побыть волшебником.

— Вы могли бы показать мне королеву, сударь? — воскликнула Женестьева.

— Конечно, могу.

— Каким образом? — спросил Моран, обменявшись с Женестьевой взглядом, который молодой человек не заметил.

— Нет ничего проще, — ответил Морис. — Конечно, некоторым гвардейцам муниципалитета не доверяют. Но я предоставил достаточно доказательств моей преданности делу свободы, поэтому не вхожу в число тех, кто не пользуется доверием. Пропускают в Тамплъ дежурные гвардейцы муниципалитета и командиры караульных постов. А сейчас начальником караула мой друг Лорэн, его через три месяца повысят в звании и он станет аджюдан-майором^[50]. Итак, приходите в Тамплъ, когда я буду там дежурить, то есть в ближайший четверг.

— Я надеюсь, — сказал Моран Женестьеве, — вы воспользуетесь этой возможностью.

— О, нет, — ответила молодая женщина, — я не хочу.

— Ну, почему? — воскликнул Морис, который в этом мероприятии видел лишнюю возможность встретиться с ней и не хотел лишаться этого шанса.

— Потому что, — ответила Женестьева, — это может стать, дорогой Морис, причиной какого-нибудь неприятного конфликта. А, если из-за моего каприза у вас будут неприятности, я себе этого никогда не прощу.

— Это разумное объяснение, Женестьева, — сказал Моран. — Поверьте, недоверие сейчас очень возросло и сегодня подозревают даже самых преданных патриотов. Откажитесь от этого плана, который, как вы и сами говорите, всего лишь простой каприз.

— Можно заподозрить, Моран, что вы так говорите из зависти. Вы сами никогда не видели ни королеву, ни короля, поэтому не хотите, чтоб их

увидели другие. Лучше не спорьте, а составьте компанию.

— Я? Ну нет.

— Не гражданка Диксмер желает пойти в Тампль, а я ее приглашаю, также как и вас. Приходите развлечь бедного узника. Когда закрываются большие ворота, я на двадцать четыре часа становлюсь таким же узником, как и члены королевской семьи.

— Приходите же, — сказал он, сжав под столом ногу Женестьева, — умоляю вас.

— Моран, — спросила Женестьева, — пойдете со мной?

— Это будет для меня потерянный день, — сказал Моран, — этот поход лишь помешает мне в делах.

— Значит, я не пойду, — сказала Женестьева.

— Но почему? — спросил Моран.

— Боже мой, это ведь так просто, — ответила Женестьева. — Я не могу рассчитывать на помощь моего мужа, и если вы, благоразумный человек тридцати восьми лет не будете меня сопровождать, я никогда не осмелюсь пройти через все эти посты стрелков, артиллеристов и прочих караулов с просьбой предоставить мне возможность поговорить с гвардейцем, который всего на три или четыре года старше меня.

— Ну что ж, если вы, гражданка, считаете, что мое присутствие так необходимо...

— Гражданин ученый, будьте же галантны, словно вы обыкновенный человек, и пожертвуйте половиной дня ради жены вашего друга.

— Ладно! — согласился Моран.

— А теперь, — продолжал Морис, — я попрошу вас только об одном — о соблюдении тайны. Ведь посещение Тампля очень подозрительно само по себе, и если в результате что-нибудь случится, нас всех гильотинируют. Ведь якобинцы не шутят, черт возьми! Вы еще увидите, что они сделают с жирондистами.

— Черт побери! — выругался Моран, — если все так, как сказал гражданин Морис, то можно лишиться своего дела, а меня это вовсе не устраивает.

— Но разве вы не слышали, — продолжила, улыбаясь, Женестьева, — что гражданин сказал всех?

— Всех?

— Да, всех вместе.

— Приятная компания, ничего не скажешь, — ответил Моран, — но я все же предпочитаю, моя прекрасная сентименталистка, в вашей компании жить, а не умирать.

«Ну надо же, — подумал Морис, — как я только мог вообразить, что этот человек возлюбленный Женеьевы?»

— Итак, Моран, договорились, — произнесла Женеьева. Моран, я к вам обращаюсь, к вам, рассеянный, к вам, мечтатель. Итак, в ближайший четверг, поэтому в среду вечером не начинайте проводить очередной химический опыт, который задержит вас в лаборатории на сутки, как это часто бывает.

— Будьте спокойны, — ответил Моран, — а впрочем, напомните мне об этом.

Женеьева поднялась из-за стола, Морис последовал ее примеру. Моран тоже собирался сделать это и, возможно, хотел последовать за ними, когда один из рабочих принес химику маленькую колбу с жидкостью, которая поглотила все его внимание.

— Пойдем быстрее, — сказал Морис, увлекая за собой Женеьеву.

— О, будьте спокойны, — произнесла та, — он теперь освободиться не раньше, чем через час.

И молодая женщина отняла руку, которую Морис нежно сжимал в своей. Ее мучили угрызения совести за свое поведение, и она хотела чем-то порадовать его.

— Видите, — сказала она, проходя по саду и показывая Морису гвоздики, которые в том же ящике вынесли на воздух, чтобы немного оживить, — мои цветы мертвы.

— Кто их убил? Ваша небрежность? — спросил Морис. — Бедные гвоздики.

— Не моя небрежность, мой друг, а ваше отсутствие.

— Им нужно так мало, Женеьева, немного воды и все. А после моего исчезновения у вас было достаточно времени.

— Но, если бы цветы не орошались слезами, эти бедные гвоздики, как вы их называете, не погибли бы.

Морис обнял ее, быстро приблизил к себе ее лицо и прежде, чем она успела защититься, коснулся губами ее глаз, улыбающихся и томных одновременно, которые смотрели на ящик с полуувядшими цветами.

Женеьева чувствовала себя такой виноватой, что была снисходительна к поведению Мориса.

Диксмер вернулся поздно и застал Морана, Женеьеву и Мориса беседующими в саду о ботанике.

Глава XX

Цветочница

Наконец наступил четверг — день дежурства Мориса. Стоял июнь, небо было ярко-синим, на его фоне четко выделялись новые белые дома. Чувствовалось приближение жары. Воздух Парижа наполнялся ароматом цветущих деревьев и цветов. Эти запахи опьяняли, словно хотели заставить жителей столицы хоть ненадолго забыть об испарениях крови, бесконечно поднимающихся над мостовыми и площадями.

Морис должен был прибыть в Тампль к девяти часам. На этот раз он дежурил со своими коллегами Мерсево и Агриколой. В восемь

Морис уже был на старинной улочке Сен-Жак, в полном одеянии муниципального гвардейца, его тонкую талию украшал трехцветный пояс. Как обычно, он приехал к Женевьеве верхом и по дороге слышал, как ему вслед раздавались одобрительные возгласы истинных патриотов.

Женевьева была уже готова: она надела простое муслиновое платье, сверху — мягкую накидку из тафты, маленькую шляпку украшала трехцветная кокарда.

Моран, которого, как мы знаем, пришлось долго уламывать, из опасения, что в нем заподозрят аристократа, был в повседневной одежде, полубуржуазной, полуремесленной. Он только что вернулся, и его лицо хранило следы сильной усталости.

Моран утверждал, что трудился всю ночь, чтобы закончить срочную работу.

Диксмер ушел сразу же после возвращения своего друга Морана.

— Ну, что вы решили, Морис, — спросила Женевьева, — как мы увидим королеву?

— Мой план таков, — сказал Морис. — Я прихожу вместе с вами в Тампль, представляю Лорэну, моему другу, начальнику караула, после чего занимаю свой пост и в удобное время прихожу за вами.

— Но, — спросил Моран, — где и как мы увидим узниц?

— Во время их обеда или ужина, сквозь стекла витражей, за которыми находятся гвардейцы муниципалитета, если вас устроит.

— Прекрасно, — сказал Моран.

Он подошел к стоящему в глубине столовой шкафу и залпом выпил стакан вина. Это было удивительно. Моран вел трезвый образ жизни и обычно пил подкрашенную воду.

Женевьева обратила внимание, что Морис с удивлением посмотрел на Морана.

— Не подумайте чего-нибудь плохого, — сказала она. — Ведь он убивает себя работой, этот несчастный Моран, он забывает даже о еде. Ведь ничего не ел со вчерашнего утра.

— Разве он не обедал у вас? — поинтересовался Морис.

— Нет, у него были дела в городе.

Зря Женевьева из предосторожности так защищала Морана. Потому что Морис, как все влюбленные, не придавал никакого значения тому, что не касалось любимой женщины.

Моран после стакана вина торопливо проглотил ломоть хлеба.

— Ну вот, — сказал он, — теперь я готов, дорогой мсье Морис. Если вы не против, можем отправляться в путь.

Морис, который в это время обрывал лепестки сорванной по пути увядшей гвоздики, подал руку Женевьеве со словами:

— Пойдемте, пора!

И они отправились в путь. Морис был так счастлив, что еле сдерживал рвущийся из груди крик радости. Ну, чего он мог еще желать? Она не только не любила Морана, теперь он был в этом уверен, но любила его, во всяком случае, Морис на это надеялся. Бог

посылал на землю лучи благодатного солнца, рука Женевьевы трепетала в его руке, вокруг раздавались крики, прославлявшие триумф якобинцев и падение Бриссо и его сторонников, родина была спасена.

В жизни действительно есть моменты, когда сердце человека кажется слишком маленьким, чтобы вместить переполняющие его радость и горе.

— Какой прекрасный день! — воскликнул Моран.

Морис с удивлением обернулся: он впервые видел проявление порыва у этого всегда задумчивого или сдержанного человека.

— О, да! Прекрасный, — подтвердила Женевьева, опираясь на руку Мориса. — Только бы он остался до вечера таким же безоблачным, как сейчас.

Морис принял эти слова на свой счет, и его счастье удвоилось.

Моран через зеленые стекла своих очков посмотрел на Женевьеву с выражением особой признательности, возможно он тоже принял эти слова на свой счет.

Миновали Пети-Пон, улицу Жюивери и мост Нотр-Дам, потом прошли Ратушную площадь, улицы Барр-дю-Бек и Сент-Авуа. По мере того, как они приближались к цели, шаги Мориса становились все более легкими, в то время как шаги его спутников все более замедлялись.

Таким образом они дошли до угла улицы де Вьей-Одриетт, как вдруг дорогу им преградила цветочница, предлагая лоток с цветами.

— О, какие чудесные гвоздики! — воскликнул Морис.

— Да, очень красивые, — сказала Женестьева. — Наверное, у тех, кто их выращивал, не было других забот, поэтому они и не увяли.

Это замечание нежностью отозвалось в сердце молодого человека.

— Красавец, — обратилась цветочница к Морису, — купи букет для гражданки. Она одета в белое, к этому наряду подойдут великолепные красные гвоздики, ведь белое прекрасно сочетается с пурпурным. Она приколет букет к груди и, поскольку грудь ее находится на уровне голубого цвета твоего костюма, у вас получится великолепное сочетание национальных цветов.

Цветочница была молода и красива, она произносила свои комплименты с удивительной грацией. Они были так искусны, что возможно и показались бы чрезмерны, если бы так хорошо не подходили к ситуации. Короче говоря, цветы были почти символичны. А еще они были очень похожи на те, что погибли в ящике, стоявшем в комнате Женестьевы.

— Хорошо, — согласился Морис, — я куплю их. Потому что это — гвоздики. Все другие цветы я ненавижу.

— О, Морис, — сказала Женестьева, — не нужно, у нас в саду столько цветов!

Но несмотря на то, что губы отказывали, по глазам Женестьевы было видно, что она умирает от желания получить этот букет.

Морис выбрал самый красивый из всех букетов, им оказался тот, что предложила сама цветочница.

Он состоял из двадцати пунцовых гвоздик с нежным и вместе с тем острым запахом. В середине букета, подобно королю, выделялся огромный цветок.

— Держи, — сказал Морис продавщице, бросив на лоток ассигнацию в пять ливров. — Это тебе.

— Спасибо, красавец, — поблагодарила цветочница, — десять раз спасибо!

И она направилась к другой паре в надежде, что день, который начался так удачно, так хорошо и продолжится. Во время этой сцены, хотя она длилась считанные минуты, Моран переминался с ноги на ногу, вытирая вспотевший лоб, а Женестьева побледнела и вся дрожала. Своей очаровательной ручкой она взяла приподнесенный Морисом букет и поднесла его к лицу, но не для того, чтобы насладиться ароматом, а чтобы скрыть свое волнение.

Оставшаяся часть пути прошла весело, по крайней мере для Мориса. У Женестьеви веселье было весьма неестественным. У Морана оно проявлялось странным образом, то прерывистыми вздохами, то оглушительным смехом, то чудовищными шутками.

В девять часов они пришли в Тампль.

В это время Сантерр проводил переключку гвардейцев из муниципалитета.

— Я здесь, — сказал Морис, — оставив Женестьеви под охраной Морана.

— А, добро пожаловать, — сказал Сантерр, протягивая руку молодому человеку.

Морис остерегался не пожать протянутую ему руку. Ведь в то время дружба Сантерра была просто бесценной.

Увидев этого человека, который во время казни короля командовал барабанщиками, Женестьева вздрогнула, а Моран побледнел.

— Кто эта прекрасная гражданка, — спросил Сантерр у Мориса, — и что она здесь делает?

— Это жена достойного гражданина Диксмера. Не может быть, чтобы ты не слышал об этом истинном патриоте, гражданин генерал.

— Да, да, конечно, слышал, — ответил Сантерр, — это фабрикант-кожевенник, капитан стрелков из легиона «Виктор».

— Именно так.

— Хорошо! Но она, ей Богу, красавица. А это что за урод рядом с ней?

— Это гражданин Моран — компаньон ее мужа и стрелок из отряда Диксмера.

Сантерр подошел к Женестьеве.

— Здравствуй, гражданка, — сказал он.

Женестьева сделала над собой усилие.

— Здравствуйте, гражданин генерал, — ответила она, улыбаясь.

Сантерр был польщен и улыбкой, и титулом.

— А зачем ты пришла сюда, прекрасная патриотка? — продолжал он.

— Гражданка никогда не видела вдову Капета и хотела бы взглянуть на нее.

— Хорошо, — ответил Сантерр, — до того как...

И он сделал жуткий, но выразительный жест.

— Ну да ладно, — продолжал Сантерр. — Только постарайся сделать так, чтобы никто не видел, как она входит в башню, это было бы дурным примером, впрочем, я доверяю тебе.

Сантерр снова пожал Морису руку, дружески кивнул Женестьеве и

занялся своими делами.

Отдав команды по перестановке гренадеров и стрелков, после того, как по новому расставили пушки, Морис опять взял Женевьеву под руку и направился к посту, которым командовал Лорэн. Моран следовал за ними.

— А вот и Морис, черт возьми! — воскликнул Лорэн. — Да еще с такой хорошенькой женщиной! Ты что, хитрец, готовишься соперничать с моей богиней Разума? И, если это так, то бедная Артемиза!

— Гражданин аджюдан! — крикнул капитан.

— Так точно! Внимание! — закричал Лорэн. — В шеренгу! Здравствуй, Морис. Ускоренным шагом марш!

Раздалась барабанная дробь, караульные направились по своим постам и, когда развод был закончен, прибежал Лорэн.

Последовал обмен приветствиями и пожеланиями.

Морис представил Лорэна Женевьеве и Морану.

Затем начались объяснения.

— Да, понимаю, — сказал Лорэн, — ты хочешь, чтобы гражданин и гражданка вошли в башню. Это легко. Сейчас я расставлю часовых и предупрежу их, чтобы пропустили тебя и твоих спутников.

Через десять минут Женевьева и Моран вошли вслед за тремя гвардейцами в башню и стали за витражами.

Глава XXI

Красная гвоздика

Королева только что поднялась. Два или три последних дня ей нездоровилось, и она оставалась в постели дольше обычного. Только услышав от мадам Елизаветы, что погода прекрасна, и светит солнце, она сделала усилие и попросила разрешения прогуляться по площадке, чтобы дочь подышала воздухом. Это было разрешено ей без особых трудностей.

И было еще нечто, что влекло ее на прогулку. Однажды с высоты площадки башни она увидела в саду дофина. Но после первого жеста, которым обменялись сын и мать, вмешался Симон и увел ребенка.

Но главное было то, что она увидела его. Конечно, маленький узник был бледен и очень изменился. Он был одет, как ребенок из

народа — в куртку и грубые штаны. Но ему все же оставили его прекрасные белокурые волосы, вьющиеся божественным ореолом.

Если бы она могла увидеть его хотя бы еще раз, каким бы праздником это было для материнского сердца!

Но была и другая причина.

— Сестра, — сказала ей мадам Елизавета, — в коридоре, в углу, мы нашли пучок соломы. Это означает, что мы должны быть внимательны, друг находится поблизости,

— Да, это так, — сказала королева, глядя на золовку и дочь, пытаюсь воспрянуть духом и не отчаиваться.

Выполнив все служебные предписания, Морис вновь стал хозяином Тампля. Ему выпал жребий дежурить днем, а Мерсево и Агриколе — ночью.

Предыдущая смена убыла, оставив протокол дежурства в Совете Тампля.

— Что, гражданин, — сказала жена Тизона, обращаясь к Морису, — вы привели желающих посмотреть на наших голубиц? Только меня приговорили к разлуке с моей бедной Софи.

— Это мои друзья, — ответил Морис. — Они никогда не видели жену Капета.

— Они прекрасно смогут увидеть ее из-за витража.

— Конечно, — согласился Морис.

— Только при этом, — сказала Женевьева, — у нас будет вид тех любопытных жестоких людей, которые подходят к решетке, чтобы

насладиться муками находящегося по другую сторону узника.

— Ну не поведете же вы их на площадку башни, где сегодня жена Капета будет прогуливаться с золовкой и дочерью. Ей-то они оставили дочь, тогда как меня, а я ни в чем не виновата, лишили моей дочери. Ох уж эти аристократы! Для них всегда есть какие-то привилегии.

— Но ее лишили сына, — ответил тот.

— Если бы у меня был сын, — прошептала тюремщица, — я, может быть, меньше сожалела о дочери.

Во время этого разговора, Женестьева и Моран несколько раз переглянулись.

— Друг мой, — сказала молодая женщина Морису, — если бы вы сумели как-то устроить меня на пути, по которому королева пойдет на прогулку... Мне кажется, смотреть из-за витража — унижительно, как для них, так и для нас.

— Добрая Женестьева, — сказал Морис, — вы и здесь такая чуткая?

— Черт возьми, гражданка, — воскликнул один из коллег Мориса, который в соседней комнате завтракал хлебом с сосисками, — если бы ты была узницей, а вдова Капета захотела тебя увидеть, эта мерзавка так бы с тобой не церемонилась.

Женестьева бросила на Морана молниеносный взгляд, чтобы увидеть его реакцию на эти ругательства в адрес королевы. И

действительно, Моран вздрогнул, его глаза полыхнули странным фосфоресцирующим светом, а кулаки на мгновение сжались. Но все это было столь мимолетно, что никто ничего не заметил.

— Как зовут того гвардейца? — спросила она у Мориса.

— Это гражданин Мерсево, — ответил молодой человек.

Потом, чтобы объяснить его грубость, добавил:

— Он — камнетес.

Мерсево услышал слова Мориса и глянул в его сторону.

— Давай, давай, — сказала ему жена Тизона, — заканчивай есть, мне нужно убирать.

— Если бы Австриячка могла убить меня 10 августа, она это наверняка бы сделала, — сказал Мерсево, — а в тот день, когда она сыграет в ящик, я буду в первых рядах смотреть на это.

Моран смертельно побледнел.

— Пойдемте, гражданин Морис, — сказала Женестьева, — пойдемте туда, куда вы обещали меня отвести. Здесь мне кажется, что я сама узница, я задыхаюсь.

И Морис повел Морана и Женестьеву мимо часовых, которые,

предупрежденные Лорэном, пропускали их беспрепятственно.

Он разместил их в маленьком коридорчике верхнего этажа таким образом, чтобы в тот момент, когда королева вместе с другими узницами будет подниматься в галерею, эти августейшие особы обязательно прошли мимо них.

Прогулка была назначена на десять часов, до ее начала оставалось всего несколько минут. Морис не только не оставил своих друзей, но, чтобы ни малейшее подозрение не пало на них, поскольку эта экскурсия была нелегальной, встретив гражданина Агриколу, позвал его с собой.

Пробило десять часов.

— Открывайте! — прокричал снизу голос. Морис узнал генерала Сантерра.

Тотчас караульные взяли за оружие, опустили решетки, часовые вскинули ружья. По всему двору раздавалось бряцание железа, топот. Это произвело сильнейшее впечатление на Морана и Женевьеву. Морис заметил, как они оба побледнели.

— Сколько предосторожностей для охраны троих женщин! — прошептала Женевьева.

— Да, — сказал Моран, пытаясь усмехнуться. — Если бы те, кто пытается их похитить, были на нашем месте и видели бы то, что видим мы, они отказались бы от своих замыслов.

— Действительно, — добавила Женевьева. — Я начинаю думать, что они не спасутся.

— Надеюсь на это, — ответил Морис.

И, склонясь через перила лестницы, произнес:

— Внимание, вот и узницы.

— Назовите мне их, — попросила Женевьева, — я же их не знаю.

— Первые две, которые поднимаются по лестнице, это сестра и дочь Капета. А последняя, перед ней бежит маленькая собачка, это — Мария-Антуанетта.

Женевьева сделала шаг вперед. А Моран, вместо того, чтобы смотреть на узниц, казалось, приклеился к стене.

Его мертвенно-бледные губы приобрели землистый оттенок камней башни Тампль.

В белом платье, с прекрасными чистыми глазами Женевьева казалась ангелом, ожидающим узниц, чтобы осветить их горестный путь и хоть немного их порадовать.

Мадам Елизавета и принцесса прошли мимо, бросив на посторонних удивленный взгляд. Первая, конечно, подумала, что это те, кто подавал ей

знаки, потому что она живо повернулась к принцессе и сжала ей руку, уронив при этом носовой платок, как бы предупреждая королеву.

— Обратите внимание, сестра, — сказала она, — я уронила носовой платок.

И она продолжала подниматься вместе с принцессой.

Королева, учащенно дыша и слегка покашливая, что свидетельствовало о ее нездоровье, наклонилась, чтобы подобрать платок, упавший к ее ногам. Но ее маленькая собачка завладела им и понесла мадам Елизавете. Королева продолжала подниматься и через несколько ступенек, в свою очередь, оказалась перед Женевиевой, Мораном и молодым человеком.

— О, цветы! — сказала она. — Как давно я их не видела. Как они прекрасно пахнут, как вы счастливы, сударыня, что у вас такие цветы!

Одновременно с мыслью, пронесшейся у нее в голове после этих печальных слов, Женевиева протянула руку, чтобы предложить свой букет королеве. Тогда Мария-Антуанетта подняла голову, посмотрела на молодую женщину, и чуть заметный румянец появился на ее бледном лице.

Но естественным движением, повинаясь привычке пассивного следования распорядку, Морис поднял руку, чтобы остановить порыв Женевиевы.

Королева замерла в нерешительности и, посмотрев на Мориса, узнала в нем того самого гвардейца, который обычно говорил с ней решительно, но в то же время почтительно.

— Это запрещено, сударь? — спросила она.

— Нет, сударыня. Женевиева, вы можете подарить свой букет.

— О, сударь, благодарю вас! — с признательностью воскликнула королева.

И Мария-Антуанетта грациозно протянула исхудалую руку и наугад сорвала одну гвоздику в этой массе цветов.

— Но возьмите все, сударыня, возьмите, — робко произнесла Женевиева.

— Нет, — ответила королева с очаровательной улыбкой. — Этот букет, возможно, вам подарил тот, кого вы любите, и я совсем не хочу лишать вас этих цветов.

Женевиева покраснела, и этот румянец заставил королеву улыбнуться.

— Пойдем дальше, гражданка Капет, — сказал Агрикола.

Королева перед тем, как исчезнуть из поля зрения смотревших на нее, еще раз повернулась и прошептала:

— Как эта гвоздика чудесно пахнет, и до чего же эта женщина хороша!

— Она меня не видела, — прошептал Моран, который почти стоял на коленях в полутьме коридора, где королева его действительно не видела.

— Но ведь вы ее увидели, Моран, не так ли? Ведь правда, Женестьева? — сказал Морис, вдвойне счастливый от того, что спектакль, который он организовал для друзей, удался, и от того, что он доставил этим мало неприятностей несчастной узнице.

— О, да! — сказала Женестьева. — Я ее хорошо рассмотрела и теперь, если я буду жить даже сто лет, она все время будет у меня перед глазами.

— И как вы ее нашли?

— Очень красива!

— А вы, Моран?

Моран, ничего не ответив, сжал кулаки.

— Скажите-ка, — смеясь, совсем тихо спросил Морис у Женестьевы, — не в королеву ли влюблен Моран?

Женестьева вздрогнула, но тотчас же взяла себя в руки:

— Ей богу, — рассмеялась она в ответ, — какой же вы фантазер!

— И все же вы мне не сказали, Моран, какое впечатление она произвела на вас? — настаивал Морис.

— Я нашел ее очень бледной, — ответил он.

Морис опять взял Женестьеву под руку и проводил во двор. На темной лестнице ему показалось, что Женестьева поцеловала ему руку.

— Что это значит? — спросил Морис.

— Это значит, Морис, что я никогда не забуду, что из-за моего каприза вы рисковали головой.

— О, Женестьева, — ответил на это Морис, — вы преувеличиваете. Вы ведь знаете, что благодарность — это не то чувство, которого я добиваюсь.

Женестьева нежно пожала ему руку.

За ними, спотыкаясь, шел Моран.

Они спустились во двор, Лорэн выпустил их из Тампля. Но перед тем как расстаться, Женестьева заставила Мориса дать обещание, что тот придет на следующий день обедать на старинную улочку Сен-Жак.

Глава XXII

Соглядатай Симон

Морис вернулся на свой пост, его сердце наполняла неземная радость. Но здесь он увидел заплаканную жену Тизона.

— Что с вами, мамаша? — спросил он.

— Я очень зла, — ответила тюремщица.

— Почему?

— Потому что по отношению к беднякам в этом мире царит страшная несправедливость.

— В чем, собственно, дело?

— Вы ведь богач, буржуа. Вы приходите сюда только на день, и вам разрешают приходиться с красивыми женщинами, которые дарят Австриячке букеты. А я вечно торчу на этой голубятне, при этом мне еще запрещают видеть мою бедную Софи.

Морис взял руку женщины и положил в нее ассигнацию в десять ливров.

— Возьмите, мадам Тизон, — сказал он, — возьмите это и мужайтесь. И видит Бог, Австриячка не будет здесь вечно!

— Десять ливров, — сказала тюремщица, — это так благородно с вашей стороны. Но я предпочла бы иметь папилютку с прядью волос моей бедной дочери.

Она произносила эти слова в тот момент, когда к ним поднялся Симон, который услышал их и видел, как тюремщица сжала в кармане руку с ассигнацией, полученной от Мориса.

Теперь следует остановиться на том, в каком расположении духа пребывал Симон.

Он только что пришел со двора, где встретил Лорэна. Они терпеть не могли друг друга.

И эта антипатия была вызвана не столько сценой насилия, о которой мы уже рассказывали, сколько разницей в происхождении, вечным источником проявлений, которые кажутся таинственными, но так легко объясняются.

Симон был уродлив, Лорэн — красив. Симон был грязным, Лорэн благоухал. Симон был республиканским фанфароном, Лорэн — одним из преданных патриотов, которые ради революции готовы были пожертвовать собой. И случись драка, Симон чувствовал это инстинктивно, удар этого

щеголя будет не слабее, чем у Мориса.

Заметив Лорэна, Симон остановился и побледнел.

— Что, твой отряд заступает в караул? — проворчал он.

— А твое какое дело? — ответил один из гренадеров, которому этот вопрос явно пришелся не по душе. — Мне кажется, наш отряд достойнее других.

Симон вытащил из кармана куртки карандаш и сделал вид, что что-то записывает на листке бумаги, таком же грязном, как и его руки.

— Эй, Симон, — сказал Лорэн. — Оказывается, ты и писать умеешь. Это с тех пор, как ты стал собирать налоги с Капетов? Смотрите, граждане, честное слово, он пишет. Симон — финансовый инспектор.

По рядам гвардейцев, образованных молодых людей, прокатился взрыв смеха, от которого несчастный сапожник просто отупел.

— Ну хорошо же, — сказал он, проскрежетавав зубами и побелев от гнева, — говорят, что ты пропустил в башню посторонних без разрешения Коммуны. Так вот, я напишу это в донесении на тебя, через гвардейца из муниципалитета.

— Ну тот, по крайней мере, умеет писать, — заметил Лорэн. — Ведь сегодня это Морис, Морис — Железный кулак, ты знаешь об этом?

И надо же было случиться, что именно в этот момент вышли Моран и Женестьева.

Заметив их, Симон бросился в башню и увидел, как Морис в утешение дал жене Тизона ассигнацию в десять ливров.

Морис не обратил внимания на этого несчастного, которого каждый раз инстинктивно обходил стороной, как обычно обходят отвратительную ядовитую рептилию.

— Ах, так! — сказал Симон жене Тизона, которая вытирала глаза передником. — Ты что же, гражданка, хочешь, чтобы тебя гильотинировали?

— Меня? — спросила жена Тизона. — За что?

— Ты получаешь деньги от гвардейца из муниципалитета, чтобы провести аристократов к Австриячке.

— Я? — сказала жена Тизона. — Замолчи, ты сошел с ума.

— Это будет записано в донесении, — напыщенно сказал Симон.

— Ты что? Ведь это были друзья гражданина Мориса, одного из самых преданных патриотов, которые только могут быть.

— А я говорю, что это заговорщики. Коммуну поставят об этом в известность, и она решит.

— Ты что же, пойдешь доносить на меня, шпион?

— Конечно, в том случае, если ты сама не расскажешь обо всем.
— Но о чем я должна рассказать?
— О том, что произошло. Где были эти аристократы?
— Там, на лестнице.
— Когда вдова Капета поднималась на площадку?
— Да.
— И они разговаривали?
— Да, обменялись двумя словами.
— Видишь, двумя словами. Здесь пахнет аристократией.
— Гвоздиками.
— Гвоздиками! Почему гвоздиками?
— Потому что у гражданки был букет, который благоухал.
— У какой гражданки?
— У той, которая смотрела на проходившую королеву.
— Ты все время говоришь о королеве, гражданка Тизон, а о посещении аристократов ты забываешь. Итак, на чем я остановился? — продолжал Симон.

— Да, конечно, — ответила его собеседница, — был цветок, гвоздика. Она выпала из рук гражданки Диксмер, когда Мария-Антуанетта вытаскивала ее из букета.

— Жена Капета взяла цветок из букета гражданки Диксмер? — уточнил Симон.

— Да, и это я подарил ей этот букет, слышишь? — угрожающим голосом сказал Морис, который все это время слушал этот разговор, выведивший его из себя.

— Видят то, что видно, а говорят то, что слышно, — проворчал Симон, который все еще держал в руках найденную на лестнице и смятую его ножищей гвоздику.

— А я тебе говорю, — продолжал Морис, — что тебе нечего делать в башне. Твое место палача там, внизу, возле маленького Капета, которого ты сегодня не будешь бить, потому что я здесь и запрещаю тебе это делать.

— Значит, ты мне угрожаешь и называешь меня палачом! — воскликнул Симон, разрывая цветок. — Ну, мы еще посмотрим, что позволено аристократам... Ага, а это что такое?

— Что? — спросил Морис.

— То, что я чувствую внутри гвоздики! Ага!

И на глазах у изумленного Мориса Симон вытащил из чашечки цветка маленькую свернутую бумажку, искусно туда вложенную.

— О! — в свою очередь воскликнул Морис. — Это что такое,

Господи?

— А это мы узнаем, — проговорил Симон, отступая к окну. — Твой дружок Лорэн утверждал, что я не умею читать? Ну, так ты сейчас увидишь.

Лорэн клеветал на Симона: тот умел читать написанное печатными буквами, если почерк был достаточно крупным. Но записка была написана так мелко, что Симону пришлось прибегнуть к помощи очков. Он положил записку на подоконник и стал рыться в карманах. Пока сапожник был занят поисками, гражданин Агрикола открыл дверь комнаты, которая находилась как раз напротив маленького окошка, и поток воздуха подхватил записку как перышко. Когда Симон наконец-то нашел свои очки, водрузил их на нос и повернулся, то напрасно пытался найти записку, она исчезла.

Симон зарычал.

— Здесь лежала записка! — вопил он. — Здесь была записка! Берегись, гражданин гвардеец, очень нужно, чтобы она нашлась!

И он быстро побежал вниз, оставив ошеломленного Мориса.

Через десять минут три члена Коммуны уже входили в башню. Королева еще находилась на площадке, и был дан приказ оставить ее в полном неведении относительно того, что только что произошло в башне. Члены Коммуны поднялись наверх.

Первое, что им бросилось в глаза, красная гвоздика, которую королева все еще держала в руке. Удивленно переглянувшись, они подошли к ней.

— Отдайте цветок, — сказал старший из них.

Королева, для которой их появление было неожиданным, вздрогнула и замерла в нерешительности.

— Отдайте цветок, сударыня, — воскликнул Морис с каким-то страхом.

Королева протянула гвоздику.

Старший из членов Коммуны взял цветок и ушел, за ним последовали его коллеги. Они прошли в соседнее помещение, чтобы осмотреть цветок и составить протокол.

Разломав гвоздику, увидели, что внутри было пусто.

Морис перевел дыхание.

— Минуточку, минуточку, — сказал один из членов Коммуны, когда гвоздика оказалась раскрытой. — Лунка пуста, это правда, но в ней, наверняка, была спрятана записка.

— Я готов, — произнес Морис, — дать все необходимые объяснения, но прежде я прошу меня арестовать.

— Мы учтем твое пожелание, — ответил старший из членов

Коммуны, — но мы не имеем на это права. Ты слишком известен, как настоящий патриот, гражданин Линдей.

— Я своей жизнью отвечаю за друзей, которых имел неосторожность привести с собой.

— Ни за кого не следует ручаться, — ответил ему обвинитель.

Со двора доносился шум.

Это Симон после напрасных попыток найти унесенный ветром маленький клочок бумаги, побежал к Сантерру и рассказал ему о попытке похищения королевы со всеми дополнениями, на которые только было способно его соображение. Тамплль был блокирован, караул сменили к большой досаде Лорэна, который протестовал против этого оскорбления, нанесенного его отряду.

— Ах ты, мерзкий сапожник, — сказал он Симону, погрозив ему саблей, — это тебе я обязан подобной «шуткой». Ну что же, будь спокоен, я отплачу тебе за это.

— А я думаю, что скорее ты за все это заплатишь нации, — ответил тот, потирая руки.

— Гражданин Морис, — сказал Сантерр, — ты поступаешь в распоряжение Коммуны, там тебя допросят.

— Слушаюсь, генерал. Я уже просил арестовать меня, прошу сделать это сейчас.

— Подожди, подожди, — злорадно прошептал Симон, — мы постараемся обделать твоё дело.

И он направился к жене Тизона.

Глава XXIII

Элоиза

Целый день во дворе, в саду и его окрестностях искали маленький кусочек бумаги, послуживший причиной поднявшегося шума. Уже не было сомнений в том, что эта записка являлась предвестником очередного заговора.

Отдельно от мадам Елизаветы и дочери допросили королеву. Но она ничего не сказала, кроме того, что встретила на лестнице молодую женщину с букетом гвоздик и взяла из этого букета один цветок.

Причем она взяла цветок только после того, как это разрешил Морис. Ей больше нечего было добавить к сказанному, и это была правда во всей своей простоте и силе.

Обо всем этом было сообщено Морису, когда очередь дошла до него. Он подтвердил показания королевы, сказав, что они точны и искренни.

— Так что же, — сказал допрашивающий, — значит имел место заговор?

— Но это невозможно! — воскликнул Морис. — Ведь я сам, обедая у мадам Диксмер, предложил ей прийти посмотреть на королеву, которую она никогда прежде не видела. И мы ничего не назначали заранее, ни дня, ни способа, которым сделаем это.

— Но при ней были цветы, — констатировал допрашивающий. — Она заранее приготовила букет?

— Вовсе нет. Это я купил его у цветочницы, которая подошла к нам на углу улицы Вьей-Одриетт.

— Этот букет выбрала сама цветочница?

— Нет, гражданин, я выбрал его сам среди десяти или двенадцати. Правда, я выбрал самый красивый.

— Можно ли было в течение того времени, пока вы шли сюда, засунуть в цветок записку?

— Невозможно, гражданин. Я ни на минуту не покидал мадам Диксмер. И чтобы вложить записки в каждый цветок букета, а именно это утверждает Симон, понадобилось бы по меньшей мере полдня.

— Но хватило бы времени, чтобы вложить записки хотя бы в пару гвоздик?

— Я видел сам, как узница наугад вытащила цветок, отказавшись принять весь букет.

— Как я понимаю, гражданин Линдей, ты считаешь, что никакого заговора не было?

— Заговор существует, — ответил Морис. — И я первый готов утверждать это. Только мои друзья не имеют к нему никакого отношения. Однако, чтобы оградить нацию от тревог, я предлагаю залог и сажаю себя под арест.

— Ну уж нет, — сказал Сантерр. — Разве так поступают с такими, как ты, истинными революционерами? Если ты посадишь себя под арест, чтобы ответить за друзей, то я должен буду тоже оказаться под стражей, потому что несу ответственность за тебя. Но ведь доноса, как такового, нет? Никто не знает, что произошло. Мы удвоим наблюдение, а особенно — ты, и все узнаем без огласки.

— Спасибо, командир, но я вам ответил так, как ответили бы вы, находясь на моем месте. Мы не должны ограничиваться Тамплем, нам нужно отыскать цветочницу.

— Цветочница далеко, но будь спокоен, ее будут искать. А ты понаблюдай за друзьями, я же займусь Тамплем.

Но они совершенно не подумали о Симоне, который на этот счет имел свои соображения.

Он появился в конце разговора, чтобы узнать новости. Ему сказали о решении.

— Ах так! Значит нужно только донесение по всей форме, чтобы состряпать дело, — сказал он. — Подождите же пять минут, я принесу его вам.

— От кого же? — спросил один из членов Коммуны.

— От мужественной гражданки Тизон, которая изобличит тайные происки сторонника аристократии Мориса, и интриги другого ложного патриота из числа его друзей по имени Лорэн.

— Будь осторожнее, Симон! Рвение в интересах нации, похоже, затуманивает тебе голову. Морис Линдей и Гиацинт Лорэн — проверенные патриоты.

— Пусть это решит трибунал, — ответил Симон.

— Хорошенько подумай, Симон. Ведь это будет постыдный процесс для всех истинных патриотов.

— Позорный или нет, что мне за дело до этого? Разве я боюсь скандала? По крайней мере, люди узнают всю правду о тех, кто предает.

— Итак, ты настаиваешь на том, чтобы сделать донесение от имени жены Тизона?

— Сегодня же вечером я сообщу об этом кордельерам. Сообщу и о

тебе, гражданин, если ты не хочешь арестовать Мориса.

— Хватит, — ответил допрашивающий, который как и все в то злосчастное время, дрожал перед теми, кто громко кричал. — Ладно, его арестуют.

Поскольку решение было принято, Морис вернулся в Тампль, где его ждала записка следующего содержания:

«Наш отряд не допущен к несению караульной службы, поэтому, по всей вероятности, я смогу увидеть тебя лишь завтра утром. Приходи ко мне завтракать, ты введешь меня в курс дела, а также расскажешь об интригах и происках Симона.

Утверждают, что верит Симон, что все зло только лишь от звезды.

*Я же, пусть подумает он,
Спросил бы прекрасную розу.*

А я завтра, в свою очередь, расскажу, что мне ответила Артемиза.

Твой друг Лорэн».

«Ничего нового, — написал ему в ответе Морис. — Спи спокойно этой ночью и завтракай без меня. Из-за того, что случилось днем, я выйду отсюда не раньше полудня.

Хотел бы быть зефиром, чтобы иметь возможность послать поцелуй той розе, о которой ты пишешь.

Разрешаю тебе отхлестать мою прозу так же, как я критикую твои стихи.

Морис.

Р. С. Думаю, что заговор — это всего лишь ложная тревога».

Лорэн вышел из Тампля около одиннадцати часов, после того, как его вместе с отрядом отстранили из-за сапожника от караула.

Он пережил это унижение и утешился, сочинив очередное четверостишие, и, повторяя его, направился к Артемизе.

Артемиза обрадовалась его приходу. Погода, как мы уже говорили, была великолепной, и девушка предложила прогуляться по набережной, на что Лорэн охотно согласился.

Разговаривая о политике, они шли в сторону угольного порта. Лорэн рассказывал о случившемся в Тампле, пытаясь понять, какие обстоятельства помешали его дежурству, когда, дойдя до улицы Барр, они обратили внимание на цветочницу, которая, как и они, поднималась по правому берегу Сены.

— Гражданин Лорэн, — сказала Артемиза, — я надеюсь ты купишь мне букет.

— Конечно же! — ответил Лорэн. — И даже два букета, если это доставит вам удовольствие.

И они ускорили шаг, чтобы догнать цветочницу, которая шла очень быстро.

На мосту Мари девушка-цветочница остановилась, перегнулась через перила и высыпала все цветы из корзины в реку.

Цветы, разлетевшись во все стороны, какое-то время кружились в воздухе. Более тяжелые букеты быстрее попадали в воду. Цветы подхватывало течением.

— Смотри, — сказал Лорэн, глядя на цветочницу, которая так странно расправилась со своим товаром, — можно подумать... или нет... или да... очень странно!

Цветочница приложила палец к губам, будто просила Артсмизу молчать, и исчезла.

— Кто это? — спросил Лорэн. — Вы знакомы с этой смертной, богиня?

— Нет. Но сначала мне показалось... Нет, все же я ошиблась.

— И тем не менее она подала вам знак, — настаивал Лорэн.

— Непонятно только, почему сегодня утром она была цветочницей? — пробормотала Артемиза.

— Стало быть вы все-таки знаете ее, Артемиза? — повторил свой вопрос Лорэн.

— Да, это цветочница, — ответила Артемиза, — услугами которой я временами пользуюсь.

— Во всяком случае, — заметил Лорэн, — у вашей цветочницы очень

странная манера сбывать свой товар.

И в последний раз посмотрев на цветы, которые достигли деревянного моста, где их закружил мощный поток воды, они направились в Рапе, где рассчитывали пообедать наедине.

Об этом инциденте больше не думали. Лишь потому, что случай был несколько странным и носил какой-то мистический характер, он запечатлелся в поэтическом воображении Лорэна.

Донесение жены Тизона на Мориса и Лорэна наделало много шума в Якобинском клубе. Морису намекали, что, если он виноват, то должен спрятаться. Но уверенный в себе Морис остался в Тампле, и, когда пришли, чтобы арестовать его, молодого человека нашли на посту.

Мориса тотчас же допросили.

Морис остался при своем мнении, что его друзья невиновны, он был в них уверен, но и молча жертвовать собой ему не хотелось, поэтому он сказал о причастности к этому делу цветочницы.

Лорэн вернулся домой в пять часов вечера. Он только что узнал об аресте Мориса и его заявлении.

Лорэн тотчас же вспомнил о цветочнице, которая бросила в Сену свой товар: это было внезапное открытие. Странная цветочница, совпадение кварталов, полупризнание Артемизы, все ему инстинктивно подсказывало, что именно в этом разгадка тайны, которую должен был раскрыть Морис.

Опрометью он выскочил из комнаты, быстро сбежал с четвертого этажа и понесся к богине Разума, которая в это время вышивала золотые звезды на платье из голубого газа.

Это было то самое платье, в котором она собиралась участвовать в конкурсе.

— Хватит звезд, дорогая, — сказал Лорэн. — Сегодня утром арестовали Мориса, и вечером, по всей вероятности, придут за мной.

— Арестовали Мориса?

— Да, Боже мой, да! Сейчас сплошь и рядом происходят большие события. Почти все они происходят из-за пустяков. Так что не будем пренебрегать пустяками. Кто была эта цветочница, которую мы встретили сегодня утром, дорогая подруга?

Артемиза вздрогнула.

— Какая цветочница?

— Черт возьми, ну та, которая с такой расточительностью бросала цветы в Сену!

— Ах, Боже мой! — сказала Артемиза. — Почему вы придаете столько значения этому событию и с такой настойчивостью возвращаетесь к нему?

— Я прошу вас сейчас же ответить на мой вопрос, дорогая подруга.
— Но я не могу, друг мой.
— Вы — богиня, для вас нет ничего невозможного.
— Я поклялась честью, что буду хранить молчание.
— А я поклялся честью, что заставлю вас говорить.
— Но почему вы так настаиваете?
— Потому, черт возьми, чтобы Морису не перерезали глотку.
— Боже мой! Мориса могут гильотинировать! — в ужасе воскликнула молодая женщина.

— Если вы мне не скажете, то и я буду сомневаться, останется ли моя голова на плечах.

— О, нет! — сказала Артемиза. — Ведь это ее окончательно погубит. В это время в комнату Артемизы вбежал слуга Лорэна.
— Гражданин, — завопил он, — спасайся!
— В чем дело? — спросил его Лорэн.
— Дома тебя ждут жандармы. Когда они входили, я по крыше перебрался в соседний дом и прибежал, чтобы предупредить тебя.

Артемиза в ужасе закричала. Ведь она по-настоящему любила Лорэна.
— Артемиза, — сказал Лорэн, вы положили жизнь цветочницы на одни весы с жизнью Мориса и вашего возлюбленного? Если это так, то я заявляю, что отныне не считаю вас богиней Разума и стану называть вас богиней Безумия.

— Бедная Элоиза! — воскликнула бывшая танцовщица из Оперы. — Я предаю тебя не по своей вине.

— Ну хорошо, дорогая, — сказал Лорэн, протягивая ей лист бумаги. — Вы мне уже назвали ее имя, а теперь скажите ее фамилию и адрес.

— О нет, писать — никогда! — воскликнула Артемиза. — Лучше я вам скажу.

— Так скажите и не беспокойтесь, я его не забуду.
И Артемиза назвала Лорэну фамилию псевдоцветочницы.
Ее звали Элоиза Тизон и проживала она на улице Нонадьер, в доме 24.
Услышав это имя, Лорэн вскрикнул и побежал.
Но не успел он добежать и до конца улицы, когда Артемизе вручили письмо.

В этом письме было всего три строки:

«Ни слова обо мне, дорогая подруга. Если ты откроешь мое имя, то это меня бесповоротно погубит. Не говори обо мне до завтра, сегодня вечером я покидаю Париж.»

Твоя Элоиза».

— Боже мой! — воскликнула будущая богиня, если бы я только знала об этом, я бы, конечно, потянула время до завтра.

Она бросилась к окну, чтобы вернуть Лорэна, но его уже не было видно.

Глава XXIV

Мать и дочь

Весть о случившемся за несколько часов облетела весь Париж. Болтливость в то время способствовала тому, что большинство политических вопросов решалось на улице.

Ужасный и угрожающий отзвук этого события дошел и до старинной улочки Сен-Жак. Спустя два часа там уже знали об аресте Мориса.

Благодаря активности Симона, все детали заговора быстро распространились за пределами Тампля, но, поскольку каждый толковал их на свой лад, до кожевенника, правда, дошла в несколько искаженном виде. Говорили об отравленном цветке, который якобы передали королеве для того, чтобы с его помощью она усыпила стражу и выбралась из Тампля. К этим слухам прибавились подозрения насчет надежности отряда, приведенного накануне Сантерром. Уже назывались имена многочисленных жертв.

Но на старинной улочке Сен-Жак была известна точная картина происшедшего. Моран с Диксмером, когда до них дошли эти слухи, сразу же покинули дом, оставив Женевьеву одну в сильном отчаянии.

Действительно, случись с Морисом несчастье, — виновата в этом была бы только Женевьева. Ведь именно она собственной рукой довела молодого человека до тюремной камеры, в которой он сейчас оказался запертым, и откуда он, по всей вероятности, выйдет только для того, чтобы отправиться на эшафот.

Нет, Морис не заплатит своей головой за каприз Женевьевы. Если Мориса приговорят, Женевьева пойдет в трибунал и всю вину возьмет на себя, признавшись во всем. Она сама будет отвечать за все и ценой своей жизни спасет Мориса.

И Женевьева вместо того, чтобы вздрогнуть при мысли умереть за Мориса, напротив, нашла в ней горькое счастье.

Она любила молодого человека, она любила его больше чем следовало бы женщине, которая ему не принадлежала. Для нее это был способ вернуть Богу свою душу такой же чистой и незапятнанной, какой она получила его от Всевышнего.

Выйдя из дома, Моран и Диксмер расстались. Диксмер отправился на улицу Кордери, а Моран побежал на улицу Нонандьер. Добравшись до моста Мари, Моран заметил толпу празднующихся и любопытных,

которые обычно собирались вокруг какого-нибудь происшествия. Так вороны слетаются на поле битвы.

При виде толпы Моран остановился, ноги у него подкосились, и он вынужден был опереться на парапет моста.

Через несколько секунд он призвал свою способность собираться во время сильных потрясений, смешался с толпой и поинтересовался, что происходит. Ему сказали, что десять минут назад с улицы Нонандьер, дом 24 увели молодую женщину, виновную в преступлении, застали ее за упаковкой чемоданов.

Моран также узнал, где должны были допрашивать бедную девушку. Ему сообщили, что ее повезли в секцию Матерей, и он тотчас направился туда.

Клуб был переполнен. Но тем не менее Моран, поработав локтями и кулаками, пробился к трибуне. Первое, что он увидел, была высокая благородная фигура и гордое лицо Мориса, стоявшего у скамьи подсудимых, готового взглядом испепелить Симона, который в этот момент как раз разглагольствовал.

— Да, граждане, — кричал он, — гражданка Тизон обвиняет гражданина Линдея и гражданина Лорэна. Гражданин Линдей рассказывает о какой-то цветочнице, на которую он хочет свалить вину за свое преступление. Но я хочу вас предупредить заранее, цветочницу, конечно же, не найдут. Это заговор аристократов, которые пытаются свалить вину друг на друга, потому что они трусы. Вы хорошо видели, что гражданин Лорэн быстро убрался, когда все это случилось. Его не найдут точно так же, как и цветочницу.

— Ты лжешь, Симон, — яростно произнес чей-то голос. — Его не нужно искать, потому что он здесь!

И Лорэн вошел в зал.

— Пропустите меня, пропустите! — закричал он, пробиваясь вперед.

И занял место рядом с Морисом.

Это появление Лорэна, показавшее всю силу характера молодого человека, произошло очень естественно, без всякой напыщенности и манерности. Оно произвело огромное впечатление на присутствующих, которые принялись ему аплодировать и кричать: «Браво!».

Морис только улыбнулся и протянул руку своему другу, сказав при этом себе: «Я был уверен, что не останусь долго в одиночестве на скамье подсудимых».

Собравшиеся в зале с видимым интересом глазели на этих молодых красивых людей, которых обвинял завидующий их молодости и красоте

гнусный сапожник из Тампля.

Сапожник заметил, что по отношению к нему обстановка в зале меняется в худшую сторону. Тогда он решил нанести последний удар.

— Граждане, — завопил он, — я требую, чтобы выслушали отважную гражданку Тизон, я требую, чтобы она говорила, я требую, чтобы она обвиняла.

— Граждане, — остановил его Лорэн, — я требую, чтобы до этого была выслушана молодая цветочница, которую только что арестовали и скоро доставят сюда.

— Нет, — сказал Симон, — это будет еще один лжесвидетель, какой-нибудь сторонник аристократов. Гражданка Тизон и сама сгорает от желания оповестить правосудие.

Тем временем Лорэн разговаривал с Морисом.

— Да, — кричали на трибунах, — пусть дает показания гражданка Тизон!

— Гражданка Тизон в зале? — спросил председатель.

— Конечно, она здесь, — воскликнул Симон. — Гражданка Тизон, скажи, что ты здесь!

— Я здесь, гражданин председатель, — ответила тюремщица, — но, если я все расскажу, мне вернуть мою дочь?

— Твоя дочь не имеет никакого отношения к делу, которое мы расследуем, — ответил председатель, — сначала дай показания, а затем обращай в Коммуну с требованием вернуть твою дочь.

— Слышишь? Гражданин председатель приказывает тебе дать показания, — прокричал Симон. — Сейчас же говори!

— Подожди минуту, — сказал, повернувшись к Морису, председатель, удивленный спокойствием обычно такого пылкого молодого человека. — Гражданин Линдей, может сначала ты хочешь что-нибудь сказать?

— Нет, гражданин председатель. Только прежде, чем называть меня трусом и предателем, Симон мог бы лучше осведомиться на этот счет.

— Что ты там говоришь? — кривляясь, твердил Симон с выговором парижской черни.

— Я говорю, Симон, — продолжал Морис, и в голосе его было больше грусти, чем гнева, что ты будешь жестоко наказан, когда увидишь, что произойдет дальше.

— И что же сейчас произойдет? — спросил Симон.

— Гражданин председатель, — продолжал Морис, не реагируя на своего отвратительного обвинителя, — я присоединяюсь к своему другу Лорэну с требованием, чтобы молодая девушка, которую только что

арестовали, была заслушана раньше, чем заставят говорить эту бедную женщину, которой, наверняка, подсказали, какие надо дать показания.

— Ты слышишь, гражданка? — опять закричал Симон. — Они утверждают, что ты — лжесвидетельница.

— Это я — лжесвидетельница? — возмутилась жена Тизона. — Ах так, ну подожди:

— Гражданин, — сказал Морис, — прикажи этой несчастной замолчать.

— Ага, ты боишься! — закричал Симон. — Гражданин председатель, я требую свидетельских показаний гражданки Тизон.

— Да, да, показаний! — взревел зал.

— Тише! — крикнул председатель. — Вот едет представитель Коммуны.

В этот момент послышался шум приближающегося экипажа, бряцания оружия и выкрики бежавших рядом людей.

Симон с беспокойством повернулся к двери.

— Уходи, — сказал ему председатель, — я лишаю тебя слова.

Симон спустился в зал.

В зал вошли жандармы, которые проталкивали сквозь толпу какую-то женщину.

— Это она? — спросил Лорэн у Мориса.

— Да, это она, — ответил тот. — Несчастная, она погибла!

— Цветочница! Цветочница! — прокатилось по залу. — Это цветочница!

— Я требую, чтобы сначала дала свидетельские показания жена Тизона, — вопил сапожник. — Ты ей приказал говорить, председатель, а она все еще молчит.

Жену Тизона вызвали на трибуну, и она начала свое страшное повествование. По ее словам, виновна была цветочница, а Морис и Лорэн являлись сообщниками.

Это сообщение произвело впечатление на публику в зале.

Симон торжествовал.

— Введите цветочницу, — крикнул председатель.

— Это ужасно, — прошептал Моран, закрыв голову руками.

Ввели цветочницу, и она встала у трибуны, напротив жены Тизона, которая только что закончила давать свои свидетельские показания.

Вошедшая подняла вуаль.-

— Элоиза! — воскликнула жена Тизона. — Моя дочь... Ты здесь?..

— Да, матушка, — тихо ответила молодая девушка.

- А почему жандармы привели тебя сюда?
- Потому что меня обвиняют, матушка.
- Тебя... обвиняют? — воскликнула с тревогой жена Тизона. — Кто?
- Вы, матушка.

В зале воцарилась гробовая тишина. Боль от этой ужасной сцены вошла в сердце каждого из присутствующих.

— Это ее дочь!.. — перешептывались в зале. — Ее дочь, несчастная! Морис и Лорэн смотрели на обвинителя и обвиняемую с чувством глубокого сострадания и скорби.

Симон хотел дожидаться, чем же кончится эта сцена, надеясь, что Мориса и Лорэна обвинят в соучастии, поэтому старался не попасться на глаза жене Тизона, которая ошеломленно оглядываясь по сторонам.

— Как зовут тебя, гражданка? — спросил председатель, сам взволнованный происходящим, хотя девушка была спокойна и, казалось, смирилась со своей судьбой.

— Софи-Элоиза Тизон, — гражданин.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Где ты живешь?

— Улица Нонандьер, 24.

— Это ты продала гражданину Линдею, вот он сидит на скамье, сегодня утром букет гвоздик?

Девушка повернулась к Морису и, посмотрев на него, ответила:

— Да, гражданин, я продала ему букет гвоздик.

Жена Тизона взглянула на дочь глазами, полными ужаса.

— Знала ли ты, что в каждой из этих гвоздик была записка для вдовы Капета?

— Я это знала, — ответила обвиняемая.

По залу прокатились возгласы ужаса и восхищения.

— Почему ты продала эти гвоздики гражданину Морису?

— Потому что увидела на нем трехцветный шарф муниципального гвардейца. И не сомневалась, что он шел в Тампль.

— Кто твои сообщники?

— У меня их нет.

— Как! Ты одна замышляла этот заговор?

— Ну, если считать это заговором, то одна.

— Гражданин Морис знал об этом?

— Что в цветах спрятаны записки?

, — Да, — уточнил председатель.

— Гражданин Морис — гвардеец муниципалитета. Он может видеть королеву с глазу на глаз в любой час дня и ночи. Если бы гражданину Морису нужно было что-то сказать или передать королеве, он не стал бы для этого что-то писать.

— Раньше ты знала гражданина Мориса?

— Я встречала его раньше в Тампле, когда еще жила там с моей бедной матерью, знала его чисто визуально.

— Ты слышишь, презренный! — воскликнул Лорэн, грозя кулаком Симону, который, ошеломленный таким поворотом дел, опустив голову, старался незамеченным выскользнуть из зала, — Видишь, что ты наделал?

Взгляды присутствующих обратились на Симона, они выражали крайнее негодование.

Председатель продолжил допрос:

— Поскольку ты вручила букет, поскольку ты знала, что в каждом цветке спрятана записка, ты должна также знать, что в ней было написано!

— Я знаю это.

— Тогда скажи, что же было в той записке?

— Гражданин, — твердо произнесла девушка, — я сказала все, что могла и хотела сказать.

— Ты отказываешься отвечать?

— Да.

— Знаешь, что тебя за это ожидает?

— Да.

— Может быть, ты надеешься на свою молодость и красоту?

— Я надеюсь только на Бога.

— Гражданин Морис Линдей, — сказал председатель, — гражданин Гиацинт Лорэн, вы свободны. Коммуна признает вашу невиновность и отдает должное вашему патриотизму. Уведите гражданку Элоизу в тюрьму здешней секции.

При этих словах жена Тизона, казалось, проснулась, испустила жуткий крик и хотела броситься к дочери, чтобы в последний раз обнять ее, но жандармы не позволили ей это сделать.

— Я прощаю вас, матушка, — закричала девушка, когда жандармы уводили ее.

Жена Тизона дико завопила и упала замертво.

— Какая благородная натура! — взволнованно и печально прошептал Моран.

Глава XXV

Цветок с секретом

Следом за теми событиями, о которых мы вам только что поведали, разыгралась последняя сцена этой драмы.

Жена Тизона, пораженная тем, что произошло, покинутая теми, кто привел ее в этот зал, ведь есть что-то отвратительное даже в невольных преступлениях, а когда мать убивает собственное дитя, пусть даже в порыве патриотического рвения — это непростительно, после некоторого времени полной неподвижности она подняла голову, огляделась, ошеломленная, и, увидев, что осталась совершенно одна, с криком бросилась к дверям.

Там оставалось еще несколько человек из числа самых любопытных и настойчивых. Увидев ее, они посторонились, показывая на тюремщицу пальцем и говоря друг другу:

— Видишь эту женщину? Это она донесла на свою дочь.

Жена Тизона испустила крик отчаяния и бросилась в сторону Тампля.

Она пробежала треть улицы Мишель-ле-Конт, когда какой-то человек преградил ей дорогу и, закрыв лицо плащом, сказал:

— Ну, довольна, что убила собственное дитя?

— Убила дитя? Убила свое дитя? — воскликнула бедная мать. — Нет, нет, это невозможно.

— И тем не менее это так, потому что твоя дочь арестована.

— Куда ее отвезли?

— В Консьержери^[51], а оттуда отправят в революционный трибунал, а ты знаешь, что бывает с теми, кто туда попадет.

— Прочь с дороги, — сказала жена Тизона, — дайте мне пройти.

— Куда ты идешь?

— В Консьержери.

— Что ты там собираешься делать?

— Посмотреть на дочь, хотя бы еще один раз.

— Туда тебя не пустят.

— Но мне разрешат лежать на пороге, жить там, спать там, я буду там до тех лор, пока ее не выведут, и я не увижу ее.

— А если бы кто-нибудь пообещал тебе вернуть дочь?

— О чем вы говорите?

— Я спрашиваю тебя, если бы кто-нибудь пообещал тебе вернуть дочь, ты сделала бы то, что велел бы тот человек?

— Ради моей дочери — все! Все ради моей Элоизы! — закричала мать, заламывая в отчаянии руки. — Все! Все! Все!

— Послушай, — сказал незнакомец, — ведь это Бог тебя наказывает.

— За что?

— За те муки, которые ты причинила такой же бедной матери, как ты.

— О ком вы говорите? Что вы хотите сказать?

— Своими откровениями и грубостями ты часто доводила узницу до того отчаяния, в котором сейчас находишься сама. Бог наказал тебя — послал смерть девушке, которую ты так любишь.

— Вы сказали, что есть человек, который может ее спасти. Где он? Чего он хочет? Что требует?

— Этот человек хочет, чтобы ты прекратила преследовать королеву. Чтобы ты попросила у нее прощения за оскорбления, которые нанесла ей. Чтобы, если ты заметишь, что эта женщина, тоже мать, которая и страдает, и плачет, и отчаивается, волею судьбы или каким-то неожиданным чудом может спастись, то вместо того, чтобы препятствовать этому, ты должна помочь всем, чем можешь, чтобы она спаслась.

— Послушай, гражданин, — сказала жена Тизона, — это ведь ты тот самый человек, не так ли?

— Ну и что?

— Это ты обещаешь спасти мою дочь?

Незнакомец молчал.

— Ты мне это обещаешь? Клянешься мне в этом? Отвечай.

— Послушай. Все, что мужчина может сделать для того, чтобы спасти женщину, я сделаю, чтобы спасти твое дитя.

— Мою дочь нельзя спасти! — воскликнула жена Тизона и зарыдала. — Он лгал, когда обещал ее спасти.

— Сделай все, что можешь, для королевы, и я сделаю все, что могу, для твоей дочери.

— Что для меня королева? Это — мать, у которой есть дочь, вот и все. И, если кого-то лишат головы, то не ее дочь, а ее саму. Пусть

бы мне отрубили голову, но спасли мою дочь! Пусть бы меня отвели на гильотину, но с головы моей дочери не упал бы ни один волосок. Я пошла бы на гильотину, напевая:

Пойдет, пойдет, пойдет,

Бей аристократов... [\[52\]](#)

И жена Тизона принялась напевать ужасным голосом. Потом внезапно прервала пение, разразилась смехом.

Казалось, мужчина в плаще был сам напуган началом безумия этой женщины и сделал шаг назад.

— Ты не уйдешь так просто, — в отчаянии сказала жена Тизона, хватая его за плащ, — нельзя сказать матери: «Сделай это, и я спасу твое дитя» и после того добавить: «может быть». Так ты спасешь ее?

— Да.

— Когда?

— В тот день, когда ее повезут из Консьержери на эшафот.

— Зачем ждать? Почему не сегодня ночью, не сегодня вечером, не теперь же?

— Потому что не могу.

— Ага! Вот видишь, видишь, — закричала женщина, — ты не можешь, а вот я, я могу.

— Что же ты можешь?

— Я могу преследовать узницу, как ты ее называешь, могу следить за королевой, как ты говоришь, аристократ! Я в любое время дня и ночи могу войти в эту тюрьму и сделаю это. Что же до ее спасения, посмотрим. Посмотрим. Ведь мою дочь не хотят спасти, а ее должны спасти? Нет уж, голову за голову. Ну как? Мадам Вето была королевой, я это хорошо знаю, Софи-Элоиза Тизон всего лишь бедная девушка, я и это хорошо знаю. Но перед гильотиной все равны.

— Ну что ж, ладно, — сказал человек в плаще, — спаси ее, а я спасу твою дочь.

— Поклянись.

— Клянусь.

— Чем?

— Чем хочешь?

— У тебя есть дочь?

— Нет.

— Ну ладно, — сказала жена Тизона, уронив руки в унынии, — чем же ты поклянешься?

— Клянусь Богом.

— Вот еще, — ответила женщина. — Ты же хорошо знаешь, что они убрали старого, а нового еще не придумали.

— Клянусь могилой своего отца.

— Могилой нельзя клясться, это принесет ей несчастье... О, Боже мой, Боже мой! Как я только подумаю, что может быть через три дня тоже буду клясться могилой своей дочери! Моей дочери! Моей бедной Элоизы! — воскликнула жена Ткзона так громко, что на этот крик открылись многие окна.

При виде открывающихся окон, стоящий у стены мужчина шагнул к тому, кто укрывался плащом.

— С этой женщиной не о чем говорить, — сказал тот, что был в плаще, — она безумна.

— Нет. она всего лишь мать, — ответил другой.

И он увел своего товарища,

Видя, что они уходят, жена Тизона, казалось, пришла в себя.

— Куда вы? — закричала она. — Вы спасете Элоизу? Подождите, я пойду с вами. Подождите, да подождите же!

И с криками бедная женщина последовала за ними, но на ближайшем перекрестке потеряла их из вида. Она остановилась, в нерешительности оглядываясь по сторонам. Поняв, что осталась одна в тишине и в ночи — двойном символе смерти, она душераздирающе закричала и рухнула без сознания на мостовую.

Пробило два часа.

А в это время королева, сидя возле коптящей лампы между золовкой и дочерью, скрытая дочерью, которая притворялась, что обнимает ее, от взглядов муниципальной гвардии, перечитывала маленькую записку, написанную на тончайшей бумаге таким мелким почерком, что ее обожженные слезами глаза с трудом разбирали написанное.

В записке было следующее:

«Завтра, во вторник, попросите спуститься в сад, это вам будет разрешено без каких-либо трудностей, потому что приказано предоставить вам эту льготу тотчас, как вы только об этом попросите. Сделав три или четыре круга, притворитесь уставшей, подойдите к хибаре и попросите у Плюмо разрешения посидеть там. Там через минуту притворитесь, что вам совсем плохо, что вы сейчас лишитесь чувств. Тогда закроют двери, чтобы оказать вам помощь, и вы останетесь с принцессой и мадам Елизаветой. Тотчас же откроется крышка хода, ведущего в подвал. Поспешите спуститься в подвал вместе с сестрой и дочерью и вы будете спасены».

— Боже мой! — произнесла принцесса. — Неужели наступит конец нашим несчастьям?

— А эта записка не западня? — добавила мадам Елизавета.

— Нет, нет, — ответила королева, — это так отчетливо говорит о присутствии моего друга, таинственного, но мужественного и верного.

— Это от шеваляе?

— От него, — ответила королева.

Мадам Елизавета сжала руки.

— Перечитаем записку еще раз по очереди, — предложила королева, — чтобы все знали, что нужно делать.

И они втроем стали читать и, когда заканчивали чтение, слышали, то дверь их комнаты открывается. Мадам Елизавета с принцессой обернулись, королева, не меняя положения, незаметным движением поднесла записку к волосам и сунула ее в прическу.

Дверь открыл один из муниципальных гвардейцев.

— Что вам угодно, сударь? — хором спросили мадам Елизавета и принцесса.

— Гм! — ответил гвардеец. — Мне кажется, что уже поздно и вам пора ложиться спать...

— Разве теперь есть новое постановление Коммуны, — сказала королева, поворачиваясь к нему со своим обычным величием, — которое определяет, в котором часу мне нужно ложиться спать?

— Нет, гражданка, — ответил гвардеец, — но, если нужно, такое постановление будет принято.

— А пока, сударь, — продолжила Мария-Антуанетта, — извольте уважать, я не говорю комнату королевы, но комнату женщины,

— Эти аристократы выражаются так странно... — проворчал гвардеец.

И он удалился, подчиняясь высокомерному достоинству королевы.

Через минуту лампа погасла и, как обычно, женщины разделись в темноте, оберегая свою стыдливость.

На следующий день, в девять утра, королева, перечитав спрятанную в постели вчерашнюю записку, чтобы еще раз освежить в памяти инструкции, разорвала ее на мельчайшие куски, оделась, после чего разбудила мадам Елизавету, подошла к дочери.

Потом, через несколько минут, она вышла и позвала дежурных гвардейцев.

— Что тебе нужно, гражданка? — спросил один из них, в то время как другой не соизволил оторваться от завтрака, чтобы откликнуться на призыв

королевы.

— Сударь, — сказала Мария-Антуанетта, — я сейчас была в комнате моей дочери, бедное дитя, она очень больна. У нее распухли ноги и сильно болят. Вы, наверное, знаете, что это я приговорила ее к необычной для нее неподвижности: мне было разрешено выходить на прогулку в сад, но, поскольку для этого нужно было проходить мимо комнаты, в которой раньше жил мой муж, а это было выше моих сил, я ограничивалась прогулками по террасе.

— Теперь же такие прогулки недостаточны для моей бедной дочери. Я прошу вас, гражданин гвардеец, попросить от моего имени у генерала Сантерра разрешение на прогулки в саду. Буду вам за это признательна.

Королева произнесла последнюю фразу так мягко, но в то же время с таким достоинством, она так умело избегала того, что могло бы задеть республиканскую гордость собеседника, что он поначалу представ перед ней в головном уборе, как большинство охранников, снял его и, когда она закончила говорить, поклонился ей со словами:

— Будьте спокойны, сударыня, у генерала Сантерра испросят разрешение на то, что вы желаете.

Уже потом, уходя, как бы убеждая себя в том, что поступил согласно этикету, а не проявил слабость, он повторял:

— Ну, конечно, это будет справедливо.

— Что будет справедливо? — спросил его напарник.

— Что эта женщина станет гулять с больной дочерью.

— Чего же она просит?

— Она просит, чтобы ей разрешили погулять в саду.

— Вот еще! — ответил второй охранник. — Пусть еще попросит разрешения прогуляться от Тампля до площади Революции, и ее прогуляют.

Услышав эти слова, королева побледнела, но потом из них же почерпнула новый прилив мужества для того, чтобы пойти на то, что ее сегодня ожидало.

Гвардеец покончил с трапезой и спустился вниз. Королева попросила подать завтрак в комнату дочери, и ей это было разрешено.

Принцесса, чтобы подтвердить слух о своей болезни, осталась в постели, а мадам Елизавета и королева сидели рядом с ней.

В одиннадцать часов пришел Сантерр. Как обычно, его появление сопровождалось барабанным боем и входом в Тампль нового караульного отряда, менялись также и гвардейцы муниципалитета.

Когда Сантерр, гарцуя на своем коне, инспектировал отряд, который отдежурил, и тот, что заступал в караул, он останавливался, чтобы те, у кого

к нему были просьбы, требования или жалобы, могли их высказать.

Закончивший дежурство гвардеец воспользовался этим и подошел к генералу.

— Что тебе нужно? — резко спросил Сантерр.

— Гражданин, — сказал гвардеец, — я хочу сказать от имени королевы.

— А кто такая королева? — спросил Сантерр.

— И действительно, — продолжил гвардеец, и сам удивленный тем, что настолько забылся. — Так что я там говорил? Что я, с ума сошел? Я хотел сказать от имени мадам Вето...

— Ну, ладно, понял, — ответил Сантерр. — Так что же ты хотел сказать?

— Маленькая Вето больна, кажется, из-за того, что ей не хватает воздуха и движения.

— Разве стоит из-за этого предъявлять претензии нации? Нация позволила ей прогулки в саду, а она отказалась.

— Да, все именно так, но теперь она просит, чтобы ей позволили спуститься.

— Здесь нет проблемы. Вы все слышите, — сказал Сантерр, обращаясь к отряду, — вдова Капета спустится в сад погулять. Это решение нации. Но будьте осторожны, чтобы она не перебралась через стены, если же это произойдет, то я всем отрублю головы.

Шутка гражданина генерала была встречена взрывом гомерического хохота.

— Ну, теперь вы предупреждены, — отметил Сантерр, — прощайте. Я еду в Коммуну. Кажется, нужно выдать паспорт на тот свет Ролану и Барбару^[53]...

Именно эта новость привела гражданина генерала в хорошее расположение духа.

Покидая Тамплъ, Сантерр пустил коня галопом.

Следом за ним покинул Тамплъ отряд, который закончил дежурство.

Наконец и гвардейцы муниципалитета уступили свои места вновь прибывшим, которые получили распоряжение Сантерра в отношении королевы.

Один из них поднялся к королеве и объявил ей, что генерал Сантерр удовлетворил ее просьбу.

«О! — подумала королева, глядя на небо за окном. — Неужели твой гнев, Господи, улегся и ты больше не станешь преследовать нас?»

— Спасибо, сударь, — поблагодарила она гвардейца с той очаровательной улыбкой, которая погубила Барнава и свела с ума столько мужчин, — спасибо!

Затем повернулась к своей маленькой собачке, которая прыгала возле нее и ходила на задних лапках, потому что по взглядам хозяйки чувствовала, что происходит нечто экстраординарное.

— Пойдем, Блэк, — сказала королева, — пойдем погуляем.

Маленькая собачка принялась прыгать и, посмотрев на гвардейца, поняв, что именно этот человек принес новость, так обрадовавшую хозяйку, подбежала к нему, виляя длинным хвостом, и осмелилась даже лизнуть его.

И этот мужчина, который, может быть, остался бы безразличным к мольбам королевы, разволновался от ласки собаки.

— Вы могли бы чаще гулять с собачкой, гражданка Капет, — сказал он. — Человечность требует заботиться о каждом создании.

— Когда мы сможем выйти, сударь? — спросила королева, — Как вы думаете, сильное солнце нам не повредит?

— Выйдете, когда пожелаете, — ответил охранник, — на сей счет нет никаких особых распоряжений. Но, если вы выйдете в полдень, а это время смены часовых, то в башне будет меньше движений.

— Ну хорошо, в полдень, — сказала королева, прижимая руки к груди, чтобы унять сердцебиение.

И она взглянула на гвардейца, который казался ей не таким суровым, как его собратья. Возможно, из-за уступок желаниям узницы, этот человек лишится жизни в борьбе, что затеяли заговорщики.

Но в этот момент, когда сердце королевы готово было смягчиться от сочувствия, душа ее пробудилась. Она вспомнила 10 августа, трупы своих друзей, разбросанные по коврам дворца. Она вспомнила 2 сентября и голову принцессы де Ламбаль^[54], надетую под ее окнами на пику. Она вспомнила 21 января и своего мужа, погибшего на

эшафоте, барабанную дробь, заглушившую его голос. Наконец, она подумала о своем сыне, бедном ребенке, крики которого она не слышала и не могла ничем ему помочь. И сердце ее отвердело.

— Увы! — прошептала она, — несчастье, как кровь античной гидры: оно питает массу новых бед!

Глава XXVI

Блэк

Гвардеец вышел, чтобы позвать своих коллег и начать чтение протокола, оставленного предыдущей сменой.

Королева осталась наедине с сестрой и дочерью. Они переглянулись.

Принцесса бросилась к королеве и обняла ее.

— Помолимся Богу тихо, чтобы никто не заподозрил, что мы молимся, — сказала королева.

Есть жестокие времена, когда молитва, этот естественный гимн Богу, живущий в сердце человека, в глазах других становится подозрительным, потому что является актом надежды или признательности. У охранников надежда и признательность вызывали беспокойство, поскольку у королевы была только одна надежда — побег, поскольку королева могла поблагодарить Бога только за то, чтобы он представил ей эту возможность.

Закончив безмолвную молитву, они сидели втроем, не произнося ни слова.

Часы пробили одиннадцать, потом полдень.

Когда раздался последний удар часов, послышалось бряцание оружия сперва на лестнице, а затем уже неподалеку от покоев королевы.

— Это поднимаются часовые, — произнесла королева, — сейчас они будут здесь.

Мария-Антуанетта заметила, что мадам Елизавета и дочь побледнели.

— Мужайтесь, — сказала королева, тоже побледнев.

— Уже полдень, — раздалось снизу. — Пусть узницы спускаются.

— Ну, вот и мы, — ответила королева, окинув последним взглядом, в котором проскальзывало и сожаление, комнату, где жила, темные стены, грубоватую и довольно простую мебель — свидетеля своего заточения.

Открылась первая, выходившая в коридор, дверь. Коридор был темным, его мрак позволил пленницам скрыть свое волнение. Впереди бежал маленький Блэк. Когда проходили мимо помещения, от которого Мария-Антуанетта пыталась отвести взгляд, верный пес мордочкой напоролся на гвоздь и жалобно, протяжно заскулил. Королева быстро прошла вперед, но у нее не было сил позвать собачку, и она прислонилась к стене.

Потом сделала несколько шагов, но ее ноги подкашивались, и она вынуждена была остановиться. Мадам Елизавета и дочь подошли к ней, и

на непродолжительное время группа из трех женщин замерла, голова королевы склонилась к голове дочери.

В это время к ним подбежал маленький Блэк.

— Что случилось? — крикнул кто-то. — Она спускается или нет?

— Идем, идем, — сказал сопровождавший их гвардеец, стоявший возле этой скорбной группы, с почтением созерцая ее безмолвную печаль.

— Идем! — сказала королева.

И она первой спустилась к выходу.

Когда узницы оказались перед последней дверью, из-под которой пробивались солнечные лучи, стража еще раз обменялась полученными приказами. Только после этого тяжелая дверь медленно открылась.

У двери на земле сидела или, вернее, лежала какая-то женщина. Это была жена Тизона, которой не было видно уже целые сутки; что вызывало у узниц недоумение.

Королева взглядом пыталась вобрать окружающее: день, деревья, сад. Она искала глазами крышу заветной хибары, где ее уже несомненно ждали друзья, когда внезапно, услышав шум ее шагов, жена Тизона вскочила и раскинула руки в стороны. Королева увидела ее бледное, помятое лицо, обрамленное седеющими волосами.

В этот момент с медлительностью, характерной для душевнобольных, она стала у двери, закрыв дорогу Марии-Антуанетте.

— Что вам угодно, добрая женщина? — спросила королева.

— Он сказал, что нужно ваше прощение.

— Кто сказал? — не поняла королева.

— Человек в плаще, — ответила жена Тизона.

Королева с удивлением посмотрела на мадам Елизавету и на дочь.

— Иди, иди прочь, — сказал гвардеец. — Пропусти вдову Капета. У нее есть разрешение на прогулку в саду.

— Я это знаю, — ответила жена Тизона, — потому я и пришла Лода: наверх меня не пропустили, а я должна попросить у нее прощения. Вот я и ждала ее здесь.

— Почему же вас не пропустили наверх? — спросила королева.

Жена Тизона захохотала.

— Потому что они утверждают, будто я — сумасшедшая! — ответила она.

Королева посмотрела и увидела в глазах этой несчастной какой-то странный блеск, мутноватый взгляд свидетельствовал об отсутствии мысли.

— Боже мой! — произнесла королева. — Бедная женщина! Что же с вами случилось?

— Со мной случилось... Вы что же, не знаете? — сказала женщина. — Да нет же, знаете, потому что из-за вас ее приговорили...

— Кого?

— Элоизу.

— Вашу дочь?

— Да, ее... Мою бедную дочь!

— Приговорили... Но кто? Как? За что?

— Потому что она продала букет...

— Какой букет?

— Букет гвоздик... Она вовсе не цветочница, — ответила жена Тизона, как будто что-то вспоминая. — Как же она могла продать букет?

Королева вздрогнула. Невидимая нить связала эту сцену с предыдущими событиями. Она поняла, что не следует терять времени на этот бесполезный диалог.

— Добрая женщина, — сказала она, — я прошу вас пропустить меня. Вы мне позже обо всем расскажете.

— Нет, сейчас. Нужно, чтобы вы меня простили. Нужно, чтобы я помогла вам убежать, тогда они спасут мою дочь.

Королева смертельно побледнела.

— Боже мой! — прошептала она, поднимая глаза к небу.

Потом повернулась к гвардейцу:

— Сударь, — попросила она, — будьте так добры, уберите эту женщину, вы же видите, что она не в себе.

— Пойдем, мамаша, — сказал гвардеец, — освободим дорогу.

Но жена Тизона не двигалась с места.

— Нет, — продолжала она, — пусть она простит меня, пусть спасут мою дочь.

— Кто?

— Человек в плаще.

— Сестра, — сказала мадам Елизавета, — утешьте ее несколькими словами.

— Охотно, — ответила королева. — Действительно, так будет быстрее. Затем она повернулась к душевнобольной:

— Добрая женщина, чего вы желаете? Говорите.

— Я хочу, чтобы вы простили меня за то, что я заставляла вас страдать, за оскорбления, которыми я вас осыпала, за доносы. И потом, когда вы увидите человека в плаще, вы прикажете ему спасти мою дочь,

потому что он сделает все, что вы захотите.

— Я не знаю, кого вы имеете в виду, когда говорите о человеке в плаще, — ответила королева. — Но если речь идет только о том, чтобы успокоить вашу совесть и получить от меня прощение за нанесенные мне оскорбления, я от всей души искренне прощаю вас, бедная женщина. Пусть и меня простят те, кого я могла обидеть.

— О! — воскликнула жена Тизона с невыразимой радостью, — Раз вы простили, теперь он спасет мою дочь. Вашу руку, сударыня, вашу руку.

Удивленная королева протянула руку, ничего не понимая. Жена Тизона схватила ее и прижалась к ней губами.

Тут на улице, где стоял Тампль, повышался голос глашатая, сообщавшего новости.

— Слушайте, — кричал он, — слушайте постановление. Элоиза Тизон за участие в заговоре приговорена к смертной казни!

Как только эти слова услышала жена Тизона, лицо ее исказилось, она опять раскинула руки, преграждая путь королеве.

— О! Боже мой! — прошептала королева, которая в свою очередь тоже не пропустила ни слова из этого ужасного сообщения.

— Приговорили к смертной казни? — крикнула мать. — Мою дочь приговорили? Моя Элоиза погибла? Значит он ее не спас и не может спасти? Значит, слишком поздно?.. А-а!..

— Бедная женщина, — сказала королева, поверьте, я вам сочувствую.

— Ты? — сказала жена Тизона, и глаза ее налились кровью. — Ты? Ты мне сочувствуешь? Ты меня жалеешь? Никогда! Никогда!

— Вы ошибаетесь, я жалею вас от всего сердца, пропустите же меня.

— Пропустить тебя!

Жена Тизона расхохоталась.

— Ну уж, нет! Выпустить тебя, чтобы ты бежала! Ведь они сказали, что если я попрошу у тебя прощения и помогу тебе бежать, моя дочь будет спасена. Но раз моя дочь умрет, то ты тоже не спасешься.

— Ко мне! Помогите мне, — воскликнула королева. — Ах, Боже мой, Боже мой! Вы же видите, что эта женщина безумна.

— Нет, я не безумная, нет. Я знаю, что говорю, — крикнула жена Тизона. — Да, это правда, существует заговор. Это Симон его раскрыл. Это моя дочь, моя бедная дочь, та, которая продала букет. Она это подтвердила перед Революционным трибуналом... Букет гвоздик... Там внутри были записки...

— Сударыня, — сказала королева, — именем Неба!

Опять послышался голос глашатая, выкрикивающий:

— Постановление, по которому Элоиза Тизон приговаривается к смертной казни за участие в заговоре!

— Ты слышишь, — завопила душевнобольная, вокруг которой уже стали собираться дежурившие в Тампле охранники, — приговорили к смерти? Это из-за тебя, только из-за тебя убьют мою дочь! Слышишь, из-за тебя, Австриячка.

— Именем Неба, — сказала королева. — Если вы не хотите избавить меня от этой несчастной сумасшедшей, позвольте мне хотя бы подняться в башню. Я не могу выносить упреки этой женщины: они слишком несправедливы, они убивают меня!

И королева, всхлипнув, отвернувшись, чтобы никто не видел ее слез.

— Да, да, плачь, лицемерка! — закричала безумная. — Твой букет ей дорого стоил... Она должна была это знать: умирают все, кто тебе служит. Ты приносишь несчастье. Австриячка: убили твоих друзей, твоего мужа, твоих защитников, а теперь убьют и мою дочь! Когда же, наконец, убьют тебя, чтобы никто больше из-за тебя не умирал?

Эти последние слова несчастная прокричала, сопровождая их угрожающими жестами.

— Несчастная! — прокричала мадам Елизавета. — Ты забыла, что перед тобой королева?

— Королева, она?.. — повторила жена Тизона, слабоумие которой становилось все более явным. — Если это — королева, то пусть она запретит палачам убивать мою дочь... Пусть помилуют мою бедную Элоизу... Короли могут миловать... Ну, верни же мне мою дочь, и я признаю, что ты — королева... А до этого ты просто женщина, и та женщина, которая приносит несчастье, которая убивает!..

— Сударыня, сжальтесь, — воскликнула Мария-Антуанетта, — вы же видите мое горе и мои слезы.

И королева попыталась пройти, не затем, чтобы бежать, а машинально, чтобы избавиться от этого наваждения.

— Ну нет! Ты не пройдешь, — вопила безумная. — Ты хочешь бежать, мадам Вето... Я это хорошо знаю, человек в плаще мне об этом сказал. Ты хочешь бежать к пруссакам... Но ты не убежишь, — продолжала она, цепляясь за платье королевы, — я помешаю тебе! Я! Бей мадам Вето! К оружию, граждане... Чтобы кровь...

И несчастная упала, вырвав клоч из платья королевы, руки ее в Судороге искривились, волосы были растрепаны, глаза налиты кровью.

Растерявшаяся, но, по крайней мере, свободная от безумной, королева только было собралась направиться в сторону сада, как вдруг жуткий крик,

собачий лай и какой-то странный шум вывели из оцепенения наблюдавших эту сцену гвардейцев.

— К оружию! К оружию! Измена! — кричал кто-то, и королева узнала голос сапожника Симона.

Возле этого человека, стоявшего с саблей в руке на пороге хибары, яростно лаял маленький Блэк.

— К оружию! Весь отряд! — орал Симон. — Нас предали. Пусть Австриячка возвращается в башню. К оружию! К оружию!

Прибежал офицер. Симон о чем-то ему рассказывал, указывая на хибару, глаза его горели. Офицер в свою очередь крикнул:

— К оружию!

— Блэк! Блэк! — позвала королева, сделав несколько шагов вперед.

Но собака не откликнулась и продолжала яростно лаять.

Прибежали вооруженные караульные, они поспешили к хибаре, а гвардейцы муниципалитета окружили королеву, ее золовку и дочь, заставили их вернуться в башню и плотно закрыли за ними дверь.

— Оружие к бою! — закричали гвардейцы часовым.

Послышался шум заряжающихся ружей, которые готовили к бою.

— Это там, под крышкой подвала, — рычал Симон. — Я видел, как двигается эта крышка, я уверен в этом. Вот и эта непричастная к заговору собачка затыкала на заговорщиков, которые, по всей вероятности, прячутся в подвале. Глядите, собака продолжает лаять.

И действительно, Блэк оживился, услышав крики Симона, и его лай стал еще громче.

Офицер схватил кольцо крышки от подвала. Два самых сильных гренадера, увидев, что он не может с ней справиться, попытались помочь, но безуспешно.

— Вы видите, они снизу держат крышку, — сказал Симон. — Огонь, стреляйте сквозь крышку, друзья мои!

— Эй, вы, — крикнула вдовушка Плюмо, — вы разобьете мои бутылки.

— Огонь! — повторял Симон. — Огонь!

— Замолчи ты, крикун! — сказал ему офицер. — Так, принесите топоры, мы поднимем доски... Одному взводу находиться в полной готовности! Внимание! Как только крышка поднимется, тотчас огонь!

По скрежету железа и подрагиванию почвы караульные поняли, что под землей что-то происходит. Потом из подвала послышался звук, который был похож на звук опускаемой железной решетки.

— Мужайтесь! — сказал офицер подбежавшим гвардейцам.

Топором отделили доски. Двадцать ружейных стволов были направлены в яму подвала, но через отверстие, которое, правда, все, увеличивалось, ничего не было видно. Офицер зажег пучок соломы и бросил его в подвал. Подвал был пуст.

Подняли крышку, которая на этот раз поддалась сразу.

— Следуйте за мной, — крикнул офицер, — храбро устремившись по лестнице вниз.

— Вперед! Вперед! — закричали охранники и бросились за офицером.

— Ах, гражданка Плюмо, — сказал Симон, — ты сдаешь свой подвал аристократам!

Было видно, что стену недавно разрывали. На влажной почве виднелось множество следов, в направлении улицы Кордери был вырыт ход шириной в три фута и высотой — в пять.

Офицер двинулся по этому ходу, решив преследовать аристократов хоть до чрева земли. Но не успел он сделать три-четыре шага, как уперся в железную решетку.

— Стойте! — крикнул он тем, кто шел вплотную за ним. — Дальше идти нельзя, здесь преграда.

— А ну, в чем тут дело? — поинтересовались гвардейцы муниципалитета, которые, заперев узниц в башне, пришли сюда узнать новости. — Давайте посмотрим!

— Черт возьми, — выругался офицер, — да это чистой воды заговор. Аристократы хотели похитить королеву во время прогулки и, вероятно, обо всем условились заранее.

— Черт, — выругался гвардеец из муниципалитета. — Пусть сбегают за гражданином Сантерром и предупредят Коммуну.

— Солдаты, — приказал офицер, — оставайтесь в этом подвале и убивайте каждого, кто здесь появится.

Отдав этот приказ, офицер поднялся наверх, чтобы составить рапорт.

— Ага! — кричал Симон, потирая руки. — Ага! Ну, кто скажет, что я не в своем уме? Молодец, Блэк! Блэк — настоящий патриот, Блэк спас Республику. Иди сюда, Блэк!

Когда пес приблизился к нему, он ударил собаку ногой так, что тот отлетел шагов на двадцать.

— Эй, Блэк, я тебя люблю! — опять сказал Симон. — Ты поможешь нам перерезать глотку своей хозяйке. Иди сюда, Блэк, иди!

Но на этот раз вместо того, чтобы послушаться, Блэк, лая, понесся к башне.

Глава XXVII

Мюскаден

Прошло около двух часов после событий, о которых мы рассказали вам.

Лорэн прохаживался по комнате Мориса, Сцевола же чистил сапоги своего хозяина в прихожей, чтобы им было удобнее беседовать, дверь в комнату была открыта. Лорэн остановился, чтобы задать слуге несколько вопросов.

— Так ты говоришь, гражданин Сцевола, что твой хозяин ушел утром?

— Да, Боже мой, да.

— В обычное время?

— Может, на десять минут раньше или позже, я не могу сказать точно.

— И с тех пор ты его не видел?

— Нет, гражданин.

Лорэн замолчал и, сделав по комнате три или четыре круга, заговорил снова:

— Он взял с собой саблю?

— Когда он идет в секцию, то всегда берет ее с собой.

— Ты уверен, что он пошел именно в секцию?

— Так он, во всяком случае, мне сказал.

— В таком случае я отправлюсь к нему, — сказал Лорэн. — И если мы разминемся, ты скажешь ему, что я приходил и скоро вернусь.

— Подождите, — сказал Сцевола.

— Что?

— Я слышу его шаги на лестнице.

— Ты уверен?

— Я уверен в этом.

Почти в ту же минуту дверь отворилась, и вошел Морис. Лорэн бросил на него быстрый взгляд и не заметил в облике друга ничего необычного.

— А, вот наконец-то и ты! — сказал Лорэн. — Я жду тебя уже два часа.

— Тем лучше, — улыбнулся Морис. — Значит, у тебя было достаточно времени, чтобы сочинить двустистишье или четверостишье.

— Ах, дорогой Морис, — ответил Лорэн, — я этим больше не занимаюсь.

— Четверостишьями?!

— Да.

— Ба! До чего же мы дожили? Конец света?

— Морис, друг мой, мне очень грустно.

— Тебе грустно?

— Я несчастен.

— Ты несчастен?

— Да, меня мучает совесть.

— Совесть?

— Да, Бог мой, — ответил Лорэн, — ты или она, ведь середины здесь быть не могло. Ты или она. Ты хорошо знаешь, я-то ни секунды не колебался. А вот Артемиза в отчаянии. Эта была ее подруга.

— Бедная девушка!

— А поскольку Артемиза сообщила мне ее адрес...

— Тебе, наверное, не нужно было вмешиваться, пусть бы все шло своим чередом.

— Конечно, и тебя бы приговорили вместо нее. Очень разумно. И я еще пришел к тебе за советом!

— Ладно, продолжай.

— Понимаешь? Бедная девушка, я хотел бы сделать хоть что-то для ее спасения. Порой мне кажется, что если бы я хоть подрался с кем-нибудь, и то стало бы легче.

— Ты что, с ума сошел, Лорэн? — пожал плечами Морис.

— А что, если пойти в Революционный трибунал?

— Слишком поздно, приговор ей уже вынесен.

— И то правда, — ответил Лорэн, — и это ужасно, что девушка вот так погибнет.

— А самое ужасное то, что мое спасение повлекло за собой ее смерть. Но, в конце концов, Лорэн, нас должно утешать то, что она участвовала в заговоре.

— Ах, Боже мой, сейчас почти все в большей или меньшей степени заговорщики. Она поступила, как все. Бедная девушка!

— Не сожалею о ней так много, друг мой, — сказал Морис, — потому что мы тоже часто попадаем под обвинения. Мы сами еще далеко не окончательно смыли обвинение в соучастии, на нас осталось пятно. Сегодня в секции капитан стрелков Сент-Ле обозвал меня жирондистом. Мне пришлось взяться за саблю, чтобы доказать ему, что он ошибается.

— Так вот почему ты вернулся так поздно?

— Вот именно.

— А почему ты не предупредил меня?

— Потому что в дела такого рода ты не должен вмешиваться. Нужно было покончить с этим сразу, и чтобы не было лишнего шума.

— И этот негодяй обозвал тебя, Морис, жирондистом?

— Да, черт возьми! А это говорит о том, мой дорогой, что еще одна такая передряга, и мы лишимся своей популярности. А ты знаешь, что значит в наше время слово «непопулярный»: это значит — подозрительный.

— Я хорошо это знаю, — сказал Лорэн, — от этого слова вздрагивают даже самые храбрые. Но это неважно... Мне отвратительно опускать на гильотину голову бедной Элоизы, даже не попросив у нее прощения.

— Чего же ты в конце концов хочешь?

— Я хочу, чтобы ты остался здесь, Морис, ведь тебе не в чем себя упрекнуть? А что касается меня, то здесь совершенно другое дело. Раз я ничего не могу для нее сделать, я хочу встать на дороге, по которой ее повезут, понимаешь, Морис, я хочу пожать ей руку.

— В таком случае, я буду сопровождать тебя, — сказал Морис.

— Друг мой, это невозможно, только подумай: ты — гвардеец муниципалитета, секретарь секции, ты был в этой истории замешан, в то время как я был только твоим защитником. Тебя и впрямь посчитают виновным. Оставайся. Я же не рискую ничем, поэтому и пойду.

Все это было настолько логично и верно, что Морису нечего было возразить. Если бы он обменялся хоть одним взглядом с дочерью Тизона, идущей на эшафот, то признал бы этим свое участие в заговоре.

— Иди же, — сказал он Лорэну, — но будь осторожен.

Лорэн улыбнулся, пожал руку Мориса и ушел.

Морис открыл окно и грустно помахал ему вслед. Пока Лорэн дошел до угла улицы, он несколько раз оборачивался, будто его притягивала какая-то магнетическая сила и, улыбаясь, смотрел на Мориса.

Когда Лорэн исчез из вида, Морис закрыл окно и упал в кресло. Он находился в своего рода забытии, в котором у натур сильных и чутких проявляется предчувствие большого несчастья. Это сродни затишью перед бурей в природе.

Из этого забытия его вывел слуга, вернувшийся домой после того, как выполнил ряд поручений. Он имел вид возбужденный, какой обычно бывает у слуг, когда они горят от нетерпения поделиться с хозяином новостью, которую только что узнали.

Но, увидев озабоченного Мориса, он не осмелился отвлекать его и довольствовался тем, что без всяких на то причин настойчиво прохаживался туда и обратно.

— Чего тебе нужно? — небрежно спросил Морис. — Говори, если хочешь мне что-то сказать.

— О, гражданин, еще один заговор, подумать только!

Морис пожал плечами.

— Но это заговор, от которого волосы на голове встают дыбом, — настаивал Сцевола.

— Да что ты! — ответил Морис тоном человека, привыкшего к тридцати заговорам на день.

— Да, гражданин, — продолжал Сцевола, — от этого невольно вздрогнешь! У настоящих патриотов по спине бегает мурашки.

— Ну, что же это за заговор? — спросил Морис.

— Австриячка чуть не убежала.

— Да ты что! — сказал Морис, который начал внимательнее слушать рассказ слуга.

— Похоже, — сказал Сцевола, — что вдова Капета поддерживала связь с дочерью Тизона, которую сегодня гильотинируют. Она не смогла ей помочь, несчастная.

— Каким образом королева поддерживала связь с этой девушкой? — спросил Морис, чувствуя, что его лоб покрывается потом.

— На сей раз при помощи гвоздики. Представляете, гражданин, план побега, оказывается, был спрятан в цветке.

— В гвоздике! И кто же хотел ей помочь?

— Шевалье... де... подождите... это имя очень известно... но я всегда забываю имена... Шевалье де... ох, как же я глуп! Шевалье де Мезон...

— Мезон-Руж?

— Да, да, именно так.

— Невозможно.

— Почему невозможно? Я же вам говорю, что нашли подземный ход, и говорят, что были уже подготовлены кареты.

— Но ведь ты еще ничего мне об этом не рассказал.

— Так сейчас расскажу.

— Рассказывай! Если это и сказка, то по крайней мере красивая.

— Нет, гражданин, это не сказка, есть масса доказательств. В этом вы сами сможете убедиться. Так вот, аристократы из дома на улице Кордери прорыли подземный ход, ведущий в подвал хибары гражданки Плюмо. Ее тоже обвинили в соучастии. Вы ведь ее, надеюсь, знаете?

— Да, — ответил Морис. — И что дальше?

— Вдова Капета должна была бежать через этот подземный ход. Представляете, она уже поставила ногу на первую ступеньку, чтобы

спуститься вниз. Но гражданин Симон схватил ее за платье. Поэтому звучал большой городской набат, а в секциях били в барабаны. Можно было подумать, что пруссаки уже в Даммартине и послали на нашу территорию своих разведчиков.

В этом потоке правды и лжи, реальности и абсурда Морис едва успевал следить за главной линией сюжета. Все началось с гвоздики, которую на его глазах взяла королева, с той, что он сам купил у несчастной цветочницы. В цветке был спрятан план заговора, который должен был осуществиться так, как более или менее правдоподобно рассказал Сцевола.

В это время на улице раздалась барабанная дробь, и Морис услышал следующее:

— Большой заговор в Тампле разоблачен гражданином Симоном. Заговор в пользу вдовы Капета раскрыт в Тампле!

— Да, да, — сказал Морис, — то, чего я больше всего боялся действительно произошло. И еще Лорэн. Если среди этой экзальтированной толпы он попытается протянуть девушке руку, его разорвут в клочья...

Морис взял шляпу, пристегнул к поясу саблю и в два прыжка оказался на улице.

«Где он? — спросил себя Морис и ответил. — Конечно же на дороге из Консьержери».

И он бросился к набережной.

В конце набережной Межиссери он увидел большую толпу, был там и вооруженный отряд, штыки и пики возвышались над людьми. Морису показалось, что среди этой толпы он видит фигуру в знакомой одежде, окруженную враждебно настроенными людьми. Сердце его сжалось, и он рванулся к этому скоплению народа.

Он увидел Лорэна, которого окружали люди из отряда марсельцев. Лорэн был бледен, губы — сжаты, взгляд — угрожающий, руку он держал на сабле, просчитывая расстояние, удобное для нанесения удара.

В двух шагах от него стоял Симон. Он гнусно посмеивался, и, указывая на Лорэна марсельцам и прочим любопытным, говорил:

— Смотрите! Вы видите этого типа, я выгнал его из Тампля как аристократа: это один из тех, кто помогал вести переписку в гвоздиках. Это сообщник дочери Тизона, которую скоро здесь повезут. Он спокойно прогуливается по набережной в то время, когда его соучастницу везут на гильотину. А может, она была не только соучастницей, но и любовницей, с которой он пришел попрощаться, а может, — попытаться спасти.

Лорэн был не тем человеком, который мог бы выслушивать и дальше

подобные речи. Он вынул саблю из ножен.

В это время толпа расступила сь перед широкоплечим молодым человеком, который опрокинул по пути трех или четырех любопытных, мешавших ему идти вперед.

— Радуйся, Симон, — сказал Морис. — Наверное, ты сожалел, что меня не было рядом с моим другом, это удвоило бы твоё рвение доносчика. Ну что ж, можешь разоблачать, я здесь.

— Да, — ответил Симон с гнусным смешком, — ты пришел кстати. А это, — сказал он, — красавец Морис Линдей, его обвиняли вместе с дочкой Тизона, но он выпутаться, потому что богат.

— Бей их! Бей их! — закричали марсельцы.

— Попробуйте, — ответил Морис.

Он сделал шаг вперед и, как бы примериваясь, уколол в лоб одного из самых ярых крикунов, глаза которого тотчас же залила кровь.

— Убивают! — закричал он.

Марсельцы приготовили пики, топоры, взвели курки. Испуганная толпа отступила. Позади двух друзей был дом, а перед ними — отряд марсельцев, для которых они представляли хорошую мишень.

С последней гордой улыбкой они переглянулись, готовясь погибнуть в угрожавшем им круговороте железа и пламени. Но в этот момент дверь дома, к которому они были прижаты, открылась, и отряд молодых людей, одетых так, что в них можно было узнать мюскаденов, вооруженный саблями и пистолетами, кинулся на марсельцев. Началась ужасная схватка.

— Ура! — прокричат Морис и Лорэн, воодушевленные внезапно подоспевшей помощью, не подумав о том, что, сражаясь в рядах пришедших им на помощь людей, они оправдывали обвинения Симона.

Но, если сами они не думали о своем спасении, то нашелся человек, который подумал за них. Это был высокого роста молодой человек двадцати пяти-двадцати шести лет, с голубыми глазами, сражавшийся с бесконечным жаром, ловко орудуя саблей, которую, казалось бы, его маленькая женская рука не должна была и удержать. Заметив, что Морис и Лорэн, вместо того, чтобы убежать через специально для них открытую дверь, сражались рядом с ним, повернулся к ним и негромко сказал:

— Бегите через эту дверь. То, чем мы будем здесь заниматься, вас не касается, вы себя только напрасно скомпрометируете.

Затем, видя, что друзья колеблются:

— Назад! — закричал он Морису. — С нами не должно быть патриотов. Гвардеец Линдей, мы — аристократы!

Толпа издала вопль, услышав слово, которое в то время означало

одно — смерть.

Но молодой блондин вместе с тремя или четырьмя друзьями не испугался криков, они втолкнули Мориса и Лорэна в открытую дверь и захлопнули ее за ними, после этого снова кинулись в драку. В толпе прибавилось любопытных, потому что должна была проехать повозка с приговоренной.

Морис и Лорэн, таким чудом спасенные, удивленно переглянулись.

Они вышли во двор, отыскивали потайную дверь, выходившую на улицу Сент-Жермен-Локсеруа.

Со стороны моста Шанж появился отряд жандармов, который быстро очистил набережную, хотя на соседней улице, где находились двое друзей, еще какое-то время шла ожесточенная борьба.

Их обогнала повозка, на котором везли на гильотину бедную Элоизу.

— Галопом! — крикнул чей-то голос. — Галопом!

Повозка пронеслась мимо. Лорэн заметил несчастную молодую девушку, которая стояла с улыбкой на губах и гордым взглядом. Но он не мог обменяться с ней даже жестом. Она проехала, не взглянув на это людское море, кричавшее:

— К смерти аристократку! К смерти!

В это время маленькая дверь, откуда вышли Морис с Лорэном, вновь отворилась, и появились три или четыре мюскадена в разорванной окровавленной одежде. Вероятно, это были те, кто уцелел из небольшого отряда.

Последним шел молодой блондин.

Он швырнул свою окровавленную саблю и бросился на улицу Лавандьер.

Глава XXVIII

Шевалье де Мезон-Руж

Морис поспешил вернуться в секцию, чтобы подать жалобу на Симона.

Правда, Лорэн перед тем, как расстаться с ним, предложил более эффективное средство: собрать несколько фермопилов, дожидаться первого выхода Симона из Тампля и убить его в драке.

Но Морис был категорически против.

— Ты пропащий человек, — сказал он Лорэну, — если пойдешь по пути самосуда. Сделаем все законно. Для правоведов это должно быть несложно.

И вот, на следующее утро Морис направился в секцию, чтобы оформить жалобу.

Его удивило, что в секции председатель не прореагировал на нее, уклонился от ответа, сказав лишь, что не может быть судьей между двумя славными гражданами, воодушевленными любовью к родине.

— Хорошо! — сказал Морис. — Теперь я знаю, что нужно сделать для того, чтобы заслужить репутацию хорошего гражданина. Для этого нужно собрать людей и убить другого человека, который вам не нравится. Значит это вы называете проявлением любви к родине? Тогда мне придется присоединиться к мнению Лорэна. Начиная с сегодняшнего дня, я буду проявлять свой патриотизм так, как понимаете его вы, и начну с Симона.

— Гражданин Морис, — ответил председатель, — по-моему, в этом деле Симон меньше виноват, чем вы. Ведь он раскрыл заговор, хотя это и не входит в его обязанности, и раскрыл его там, где ничего не увидел ты, чей долг был раскрыть его. Кроме того, случайно или намеренно, этого мы не знаем, ты потворствуешь врагам нации.

— Я? — спросил Морис. — Скажи на милость, это уже что-то новенькое. Кому же это я потворствую, гражданин председатель?

— Гражданину Мезон-Ружу.

— Я? — сказал ошеломленный Морис. — Вы говорите, что я связан с шевалье де Мезон-Ружем? Я его не знаю, я его никогда...

— Видели, как ты с ним разговаривал.

— Я?

— И пожимал ему руку.

— Где это было? Когда?.. Гражданин председатель, — сказал Морис,

убежденный в своей невинности, — ты лжешь!

— Твое патриотическое рвение далековато тебя заносит, гражданин Морис, — ответил председатель. — Ты не обрадуешься тому, что я сейчас тебе скажу, потому что докажу, что не лгу. Вот три обвиняющих тебя донесения от разных людей.

— Хватит, — сказал Морис, — не думайте, что я настолько глуп, чтобы поверить в вашего Мезон-Ружа.

— А почему ты не веришь в него?

— Потому что это не заговорщик, а призрак, которому вы стремитесь приписать все интриги и заговоры наших врагов.

— Почитай донесения.

— Не стану я их читать, — сказал Морис. — Я протестую, потому что я никогда не видел шеваляе де Мезон-Ружа и никогда с ним не разговаривал. Пусть тот, кто не верит моему честному слову, скажет мне об этом, и я знаю, что ему ответить.

Председатель пожал плечами. Морис, который не любил оставаться в долгу, тоже выразил свое недоумение.

Атмосфера во время заседания секции была мрачной и напряженной.

После заседания председатель, который слыл истинным патриотом, за что и был избран на это место, подошел к Морису и сказал:

— Мне нужно с тобой поговорить.

И Морис направился за председателем, который провел его в маленький кабинет, примыкающий к залу заседаний.

Когда они вошли, председатель посмотрел Морису в лицо, затем положил руку на плечо молодого человека.

— Морис, — сказал он, — я знал и уважал твоего отца, люблю и уважаю тебя. Морис, поверь мне, ты подвергаешься большой опасности, потому что не веришь, а это — первый признак упадка революционного духа. Морис, друг мой, когда теряют веру, теряют и верность. Ты не веришь во врагов нации: из этого следует, что ты проходишь мимо, не замечая их, а значит, даже не подозревая об этом, становишься инструментом их заговоров.

— Какого черта! Гражданин, — сказал Морис, — я знаю себя, я смелый, преданный патриот, но мое рвение не делает меня фанатичным. Вот уже в двадцати заговорах виноват один и тот же человек. Хотелось бы, наконец, увидеть этого «виновника».

— Ты не веришь в заговорщиков, Морис? — спросил председатель. — Ну хорошо, а скажи мне тогда, ты действительно не веришь в ту красную гвоздику, из-за которой вчера гильотинировали дочь Тизона?

Морис вздрогнул.

— Ты не веришь и в подземный ход в саду Тампля, который соединил подвал гражданки Плюмо и один из домов на улице Кордери?

— Нет, — ответил Морис.

— Тогда сделай так, как обычно поступают в таких случаях, сходи и убедись лично.

— Но я больше не состою на службе в Тампле. Меня туда не пропустят.

— Теперь в Тамплъ может войти каждый, кто хочет.

— Как это?

— Почитай этот рапорт. Поскольку ты такой неверующий, я стану говорить с тобой только на языке официальных бумаг.

— Как! — воскликнул Морис, читая рапорт. — До такой степени?

— Продолжай.

— Королеву переводят в Консьержери?

— Ну и что? — ответил председатель.

— Да...

— И ты считаешь, что это из-за сновидений, из-за того, что ты называешь игрой воображения, из-за ерунды Комитет общественного спасения пошел на такие крайние меры?

— Эта мера принята, но она не будет выполнена как, впрочем, и ряд других. Я все это видел уже не раз...

— Прочитай же все до конца, — сказал председатель.

И он протянул Морису последний документ.

— Расписка Ришара, тюремщика из Консьержери? — воскликнул Морис.

— Уже два часа, как она заключена под стражу.

На этот раз Морис задумался.

— Ты знаешь, Коммуна действует отнюдь не поверхностно, — продолжал председатель. — Она идет прямо и широкими шагами, ее меры далеки от ребячества и она выполняет принцип Кромвеля:

«Королей надо бить только по голове».

— Познакомься с секретной запиской из Министерства полиции.

Морис прочитал следующее:

«Учитывая, что мы располагаем достоверными данными о том, что шевалье де Мезон-Руж находится в Париже, что его

видели в разных частях города, что он оставил следы нескольких заговоров, удачно разоблаченных, я призываю всех руководителей секций усилить надзор».

— Ну как? — спросил председатель.

— Ну что ж, придется поверить тебе, гражданин председатель, — воскликнул Морис.

И он продолжал чтение:

«Приметы шевалье де Мезон-Ружа: рост пять футов три дюйма, волосы светлые, глаза голубые, нос прямой, борода каштановая, подбородок округлый, голос мягкий, руки женственные, 35–36 лет».

Когда он читал приметы шевалье де Мезон-Ружа, в его мозгу промелькнуло странное видение. Он подумал о молодом человеке, командовавшем отрядом мюскаденов, который накануне спас его и Лорэна.

— Черт возьми! — прошептал Морис. — Неужели это был он? В таком случае, когда в доносах писали, что видели, как я с ним разговаривал, это не было ложью. — Только Морис не помнил, чтобы пожимал ему руку.

— Итак, Морис, — спросил председатель, — что теперь скажешь обо всем этом, друг мой?

— Я должен сказать, что верю вам, — с грустью ответил Морис, потому что уже в течение некоторого времени чувствовал, как злой дух собирает тучи над его головой.

— Не играй так своей популярностью, Морис, — продолжал председатель. — Популярность сегодня — это жизнь. Непопулярность — остерегайся ее — это подозрение в измене.

На подобные доводы Морису нечего было ответить, он и сам думал так же. Он поблагодарил своего старого друга и покинул секцию.

— Ну что ж, — прошептал он, — отдохнем немного. Слишком много подозрений и борьбы. А я ведь тоже имею право на отдых и радость. Пойду-ка я, навещу Женевьеву.

И Морис отправился на старинную улочку Сен-Жак.

Когда он пришел в дом кожевенника, Диксмер с Мораном как раз оказывали помощь Женевьеве, с которой случился сильный нервный припадок.

Поэтому Мориса не сразу впустили в дом, как это было обычно.

— Доложи все-таки обо мне, — сказал слуге обеспокоенный

Морис, — и, если Диксмер не может меня принять сейчас, я уйду.

Слуга скрылся в павильоне Женестьева, а Морис остался в саду.

Ему показалось, что в доме происходит нечто странное. Рабочие больше не занимались своими делами, а с обеспокоенным видом бродили по саду.

Диксмер сам вышел навстречу Морису.

— Входите, дорогой Морис, — сказал он. — Вы не из тех, для кого закрыта эта дверь.

— Что случилось? — поинтересовался молодой человек.

— Женестьева больна, — ответил Диксмер, — и не просто больна, а бредит.

— О, Боже мой! — воскликнул молодой человек, взволнованный тем, что и здесь, в этом доме, нашел тревогу и страдание. — Что случилось?

— Знаете, дорогой мой, — продолжал Диксмер, — в этих женских болезнях никто толком ничего не понимает, а особенно мужья.

Женестьева лежала в шезлонге. Возле нее находился Моран, который подносил ей соль.

— Ну как? — спросил Диксмер.

— Без изменений, — ответил Моран.

— Элоиза! Элоиза! — прошептала молодая женщина обескровленными губами.

— Элоиза! — удивленно повторил Морис.

— Ах, Боже мой, — сказал Диксмер, — Женестьева имела несчастье выйти вчера на улицу и увидеть повозку с этой бедной девушкой по имени Элоиза, которую везли на гильотину. После этого с ней и случилось пять или шесть нервных припадков. Она только и повторяет это имя.

— Ее особенно поразило то, что в этой девушке она узнала ту самую цветочницу, которая продала ей гвоздики, вы об этом знаете.

— Конечно, потому что из-за этого сам чуть не лишился головы.

— О, мы знаем об этом, дорогой Морис, и очень боялись за вас. Но Моран был на заседании и сообщил нам, что вы вышли на свободу.

— Тихо! — прошептал Морис. — Она, кажется, опять что-то говорит.

— Да, но слова не разобрать, — ответил Диксмер.

— Морис, — прошептала Женестьева, — они убьют Мориса. К нему, шеваье, к нему!

Эти слова сменились глубокой тишиной.

— Мезон-Руж, — прошептала еще Женестьева, — Мезон-Руж!

Морис почувствовал как в его мозгу, подобно молнии, мелькнуло подозрение. Впрочем, он был слишком взволнован болезнью Женестьева,

чтобы обратить на эти слова должное внимание.

— Вы приглашали врача? — спросил он.

— Все не так страшно, — ответил Диксмер. — У нее просто расшатались нервы.

И он с такой силой сжал руку жены, что Женевьева пришла в себя, со стоном открыв глаза, которые до сих пор были закрыты.

— А, вы все здесь, — прошептала она, — и Морис тоже с вами. Я счастлива видеть вас, друг мой. Если бы вы только знали, как я...

И она поправилась:

— ... как все мы страдали эти два дня!

— Да, — сказал Морис, — мы все здесь. Успокойтесь же и больше так нас не пугайте. Есть одно имя, которое вам лучше пока не произносить, сейчас оно отнюдь не является святым.

— Какое? — быстро спросила Женевьева.

— Имя шевалье де Мезон-Ружа.

— Я назвала имя шевалье де Мезон-Ружа? Я? — со страхом произнесла Женевьева.

— Конечно, — с натянутой улыбкой подтвердил Диксмер. — Видите ли, Морис, в этом нет ничего удивительного, потому что его публично назвали сообщником дочери Тизона, ведь это он руководил попыткой похищения, которая, к счастью, не удалась.

— Я и не считаю, что в этом есть что-то удивительное, — ответил Морис. — Я только говорю, что ему надо хорошо спрятаться.

— Кому?

— Шевалье де Мезон-Ружу, черт возьми! Его ищет Коммуна а у сыщиков хороший нюх.

— Пусть его только арестуют до того, — сказал Моран, — как он предпримет очередную попытку, которая будет удачнее последней.

— Во всяком случае, — заметил Морис, — королеве это в любом случае не поможет.

— Почему? — спросил Моран.

— Потому что королева отныне находится в надежном укрытии, там он не доберется до нее.

— Где же она? — поинтересовался Диксмер.

— В Консьержери, — ответил Морис. — Сегодня ее перевезли туда.

Диксмер, Моран и Женевьева вскрикнули, но Морис принял этот возглас за проявление удивления.

— Итак, вы видите, — продолжал он, — что шевалье придется расстаться со своими планами в отношении королевы. Тюрьма

Консьержери гораздо надежнее, чем Тампль.

Моран с Диксмером переглянулись, но Морис этого не заметил.

— Боже мой! — вскричал он. — Мадам Диксмер опять побледнела.

— Женевьева, — сказал Диксмер жене, — тебе нужно лечь в постель, дитя мое, ты больна.

Морис понял, что его выпроваживают таким способом. Он поцеловал руку Женевьеве и ушел.

Вместе с ним вышел и Моран, который проводил его до конца старинной улочки Сен-Жак.

Там они расстались, Моран направился к ожидавшему его слуге, который держал под уздцы оседланную лошадь.

Морис был так погружен в свои мысли, что даже не спросил у Морана, с которым они, впрочем, не обменялись ни словом, после того, как вместе покинули дом Диксмера, кто был этот человек, и зачем нужна лошадь.

Морис направился вдоль улицы Фоссе-Сен-Виктор и вышел на набережную.

«Как все это странно, — говорил он себе. — Рассудок мой помутился? Или все события сразу обрели свою истинную значимость?.. Но у меня такое чувство, что я вдруг увидел все словно под микроскопом».

И, чтобы немного успокоиться, Морис, облокотившись на перила моста, подставил лицо вечернему ветру.

ЧАСТЬ II

Глава I

Патруль

Задумавшись, Морис так и стоял на мосту, созерцая течение воды с тем меланхоличным видом, который в какой-то мере присущ каждому истинному парижанину. Вдруг он услышал слаженный шаг небольшого отряда. Так мог идти патруль.

Он обернулся. Это был отряд национальной гвардии, движущийся на Мориса с противоположной стороны моста. В наступающих сумерках ему показалось, что среди гвардейцев был Лорэн.

И действительно, увидев Мориса, Лорэн бросился к нему с распростертыми объятиями.

— Наконец-то, — воскликнул он. — Это ты. Черт побери! Тебя днем с огнем не отыскать.

Безмерно счастлив я, что встретился с тобою!

Быть может, я уже не так гоним судьбою?^[55]

Надеюсь, на этот раз ты не будешь роптать, я ведь цитирую Расина, а не Лорэна.

— А почему ты с патрульными? — поинтересовался Морис, которого теперь беспокоило буквально все.

— У меня задание, друг мой. Речь идет о восстановлении нашей с тобой пошатнувшейся репутации.

Повернувшись к отряду, Лорэн скомандовал:

— Оружие, на караул! Итак, дети мои, поскольку ночь не наступила, поболтайте о своих делах, а мы поговорим о своих.

Потом он вновь обернулся к Морису.

— Сегодня в секции я узнал две важные новости, — продолжал Лорэн.

— Какие?

— Первая, нас с тобой начинают считать подозрительными.

— Я это знаю. Что дальше?

— Как? Ты это знаешь?

— Да.

— Вторая, организатор этого заговора с красной гвоздикой — шевалье де Мезон-Руж.

- И это я знаю.
- Но ты, очевидно, не знаешь, что красная гвоздика и подземный ход — звенья одной цепи.
- И это я знаю.
- Ну что ж, тогда перейдем к третьей новости. Уж о ней ты точно не знаешь, я уверен. Сегодня вечером мы схватим шевалье де Мезон-Ружа.
- Схватите шевалье де Мезон-Ружа?
- Да.
- Выходит, ты стал жандармом?
- Нет, но я — патриот. А патриот всегда в долгу перед своей родиной. Шевалье де Мезон-Руж очень вредит моей родине, устраивая один заговор за другим. Итак, родина приказала мне, патриоту, чтобы я освободил ее от вышеназванного шевалье, который ей ужасно мешает, и я выполняю приказ моей родины.
- И все же странно, что ты взялся за подобное дело, — сказал Морис.
- Я не сам взялся за него, на меня его взвалили, но должен тебе сказать, что я не противился. Чтобы реабилитировать себя, мы должны совершать что-то весьма значительное. Ведь наша реабилитация, это не только наша безопасность, но и право при первом же удобном случае всадить клинок дюймов на шесть в брюхо этого гнусного Симона.
- Но как узнали, что именно шевалье де Мезон-Руж стоял во главе заговора, связанного с подземным ходом?
- Наверняка, это пока еще неизвестно, но есть предположение.
- Значит, от частного случая вы пришли к общему выводу?
- Мы действуем, благодаря нашей уверенности.
- И как же ты собираешься выполнить приказ? Ведь...
- Послушай меня внимательно.
- Слушаю.
- Едва я услышал крик: «Гражданин Симон раскрыл большой заговор!..» (опять этот каналья Симон, везде только и слышно о нем), как у меня появилось желание самому во всем разобраться. Все говорили о подземном ходе.
- Он что, действительно, существует?
- Да, я его видел.

Видел своими глазами
лишь то, что увидел я с вами.

— Ну, что же ты меня не критикуешь?

— Потому что это из Мольера, и потому что обстоятельства сейчас не располагают к шуткам.

— Над чем же сейчас шутить, если не над серьезными вещами?

— Так ты сказал, что видел?

— Подземный ход? Повторяю, да, я видел подземный ход и даже прошел по нему. Он соединяет подвал гражданки Плюмо с одним из домов на улице Кордери, с домом № 12 или № 14, точно не помню.

— Неужели?! Лорэн, ты прошел по нему?..

— От начала до конца. Этот ход очень надежно построен. Кроме того, в трех местах он перегорожен решетками, которые опускаются одна за другой. В случае, если бы заговорщикам удалось осуществить задуманное, эти решетки помогли бы им выиграть время и увезти мадам Капет в надежное место. К счастью, благодаря отвратительному Симону, этого не случилось.

— Но, мне кажется, — сказал Морис, — что в первую очередь нужно было бы арестовать жильцов из дома на улице Кордери.

— Сделали бы сразу, если бы не нашли этот дом совершенно пустым.

— Но ведь этот дом кому-то да принадлежит?

— Нового владельца никто не знает. Известно только, что недели две или три тому назад этот дом был продан новому владельцу, вот и всё! Конечно, соседи слышали шум, но они думали, что идут ремонтные работы. Что же касается прежнего владельца, то он покинул Париж. Вот так-то!

— «Черт возьми, — сказал я Сантерру, отойдя с ним в сторону, — вы все в очень затруднительном положении.

— Да, — согласился он, — это так. ’

— Но ведь этот дом был продан?

— Да.

— Пару недель назад?

— Две или три недели.

— Но при продаже должен был присутствовать нотариус?

— Да.

— Значит, нужно искать в Париже нотариуса, который занимался продажей этого дома, посмотреть документы. Таким образом, мы сможем узнать имя и адрес покупателя.

— Ну что ж, в добрый час! Это хороший совет, — сказал Сантерр. — И этого человека обвиняют в том, что он плохой патриот. Лорэн, Лорэн! Или я тебя реабилитирую, или пусть черт меня возьмет!»

— Короче, продолжал Лорэн, — сказано — сделано. Разыскали нотариуса, просмотрели документы и узнали имя, а также адрес виновного. Тогда Сантерр и приказал мне провести эту операцию.

— Так что же, этот дом купил шевалье де Мезон-Руж?

— Нет. Можно предположить, что это сделал его соучастник.

— Почему же ты говоришь, что идешь арестовывать шевалье де Мезон-Ружа?

— Мы схватим их всех вместе.

— Но прежде всего, ты знаешь, как выглядит этот шевалье?

— Прекрасно знаю.

— У тебя есть его приметы?

— Черт возьми! Сантерр сообщил их мне. Пять футов, два или три дюйма рост, белокурый, голубые глаза, прямой нос, каштановая борода. Впрочем, я его видел.

— Когда?

— Да сегодня же.

— Ты его видел?

— И ты тоже.

Морис вздрогнул.

— Это тот самый белокурый молодой человек, который спас нас сегодня утром. Тот самый, что командовал отрядом мюскаденов и так дерзко сражался с марсельцами.

— Так это был он?

— Он самый. За ним следили и потеряли из виду неподалеку от дома на улице Кордери. Отсюда и предположение, что шевалье из той же компании заговорщиков. И проживать они должны все вместе.

— Да, это возможно.

— Это факт.

— Но мне кажется, Лорэн, — добавил Морис, — что вечером арестовать того, кто спас нас утром, будет с твоей стороны неблагодарно.

— Хватит! — ответил Лорэн. — Ты что же, думаешь, он спас нас, потому что хотел спасти именно нас?

— А кого же?

— Они сидели там в засаде, чтобы спасти несчастную Элоизу Тизон, когда ее повезут мимо них. А те, кто напал на нас, просто им мешали, и они хотели просто избавиться от них. Мы спаслись как бы рикошетом. Короче говоря, как бы там ни было, меня нельзя упрекнуть ни в малейшей неблагодарности. А впрочем, видишь ли, Морис, существует необходимость. Нам очень нужно реабилитироваться, а для этого

необходимо совершить какой-то яркий поступок.

И я поручился за тебя.

— Перед кем?

— Перед Сантерром. И он знает, что именно ты возглавишь эту операцию.

— Как это я?

«Ты уверен, что арестуешь виновных? — спросил меня Сантерр.

— Да, — ответил я, — но если Морис будет в этом участвовать.

— Ты уверен в Морисе? С некоторых пор он стал умеренным.

— Те, кто это говорят — ошибаются. Морис не более умеренный, чем я.

— Ты можешь поручиться за него?

— Как за самого себя, — сказал я Сантерру».

Потом я направился к тебе, но не застал дома. Я пошел этой дорогой потому, что всегда хожу здесь. А также знаю, что ты тоже предпочитаешь ее. И вот мы встретились. Итак, вперед!

Победа, напевая,
нам дорогу открывает...

— Дорогой Лорэн, мне очень жаль, но у меня нет ни малейшего желания участвовать в этом деле. Скажешь, что не нашел меня.

— Но это невозможно! Тебя видел весь отряд.

— Ладно. Скажешь, что встретил меня, но я отказался идти с вами.

— Тем более невозможно.

— Почему же?

— Потому что в этом случае ты будешь уже не умеренным, а подозрительным. Знаешь, что делают с подозрительными: их ведут на площадь Революции, предлагают отдать честь статуе Свободы. Только вместо того, чтобы салютовать шляпой, они салютуют головой.

— Ну что ж, Лорэн, будь что будет. Тебе, наверное, кажется, что я говорю странные вещи?

Вытащив глаза, Лорэн смотрел на Мориса.

— Да, — продолжил Морис, — жизнь внушает мне отвращение...

Лорэн расхохотался.

— Итак, — сказал он, — мы поссорились с нашей возлюбленной, поэтому у нас в голове грустные мысли. Ну-ка, прекрасный Амадис^[56], давай опять станем мужчиной и гражданином. Я вот, наоборот, когда

ссорюсь с Артемизой, становлюсь таким ярым патриотом! Кстати, Её Божество, богиня Разума, передает тебе миллион приветов.

— Поблагодари ее от моего имени. Прощай, Лорэн.

— Как это «прощай»?

— А так, я ухожу.

— Куда?

— Да к себе, черт тебя побери!

— Ты губишь себя, Морис.

— Плевать.

— Морис, одумайся. Друг мой, подумай.

— Уже подумал.

— Я ведь не все сказал.

— И что еще?

— Я не рассказал всего, что говорил мне Сантерр.

— И что же он еще говорил?

— Когда я сказал ему, что именно ты возглавишь эту операцию, он посоветовал мне: «Будь осторожен».

— С кем?

— С Морисом.

— Со мной?

— Да. Он сказал: «Морис очень часто бывает в этом квартале».

— В каком?

— В котором живет Мезон-Руж.

— Как! — воскликнул Морис. — Так он прячется там?

— По крайней мере, есть такое предположение, потому что именно там живет его возможный соучастник, покупатель дома на улице Кордери.

— В предместье Виктор? — спросил Морис.

— Да, именно в предместье Виктор.

— И где?

— На старинной улочке Сен-Жак.

— Боже мой! — поднося руку к глазам, словно ослепленный молнией, прошептал Морис.

Через мгновение, как будто ему хватило этого мгновения, он взял себя в руки.

— Кто он? — спросил Морис.

— Владелец кожевенных мастерских.

— Имя?

— Дискмер.

— Ты прав, Лорэн, — сказал Морис, усилием воли скрывая

волнение. — Я иду с вами.

— И правильно делаешь. Ты вооружен?

— Сабля как всегда при мне.

— Возьми еще пару пистолетов.

— А ты?

— У меня карабин.

— Ружья на плечо! Вперед, марш!

И патрульный отряд направился дальше. Морис был рядом с Лорэном, а впереди шел какой-то человек, одетый во все серое. Это был представитель полиции.

Время от времени на перекрестках или у домов появлялась какая-то тень, которая обменивалась паролем с человеком в сером. Это были агенты.

Когда отряд прибыл на старинную улочку Сен-Жак, человек в сером не колебался. Он здесь прекрасно ориентировался и сразу устремился вперед.

Перед воротами в сад, через которые однажды внесли Мориса, связанного по рукам и ногам, он остановился.

— Это здесь, — сказал представитель полиции.

— Что здесь? — спросил Лорэн.

— Именно здесь мы и схватим двух главарей.

Морис прислонился к стене. Ему казалось, что еще мгновение и он упадет в обморок.

— А теперь, — добавил человек в сером, — давайте посмотрим. Здесь три входа: главный, тот, у которого мы стоим сейчас, и вход в павильон. Вместе с шестью-восемью гвардейцами я войду через главный вход. Вы же наблюдайте за этим — оставим здесь четверых или пятерых, а трех самых надежных поставьте у входа в павильон.

— А я, — сказал Морис, — перелезу через стену и займу место в саду.

— Прекрасно, — сказал Лорэн. — Ты сможешь открыть нам ворота изнутри.

— Охотно, — заметил Морис, — но, чтобы все не испортить, не входите, пока я не позову вас. Из сада я увижу все, что будет происходить в доме.

— Ты никак знаешь этот дом? — поинтересовался Лорэн.

— Было время, когда я собирался купить его.

Лорэн расставил гвардейцев у ограды и в нишах дверей. А полицейский с восемью-десятью гвардейцами направился перекрывать главный вход.

Через минуту звуки шагов растворились в пустынной темноте, не привлекая ни малейшего внимания.

Часовые заняли отведенные им места и изо всех сил старались слиться с тем, что их окружало. Все делалось тихо, можно было поклясться, что на старинной улочке Сен-Жак не происходит ничего необычного.

Морис полез на стену.

— Подожди, — остановил его Лорэн.

— Что еще?

— А пароль?

— Да, верно.

— «Гвоздика и подземный ход». Арестовывать всех, кто не будет знать этих слов, пропускать всех, кто их произнесет. Вот так.

— Спасибо, — сказал Морис.

И он спрыгнул со стены в сад.

Глава II

«Гвоздика и подземный ход»

Первый удар был ужасен. Морис должен был собрать в кулак всю свою силу воли, чтобы скрыть от Лорэна охватившее его волнение. Но в одиночестве, в тишине ночного сада, он немного успокоился, и беспорядочно роившиеся в его голове мы от более или менее пришли в порядок.

Как же так! Выходит, дом, в который Морис приходил часто и с самыми чистыми намерениями, дом, ставший для него олицетворением земного рая, был местом кровавых интриг! Выходит, радушный прием, оказанный в ответ на его горячую дружбу — всего только лицемерие, а любовь Женевьевы — только реакция на страх!

Наши читатели уже хорошо знакомы с садом, где неоднократно проливались молодые люди, по которому сейчас от одних деревьев и кустов к другим скользил Морис, пока не укрылся от лунного света в той самой оранжерее, куда его принесли в тот раз, когда он впервые оказался в этом доме.

Оранжерея находилась как раз напротив павильона, в котором жила Женевьева.

В этот вечер свет вместо того, чтобы освещать лишь комнату молодой женщины, метался от одного окна к другому.

Занавеска была наполовину поднята, и Морис заметил Женевьеву, спешно собиравшую вещи. Его удивило, что в ее руках блеснуло оружие.

Чтобы лучше видеть происходящее в комнате, он встал на одну из каменных тумб.

В камине пылал жаркий огонь. Женевьева жгла какие-то бумаги.

В это мгновение открылась дверь, и в ее комнату вошел человек.

Вначале Морис решил, что это Диксмер.

Молодая женщина подбежала, схватила его руки, и они в сильном волнении какое-то время смотрели друг на друга. Морис ничего не мог понять, потому что не слышал, о чем они говорили.

Но тут он рассмотрел мужчину.

— Это не Диксмер, — прошептал он.

И действительно, вошедший не отличался высоким ростом и, в отличие от Диксмера, был довольно субтилен.

— Это не Диксмер, — прошептал Морис, как будто должен был

повторить это еще раз, чтобы убедить себя в коварстве Женеьевы.

Он потянулся к окну, но чем ближе оказывался от него, тем меньше видел: в его голове пылал жар.

Морис задел ногой лестницу. Так как окно находилось на высоте семи-восьми футов, он приставил ее к стене, поднялся и впился глазами в окно.

На вид незнакомцу, находящемуся в комнате Женеьевы, было лет 27–28. Голубые глаза, элегантная внешность. Он держал руки молодой женщины в своих и что-то ей говорил, видя слезы, которые затуманивали чудесный взгляд Женеьевы.

Легкий шум, произведенный Морисом, заставил молодого человека повернуться к окну.

И тут Морис едва сдержал крик удивления: он увидел таинственного незнакомца, который спас его на площади Шателе.

В эту минуту Женеьева отняла свои руки и подошла к камину, чтобы убедиться, что все бумаги сгорели.

Морис не мог больше сдерживаться. Все страсти, терзающие мужчину — любовь, месть, ревность, — огненными зубами впились в его сердце. Он с силой толкнул плохо закрытую оконную раму и спрыгнул в комнату.

В тот же миг к его груди были приставлены два пистолета.

Женеьева повернулась на шум и онемела, увидев Мориса.

— Сударь, — холодно сказал молодой республиканец тому, от кого зависела в эту минуту его жизнь, — так это вы — шевалье де Мезон-Руж?

— А что будет, если это и так?

— О, если это так, то я знаю, что вы — человек мужественный, а, стало быть, спокойный, потому хотел бы сказать вам несколько слов.

— Говорите, — согласился шевалье, не убирая пистолетов.

— Вы можете меня убить, но вам не удастся сделать это так, чтобы я не крикнул; умирая, я обязательно закричу. И тогда множество людей, окружающих этот дом, разнесут его в щепки за десять минут. Так что опустите пистолеты и послушайте, что я сейчас скажу этой сударыне.

— Женеьеве? — спросил шевалье.

— Мне? — прошептала молодая женщина.

— Да, вам.

Женеьева стала бледнее статуи, схватила Мориса за руку, но молодой человек оттолкнул ее.

— Вы сами знаете, в чем вы меня заверяли, — с глубоким презрением произнес он. — Теперь я вижу, что вы говорили правду. Вы действительно не любите мсье Морана.

— Морис, выслушайте меня! — воскликнула Женестьева.

— Нам не о чем говорить, сударыня, — ответил Морис. — Вы обманули меня. Вы одним ударом разрубили все нити, связывающие мое сердце с вашим. Вы мне говорили, что не любите мсье Морана, но вы мне не сказали, что любите другого.

— Сударь, — сказал шевалье, — что вы там говорите о Моране или, вернее, о каком! Моране вы говорите?

— О химике Моране.

— Химик Моран перед вами. Химик Моран и шевалье де Мезон-Руж — одно и то же лицо.

И, протянув руку к столу, он взял лежавший там парик, надел его и совершенно преобразился на глазах молодого республиканца.

— Ах, так, — с удвоенным презрением произнес Морис, — теперь я понимаю, это не Моран, кого вы любите, потому что Морана не существует. Это просто очередная хитрая уловка, и она еще более низка.

Шевалье сделал угрожающий жест.

— Сударь, — продолжал Морис, — соблаговолите оставить меня на минутку с сударыней. Хотя, можете, если хотите, присутствовать на беседе, она будет недолгой.

Женестьева подала Мезон-Ружу знак набраться терпения.

— Итак, — продолжал Морис, — вы, Женестьева, выставили меня на посмешище! О, горе мне! Вы ловко использовали меня во всех ваших интригах. Вы использовали меня как инструмент! Это бесчестно! Но вы будете за это наказаны, сударыня. Сейчас этот человек убьет меня на ваших глазах! Но не пройдет и пяти минут, как он тоже упадет к вашим ногам, а, если выживет, то только для того, чтобы лишиться головы на эшафоте.

— Он умрет? — воскликнула Женестьева, — его лишат головы на эшафоте? Но вы, Морис, не знаете, что это мой спаситель, спаситель моей семьи, я отдам жизнь за него. Если он умрет, умру и я. Если вы — моя любовь, то он — моя вера!

— Вы продолжаете говорить о своей любви ко мне? — сказал Морис. — И правда, женщины слишком слабы и трусливы.

Потоп, повернувшись, добавил:

— Ну что, сударь, — обратился он к молодому роялисту, — нужно убить меня или умереть.

— Почему?

— Потому что, если вы меня не убьете, я вас арестую.

Морис протянул руку, чтобы схватить его за ворот.

— Я не стану отвоевывать у вас свою жизнь, — ответил шевалье де

Мезон-Руж, — берите!

И он бросил оружие на кресло.

— Почему же вы не будете драться со мной за свою жизнь?

— Потому что моя жизнь не стоит тех душевных мук, которые будут меня терзать, если я убью порядочного человека. И особенно потому, что Женевьева любит вас.

— О! — воскликнула молодая женщина, заламывая руки. — Как вы всегда добры, великодушны и справедливы, Арман.

Морис смотрел на них с почти дурацким выражением лица.

— Итак, — сказал шевалье, — я возвращаюсь в свою комнату. Даю вам слово чести, не для того, чтобы сбежать, а чтобы спрятать один портрет.

Морис быстро взглянул на портрет Женевьевы. Тот был на своем обычном месте.

Мезон-Руж либо угадал мысль Мориса, либо захотел проявить верх великодушия.

— Да, — сказал он, — я знаю, что вы — республиканец. Но я знаю также, что у вас чистая и верная душа. Я доверяюсь вам до конца: смотрите!

И он вынул спрятанную на груди миниатюру: это был портрет королевы.

Морис уронил голову на руки.

— Жду ваших распоряжений, сударь, — сказал Мезон-Руж. — Если вы хотите меня арестовать, то, когда мне настанет момент отдаться в ваши руки, постучите в эту дверь. С тех пор, как моя жизнь не поддерживается больше надеждой на спасение королевы, зачем она мне.

И шевалье вышел. Морис не сделал ни одного движения, чтобы задержать его.

Едва Мезон-Руж; вышел из комнаты, Женевьева бросилась в ноги молодому человеку.

— Простите, Морис, — прорыдала она, — за все зло, которое я вам причинила. Простите мои обманы. Простите, во имя моих слез и страданий, потому что, клянусь вам, я столько плакала, столько страдала. Мой муж уехал сегодня утром. Я не знаю, куда он отправился, может быть я больше никогда его не увижу. Единственного друга, который у меня остался, вернее, не столько друга, сколько брата, вы хотите убить. Простите, Морис, простите.

Морис поднял молодую женщину.

— Что вы хотите? — сказал он, — такова судьба! Сейчас все играют

своей жизнью. Шевалье де Мезон-Руж играл, как и другие, но проиграл. Настало время платить.

— То есть, умереть, если я правильно поняла?

— Да!

— Ему умереть! И это мне говорите вы!

— Это не я, Женестьева, это — роковое стечение обстоятельств.

— Но судьба еще не сказала своего последнего слова, поскольку вы можете спасти его, именно вы.

— В ущерб своему слову, а, следовательно, и своей чести? Я понимаю, Женестьева.

— Закройте глаза, Морис, на все, о чем я прошу вас, и моя благодарность будет безграничной.

— Я напрасно буду закрывать глаза, сударыня. Есть пароль, не зная которого, никто отсюда не сможет выйти, потому что дом окружен.

И вы знаете его?

— Конечно, знаю.

— Морис!

— Что?

— Друг мой, мой дорогой Морис, скажите мне пароль, мне очень нужно его знать.

— Женестьева! — воскликнул Морис. — Но кто вы мне, чтобы сказать: Морис, ради моей любви лишись слова, чести, измени своему делу, откажись от своих взглядов? Что вы предлагаете мне, Женестьева, взамен всего этого, вы, кото рая так сильно меня искушает?

— О, Морис! Спасите его, сначала спасите его, а потом требуйте от меня жизнь.

— Женестьева, — ответил Морис печально, — я стою одной ногой на дороге бесчестья. Чтобы окончательно встать на эту дорогу, у меня должна быть весома я при чина, хотя бы для самого себя. Женестьева, поклянитесь, что не любите шевалье де Мезон-Ружа...

— Я люблю шевалье де Мезон-Ружа как сестра, как подруга и никак иначе, клянусь вам.

— Женестьева, вы любите меня?

— Морис, я люблю вас, это правда, как и то, что Бог меня слышит.

— Если бы я сделал то, о чем вы меня просите, покинули бы вы родных, друзей, родину, чтобы бежать с предателем?

— Морис! Морис!

— Она еще колеблется... О, она колеблется.

И Морис в презрении отпрянул.

Женевьева, которая опиралась на его руку, лишилась опоры и упала на колени.

— Морис, — сказала она, откинувшись назад и заламывая руки, — все, что только захочешь, клянусь тебе! Приказывай, я повинуюсь.

— Ты будешь моей, Женевьева?

— Как только ты потребуешь.

— Клянись Христом.

Женевьева протянула руки.

— Боже мой! — произнесла она. — Ты простил женщине супружескую неверность, надеюсь, простишь и меня.

И крупные слезы покатались по ее щекам, падая на длинные густые волосы, ниспадающие на грудь.

— О, не клянитесь так! — воскликнул Морис. — Или я не приму вашей клятвы!

— Боже мой, — прошептала она, — я клянусь посвятить свою жизнь Морису, умереть вместе с ним, и, если будет нужно, умереть ради него, если он спасет моего защитника, моего брата, шевалье де Мезон-Ружа.

— Хорошо, он будет спасен, — сказал Морис.

Он подошел к его комнате.

— Сударь, — сказал Морис, — переоденьтесь в костюм кожевенника Морана. Я возвращаю вам ваше слово, вы — свободны.

— И вы тоже, сударыня, — сказал он Женевьеве. — Пароль: «Гвоздика и подземный ход».

И словно боясь оставаться в этой комнате, где он произнес слова, превратившие его в предателя, Морис: открыл окно и выпрыгнул в сад.

Глава III

Обыск

Морис снова занял свой пост в саду, напротив окна Женевьевы, только на этот раз оно было темно, поскольку молодая женщина вернулась в комнату шева́лье де Мезон-Ружа.

Морис вовремя покинул дом, потому что едва он дошел до угла оранжереи, как ворота в сад открылись и в сопровождении Лорэна с пятью-шестью гвардейцами появился человек в сером.

— Ну что? — поинтересовался Лорэн.

— Как видите, — ответил Морис, — я на своем месте.

— Никто не пытался нарушить запрет? — спросил Лорэн.

— Никто, — сказал Морис, который был счастлив, ему не пришлось солгать, отвечая на столь удачно сформулированный вопрос. — А что делали вы?

— А мы получили дополнительные сведения и теперь уверены, что шева́лье де Мезон-Руж точно вот уже около часа находится в этом доме и никуда из него не выходил, — ответил представитель полиции.

— И вы знаете, в какой из комнат он находится?

— Его комната отделена от комнат гражданки Диксмер лишь коридором?

— Ах так! — произнес Лорэн.

— Черт побери, их и не нужно было разъединять. Кажется, шева́лье де Мезон-Руж — игривый малый.

Кровь бросилась Морису в голову. Как бы тысяча искр вспыхнула у него в глазах.

— Ну, а... как же гражданин; Диксмер, что он думает об этом? — спросил Лорэн.

— Он считает, что для него это большая честь.

— Ну так что? — сдавленным голосом произнес Морис. — Что мы решим?

— Сейчас мы, — сказал человек в сером, — возьмем его в его же комнате, а может быть и в постели.

— Разве он ни о чем не догадывается?

— Абсолютно ни о чем.

— Известен план этого участка? — спросил Лорэн.

— У нас очень точный план, — ответил человек в сером. — В углу

сада — павильон, вон там, нужно подняться по ступенькам. Видите их? Там площадка, направо расположена комната гражданки Диксмер. Окно, которое мы сейчас видим, — окно этой комнаты. В коридор выходит дверь еще одной комнаты, комнаты врага.

— Да, с таким планом, — сказал Лорэн, — можно все сделать с завязанными глазами. Пойдем же.

— Прилегающие к дому улицы под надежной охраной? — спросил Морис с интересом, который все присутствующие расценили как естественное опасение за то, чтобы шевалье не сбежал.

— И улицы, и проходы, и переулки, и закоулки, — всё! — ответил представитель полиции. — Думаю, не зная пароля, даже мышь не проскользнет.

Морис вздрогнул. Было предпринято столько мер, что он стал бояться, как бы его измена не стала бесполезной для торжества его счастья.

— Итак, — продолжал человек в сером, — сколько вам нужно людей, чтобы арестовать шевалье?

— Сколько человек? — спросил Лорэн и ответил: — Надеюсь, будет достаточно меня и Мориса, не так ли, Морис?

— Да, — пробормотал тот, — конечно, нас двоих будет достаточно.

— Послушайте, — продолжал человек в сером, — только без хвастовства, вы сможете его взять?

— Черт побери! Возьмем ли мы его! — воскликнул Лорэн. — Ну, конечно же! Не правда ли, Морис, ведь нужно, чтобы его взяли мы?

Лорэн сделал ударение на последнем слове. Он умышленно выделил это слово, так как знал, что их начали подозревать, и эти подозрения необходимо было сразу же снять, так как в эту эпоху они быстро становились постоянными и тогда уж от них действительно трудно было избавиться. Лорэн также понимал, что после того, как они вдвоем схватят шевалье де Мезон-Ружа, уже никто не посмеет сомневаться в их патриотизме.

— Хорошо, — сказал человек в сером, — вы его возьмете, но я все-таки поставлю у выхода еще трех-четырех человек. Ведь шевалье даже спит со шпагой под подушкой, а на ночном столике у него всегда лежит пара пистолетов.

— Черт побери! — выругался один из гвардейцев. — Давайте войдем к нему все вместе, зачем кого-то выделять? Если он сдастся, отправим его на гильотину, если же окажет сопротивление, раскроем его.

— Отлично сказано, — заметил Лорэн. — Вперед! Войдем через окно или через дверь?

— Через дверь, — сказал человек в сером. — Может в ней случайно остался ключ. Если же мы полезем в окно, то придется разбить стекло, а это наделает шуму.

— Ладно, войдем через дверь, — сказал Лорэн. — Главное — войти. Итак, Морис, сабли наголо!

Морис машинально вытащил саблю из ножен.

И небольшая вооруженная группа под командованием человека в сером, который хорошо ориентировался здесь, устремилась к павильону. Поднявшись по ступенькам, вошли в коридор.

— О! — радостно воскликнул Лорэн. — Ключ в двери.

И действительно, в темноте, ощупывая дверь рукой, он почувствовал металлический холод ключа.

— Ну, открывай же, гражданин, — сказал представитель полиции.

Лорэн осторожно повернул ключ, дверь открылась.

Морис вытер рукой влажный от пота лоб.

— Ну вот мы и на месте, — произнес Лорэн.

— Не совсем, — парировал человек в сером. — Если наш план точен, то мы сейчас находимся в комнатах гражданки Диксмер.

— Можно в этом убедиться, — сказал Лорэн. — Давайте зажжем свечи. В камине еще тлеют угли.

— Зажжем факелы, — решил человек в сером. — Они не гаснут как свечи.

Он взял два факела из рук одного из гвардейцев и зажег их от полуугасшего камина. Один из них он протянул Морису, другой — Лорэну.

— Смотрите, — сказал он, — я не ошибся, эта дверь ведет в спальню, гражданки Диксмер, а та — выходит в коридор.

— Вперед! В коридор! — воскликнул Морис.

Распахнулась дверь в коридор, также незапертая, и они оказались у комнаты шеваляе. Раз двадцать Морис раньше видел эту дверь, но ему никогда не приходило в голову поинтересоваться, что же за ней находится. Ведь для Мориса весь мир был сосредоточен там, где находилась Женестьева.

— О! — прошептал Лорэн. — Здесь уже все по иному, ключа в двери нет.

— Но, — проговорил Морис, с трудом ворочая языком, — вы уверены, что он именно здесь?

— Если план верен, то его комната должна находиться именно здесь, — сказал представитель полиции. — Впрочем, вы сейчас сами в этом убедитесь. Итак, ломайте дверь. Всем приготовиться. Как только дверь

откроется, врываются в комнату.

Четыре гвардейца, которых выбрал человек в сером, вскинули ружья и по его знаку выстрелили: дверь разлетелась в щепки.

— Сдавайся или ты мертв! — воскликнул Лорэн, бросаясь в комнату.

Никто не ответил: полог над кроватью был задернут.

— Следите за улицей, — приказал человек в сером. — При первом же движении полога, открывайте огонь!

— Подождите, — сказал Морис, — я открою полог.

И в надежде, что Мезон-Руж спрятался за занавесками и первый удар кинжала или первый выстрел достанется ему, Морис кинулся к пологу.

Кровать была пуста.

— Черт возьми! — выругался Лорэн. — Никого!

— Сбежал, — пробормотал Морис.

— Но это невозможно, граждане! Невозможно! — закричал человек в сером. — Его видели около часа назад. Он вошел сюда, и никто не видел, чтобы он выходил, да и все выходы перекрыты.

Лорэн распахнул двери шкафов, осмотрел все места, где можно было спрятаться.

— Тем не менее, никого нет! Вы ведь тоже прекрасно видите, что здесь никого нет!

— Никого! — с волнением, которое можно было легко понять, повюрил Морис. — Действительно, здесь никого нет!

— А комнаты гражданки Диксмср? — предположил человек в сером. — Может быть он там?

— О! — произнес Морис. — Комнату женщины нужно уважать.

— Конечно, — ответил на это Лорэн, — мы с почтением отнесемся и к комнате гражданки Диксмер, и к ней самой, но посетить ее надо обязательно.

— Гражданку Диксмер? — спросил один из гвардейцев, довольный тем, что можно двусмысленно пошутить.

— Нет, — ответил Лорэн, — только комнату.

— Тогда, — сказал Морис, — позвольте, я войду первым.

— Иди, — согласился Лорэн, — ты старший по званию: каждому свое! Двоих оставили охранять эту комнату. Все направились туда, где зажигали факелы.

Морис подошел к двери, ведущей в спальню Женовьевы. Впервые он подходил к этой двери.

Сердце Мориса бешено колотилось.

Ключ оказался в двери. Морис потянулся к ключу, но вдруг

остановился.

— Ну что же ты, — сказал Лорэн, — открывай!

— А если гражданка Диксмер уже спит? — ответил Морис.

— Мы только посмотрим ее кровать, заглянем под кровать, в камин и в шкафы, — ответил Лорэн, — после чего, если у нее никого нет, мы пожелаем ей доброй ночи.

— Нет, не совсем так, — произнес человек в сером, — мы ее арестуем. Гражданка Женестьева Диксмер была аристократкой. Она признана соучастницей дочери Тизона и шевалье де Мезон-Ружа.

— Тогда открывай сам, — ответил Морис, выпуская ключ, — я не арестовываю женщин.

Представитель полиции покосился на Мориса, а гвардейцы стали между собой перешептываться.

— Что это вы там шепчетесь? — спросил Лорэн. — Я того же мнения, что и Морис.

И он сделал шаг назад.

Человек в сером схватил ключ, быстро повернул его, и дверь поддалась. Гвардейцы устремились в комнату.

На маленьком столике горели две свечи, но спальня Женестьевы, как и комната шевалье де Мезон-Ружа была пуста.

— Никого! — воскликнул представитель полиции.

— Никого! — повторил, бледнея, Морис. — Где же она?

Лорэн с удивлением посмотрел на Мориса.

— Идите, — сказал человек в сером. А сам с гвардейцами начал обыскивать дом: от подвалов до мастерских.

Как только в своих поисках они удалились от Мориса, который с нетерпением наблюдал за ними, он бросился в спальню, вновь открывая все шкафы и шепча с тревогой:

— Женестьева, Женестьева!

Но Женестьева не отвечала, комната действительно была пуста.

Тогда Морис в свою очередь кинулся обыскивать дом. Он осмотрел все, но безрезультатно.

В это время послышался шум, и к дверям подошли вооруженные люди. Обменявшись с часовым паролем, они заполнили сад и дом. Меж пришедшими мелькал задымленный султан на шлеме Сантерра.

— Ну? — спросил он Лорэна. — Так где же заговорщик?

— Заговорщик?

— Да. Я вас спрашиваю, чем вы здесь занимались?

— Я тоже мог бы спросить вас об этом: ваш отряд, если он хорошо

охранял выходы, должен был арестовать его, потому что Мезон-Ружа в доме, когда мы пришли, уже не было.

— Что вы там такое говорите? — закричал разъяренный генерал. — Значит вы его упустили?

— Мы не могли его упустить, потому что не видели его.

— Тогда я отказываюсь что-либо понимать, — сказал Сантерр.

— Что именно?

— То, что мне сказал ваш посланец.

— А разве мы к вам кого-нибудь посылали?

— Конечно. Это был человек в коричневом, черноволосый, в зеленых очках. Он пришел предупредить нас от вашего имени, что вы чуть не схватили Мезон-Ружа, но он защищался, как лев. Поэтому вместе с отрядом я поспешил к вам на помощь.

— Человек в коричневом, с черными волосами и в зеленых очках? — повторил Лорэн.

— Да, он еще держал под руку женщину.

— Молодую и красивую? — воскликнул Морис, бросаясь к генералу.

— Да, молодую и красивую.

— Это был он и гражданка Диксмер.

— Кто он?

— Мезон-Руж... О! Презренный, почему я не убил их обоих?

— Ну, ну, гражданин Линдей, — произнес Сантерр, — их схватят.

— Но, какого черта вы их пропустили? — спросил Лорэн.

— Черт побери! — выругался Сантерр. — Я их пропустил, потому что они знали пароль.

— Они знали пароль! — воскликнул Лорэн. — Выходит, среди нас находится предатель?

И Лорэн осмотрелся, ища глазами предателя, чтобы громогласно обличить его.

Он встретил мрачный и нерешительный взгляд Мориса.

— О! — прошептал он. — Что все это значит?

— Этот человек не мог уйти далеко, — заметил Сантерр. — Мы обыщем всю округу. А может быть, он уже наткнулся на какой-нибудь патруль, который оказался более удачливым и уже схватил его.

— Да, да, будем искать, — сказал Лорэн.

И он схватил за руку Мориса, а затем, под предлогом начала поисков, увел его в сад.

— Да, будем искать, — согласились гвардейцы, — но перед этим...

Один из них кинул факел в сарай, набитый досками и хворостом.

— Пойдем, — говорил Лорэн, — пойдем.

Морис не оказал ни малейшего сопротивления. Он шел за Лорэном как ребенок. Не обменявшись ни словом, они дошли до моста. У моста они остановились, Морис обернулся.

Небо над предместьем стало красным, и было видно, как над домами взлетают тысячи искр.

Глава IV

Клятва верности

Вздвогнув, Морис протянул руку в сторону старинной улочки Сен-Жак.

— Огонь, — произнес он, — огонь!

— Ну и что, — сказал Лорэн, — огонь, и что из этого?

— О, Боже мой! Боже мой! А, если она вернулась?

— Кто?

— Женевьева.

— Женевьева — это мадам Диксмер, не так ли?

— Да, она.

— Думаю, что ты можешь этого не бояться. Она не вернется, потому что там ей нечего делать.

— Лорэн, я должен найти ее, мне нужно отомстить за себя.

— О! — произнес Лорэн.

Любовь — тиранит и богов,
и смертных на земле.
Поэтому, замечу вам,
на жертвенник ее
Несут порой не только фимиам.

— Ты мне поможешь найти ее, правда, Лорэн?

— Черт возьми, это будет не так трудно.

— Но как?

— Как видно, тебя очень интересует судьба гражданки Диксмер. Вероятно, ты знаешь самых близких ее друзей. Она не покинет Париж, потому что они все хотят оставаться здесь. Она спрячется у какой-нибудь из своих верных подруг. Завтра утром какая-нибудь Роза или Мартон принесет тебе записочку примерно такого содержания:

Если захочет Цитеру Марс увидеть вновь,
Пусть шарф из лазури у Ночи попросит любовь.

И пусть Морис придет к консьержу на такую-то улицу, в такой-то дом и спросит мадам * * * Вот так.

Морис пожал плечами. Он знал, что у Женевиевы нет никого, где она могла бы спрятаться.

— Мы не найдем ее, — прошептал он.

— Позволь-ка мне сказать тебе кое-что, Морис, — сказал Лорэн.

— Что именно?

— Даже если мы не найдем ее, это будет не самое большое несчастье.

— Если мы не найдем ее, Лорэн, — ответил Морис, — я умру.

— Ах ты, черт! Выходит, что ты чуть не умер от этой самой любви?

— Да, — ответил Морис.

Лорэн на минуту задумался.

— Морис, — сказал он, — сейчас около одиннадцати часов, квартал безлюден, вот скамья, которая, кажется, стоит здесь специально для двух друзей. Давай-ка поговорим откровенно. Я обещаю, что буду говорить только в прозе.

Морис осмотрелся и сел рядом с другом.

— Говори, — сказал он, уронив отяжелевшую голову на руки.

— Дорогой друг, послушай, без вступления, без перифраз, без комментариев, я расскажу тебе об одной вещи, которая нас погубит, вернее, которой ты нас погубишь.

— Как это? — спросил Морис.

— Милый друг, — продолжал Лорэн, — есть постановление Комитета общественного спасения, которое объявляет предателем родины каждого, кто поддерживает отношения с врагами. Тебе известно об этом постановлении?

— Конечно, — ответил Морис.

— Ты о нем знаешь?

— Да.

— Ладно. Тебе не кажется, что ты хорошо подходишь под это постановление?

— Лорэн!

— Конечно. Хотя ты не считаешь, что родину боготворят те, кто предоставляет кров, стол и ночлег шеваље де Мезон-Ружу, который не является экзальтированным республиканцем, и, полагаю, не будет обвинен в участии в сентябрьских событиях.

— Ах, Лорэн! — вздохнул Морис.

— Так вот, из этого следует, — продолжал моралист, — что ты был или в какой-то степени есть друг врага родины. Постой, постой, не

возмущайся, дорогой друг. Ты как Анселан^[57], едва шевельнешься, как гора уже приходит в движение. Повторяю, не возмущайся, а лучше признайся, что ты больше не ревностный патриот!

Лорэн произнес эти слова со всей нежностью, на которую только был способен, и почти с искусностью Цицерона.

Морис промолчал, выразив свой протест жестом.

Но Лорэн не довольствовался таким ответом и продолжал:

— Ах, Морис, если бы мы с тобой жили в какой-нибудь оранжерее, при постоянной температуре, не превышающей по правилам ботанику шестнадцати градусов, я бы сказал, дорогой Морис, что всё это очень элегантно, всё, как надо, время от времени будем немножко аристократами, это хорошо пахнет. Но ведь сейчас время жатвы, и мы живем при 35–40-градусной жаре! Под ногами тех, кто считается умеренным, горит земля. А уж когда подует холодом, то это уже признак подозрительности. А если уж кто считается подозрительным, то, дорогой Морис, ты слишком умен, чтобы не знать, что следует за этим.

— Ладно! Пусть уж меня быстрее убьют и все на этом закончится, — воскликнул Морис. — Я устал от жизни.

— Возможно, четверть часа назад я бы и позволил тебе сделать так, как ты хочешь, — ответил на это Лорэн, — но ведь ты прекрасно понимаешь, что сегодня нужно умирать республиканцем, ты же умрешь аристократом.

— О! — воскликнул Морис, у которого в жилах начинала бурлить кровь, от нетерпимого горя, следствия сознания своей вины. — О, ты зашел слишком далеко, друг мой.

— Я зайду еще дальше, потому что ты стал аристократом.

— Донесешь на меня?

— Тьфу ты! Нет, я закрою тебя в подвале и по звуку бубенчика буду искать, как заблудившегося. Потом объявлю, что аристократы мучили и морили тебя голодом, как Эли де Бомона^[58], мсье Латюда^[59] и других. Когда же тебя найдут, то рыночные торговки и старьевщики из секции предместья Виктор публично увенчают тебя цветами. Так что постарайся вновь стать Аристидом^[60], иначе твоя дальнейшая судьба не вызовет сомнения.

— Лорэн, Лорэн, я знаю, что ты прав, но я качусь под откос, как будто меня тащит неведомая сила. Меня несет туда судьба? За это ты сердишься на меня?

— Я не сержусь, а браню тебя. Вспомни о тех сценах, которые Пилад

устроивал Оресту^[61] почти ежедневно. Они свидетельствуют о том, что дружба — это своего рода парадокс, друзья дискутировали с утра до вечера.

— Оставь меня, Лорэн, так будет лучше.

— Никогда!

— В таком случае, позволь мне любить, сходить с ума, а может даже стать преступником, потому что, если мы еще с ней встретимся, я убью ее.

— Или упадешь перед ней на колени. Ах, Морис, Морис, ты влюбился в аристократку, кто бы мог подумать, что такое может случиться. Ты точно как бедный Осселэн^[62] с маркизой де Шарни.

— Прекрати, Лорэн, умоляю тебя!

— Я вылечу тебя, Морис, черт меня побери. Я не хочу, чтобы в лотерею ты выиграл гильотину, как говорит бакалейщик с улицы Ломбар. Сейчас ты начнешь возмущаться. Будешь изображать из меня кровопийцу. Но мне, Морис, нужно предать огню остров Сен-Луи^[63]. Факел мне, факел!

Но нет, моей печали нет конца.

К чему же факел мне просить?

Морис, и твоего достаточно огня,

чтоб от него воспламенить

и душу, и окрестности, и город.

Морис невольно улыбнулся.

— Ты забываешь, мы условились говорить только в прозе.

— Но ведь своим безумством ты переходишь все границы, — ответил Лорэн. — Морис, давай запьем, станем пьяницами или будем выступать на собраниях с разными предложениями, начнем изучать политическую экономию. Но ради Бога, давай никогда не влюбляться. Давай любить только Свободу.

— Или Разум.

— Ах, да, богиня передает тебе привет и находит, что ты — очаровательный смертный.

— И ты не ревнуешь?

— Морис, для того, чтобы спасти друга, я готов на любые жертвы.

— Спасибо, мой бедный Лорэн, я оценю это. Но самый лучший способ утешить меня, видишь ли, это дать мне возможность упиться своей печалью. Прощай, Лорэн! Ступай к своей Артемизе!

— А ты куда пойдешь?

Морис сделал несколько шагов в сторону моста.

— Разве теперь ты живешь в районе старинной улочки Сен-Жак?

— Нет, но мне хочется пройти через этот район.

— Чтобы еще раз посмотреть на то место, где жила твоя бесчеловечная?

— Чтобы посмотреть, не вернулась ли она, ведь она знает, что я жду ее. О, Женестьева, Женестьева! Я никогда не думал, что ты способна на такое предательство!

— Морис, один тиран, который слыл прекрасным знатоком прекрасного пола — он умер от того, что сильно любил — говорил:

Женщина так часто меняется,
И безумец тот, кто ей доверяется.

Морис вздохнул и друзья направились к старинной улочке Сен-Жак.

По мере приближения, они все отчетливее слышали сильный шум, видели поднимающееся зарево, слышали патриотические песни, которые днем, под солнцем, в бою, казались героическими гимнами, но ночью, при свете пожара у этих песен появлялся мрачный оттенок пьянства и каннибализма.

— О, Боже мой! Боже мой! — произнес Морис, забывая о том, что Бог был упразднен.

Он продолжал идти, его лоб покрылся потом.

Лорэн посмотрел на продолжающего шагать Мориса и прошептал сквозь зубы:

Любовь, когда ты держишь нас в своих руках,
Сказать «прощай» не можем мы никак.

Казалось, весь Париж собрался на это зрелище. Морис должен был пройти сквозь строй гвардейцев, ряды представителей различных секций, толпу разъяренной челяди, которая всегда с дикими воплями носилась там, где что-то происходило.

Морис, который шел в страшном нетерпении, ускорил шаг. Лорэн едва успевал за ним, но он слишком любил друга, чтобы оставить его в этот момент в одиночестве.

Почти все было кончено: огонь из сарая, куда один из гвардейцев

швырнул горящий факел, перекинулся на мастерские, построенные из дерева, когда они сгорели, огонь перекинулся и на сам дом.

— О! Боже мой! Боже мой! — воскликнул Морис. — А если она вернулась и ждала меня в какой-нибудь из комнат, окруженная пламенем, звала меня...

И полуобезумевший от горя Морис, предпочитая скорее верить в безрассудство той, кого он любил, чем в ее предательство, опустив голову, подошел к двери, еле видневшейся в клубах дыма.

Лорэн по-прежнему шел за ним он пошел бы за ним и в ад.

Крыша пылала, огонь начинал охватывать лестницу.

Морис, задыхаясь, прошел по второму этажу, по комнатам Женевьевы, шевалье де Мезон-Ружа, по коридорам. Прерывающимся голосом он звал:

— Женевьева! Женевьева!

Но никто не отозвался.

Вернувшись в первую комнату, друзья увидели, что пламя уже охватило дверь. Не слушая крики Лорэна, который указывал ему на окно, Морис прошел сквозь пламя.

Потом через двор, заваленный старой мебелью, он побежал в другую часть дома, проник в столовую, прошел через салон Диксмера, кабинет химика Морана. Везде было полно дыма, каких-то обломков, битого стекла. Огонь уже достиг этой части дома и стал ее пожирать.

Так же как и в павильоне, Морис обошел все: побывал в комнатах и осмотрел коридор. Он даже спустился в подвал — вдруг Женевьева, спасаясь от пожара, укрылась там.

Никого.

— Черт возьми! — выругался Лорэн. — Ты же видишь, здесь никого нет, кроме саламандр, но ведь мы ищем не это славное животное. Пойдем, спросим у тех, кто здесь был. Может, кто-то и видел.

Морис был в отчаянии. Из дома его удалось увести буквально силой. Его надежда висела на волоске.

Они начали поиски: обошли всю округу, останавливали проходящих женщин, но все оказалось безрезультатно. Был час ночи. Морис, несмотря на свое атлетическое сложение, буквально валился от усталости. Наконец, он отказался от своих поисков, от постоянных стычек с толпой.

Лорэн остановил проезжавший фиакр.

— Дорогой мой, — сказал он Морису, — мы сделали все, что в человеческих силах, чтобы найти Женевьеву. Мы совсем измотаны, мы даже обгорели, мы чуть не поссорились из-за нее. Каким бы требовательным ни был Купидон, он не может потребовать большего от

влюбленного, не говоря уже о том, кто таковым не является. Давай сядем в фиакр и отправимся по домам.

Морис ничего не ответил и сел в фиакр. До его дома они доехали, не обменявшись ни единым словом.

В тот момент, когда Морис вылезал из фиакра, он заметил, как в его квартире закрылось окно.

— Вот хорошо, — сказал Лорэн, — тебя ждут, теперь мне будет спокойнее. А теперь стучи.

Морис постучал, дверь открылась.

— Спокойной ночи, — пожелал ему Лорэн. — Утром я зайду за тобой.

— Спокойной ночи, — машинально ответил Морис.

И за ним закрылась дверь.

На первых ступеньках лестницы он увидел слугу.

— О, гражданин Линдей, — воскликнул тот. — Мы так волновались за вас.

Слово *мы* поразило Мориса.

— Вы? — переспросил он.

— Да, я и та дама, что ожидает вас.

— Дама, — повторил Морис, считая, что сейчас не время, чтобы искать в памяти воспоминания, связанные с кем-нибудь из прежних подруг. — Хорошо, что ты сказал мне об этом, я переночую у Лорэна.

— Это невозможно. Она стояла у окна и видела, как вы вышли из фиакра, и воскликнула: «Вот и он!»

— Ну и что? Это не имеет значения, у меня сейчас нет настроения предаваться любви. Поднимись и скажи, что она ошиблась.

Слуга уже хотел подняться наверх, но вдруг остановился.

— Эх, гражданин, — сказал он, — вы неправы. Она и так очень грустна, а мой ответ приведет ее в полное отчаяние.

— Но скажи, хотя бы, как она выглядит, — спросил Морис.

— Гражданин, я не видел ее лица, она завернута в накидку и плачет. Вот все, что я знаю.

— Она плачет! — воскликнул Морис.

— Да, но потихоньку, сдерживая рыдания.

— Она плачет, — повторил Морис. — Выходит в мире есть кто-то, кто меня любит так, что до такой степени беспокоится из-за моего отсутствия?

И он вслед за слугой медленно поднялся наверх.

— Вот и он, гражданка! — закричал слуга, стремительно входя в комнату.

Морис вошел за ним.

В углу он увидел трепещущее существо, прятавшее лицо в подушки и тихонько всхлипывавшее.

Знаком он приказал слуге удалиться.

Тот повиновался и закрыл за собой дверь.

Морис подбежал к молодой женщине, которая подняла голову.

— Женестьева! — воскликнул молодой человек. — Женестьева, вы у меня! Боже мой, я, наверное, сошел с ума?

— Нет, нет, друг мой, вы в своем уме, — ответила молодая женщина. — Я же обещала быть вашей, если вы спасете шевалье де Мезон-Ружа. Вы его спасли и я здесь! Я ждала вас.

Наверное, Морис неправильно истолковал смысл сказанного, потому что отступил назад и с грустью посмотрел на молодую женщину.

— Женестьева! — тихо произнес он, — так значит вы не любите меня?

Взгляд Женестьевы затуманился слезами. Она отодвинулась и, прислонившись к спинке софы, разразилась рыданиями.

— Увы! — сказал Морис. — Вы и сами видите, что больше не любите меня. И не только не любите, Женестьева, но и испытываете, наверное, ненависть, раз вы так отвечаете.

В словах Мориса было столько горя и столько страсти, что Женестьева поднялась и взяла его за руку.

— Боже мой, — сказала она, — тот, кого считаешь самым лучшим, по-прежнему проявляет свой эгоизм!

— Это я — эгоист? Женестьева, что вы хотите этим сказать?

— Разве вы не понимаете, как я страдаю? Мой муж бежал, мой брат изгнан, мой дом сгорел, и все это за одну ночь, а потом еще эта ужасная сцена между вами и шевалье!

Морис слушал ее с восхищением, потому что даже при самой сильной страсти нельзя было допустить, что такое нагромождение чувств может привести в состояние печали, в котором пребывала Женестьева.

— Вы пришли, вы здесь, вы со мной, вы не покинете меня больше!

Женестьева вздрогнула.

— А куда же мне было идти? — с горечью ответила она. — Разве у меня было убежище, другой защитник, кроме того, кто назначил мне плату за защиту? О, я была в отчаянии. Я прошла через мост Пон-Неф, Морис, и, проходя по нему, посмотрела вниз, на темную воду. Она притягивала и околдовывала меня; Там твоё место, говорила я себе, там твой приют, бедная женщина. Там твой неприкосновенный приют, там твоё забвение.

— Женестьева, Женестьева! — воскликнул Морис. — Как вы только могли сказать такое?.. Стало быть, вы совсем меня не любите?

— Я сказала, — тихо ответила Женестьева, — я сказала, что приду, и пришла.

Морис вздохнул и опустилсч к ее ногам.

— Женестьева, — прошептал он, — не плачьте. Женестьева, успокойтесь, забудьте о своих печалчх, ведь вы любите меня. Женестьева, именем Неба скажите мне, что вовсе не мои угрозы шевалье привели вас сюда. Скажите, что, если бы вы даже не виделись со мной сегодня вечером, то будучи одна, без приюта, вы пришли бы сюда. Скажите же это, чтобы я освободил вас от того обещания, которое вынудил вас дать мне.

Женестьева посмотрела на молодого человека взглядом, полным признательности.

— Благодарю тебя, Господи, — сказала она. — Как это благородно.

— Послушайте, Женестьева, — сказал Морис. — Бог, которого изгнали из здешних храмов, но которого не могут изгнать из наших сердец, в которые Он вдохнул Любовь. Бог сотворил этот вечер, такой мрачный с виду, но искрящийся в глубине радостью и счастьем. Бог привел вас ко мне, Женестьева. Он передал вас в мои руки. Бог хочет воздать нам за наши страдания, длившиеся так долго, за наши добродетели, проявившиеся в борьбе с этой любовью, которая казалась незаконной, словно такое чистое и глубокое чувство может быть преступлением. Не плачьте же больше, Женестьева! Дайте мне вашу руку. Хотите чувствовать себя, словно вы здесь у брата, который с почтением будет целовать край вашего платья, и удалится из этой комнаты, даже не оглянувшись? Да? Скажите только слово, подайте только знак, и вы увидите, как я уйду и вы останетесь одна, свободная и в безопасности как дева во храме. Или, напротив, обожаемая Женестьева, может быть вы захотите вспомнить, что я так любил вас, что едва не умер от этого, что ради этой любви, которую вы можете сделать роковой или счастливой, я предал своих соратников и стал противен сам себе. Может быть вы захотите подумать о том, что будущее готовит нам счастье, о силе и энергии нашей молодости и любви, чтобы защитить это зарождающееся счастье от всего, что может ему навредить! О, Женестьева, ты ведь ангел доброты, скажи мне, хочешь ли ты сделать человека таким счастливым, чтобы он не сожалел больше о жизни и желал бы только вечного счастья? Итак, вместо того, чтобы оттолкнуть меня, улыбнись мне, моя Женестьева, позволь мне прижать твою руку к моему сердцу, наклонись к тому, кто стремится к тебе со всей силой своего чувства, своими чаяниями, всей душой своей. Женестьева, любовь моя, жизнь моя, Женестьева, не думай о своей клятве!

Сердце молодой женщины переполнилось от этих нежных слов:

томление любви, усталость от страданий исчерпали ее силы. В ее глазах больше не было слез, но рыдания еще вырывались из ее волновавшейся груди.

Морис понял, что у нее нет больше сил сопротивляться, и обнял ее. Она уронила голову ему на плечо, и ее длинные распущенные волосы касались разгоряченных щек ее возлюбленного.

В то же время Морис почувствовал, как содрогнулась ее грудь, подобно волнам после бури.

— Ты плачешь, Женевьева, — с глубокой грустью сказал он. — О, успокойся! Я никогда не стану навязывать тебе своей любви, никогда мои губы не будут осквернены поцелуем, отравленным хотя бы одной слезой сожаления.

И Морис разомкнул живое кольцо своих рук, отстранил лицо от лица Женевьевы и медленно отвернулся.

Но тотчас же, что так естественно для женщины, которая защищается и которая в то же время сгорает от желания, Женевьева кинулась на шею Морису, обвив ее своими дрожащими руками, с силой прижавшись к нему холодной и влажной от слез щекой, которая сразу же высохла на горячей щеке молодого человека.

— О! — прошептала она. — Не покидай меня, Морис. На всем свете у меня нет никого, кроме тебя!

Глава V

На следующий день

Веселые солнечные лучи проникли сквозь зеленые ставни и своим светом золотили листья трех больших розовых кустов, которые росли в деревянных ящиках, стоящих на окне.

Эти цветы сильнее радовали глаз еще и потому, что сезон уже начал подходить к концу, а розы наполняли ароматом маленькую столовую, покрытую плитками, сияющую чистотой, где за накрытой изящно, но без особого изобилия стол, только сели Женестьева и Морис.

На столе было все необходимое, поэтому дверь была закрыта. И само собой разумеется, они сказали слуге:

— Мы обслужим себя сами.

Он что-то делал в соседней комнате, суется как слуга у Федры. Тепло и красота последних погожих дней врывались в комнату через полуоткрытые жалюзи, заставляя сверкать золотом и изумрудами листья кустов роз, ласкаемых солнцем.

Женестьева уронила на тарелку фрукт, который держала в руках, и, задумавшись, улыбнулась одними лишь губами, тогда как ее большие глаза выражали меланхолию. Она сидела молчаливо, словно в оцепенении, хотя и была счастлива в солнце любви, как цветы под лучами небесного светила.

Вскоре ее взгляд отыскал глаза Мориса, который, не отрываясь, смотрел на нее и мечтал.

Женестьева положила руку на плечо молодого человека, вздрогнувшего от этого прикосновения. Потом она положила ему на плечо и голову с тем доверием и той непринужденностью, которые порой значат больше, чем слова любви. Не говоря ни слова, Женестьева смотрела на него.

Морису нужно было только слегка наклонить голову, чтобы прикоснуться губами к полуоткрытым губам своей возлюбленной.

Он наклонил голову. Женестьева побледнела и ее глаза закрылись, как лепестки цветка, который скрывает свою чашечку от лучей света.

Так они и пребывали в полузабытии непривычного счастья, как вдруг резкий звонок заставил их вздрогнуть. Они отстранились друг от друга.

Вошел слуга и с таинственным видом прикрыл дверь.

— Это гражданин Лорэн, — сказал он.

— Так это мой дорогой Лорэн! — воскликнул Морис. — Сейчас я его выпровожу. Извини, Женестьева.

Молодая женщина остановила его.

— Выпроводить вашего друга, Морис, — сказала она, — который помогал вам, поддерживал вас. Нет, я не хочу гнать такого друга из вашего дома и из вашего сердца. Пусть он войдет, Морис, пусть войдет.

— Как, вы позволяете?.. — произнес Морис.

— И даже хочу этого, — ответила Женевьева.

— О! Значит вы находите, что я недостаточно люблю вас, — воскликнул Морис, восхищенный такой деликатностью, — вам хочется, чтобы вас боготворили?

Женевьева склонила свое покрасневшее лицо к молодому человеку. Морис открыл дверь. Вошел Лоран, пригожий, как ясный день, в своем полущегольском костюме. Заметив Женевьеву, он удивился, но удивление тут же сменилось почтительным поклоном.

— Входи, Лорэн, входи, — сказал Морис. — Ты низвергнут с трона, Лорэн: теперь появился кто-то, кого я предпочитаю тебе. Я отдал бы за тебя жизнь, но ради нее, как ты уже знаешь, Лорэн, я пожертвовал честью.

— Сударыня, — сказал Лорэн серьезно, что свидетельствовало о его глубоком волнении, — я постараюсь любить Мориса сильнее, чем вы, чтобы он вообще не перестал любить меня.

— Садитесь, сударь, — улыбаясь, сказала Женевьева.

— Да садись ты, — добавил Морис, справа от которого теперь находился друг, слева — возлюбленная. Его сердце наполнилось тем счастьем, к которому человек на земле может только стремиться.

— Надеюсь, ты больше не хочешь лишать себя жизни?

— Как это? — не поняла Женевьева.

— Боже мой! — произнес Лорэн, — какое непостоянное существо — человек. Философы правы, презирая его за легкомыслие. Вот один из них. Верите ли, сударыня, еще вчера вечером он хотел кинуться в воду, еще вчера заявлял, что для него в этом мире нет больше счастья, сегодня же утром, как я вижу, он весел, на его устах играет улыбка, а на лице написано счастье, а его сердце вновь бьется жизнерадостно. Правда, он не ест, но это не свидетельствует о том, что он несчастен от этого.

— Как? — спросила Женевьева. — Он хотел сделать все это?

— Все это и еще кое-что. Я расскажу вам об этом немного позже. А сейчас я голоден. Кстати, это Морис виноват в том, что вчера я вместе с ним оббегал весь квартал Сен-Жак. Так что позвольте мне разделить с вами завтрак, к которому никто из вас еще не притрагивался.

— А ведь ты прав! — с детской радостью воскликнул Морис. — Давайте завтракать. Я ведь ничего не ел, да и вы, Женевьева.

Он проследил за реакцией Лорэна, когда произнес это имя, но тот даже не нахмурил брови.

— Ах так, значит ты угадал, кто она такая? — спросил его Морис.

— Черт возьми! — ответил Лорэн, отрезая большой кусок белорозовой ветчины.

— Я тоже голодная, — сказала Женевьева, протягивая Лорэну свою тарелку.

— Лорэн, — сказал Морис, — вчера вечером я был болен.

— Ты был больше, чем болен, ты был просто безумен.

— А сегодня утром, мне кажется, что страдаешь ты.

— Почему?

— Потому что ты не сочинил еще стихов.

— Как раз этим-то я и занимаюсь. — ответил Лорэн.

Когда среди Граций сидя,
Лирой Феб в руках играет;
По следам Венеры ж выйдя,
Лиру он в пути теряет.

— Как всегда — четверостишие. Здорово! — смеясь, отметил Морис.

— Да и нужно, чтобы ты ими довольствовался, потому что сейчас нам надо поговорить о менее веселых вещах.

— Что-нибудь случилось? — с беспокойством спросил Морис.

— Следующим в Консьержери дежурю я.

— В Консьержери? — воскликнула Женевьева. — Возле королевы?

— Да, возле королевы, сударыня, думаю, что да...

Женевьева побледнела. Морис нахмурился и подал знак Лорэну.

Тот отрезал новый кусок ветчины, который был раза в два больше первого...

Королева действительно была переведена в Консьержери, куда за нею последуем и мы.

Глава VI

Консьержери

У моста Шанж на набережной Флер возвышается старинный дворец Сен-Луи, который называли просто Дворцом, как Рим — просто Городом. Его продолжают называть так и сейчас, несмотря на то, что вместо королей в нем сегодня обитают секретари суда, судьи и адвокаты.

Большое и мрачное здание Дворца вызывает больше страха, чем любви к строгой богине правосудия. Здесь собрано все необходимое для человеческой мести. Это и помещения, где во время следствия содержатся арестованные, и залы, в которых проходят судебные процессы. Ниже расположились камеры для тех, кому уже объявлен приговор. У входа находится маленькая площадка, где осужденных клеймят раскаленным железом, навсегда выжигая знак бесчестия. А в ста пятидесяти шагах от нее расположена большая площадь, где проходят казни — Гревская площадь, на ней и заканчивается процесс отмищения, начатый во Дворце. У правосудия все было под рукой.

Часть зданий на набережной Люнетт, вставших рядом друг с другом, мрачных и серых, с маленькими зарешеченными окнами на широких сводах — это и есть Консьержери. Страшная и мрачная тюрьма с камерами, стены которых проросли влажной черной плесенью. Через таинственные выходы, устроенные в здании, сбрасывали в реку трупы тех, кто должен был исчезнуть бесследно. В 1793 году Консьержери, неустанная поставщица жертв эшафота, была переполнена арестованными, не выручала и быстротечность — приговоры выносились в одночасье — судебного процесса. Старая тюрьма Сен-Луи превратилась в пристанище смерти. По ночам под сводами ее дверей раскачивался красный фонарь — злобный символ ужаса и скорби.

Накануне того дня, когда Морис, Лорэн и Женестье вместе завтракали, тяжелый перестук потряс мостовую набережной и стекла тюрьмы. Он затих под ее сводами, жандармы ударили рукоятками сабель в ворота. Они распахнулись и экипаж въехал во двор. Ворота тут же закрылись и проскрежетали запираемые замки. Повинуясь команде, из кареты вышла какая-то женщина. И тотчас открывшаяся дверь поглотила ее. Три или четыре любопытных физиономии, высунувшиеся на свет фонарей, чтобы увидеть заключенную, через мгновение вновь исчезли. Послышалось несколько вульгарных смешков и несколько грубых слов,

которыми они обменялись. Голоса еще были слышны, но их владельцев уже поглотила темнота.

Женщина, которую доставили таким образом, оставалась в первой камерке вместе с жандармами. Она понимала, что нужно было перейти во вторую. И попыталась сделать это, но не учла, что требовалось одновременно согнуть ноги в коленях и опустить голову, как бы свернуться. Потому что снизу поднималась ступенька, а сверху опускалась балка. И узница, которая, несомненно, еще не привыкла к тюремной архитектуре, хотя довольно долго пребывала под арестом, забыла опустить голову и с силой ударилась о железную балку.

— Вам больно, гражданка? — спросил один из жандармов.

— Мне уже больше ничего не причиняет боль, — спокойно ответила она. И без единой жалобы прошла дальше, хотя у нее над бровью появился красный от проступившей крови след от удара.

Далее находилось кресло консьержа, более почтенное в глазах заключенных, чем в глазах придворных. Поскольку тюремный консьерж — это раздатчик милостей, а для узника каждая милость крайне важна. Часто малейшая благосклонность консьержа превращает несчастному мрачное небо в лучезарный небосвод.

Консьерж Ришар удобно устроился в кресле, которое подчеркивало его значимость. Шум экипажа, скрежет решеток, извещающие о появлении нового «гостя», не подняли его. Он взял щепотку табаку, посмотрел на узницу, открыл толстую книгу регистрации и обмакнул перо в маленькую деревянную чернильницу, напоминавшую кратер вулкана, по краям которого всегда есть остатки расплавленной массы.

— Гражданин консьерж, — сказал старший конвойной группы, — занеси-ка привезенную в книгу, да поживее — нас давно уже ждут в Коммуне.

— О! Это совсем не долго, — ответил консьерж, добавляя в чернильницу несколько капель вина, оставшихся в стакане. — Для этого у нас есть, слава Богу, руки! Твое имя и фамилия, гражданка?

И, обмакнув перо в чернильницу, он приготовился записать в нижней части листа, заполненного уже на три четверти, сведения о вновь прибывшей узнице. Стоявшая позади его кресла гражданка Ришар приветливо и с почтительным удивлением рассматривала женщину, которую расспрашивал муж. Удивляла ее внешность — грустная, но и одновременно благородная, гордая.

— Мария-Антуанетта-Жанна-Жозефина Лотарингская — ответила узница, — эрцгерцогиня Австрийская, королева Франции.

— Королева Франции? — удивленно повторил консьерж, приподнимаясь и опираясь руками о кресло.

— Королева Франции, — повторила узница тем же тоном.

— То есть, вдова Капета, — заметил старший конвойный группы.

— Под каким же из этих имен мне записать ее? — спросил консьерж.

— Под каким хочешь, только быстрее, — ответил жандарм. Консьерж опустил вновь в свое кресло и, слегка дрожа, записал в своей книге фамилию, имя и титул, названные узницей. Эта запись, отливающая красноватым цветом чернил, сохранилась, но крысы революционной Консьержери, отгрызли на листе самое драгоценное место.

Жена Ришара по-прежнему стояла за креслом мужа, сложив из чувства религиозного сострадания руки на груди.

— Ваш возраст?

— Тридцать семь лет и девять месяцев, — ответила королева. Ришар привычно занес все данные, описал приметы узницы, добавил необходимые обычные формулировки.

— Вот и все, дело сделано, — произнес он.

— Куда ты ее поместишь? — спросил старший.

Ришар опять взял щепотку табака и посмотрел на жену.

— Ну вот! — заволновалась та. — Нас ведь не предупредили и мы совсем не знали...

— Давай, поищи! — сказал конвоир.

— Есть совещательная комната судей, — продолжала жена.

— Гм! Но она довольно большая, — прошептал Ришар.

— Тем лучше! Если она большая, то в ней легко разместить охрану.

— Иди туда, — сказал Ришар. — Только она нежилая. В ней нет даже кровати.

— Да, действительно. Об этом я и не подумала.

— Чего уж там! — заметил один из жандармов. — Поставите кровать завтра, а это завтра наступит уже совсем скоро.

— Впрочем, гражданка может провести ночь и в нашей комнате, не так ли? — обратилась жена Ришара к мужу.

— А как же мы? — спросил консьерж.

— Просто не будем ложиться. Как сказал гражданин жандарм, скоро наступит утро.

— Хорошо, — решил Ришар, — проводите гражданку в мою комнату.

— Тем временем подготовьте нам расписку в получении арестованной, — заметил старший.

— Вы получите ее после того, как проводите гражданку.

Жена Ришара взяла стоявшую на столе свечу и пошла первой. Мария-Антуанетта, не проронив ни слова, последовала за ней, как всегда бледная и спокойная. Двое тюремщиков замыкали шествие. Королеве показали кровать, которую жена Ришара поспешила застелить чистым бельем. Конвоиры стали у выхода, дверь закрылась на двойной оборот замка, и Мария-Антуанетта осталась одна.

Никто не знает, как она провела эту ночь, потому что в эту ночь она осталась наедине с Богом.

На следующий день королеву перевели в продолговатую комнату, где совещались судьи. Помещение разделили на две части ширмой, не достигавшей потолка. Одна часть комнаты предназначалась для королевы. Вторая — для охраны. Окно в толстых решетках освещало каждую из этих двух частей. Ширма, служившая вместе с тем и дверью, отделяла королеву от стражи.

Вся комната была выложена плиткой. Ее стены были когда-то облицованы деревом и оклеены обоями, обрывки которых, украшенные геральдическими лилиями, еще кое-где виднелись. Кровать у окна, рядом с ней стул. Вот и вся меблировка королевской тюрьмы.

Войдя в эту камеру, королева попросила, чтобы принесли ее книги и рукоделие. Ей принесли «Революции в Англии», книгу, которую она начала читать еще в Тампле, «Путешествие молодого Анаршарсиса» и ее вышивку.

Охранники устроились на своей половине. История сохранила их имена. Как обычно и случается с незначительными существами, которых судьба связывает с великими событиями, и на которых отражаются отблески того света, которые бросает молния, разбивая либо королевские троны, либо самих королей.

Их звали Дюшен и Жильбер.

Коммуна назначила их, потому что они считались истинными патриотами. Они должны были оставаться на своем посту в этой камере до суда над Марией-Антуанеттой: так надеялись избежать беспорядка, почти неминуемого в том случае, если охрана меняется несколько раз в день. Так что на этих двоих лег тяжелый груз ответственности.

И с этого самого дня королева, слушая разговоры охранников, которые никогда не понижали голоса, о чем бы ни говорили, поняла, что стража ее будет постоянной. Это и радовало, и беспокоило ее. С одной стороны, говорила она себе, они должны быть очень надежными, поскольку их выбрали среди множества других. С другой — ее друзьям легче подкупить двух постоянных сторожей, чем сотню незнакомцев, волею случая определенных на дежурство и неожиданно оказавшихся рядом с ней на

один день.

В первую ночь перед тем как лечь, один из жандармов по привычке закурил. Дым табака проник через перегородку и окутал несчастную королеву, у которой все несчастья вместо того, чтобы притупить, наоборот, обострили чувствительность. Вскоре она почувствовала недомогание и тошноту, голова ее раскалывалась от удушья. Но, верная своей неукротимой гордости, так ничего и не сказала.

Изнемогая от бессоницы, она вслушивалась в ночную тишину. И казалось, что сквозь стены доносятся протяжные и зазывные стоны. В них было что-то зловещее и пронзительное. Как бывает при вое ветра, когда буря заимствует голос человека, чтобы одушевить страсти стихии.

Вскоре она догадалась, что стоны, заставившие ее вздрогнуть, были печальной и настойчивой жалобой собаки, скулившей на набережной. Она тотчас же подумала о своем бедном Блэке. О нем она не вспомнила в тот момент, когда ее увозили из Тампля, но голос которого она, казалось, теперь узнала. И действительно, бедное животное, из-за избытка бдительности потерявшее свою хозяйку, незаметно следовало за экипажем из Тампля до решеток Консьержери. Здесь его остановили железные ворота, захлопнувшиеся за королевой и едва не убившие его. Но бедное животное вскоре опять вернулось и, поняв, что его хозяйка заперта в этом каменном склепе, звало её, завывая, в десяти шагах от часового, в ожидании ответной ласки.

Королева ответила вздохом, встревожившим охрану.

Но поскольку вздох был единственным и на половине, где разместились Мария-Антуанетта, снова наступила тишина, охранники успокоились и опять задремали.

На рассвете королева поднялась и оделась. Позже, сидя у зарешеченного окна, из которого лился голубоватый свет, падавший на ее исхудавшие руки, она делала вид, что читает. На самом же деле ее мысли были далеки от книги. Жандарм Жильбер приоткрыл ширму и молча посмотрел на нее. Мария-Антуанетта слышала шум его шагов, но даже не шевельнулась.

Она сидела так, что ее голова находилась в ореоле утреннего света. Жильбер подал товарищу знак, чтобы тот увидел эту картину.

Дюшен подошел.

— Посмотри, — шепотом произнес Жильбер, — как она бледна. Это ужасно! Ее глаза покраснели. Скорей всего она плакала от страданий.

— Ты же хорошо знаешь, — ответил Дюшен, — что вдова Капета никогда не плачет. Для этого она слишком горда.

— Значит, она больна, — решил Жильбер.

И продолжил, повысив голос:

— Скажи-ка, гражданка Капет, не больна ли ты?

Королева медленно подняла глаза и направила свой ясный и вопрошающий взгляд на охранников.

— Это вы со мной говорите, судари? — спросила она голосом, полным доброты, поскольку, как ей казалось, заметила оттенок интереса у того, кто обратился к ней.

— Да, гражданка, с тобой, — продолжал Жильбер. — Мы спрашиваем тебя: не больна ли ты?

— Почему вы это спрашиваете?

— Потому что у тебя покраснели глаза.

— К тому же, ты очень бледна, — добавил Дюшен.

— Благодарю вас, судари. Нет, я не больна, но ночью мне действительно было плохо.

— Тебя мучили твои печали?

— Нет, судари, мои печали всегда одинаковы. Религия научила меня складывать их к подножию креста. Я страдаю каждый день одинаково. Нет, просто этой ночью я слишком мало спала.

— Наверное, из-за перемены жилища и смены кровати, — предположил Дюшен.

— К тому же, это жилище не из лучших, — посочувствовал Жильбер.

— Нет, судари, не из-за этого, — покачав головой, сказала королева. — Хорошее или нет, но мне безразлично мое жилище.

— В чем же тогда причина?

— В чем?

— Да.

— Прошу простить меня за мои слова, но я очень непривычна к запаху табака, который и сейчас исходит от вас, сударь.

— А, Боже мой! — воскликнул Жильбер, взволнованный той кротостью, с которой с ним говорила королева. — Почему же, гражданка, ты не сказала мне об этом раньше?

— Потому что не думала, что имею право стеснять вас своими привычками, сударь.

— В таком случае у тебя больше не будет неудобств, по крайней мере с моей стороны, — сказал Жильбер, отбросив трубку, которая разбилась, ударившись о пол. — Я не стану больше курить.

И он повернулся, уводя своего компаньона и закрывая ширму.

— Возможно, ей отрубят голову, это дело нации. Но к чему нам

заставлять страдать эту женщину? Мы ведь солдаты, а не палачи, как Симон.

— Твое поведение отдает аристократией, — заметил Дюшен, покачивая головой.

— Что ты называешь аристократией? Ну, хоть немного, объясни мне.

— Я называю аристократией все, что досаждаёт нации и доставляет удовольствие её врагам.

— По твоему выходит, что я досаждаю нации, потому что прекратил окуривать вдову Капета? Ну, хватит? Видишь ли, — продолжал он, — я помню о своей клятве, которую дал родине, и о приказе моего командира. Приказ я знаю наизусть: «Не позволить узнице бежать, не позволять никому проникать к ней, прекращать всякую переписку, которую она захочет завязать или поддержать и умереть, если надо, на своем посту!» Вот что я обещал и выполню свое обещание. Да здравствует нация!

— То, о чем я тебе сказал, — продолжал Дюшен, — не говорит о том, что я слежу за тобой. Я просто не хочу, чтобы у тебя Тэыли неприятности...

— Тихо! Кто-то идет.

Из этого разговора королева не упустила ни слова, хотя охранники и говорили шепотом. Жизнь в неволе удваивает остроту чувств.

Охранники насторожились не зря — к комнате по коридору приближались люди.

Дверь открылась. Вошли двое гвардейцев муниципалитета вместе с консьержем и несколькими тюремщиками.

— Где арестованная? — спросили они.

— Там, — в один голос ответили охранники, указав на ту часть комнаты, где находилась королева.

— Как она устроилась?

— Посмотрите сами.

И Жильбер открыл ширму.

— Что вам угодно? — спросила королева.

— Они представляют Коммуну, гражданин Капет, — сказал охранник.

«Этот человек добрый, — подумала Мария-Антуанетта, — и, если мои друзья очень захотят...»

— Ладно, ладно, — прервали гвардейцы муниципалитета, оттолкнув Жильбера и входя к королеве. — Ни к чему здесь церемониться.

Королева сделала вид, что не заметила их. По её безучастности можно было понять, что она не видит и не слышит происходящего вокруг, словно по-прежнему находится одна.

Представители Коммуны тщательно осмотрели комнату, постучали по деревянным стенам с остатками обоев, перерыли постель, проверили решетки на окне, которое выходило на женский двор. Потом, напомнив охранникам о чрезвычайной бдительности, вышли, не сказав ни слова Марии-Антуанетте. И она сохранила полную безучастность, словно и не было этих бесцеремонных визитеров.

Глава VII

Зал потерянных шагов

К исходу того самого дня, когда гвардейцы муниципалитета тщательно осмотрели камеру королевы, какой-то человек, одетый в серую карманьолку, с густой шевелюрой черных волос, не помещавшихся под одной из тех медвежьих шапок, по которым в то время отличали наиболее рьяных патриотов, прогуливался в большом зале, философски названном «Залом Потерянных шагов». Он, казалось, с большим вниманием рассматривал проходящих мимо людей, которых здесь обычно бывает много. А в эпоху, когда судебные процессы приобрели исключительно важное значение и когда в суде защищали только в том случае, если приходилось оспаривать голову обвиняемого у палача и у гражданина Фукье-Тэнвилля^[64], их неутомимого поставщика, число людей здесь заметно выросло.

Поведение человека, портрет которого мы только что набросали, отличалось весьма хорошими манерами. В то время общество разделилось на два класса: овец и волков. И одна часть населения, вселяя общий страх, пожирала другую.

Наш дерзкий прогуливающийся патриот был невысокого роста. Он держал в грязной руке одну из тех дубинок, которые называли «конституцией». Его рука, игравшая этим жутким орудием, могла бы показаться маленькой тому, кто решился бы «сыграть» со странной личностью наедине роль инквизитора, которую он присвоил себе. Но никто не осмеливался связываться с обладателем столь угрожающей наружности.

Человек с дубинкой несомненно внушал опасения кое-кому из писарей, рассуждавших о государственных делах. Дела же эти шли к худшему или все лучше и лучше. Оценка зависела от того, кто ее выносил, консерватор или революционер. Писари искоса поглядывали на черную бороду незнакомца, его зеленоватые глаза, спрятанные под густыми кустистыми бровями, невольно вздрагивали, когда этот устрашающий патриот пересекал Зал Потерянных шагов, приближаясь к ним.

Странные и непонятные действия его только усиливали страх. Они видели, что этот человек то приближался к ним, то нервно измеряя шагами длину залы, ронял на пол свою дубинку. Ударяя по плиткам, она вырывала из них то приглушенный, то звонкий и раскатистый звук.

Но не только на писарей, о ком мы говорим и которых называют «дворцовыми крысами», производил он такое жуткое впечатление; многие входившие в Зал Потерянных шагов через широкую дверь или через какую-нибудь маленькую боковую, старались как можно быстрее миновать патриота в медвежьей шапке.

Он же упорно повторял маршрут из одного конца зала в другой, пересчитывая плитки пола своей дубинкой. Если бы писари были менее напуганы, а отдельные посетители — более внимательны, то они несомненно заметили бы определенную последовательность и логику его поступков. На первый взгляд просто капризный, нервный, как все эксцентричные, одержимые натуры, патриот не суетился бездумно, а отдавал предпочтение определенным плиткам. Скорее всего тем, что находились вблизи правой стены и тем, что прилегали по центру зала и издавали самые чистые и звонкие звуки.

Он закончил тем, что сосредоточил свой гнев всего на нескольких плитках, находившихся в центре зала. В какой-то момент он даже остановился, будто прикидывая взглядом расстояние.

Остановка была мгновенной. Никто не заметил вспышку радости в его глазах. Тем более, что через миг он снова насупился и зашагал, постукивая.

Почти в эту же самую минуту другой патриот — а в то время по выражению лиц, одежды легко было определить политические взгляды — вошел через дверь, ведущую из галереи. Манеры, поведение первого патриота не произвели на вошедшего никакого впечатления. Не разделяя общего страха, он двинулся ему навстречу. И они сошлись в центре зала.

На вновь пришедшем была точно такая же медвежья шапка, серая карманьолка, грязные руки держали такую же дубинку. Плюс к этому сбоку висела еще и большая сабля, которая при ходьбе била его по икрам. Внешний вид его вызывал еще больший ужас. Если первый был просто страшен, то второй — выглядел злобно, подло, фальшиво. Хотя казалось, что оба принадлежали к одному классу, разделяли одни убеждения, присутствующие все же рискнули украдкой полюбопытствовать, чем закончится их встреча. Точнее, сближение, поскольку они шли по одной линии. Вначале любопытство не оправдалось. Патриоты лишь обменялись взглядами. Правда, первый, который был поменьше ростом, слегка побледнел. И только по невольному движению его губ было видно, что бледность эта вызвана не чувством страха, а отвращением.

Тем не менее, ему удалось сразу же, хотя и с большим усилием, преодолеть его. И до этого его такое неприветливое лицо прояснилось. Какое-то подобие улыбки — признак благосклонности пробежало по его

губам. И он слегка изменил курс движения, отклонился влево с целью остановить другого патриота.

Их встреча произошла недалеко от центра зала.

— Черт возьми! Так это же гражданин Симон! — воскликнул первый патриот.

— Он самый! Но что тебе от него нужно — от гражданина Симона? И кто ты такой сам?

— Не притворяйся, что не узнаешь меня!

— Я совсем не узнаю тебя. Клянусь, что никогда тебя не видел.

— Ну, полноте! Ты не узнаешь того, кто был удостоен чести нести голову Ламбаль?

Эти слова, произнесенные с глухой яростью, сорвались с губ патриота в карманьолке. Симон вздрогнул.

— Ты? — произнес он. — Ты?

— Чем тебя это удивляет? Эх, гражданин, а я считал тебя другом, соратником!.. Ты меня огорчаешь.

— То, что ты сделал, — это здорово, — сказал Симон. — Но я не знаю тебя.

— У тебя больше шансов быть на виду, потому что ты воспитываешь маленького Капета. Поэтому я тебя знаю и уважаю.

— Спасибо.

— Что привело сюда? Не ради прогулки же ты пришел?

— Да, я жду кое-кого... А ты?

— Я тоже.

— Как же тебя зовут? Я поговорю о тебе в клубе.

— Меня зовут Теодор.

— А дальше?

— Дальше — все. Тебе недостаточно?

— О! Вполне... Кого же ты ждешь, гражданин Теодор?

— Одного друга, которому хочу сообщить интересную весть.

— Правда! А расскажи мне.

— Есть на примете выводок аристократов...

— Как их зовут?

— Нет, извини, это я могу сообщить только моему другу.

— Ты неправ. А вот и мой друг приближается к нам. Мне кажется, он достаточно хорошо знает, как тотчас уладить твоё дело. Ну, так как?

— Фукье-Тэнвилль! — воскликнул первый патриот.

— Именно он, дорогой друг.

— Так, очень хорошо.

— Да, хорошо... Здравствуй, гражданин Фукье.

Фукье-Тэнвилль, бледный, спокойный, по привычке смотрящий широко раскрытыми черными глазами из-под густых бровей, только что открыл боковую дверь зала, держа в руке регистрационную книгу, а под мышкой — пачку бумаг.

— Здравствуй, Симон, — сказал он. — Что нового?

— Новостей много. Прежде всего сообщение гражданина Теодора, который нес голову Ламбаль. Я представляю его тебе.

Фукье обратил свой умный взгляд на патриота, которого этот осмотр явно взволновал, хотя и до этого его нервы были напряжены.

— Теодор, — сказал Фукье. — Кто он такой, этот Теодор?

— Я, — сказал человек в карманьолке.

— И это ты нес голову Ламбаль? — сказал общественный обвинитель с явно выраженным сомнением.

— Я, нес по улице Сент-Антуан.

— Но я уже знаю одного, кто хвастается тем же, — заметил Фукье.

— А я знаю десять таких, — мужественно продолжал гражданин Теодор. — Но обычно те, кто говорит об этом, чего-то требуют. Я же, я не требую ничего, поэтому надеюсь иметь предпочтение.

Это высказывание рассмешило Симона и развеселило Фукье.

— Ты прав, — сказал он, — и если ты его еще не получил, то обязательно добьешься. А теперь я прошу, оставь нас. Симон должен мне кое-что сказать.

Теодор удалился, мало смущенный бесцеремонностью гражданина общественного обвинителя.

— Минуточку, — крикнул Симон, — не отсылай его просто так. Послушай сначала припасенное им сообщение.

— Ах, да! — рассеянно поправился Фукье-Тэнвилль, — сообщение?

— Да, о целом выводе, — добавил Симон.

— Ну, что же, говори. О чем идет речь?

— Ничего важного: о гражданине Мезон-Руже и нескольких его друзьях.

Фукье отпрыгнул назад, Симон поднял руки к небу.

— Правда? — воскликнули они вместе.

— Чистая правда. Хотите их взять?

— Немедленно. Где они?

— Я встретил Мезон-Ружа на улице Гранд-Трюандери.

— Ты ошибаешься, его нет в Париже, — возразил Фукье.

— Я видел его, говорю тебе.

— Невозможно. Мы бросили по следу сотню человек. Он не из тех, кто показывается на улицах.

— Он, он, он, — твердил Теодор, — высокий брюнет, сильный, как трое силачей, и бородатый, как медведь.

Фукье с пренебрежением пожал плечами.

— Еще одна глупость, — сказал он. — Мезон-Руж маленького роста, худощав и у него нет и намека на бороду.

С подавленным видом патриот опустил руки.

— Неважно, доброе намерение — тоже поступок. Ну, а теперь, Симон, говори скорее, меня ждут в канцелярии суда.

— Особенно нового ничего нет. Ребенок чувствует себя хорошо.

Патриот так повернулся к ним спиной, чтобы одновременно и не показаться нескромным, но и слышать все то, о чем они говорят.

— Если я вам мешаю, то пойду, — сказал он.

— Прощай, — сказал Симон.

— Привет, — бросил Фукье.

— Скажи своему другу, что ты ошибся, — добавил Симон.

— Да, я подожду его.

И Теодор отошел от них на несколько шагов и оперся на свою дубинку.

— Значит, малыш поживает хорошо, — заметил Фукье. — А как настроение?

— Я леплю его по своему желанию.

— Он разговаривает?

— Когда я хочу этого.

— Как ты думаешь, мог бы он выступить свидетелем на процессе Антуанетты?

— Мне незачем думать, я в этом уверен.

Теодор облокотился о стойку, уставившись на дверь. Взгляд его был рассеян, тогда как уши под широкой медвежьей шапкой насторожены. Несомненно, он вслушивался в разговор и многое слышал.

— Подумай хорошенько, — настаивал Фукье. — Не соверши промаха перед Комиссией. Уверен, что Капет будет говорить?

— Он скажет все, что я захочу.

— Он рассказал тебе то, о чем мы хотим его расспросить?

— Да, обо всем.

— Это важно, гражданин Симон, то, что ты нам обещаешь. Для матери такие признания ребенка будут смертельны.

— Я надеюсь на это, черт побери!..

— Такого еще не было с тех пор, как Нерон сообщал секретные сведения Нарциссу, — глухо прошептал Фукье. — Еще раз, Симон, взвесь.

— Можно подумать, гражданин, что ты держишь меня за дурака. Каждый раз повторяешь мне одно и то же. Позволь привести сравнение. Если я опущу кожу в воду, она станет мягкой?

— Не знаю, возможно, — растерялся Фукье.

— Она становится мягкой. Так вот, маленький Капет становится в моих руках таким же послушным, как самая мягкая кожа. Для этого у меня есть свои методы.

— Ну, ладно, — пробормотал Фукье. — Это все, о чем ты хотел сказать?

— Все... Впрочем, чуть не забыл: есть у меня сообщение.

— Как всегда! Ты что же, хочешь завалить меня работой?

— Нужно служить родине.

И Симон протянул ему кусок бумаги, такой же грязный, как и кожа, о которой он только что говорил, но, естественно, не такой мягкой. Фукье взял его и прочитал.

— Опять этот гражданин Лорэн. За что ты так ненавидишь его?

— Он всегда враждебно настроен к закону. Слышал, как он вчера заявил женщине, которая помахала ему из окна: «Прощайте, сударыня». Завтра я надеюсь передать тебе несколько слов о другом подозрительном. О Морисе Линдее, который был муниципальным гвардейцем в Тампле до истории с красной гвоздикой.

— Уточни, уточни, — улыбнулся Фукье Симону и протянул ему руку.

Затем он поспешно повернулся к нему спиной, и таким образом, высказал свое отношение к Симону.

— Какого черта еще уточнять? Ведь гильотинировали и за гораздо меньшие преступления, чем совершили эти подозрительные.

— Терпение, — спокойно отпарировал Фукье. — Все сразу не сделаешь.

И он заторопился по своим делам. Симон поискал глазами гражданина Теодора, чтобы в разговоре с ним отвести душу. Но не увидел его.

Стоило только Симону выйти из зала через западную дверь, как Теодор появился в углу одной из каморок, предназначенных для писарей. Его сопровождал обитатель комнатухи.

— Когда закрывают ворота? — спросил Теодор у писаря.

— В пять.

— Что происходит потом?

— Ничего. Зал пуст до следующего дня.

— Никаких обходов, посещений?

— Нет, сударь, наши каморки запираются на ключ.

Слово *сударь* заставило Теодора нахмурить брови. Он тотчас же недоверчиво огляделся.

— В каморке есть лом и пистолеты?

— Да, под ковриком.

— Возвращайся к нашим... Кстати, покажи-ка мне еще комнату трибунала, в которой есть незарешеченное окно, выходящее во двор неподалеку от площади Дофина.

— Налево, между стойками, под фонарем.

— Хорошо. Уходи и держи лошадей наготове в условленном месте!

— О! Удачи вам, сударь, удачи!.. Рассчитывайте на меня!

— Вот подходящий момент... никто не смотрит... открой каморку.

— Все в порядке, сударь. Я буду молиться за вас!

— Не за меня сейчас нужно молиться! Прощай!

И гражданин Теодор, тщательно осмотревшись, так ловко проскользнул в каморку, что вряд ли можно было заподозрить писаря, закрывшего дверь, в том, что рядом с ним кто-то был еще.

И наш достойный писарь, вынув ключ из замка, взял под мышку свои бумаги и вышел из просторного зала вместе с остальными служащими, которых удар часов, извещавших пять, заставлял дружно, как пчел из улья, покидать канцелярию суда.

Глава VIII

Гражданин Теодор

Своим большим сероватым покрывалом ночь окутала этот огромный зал, в котором несчастным эхом повторялись резкие слова обвинителей и умоляющие — обвиняемых. Со всех концов огромного зала в темноте видна прямая и неподвижная белая колонна, похожая на фантома, защищающего это священное место.

Единственным шумом, наполнявшим темноту, был крысиный галоп и хруст поедаемых ими в каморках писарей бумаг. Ради них крысы прогрызли дыры в деревянных перегородках. Иногда слышался шум проезжающего экипажа, доносившийся, как сказал бы академик, и до этого святилища Фемиды. Иногда — чуть-чуть различимый лязг ключей, который, казалось, шел из-под земли. Но все эти звуки были дальними. И ничего, кроме этих отдаленных шумов не нарушало плотность тишины, точно также, как в царство темноты вторгались лишь редкие вспышки света.

Можно с уверенностью сказать, что если бы кто-то в этот час и осмелился появиться в огромном зале Дворца, то смельчака охватил бы головокружительный страх. Стены здесь были окрашены кровью Сентябрьских жертв, а по его лестницам днем прошли двадцать пять приговоренных к смертной казни несчастных. И всего несколько футов отделяло пол зала от карцеров Консьержери, населенных скелетами.

Тем не менее, среди этой ужасающей ночи, среди этой почти мертвой тишины, послышался слабый скрежет. Дверь одной из каморок для писарей приоткрылась и тень, темнее ночи, скользнула в зал. Это был тот ярый патриот, которого шепотом называли *сударем*, претендовавший на имя Теодора. Он проскользнул легкими шагами в зал, едва касаясь неровных плиток пола. В правой руке, он сжимал тяжелый железный лом, а левую прижимал к поясу, где находился пистолет.

«Я насчитал двенадцать плиток, начиная от каморки. Так, посмотрим, вот край первой...» И, ощупывая ногой промежутки между плитками, он продолжал считать. Время сделало свое, каждое соединение хорошо чувствовалось.

«Итак, — прошептал он, останавливаясь, — все ли я предусмотрел? Хватит ли у меня сил, а у нее — мужества? О! Да, ведь я хорошо знаю ее мужество. Великий Боже! Когда же я возьму ее за руку, когда же я скажу ей:

«Государыня, вы спасены!...»

Он застыл, словно под тяжестью этой надежды.

«О! — говорил он сам с собой. — Это безрассудный, бессмысленный план, скажут другие, закутываясь в одеяла или переодевшись в прислугу. Они будут довольствоваться тем, что пройдут вокруг Консьержери. Но у них нет тех целей, что у меня. Ведь я хочу спасти не только королеву, а в первую очередь — женщину!»

За работу, и попробуем повторить все, что нужно сделать... Поднять плитку — пустяк. Оставить отверстие открытым — в этом и кроется вся опасность. Возможен обход. Но обычно его не бывает. У них не могло возникнуть никаких подозрений — у меня нет даже соучастников. Да и потом с таким нетерпением, как у меня, трех минут хватит, чтобы пересечь темный коридор и оказаться под ее комнатой. В следующие пять я подниму камень, лежащий как раз перед ее камином. Она услышит мою работу, но твердость характера не позволит ей испугаться. Она поймет, что приближается освободитель... Ее охраняют двое. Они, конечно, прибегут... Ну, ничего, в конце концов, это всего лишь два человека, — подумал патриот с мрачной улыбкой, оглядывая по очереди оружие, разместившееся на его поясе, а также то, что держал в руке. — Два человека это всего лишь два выстрела из пистолета или два удара этим ломом. Бедные люди!.. Но ведь умирает и много других, не более виновных.

Итак, вперед!»

И гражданин Теодор решительно воткнул лом между двумя плитками.

В тот же момент, подобно золотому зайчику, по плиткам скользнул луч света. Раздавшийся под сводами шум заставил заговорщика одним прыжком вернуться в каморку и затаиться. Вскоре Теодор услышал доносящиеся издалека голоса, ослабленные расстоянием и волнением, которое невидимые пришельцы испытывали ночью в огромном здании.

Теодор наклонился и через отверстие увидел сначала человека в военной форме, большая сабля которого стучала по плиткам. Именно этот звук прежде всего и привлек его внимание. Рядом с ним шел человек в одежде фисташкового цвета. В руке он держал линейку, а под рукой — рулоны бумаги. Третий был в толстой куртке из ратина и в подбитом мехом колпаке. И, наконец, четвертый был в сапогах и карманьолке.

Решетка Мерсье заскрежетала и ударила по железной цепи, предназначенной для того, чтобы удерживать ее открытой днем.

Вошли четверо мужчин.

«Обход, — прошептал Теодор. — Боже милостивый! Через десять минут я бы погиб».

И с пристальным вниманием он начал рассматривать тех, кто входил в дозорную группу.

Троих он узнал.

Тот, кто шел впереди, одетый в форму генерала, был Сантерр. Человек в куртке из ратина и в подбитом мехом колпаке — консьерж Ришар. Что касается человека в сапогах и карманьолке, то похоже, это был тюремщик.

Но Теодор никогда не встречал человека в одежде фисташкового цвета, у которого была линейка и рулоны бумаг под рукой.

Кем мог он быть? И что собирались делать в десять часов вечера в Зале Потерянных шагов генерал Коммуны, охранник из Консьержери, тюремщик и этот незнакомец?

Гражданин Теодор стал на колени, держась рукой за пистолет, а другой — поправляя шапку на своих волосах. Торопливым движением он слегка сдвинул их набок. Случайность выдала: волосы явно были не его собственными.

До этого четверо ночных посетителей хранили молчание. Или, по крайней мере, слова произносились шепотом и они доносились до ушей Теодора неясным шумом. Но в десяти шагах от каморки Сантерр заговорил, и его голос звучал отчетливо.

— Ну, вот мы здесь, в зале Потерянных Шагов. Теперь нашим гидом будешь ты, гражданин архитектор. И постарайся доказать нам, что твое открытие не обычный вздор. Революция осудила разные глупости и мы больше не верим в подземные ходы, о которых все еще бредят некоторые головы. Что ты скажешь на это, гражданин Ришар? — добавил Сантерр, повернувшись к человеку в подбитом мехом колпаке и в куртке из ратина.

— Я никогда не утверждал, что под Консьержери не могло бы быть подземного хода, — ответил тот. — Вот Гракх, прослуживший здесь уже лет десять и, следовательно, изучивший Консьержери как свои пять пальцев, тоже не слышал о существовании подземного хода, о котором говорит гражданин Жиро. Но так как гражданин Жиро является архитектором города, то он должен знать о нем лучше нас, поскольку этот ход относится к его хозяйству.

Услышав разговор, Теодор вздрогнул.

«К счастью, — прошептал он, — зал велик, и до того, как они найдут то, что нужно, им придется потрудиться дня два.

Но архитектор встал на колени, развернул большой лист бумаги, надел очки и принялся рассматривать план при мигающем свете фонаря, который держал Гракх.

— Боюсь, — посмеивался Сантерр, — не приснился ли подземный ход

гражданину Жиро?

— Ты увидишь, гражданин генерал, — не сдавался архитектор, — ты увидишь, приснился ли он мне. Подожди, подожди.

— Мы и так ждем, — ответил Сантерр.

— Вот и подождите, — заметил архитектор и занялся подсчетом:

— 12 и 4 будет 16, — сказал он, — а 24, если разделить на 6, дают 4. После этого нам остается половина. Я дорожу своим местом и, если ошибусь хоть на фут, можете сказать, что я — невежда.

Архитектор говорил с такой уверенностью, что гражданин Теодор просто оцепенел.

Сантерр посмотрел на план с долей уважения и восхищения.

Тем более, что сам он ничего в нем не понимал.

— Внимательно следите за тем, что я вам сейчас скажу.

— Где это? — поинтересовался Сантерр.

— Да на этой карте, черт возьми! Где вы находитесь? В 13 футах от стены есть подвижная плитка, которую я подметил буквой «А». Вы видите ее?

— Разумеется, я вижу «А», — сказал Сантерр. — Или же ты думаешь, что я не умею читать?

— Под этой плиткой имеется лестница, — продолжал архитектор, — смотрите я пометил ее «В».

— «В», — повторил Сантерр. — Я вижу «В», но не вижу лестницу.

И генерал, не сдерживаясь, рассмеялся над своей грубоватой шуткой.

— Подняв плиту и поставив ногу на последнюю ступеньку, — наставлял архитектор, — отсчитайте пятьдесят шагов и три фута, посмотрите вверх — вы попадете как раз в канцелярию суда, куда приведет этот подземный ход, находящийся под камерой королевы.

— Ты хочешь сказать, вдовы Капета, гражданин Жиро, — заметил Сантерр, нахмутив брови.

— Ах да, вдовы Капета.

— Но ты сказал *королевы*.

— Старая привычка.

— Так вы говорите, что этот ход ведет под канцелярию суда? — спросил Ришар.

— Не только под канцелярию. Я могу сказать, в какую именно часть канцелярии вы выйдете: под камином.

— Да, это забавно, — заметил Гракх, — Действительно, каждый раз, когда я роняю полено у камина — камень звенит.

— Если мы действительно найдем то, о чем ты говоришь, гражданин

архитектор, я признаю, что геометрия — прекрасная наука.

— Что же, признай, гражданин Сантерр, потому что я проведу тебя в то место, которое обозначено на плане буквой «А».

Гражданин Теодор до боли сжал руки.

— Не торопи. После того, когда увижу, когда увижу, — повторил Сантерр. — Я ведь как святой Томас?

— Ты сказал *святой Томас*?

— Честное слово, сказал по привычке, также как и ты упомянул *королеву*. Правда, меня не обвиняют в заговоре в пользу святого Томаса.

— Как и меня в пользу королевы.

После обмена репликами архитектор осторожно взял линейку, выверил расстояние, закончил расчеты и ударил по одной из плиток.

По той самой плитке, по которой в яростном гневе стукнул ломом Теодор.

— Здесь, гражданин генерал, — сказал архитектор.

— Ты уверен, гражданин Жиро?

Теодор в каморке забылся до такой степени, что в ярости ударил одной ногой по другой, издав при этом глухое рычание.

— Уверен, — настаивал Жиро. — И ваша экспертиза в сочетании с моим докладом докажет Конвенту, что я не ошибался. — Да, гражданин генерал, — добавил архитектор с воодушевлением, — эта плитка открывает подземный ход, который ведет в канцелярию суда, проходя под камерой вдовы Капета. Подняв ее, спустимся в подземный ход вместе; И вам докажу, что два человека или даже один могли бы ночью ее похитить.

Шепот ужаса и восхищения от слов архитектора пробежал по всей группе, дошел до ушей гражданина Теодора, который, казалось, превратился в статую.

— Да, это опасность, которой мы избежали, — подтвердил Жиро. — Я поставлю решетку под камерой вдовы Капет и перегороджу подземный ход. Тем самым я спасу родину.

— О! — воскликнул Сантерр, — гражданин Жиро, у тебя была такая возвышенная идея.

— Чтоб ты провалился в преисподню, трижды дурак! — в бешенстве проворчал Теодор.

— Давай же, поднимай плитку, — обратился архитектор к гражданину Гракху, помимо фонаря державшему в руках и лом.

Гражданин Гракх принялся за работу, и через минуту плитка была поднята.

И тогда показалось зияющее отверстие подземного хода с уходящей в

глубину лестницей. Из подземелья вырвался затхлый воздух, плотный, как пар.

— И снова проигрыш! — прошептал Теодор. — О! Само небо не хочет ее спасения. Ее дело — проклятое дело!

Глава IX

Гражданин Гракх

а несколько минут трое мужчин застыли у жерла подземного хода. Тем временем тюремщик опустил в отверстие фонарь, луч света от которого не мог достичь дна подземелья.

С высоты своего величия торжествующий архитектор, тор победно оглядел своих спутников.

— Вот и все, — подчеркнул он через минуту.

— Это, бесспорно, подземный ход, — произнес Сантерр. — Остается только выяснить, куда он ведет.

— Да, — поддержал его Ришар. — Остается выяснить только это.

— Пожалуйста, гражданин Ришар, спускайся и убедись лично, сказал ли я правду, — поторопил архитектор.

— Есть кое-что получше, чем лезть туда, — не согласился Ришар. — Сейчас мы все вернемся в Консьержери. Там у камина мы поднимем плитку и посмотрим.

— Очень хорошо! — согласился Сантерр. — Пойдемте!

— Но следует быть осторожным, — не согласился архитектор. — Если ход останется открытым, то это может кое у кого вызвать нежелательные мысли.

— Какой черт притащится сюда в столь поздний час? — удивился Сантерр.

— Впрочем, — заметил Ришар, — зал пуст. К тому же мы оставим здесь Гракха на всякий случай. Оставайся здесь, гражданин Гракх, а мы придем к тебе с другой стороны по подземному ходу.

— Ладно, — согласился Гракх.

— Ты вооружен? — поинтересовался Сантерр.

— При мне сабля, а также этот лом, гражданин генерал.

— Чудесно! Добросовестно охраняй. Минут через десять мы вернемся.

И они втроем, заперев входную решетку, ушли по галерее Мерсье, чтобы отыскать вход в подземелье Консьержери.

Тюремщик смотрел им вслед до тех пор, пока мог их видеть, и слушал их до тех пор, пока мог слышать. Затем он поставил фонарь на пол, свесил ноги в жерло подземелья и задумался, погружившись в свое одиночество. Тюремные служители тоже иногда мечтают, только вот никто не

интересуется их мечтами.

Вдруг, когда он задумался о чем-то заветном, то почувствовал, как чья-то рука опустилась ему на плечо. Он обернулся, увидел незнакомое лицо и хотел закричать, но в этот миг ствол пистолета уперся ему в лоб. И голос его застрял где-то в горле, руки безвольно упали, а в глазах появилась отчаянная, порожденная смертельным страхом, мольба.

— Ни слова, — предупредил незнакомец, — или ты — мертвец.

— Что вам угодно, сударь? — прошептал тюремщик.

Как видим, даже в 93 году были моменты, когда не называли друг друга на «ты» и забывали о слове «гражданин».

— Я хочу, — ответил гражданин Теодор, — чтобы ты пропустил меня в подземный ход.

— Зачем?

— Тебе-то что за дело до этого?

Вместо ответа тюремщик с удивлением уставился на неожиданного собеседника, но тот прочитал в его взгляде не только удивление, но и проблеск согласия.

Он опустил пистолет.

— Ты отказываешься получить состояние?

— Не знаю. У меня еще никогда не было подобных предложений.

— Считай, я его сделал.

— Вы предлагаете мне заработать состояние?

— Да.

— Что вы подразумеваете под словом «заработать».

— Пятьдесят тысяч ливров золотом, устроит? Такие деньги — редкость. Сегодня 50 тысяч ливров золотом стоят уже миллион. Итак, я предлагаю пятьдесят тысяч ливров.

— За то, что я пропущу вас туда?

— Да, но при условии, что ты пойдешь туда со мной и поможешь мне в том, что мне будет нужно.

— А что вам нужно будет делать? Через пять минут этот подземный ход заполнят солдаты, которые вас арестуют.

Гражданин Теодор был поражен серьезностью этих слов.

— Ты можешь помешать солдатам спуститься туда?

— Это невозможно. И ничего здесь не придумаешь.

Было видно, что тюремщик напряг весь свой ум, чтобы отыскать способ заработать пятьдесят тысяч ливров.

— А завтра, — спросил гражданин Теодор, — мы сможем туда войти?

— Конечно, только к завтрашнему дню во всю ширину подземного

входа встанет решетка. Тем более, что она будет цельной и без двери.

— Значит надо придумать что-то другое, — сказал гражданин Теодор.

— Да, нужно придумать что-то другое, — согласился тюремщик. — Подумаем.

Итак, как видим, гражданин Гракх уже вступил в союз с гражданином Теодором.

— Ладно, это моя забота, — закончил Теодор. И задал новый вопрос. — Что ты делаешь в Консьержери?

— Я — тюремщик.

— Не понял?

— Я открываю двери и закрываю их.

— Ты ночуешь здесь?

— Да, сударь.

— И ешь ты здесь?

— Не всегда. У меня тоже есть свободные часы.

— И тогда?

— Я их использую.

— И чем занимаешься?

— Захожу в кабачок «Пюи-де-Ноз», за хозяйкой которого я ухаживаю. Она обещала выйти за меня замуж, когда я соберу тысячу двести франков.

— Где этот кабачок?

— Недалеко от улицы Вьей-Драпери.

— Очень хорошо.

— Тише, сударь!

Теодор прислушался.

— Да! — сказал он.

— Вы слышите?

— Да, шаги, шум.

— Они возвращаются. Вы хорошо видите, что у нас нет больше времени.

Это «нас» становилось все более и более убедительным.

— Согласен. Ты отличный малый, гражданин, и мне кажется, ты послан мне судьбой.

— Для чего?

— Для того, чтобы однажды разбогатеть.

— Да услышит Вас Бог!

— Значит, ты веришь в Бога?

— Иногда. Например, сегодня... Я бы охотно в него поверил.

— Так поверь, — улыбнулся Теодор и положил в руку служителя

десять луидоров.

— Черт возьми! — произнес тот, глядя на освещенное фонарем золото. — Это уже серьезно.

— Серьезнее и быть не может.

— Что нужно делать?

— Завтра будь в кабачке «Пюи-де-Ноэ», тогда и скажу, что мне от тебя нужно. Тебя как зовут?

— Гракх.

— Что ж, до завтра, гражданин Гракх. Сделай так, чтобы консьерж Ришар выгнал тебя.

— Выгнал? А мое место?

— А ты хочешь остаться, имея пятьдесят тысяч?

— Нет. Но если я останусь служителем в тюрьме и бедным, то, я уверен, меня не гильотинируют.

— Уверен?

— Почти. Тогда как будучи богатым и свободным...

— Ты спрячешь деньги и станешь волочиться за какой-нибудь вязальщицей вместо того, чтобы ухаживать за хозяйкой «Пюи-де-Ноэ».

— Хорошо, договорились.

— Так завтра, в кабачке.

— В котором часу?

— В шесть вечера.

— Улетайте быстрее, вот они... Я говорю — улетайте — поскольку мне кажется, что вы спустились сквозь своды.

— До завтра, — повторил Теодор, убегая.

И действительно, настало время уходить: приближались шум шагов и голоса. Из подземного хода уже виднелся слабый свет фонарей.

Теодор побежал к той двери, на которую ему указал писарь — хозяин каморки, ломом выбил в ней замок. Всего несколько минут ему понадобилось, чтобы открыть окно и выскользнуть через него на улицу Республика.

Но перед тем, как покинуть Зал Потерянных шагов, он успел услышать разговор гражданина Гракха и Ришара.

— Гражданин архитектор оказался прав: подземный ход пролегает под комнатой вдовы Капет. Это было опасно.

— Да, конечно, — поддержал Гракх, сознающий, что говорит чистую правду.

Из подземного хода показался Сантерр.

— Гражданин архитектор, а где твои рабочие? — обратился он к

Жиро.

— До того, как наступит день, они появятся и немедленно поставят решетку, — ответил голос, который, казалось, доносился из чрева земли.

— И ты спасешь родину! — сказал Сантерр, полусерьезно, полунасмешливо.

— Ты и не представляешь, насколько близок к истине, гражданин генерал, — прошептал Гракх.

Глава X

Королевский сын

Как мы узнали из предыдущих глав, подготовка процесса над королевой шла полным ходом. Предполагали, что после принесения в жертву этой головы, народная ненависть, kloкочущая с давних пор, будет, наконец, утолена.

Было достаточно поводов, чтобы заставить упасть эту голову, однако Фукье-Тэнвилль, общественный обвинитель, решил, что не следует пренебрегать и новыми доводами обвинения, которые Симон обещал предоставить в его распоряжение.

На следующий день после того, как прошла встреча Симона и Фукье-Тэнвилля в Зале Потерянных шагов, узники — обитатели Тампля в очередной раз были встревожены бряцаньем оружия.

Этими узниками были мадам Елизавета, принцесса и ребенок, которого с колыбели называли Величеством, а теперь он стал всего лишь маленьким Людовиком Капетом.

Генерал Анрио в трехцветном султানে и при огромной сабле, в сопровождении гвардейцев национальной гвардии вошел в башню, где томился королевский сын. Рядом с генералом следовал с недовольной миной на лице секретарь суда, с письменным прибором в руках — бумагой и чрезвычайно длинным пером.

За ним шел общественный обвинитель. Мы уже видели, мы знаем и мы еще раз встретимся с этим сухим, желтолицым и мрачным человеком, от налитого кровью взгляда которого вздрагивал даже сам свирепый Сантерр.

Замыкали шествие несколько гвардейцев национальной гвардии во главе с лейтенантом. А первым, чтобы указать комиссии дорогу, поднимался Симон, лживо улыбаясь, держа в одной руке кивер, подбитый медвежьим мехом, а в другой — колодку.

Они вошли в довольно темную, но просторную комнату, в глубине которой на кровати застыл в полной неподвижности молодой Людовик. Когда мы видели этого несчастного ребенка, убежавшего от разъяренного до состояния зверя Симона, тогда в нем ощущались жизненная сила человека, протестующего против недостойного поведения сапожника Тампля. Он убегал, кричал, плакал: то есть боялся; а значит — страдал и — надеялся на лучшее.

Сегодня же страх и надежда исчезли. Несомненно, страдание осталось. Но даже если оно и было, то ребенок — мученик, которого заставляли таким жестоким способом платить за ошибки родителей, ребенок-мученик прятал его в самой глубине своего сердца и скрывал его под видом полной отрешенности и безмолвия.

Он даже не поднял голову, когда к нему подошли члены комиссии. Они же без всякого вступления взяли стулья и расселись: общественный обвинитель — в изголовье кровати, Симон — в ногах, секретарь — у окна, гвардейцы — немного в стороне и в полутьме.

Те же из присутствующих, кто с некоторым интересом или даже любопытством рассматривал маленького узника, заметили бледность ребенка, его странную полноту, скорее отечность, опухшие сгибы его ног и суставов.

— Этот ребенок очень болен, — сказал лейтенант с такой уверенностью, которая заставила повернуться к нему Фукье-Тэнвилля, уже подготовившегося к допросу.

Маленький Капет поднял глаза и посмотрел в полутьме на того, кто произнес эти слова, прозвучавшие как сочувствие. Ребенок узнал в нем молодого человека, который однажды во дворе Тампля помешал Симону избить его. Мягкие и умные искорки вспыхнули в его темно-голубых глазах. И тут же исчезли.

— Так это ты, гражданин Лорэн, — произнес Симон, стараясь привлечь внимание Фукье-Тэнвилля к другу Мориса.

— Да, я, собственной персоной, гражданин Симон, — ответил Лорэн с непоколебимым апломбом.

И поскольку Лорэн хотя и был всегда готов к встрече с любой опасностью, но напрасно не искал ее, то он воспользовался стечением обстоятельств, чтобы поприветствовать Фукье-Тэнвилля. Общественный обвинитель ответил ему.

— Ты заметил, гражданин, что ребенок болен? — спросил Тэнвилль. — Ты врач?

— По крайней мере, я изучал медицину, хотя я и не врач.

— И что же с ним?

— Какие симптомы болезни?

— Да.

— Я нахожу, что у него отекли щеки и глаза, руки худые и бледные, колени распухшие. И если бы я проверил его пульс, то уверен, что насчитал бы 85–90 ударов в минуту.

Ребенок, казалось, даже не слышал перечня своих мук.

— И как наука определяет состояние узника? — спросил общественный обвинитель.

Лорэн почесал пальцами кончик носа, прошептал:

Хотят заставить справедливо говорить меня,
Но нет желания во мне произносить слова.

Потом громко добавил:

— Честное слово, гражданин, я ведь мало знаю о режиме маленького Капета, чтобы ответить... Однако...

Симон внимательно прислушался, исподтишка засмеявшись, радуясь тому, что его враг почти скомпрометировал себя.

— Однако, — продолжал Лорэн, — мне кажется, что он мало занимается физическими упражнениями.

— Да уж, — согласился Симон, — маленький негодяй не хочет больше ходить пешком.

Ребенок остался безразличным к реплике сапожника.

Фукье-Тэнвилль поднялся, подошел к Лорэну и о чем-то совсем тихо поговорил с Ним.

Никто не слышал общественного обвинителя, но всем было ясно: беседа скорее напоминала допрос.

— О! Ты так думаешь, гражданин? Это довольно тяжело для матери...

— Во всяком случае, мы сейчас все узнаем, — уточнил Фукье. — Симон утверждает: ребенок сам рассказал ему об этом. И если понадобится — повторит рассказ.

— Это было бы мерзко, — сказал Лорэн, — но в конце концов вполне возможно: Австрийка не защищена от греха, а права она или нет, меня не касается... Из нее уже сделали Мессалину^[65]. Но этого, видимо, мало и из нее хотят сделать еще и Агриппину^[66]. Это, думаю, уже слишком.

— Так доложил Симон, — безразлично ответил Фукье.

— Я и не сомневаюсь, что Симон мог это сказать... Есть люди, которых не останавливает никакое обвинение, даже самое немыслимое... Но не считаешь ли ты, — продолжал Лорэн, пристально глядя на Фукье, — не считаешь ли ты, человек умный, порядочный, влиятельный, что спрашивать ребенка о таких подробностях, которые приказывают уважать естественные и священные законы природы, спрашивать о таком, все равно, что оскорблять все человечество в лице этого ребенка.

Общественного обвинителя не рассердил монолог. Он вытащил из

кармана записку и протянул ее Лорэну.

— Конвент приказал мне информировать его, — сказал он. — Остальное меня не касается, и я проинформирую Конвент.

— Да, согласился Лорэн, — если ребенок признается...

Молодой человек с отвращением покачал головой.

— Впрочем, — продолжал Фукье, — мы располагаем не только доносом Симона. Смотри, вот общественное обвинение.

И Фукье вытащил из кармана другую бумагу.

Это был один из номеров газеты, которую называли «Папаша Дюшен», составленный Эбером.

Подобное обвинение, действительно, содержалось во всех опубликованных в газете письмах.

— Это написано, даже напечатано, — сказал Лорэн. — Но это неважное доказательство. Я поверю лишь тогда, когда сам услышу рассказ, увижу, что он это говорит сам, без угроз, то...

— Что?

— То, несмотря на Симона и Эбера, я все равно буду сомневаться, как и ты.

Симон с нетерпением следил за разговором. Этот презренный не знал о той силе, которую порой оказывает случайный взгляд, выхваченный из толпы, выражай он симпатию или неожиданную ненависть. Иногда эта сила отталкивает, иногда притягивает, заставляя подчиниться, и нередко она неудержимо сближает людей.

Так Фукье, почувствовав отчуждение, несогласие во взгляде Лорэна, хотел, чтобы его понял лейтенант.

— Сейчас начнем допрос, — сказал обвинитель. — Секретарь, возьмите перо.

Секретарь уже написал начальные фразы протокола и ждал, как и Симон, как и Анрио, как все присутствующие, когда же закончится беседа между Фукье-Тэнвиллем и Лорэном. Только сам ребенок, хотя в этой сцене он был главным действующим лицом, держал себя совершенно безучастно. Его взгляд, зажегшийся на мгновение после слов Лорэна, опять потускнел.

— Тишина! — предупредил Анрио. — Сейчас гражданин Фукье-Тэнвилль начнет допрос ребенка.

— Капет, — спросил обвинитель, — ты знаешь, что стало с твоей матерью?

Мраморно белое лицо маленького Людовика залилось краской. Но ответа не последовало.

— Ты слышал меня, Капет? — повторил обвинитель.

То же молчание.

— О, он прекрасно слышит, — вмешался Симон. — Он молчит, как обезьяна, из страха, чтобы ее не приняли за человека и не заставили работать.

— Отвечай, Капет, — проговорил Анрио. — Тебя допрашивает комиссия Конвента. Ты должен подчиниться законам.

Ребенок побледнел, но ничего не ответил.

Симон яростно махнул рукой. У глупых низменных натур ярость проявляется такими же отвратительными признаками, как и опьянение. — Ты заговоришь, волчонок? — завопил он, грозя ребенку кулаком.

— Замолчи, Симон, — прервал Фукье-Тэнвиль, — тебе слово никто не давал.

Выражение, которое он привычно употреблял в революционном трибунале, вырвалось само по себе.

— Ты понял, Симон, — подхватил Лорэн, — тебе не давали слова. Вторично слышу, как тебя останавливают. В первый раз это было, когда ты обвинял дочь Тизона и с удовольствием помог отрубить ей голову.

Симон замолчал.

— Мать любила тебя, Капет? — спросил Фукье.

И снова молчание.

— Говорят, что нет, — не сдавался обвинитель.

Нечто вроде смутной улыбки скользнуло по губам ребенка.

— Но ведь он мне говорил, — завопил Симон, — что она его слишком любила.

— Видишь, Симон, как это досадно, когда маленький Капет, такой разговорчивый наедине, перед всеми вдруг становится немым, — бросил Лорэн.

— Ох, если бы мы были одни! — проскрипел зубами Симон.

— Да, если бы вы были одни... Но, к счастью или к несчастью, вы не одни. Иначе ты, Симон, достойнейший патриот, тут же бы взгрел бедного ребенка. Не так ли? Но ты не один и не осмелишься, мерзкое существо, это сделать перед всеми нами. Перед честными людьми, помнящими, что наши предки, на которых мы стараемся быть похожими, уважали всех слабых. Не осмелишься, потому что ты не один, да и не храбрец ты, «достойный человек», способный драться только с малыми детьми.

— О! — прошипел Симон, вне себя от ярости.

— Капет, — спросил Фукье, — ты признавался в чем-нибудь Симону?

Взгляд ребенка был полон иронии, не поддающейся описанию.

— Говорил ли ты ему что-нибудь о своей матери? — добивался

обвинитель.

Теперь взгляд ребенка выражал презрение.

— Отвечай: да или нет, — воскликнул Анрио.

— Отвечай: «да»! — заорал Симон, замахиваясь колодкой на ребенка.

Ребенок вздрогнул, но даже не шевельнулся, чтобы уклониться от удара.

Присутствующие не смогли сдержать возгласов отвращения. Лорэн же бросился вперед и до того, как Симон успел опустить руку, схватил его за запястье.

— Оставь меня! — взревел Симон, становясь от бешенства пунцовым.

— Хорошо, — изменил подход Фукье. — В том, что мать любит свое дитя, нет ничего дурного. Но скажите-ка мне, Капет, каким именно образом твоя мама любила? Это может быть полезно для нее.

При мысли о том, что он может быть полезен для своей матери, юный узник вздрогнул.

— Она любила меня так, как мать любит своего сына, сударь, — сказал он. — И здесь не может быть никаких других способов ни для матерей, которые любят своих детей, ни для детей, которые любят свою мать.

— А я утверждаю, змееныш, я утверждаю, что ты мне говорил, как твоя мать...

— Тебе, наверное, приснилось, — спокойно перебил его Лорэн, — должно быть тебя мучали кошмары, Симон.

— Лорэн! Лорэн! — проскрежетал зубами Симон.

— Да, Лорэн, ну и что. Ты не можешь любить Лорэна, который всегда ставит на место людей, теряющих от злости честь и совесть. Но тебе и не донести на него за то, что он удержал твою руку. Произошло это перед генералом Анрио и гражданином Фукье-Тэнвиллем, а уж они далеки от «умеренных». Вот и получается, что даже нельзя донести, чтобы его гильотинировали, как Элоизу Тизон. Досадно, и даже очень досадно, но это так, бедный Симон!

— Ну, погоди! Ну, погоди! — с усмешкой гиены перебил Симон.

— Да, дорогой друг, — отозвался Лорэн, — но надеюсь, с помощью Разума!.. Ага, ты ожидал, что я скажу: с помощью Бога? Так вот, надеюсь, с помощью Разума и моей сабли, вывернуть твои внутренности. Но сейчас отойди, Симон, ты мешаешь мне смотреть.

— Разбойник!

— Замолчи, ты мешаешь мне слушать.

И взглядом Лорэн уничтожил Симона.

Симон сжал кулаки, черными разводами на которых он гордился. Но только этим ему и пришлось ограничиться.

— Теперь, когда ребенок заговорил, — предположил Анрио, — он, конечно, ответит и на другие вопросы. Продолжай, гражданин Фукье.

— Ты будешь дальше отвечать? — спросил Фукье.

Ребенок промолчал.

— Ты видишь, гражданин, ты видишь! — сказал Симон.

— Упорство ребенка удивительно, — сказал Анрио. невольно взволнованный этой настоящей королевской твердостью

— Ты получил плохой совет, — заметил Лорэн.

— От кого? — спросил Анрио.

— Да от его «хозяина».

— Ты меня обвиняешь? — воскликнул Симон. — Ты на меня доносишь?.. Ах так, это занятно...

— Постараемся воздействовать на него добротой, — сказал Фукье.

Повернувшись к ребенку, который сидел с совершенно безучастным видом, он посоветовал:

— Ну, дитя мое, отвечайте национальной комиссии, не усугубляйте свое положение, отказываясь от полезных объяснений. Вы говорили гражданину Симону о материнских ласках, каким образом и в чем именно выражались эти ласки, как она любила вас?

Людовик обвел всех взглядом, который задержался на Симоне и наполнился ненавистью, но по-прежнему молчал.

— Вы считаете себя несчастным? — спросил обвинитель. — Вы живете в плохих условиях, вас плохо кормят, с вами плохо обращаются? Вам бы хотелось больше свободы, больше всего того, к чему вы привыкли, другую тюрьму, другого охранника? Вы хотите лошадь для прогулок? Вам нужно общество детей, ваших сверстников?

Людовик хранил глубокое молчание, которое он нарушил только однажды, чтобы защитить свою мать.

Комиссия застыла в безмолвном удивлении: столько твердости, столько ума проявил этот ребенок. Даже не верилось.

— Да, эти короли, — тихо сказал Анрио, — особая порода. Они, как тигры, даже маленькие горды и злы.

— Что записать в протокол? — спросил секретарь, попавший в затруднительное положение.

— Нужно поручить это Симону, — не удержался Лорэн. — Писать нечего, будем считать, что он прекрасно сделал свое дело.

Симон погрозил кулаком своему неумолимому врагу.

Лорэн рассмеялся.

— Ты не станешь так смеяться в тот день, когда сыграешь в ящик, — задохнулся от ярости Симон.

— Не знаю, опережу ли я тебя или последую за тобой в этой церемонии, которой ты пугаешь меня, — отозвался Лорэн, — Но знаю точно: когда придет твоя очередь, то многие будут радоваться. Боги!.. Я сказал «боги» во множественном числе... Боги! Как ты будешь безобразен в последний день, Симон. Как ты будешь отвратителен.

И Лорэн, откровенно рассмеявшись, отошел и стал позади других членов комиссии.

Комиссии ничего не оставалось делать, как удалиться.

Что касается ребенка, то, избавившись от допрашивающих, он принялся напевать меланхолический припев любимой песни своего отца...

Глава XI

Букет фиалок

Как и следовало ожидать, покой не мог долго царить в той счастливой обители, где скрывались Женестьева с Морисом. Ведь во время урагана гнездо голубков сотрясается вместе с деревом, на котором оно свито.

Женестьева опасалась всего на свете. Теперь она боялась не столько за Мезон-Ружа, сколько за Мориса. Она довольно хорошо знала своего мужа и была уверена в том, что, исчезнув, Диксмер сумел спастись. Убежденная в том, что он спасен, она стала беспокоиться за себя. Она не осмелилась бы доверить свои печали и самому скромному человеку, но все ее печали выдавали покрасневшие глаза и побледневшие губы.

Однажды Морис вошел так тихо, что, погруженная в глубокую задумчивость, Женестьева не услышала его. Остановившись на пороге, он увидел ее, сидящую неподвижно. Взгляд Женестьевы был устремлен в одну точку. Руки безжизненно лежали на коленях, а голова в задумчивости склонена на грудь. Некоторое время он смотрел на нее с глубокой грустью. И все, что происходило в сердце молодой женщины, вдруг стало понятно ему, словно он прочитал ее мысли.

Он шагнул к ней.

— Вы не любите больше Францию, Женестьева, — сказал Морис, — признайтесь мне в этом. Вы готовы бежать даже от воздуха, которым здесь дышат, даже к окну вы подходите с отвращением.

— Увы, я хорошо знаю, что не умею скрывать свои мысли, — призналась Женестьева. — Вы правильно поняли, Морис.

— И все-таки это прекрасная страна! — произнес молодой человек. — И жизнь в ней сегодня обжигающая, как огонь. Это — горящая активность трибун, клубы, заговоры. Они придают особую прелесть даже часам домашнего досуга. И любят сейчас так горячо, как будто боятся, что в последний раз, что до завтра уже можно не дожить.

Женестьева согласно кивнула головой.

— Страна, недостойная того, чтобы ей служить! — прервала она.

— Почему?

— Да потому, что даже вас, который так много сделал для се свободы, даже вас подозревают.

— Но вы, дорогая Женестьева, — возразил Морис, глядя на нее затуманенным любящим взором, — вы — заклятый враг этой свободы.

Вы — кто так много сделал для того, чтобы ее уничтожить, вы спокойно спите под крышей республиканца. Так что, согласитесь, все-таки какая-то компенсация есть.

— Да, — ответила Женестьева, — да. Но это же не бесконечно. Не может долго длиться то, что несправедливо.

— Что вы хотите сказать?

— Хочу сказать, что я — аристократка, я, которая тайно грезит о поражении вашей партии и ваших идей. Я, которая готова участвовать в заговорах за возвращение прежнего режима даже в вашем доме, своим присутствием приговаривающая вас к смерти и позору, согласно вашим воззрениям, по крайней мере, Морис, я не останусь здесь как злой дух этого дома. Я не поведу вас на эшафот.

— Куда же вы пойдете, Женестьева?

— Куда пойду? Однажды, когда вас не будет, Морис, я пойду и донесу сама на себя, не сказав, откуда я пришла.

— О! — воскликнул пораженный до глубины души Морис. — Такая неблагодарность!

— Нет, — ответила молодая женщина, обвивая руками его шею, — нет, друг мой, все это только от любви, от самой преданной любви, клянусь вам. Я не хотела, чтобы моего брата схватили и убили, как мятежника. И я не хочу, чтобы мой возлюбленный был схвачен и казнен, как предатель.

— Вы решитесь на такое, Женестьева? — спросил Морис.

— Это такая же правда, как то, что Бог есть на небе! — ответила молодая женщина. — Впрочем, это от страха: меня мучают угрызения совести.

Она наклонила голову, словно под тяжестью этих угрызений.

— О! Женестьева! — произнес Морис.

— Вы хорошо понимаете то, о чем я говорю и особенно то, что я при этом испытываю, Морис, — продолжала она, — потому что и сама испытываю те же угрызения. Вы же сознаете, что я отдалась вам, но я вам не принадлежу. Вы овладели мной, но я не имела права отдать вам себя.

— Довольно! — прервал Морис. — Довольно!

Его лоб наморщился, мрачное решение блеснуло в его таких чистых глазах.

— Я вам докажу, Женестьева, — продолжил молодой человек, — что люблю только вас. Я докажу вам, что моя любовь превыше всего. Вы ненавидите Францию, хорошо, пусть так, мы покинем ее.

Женестьева, прижав руки к груди, смотрела на него восторженно и восхищенно.

— Вы не обманываете меня? — прошептала она.

— Когда это я обманывал вас? — спросил Морис. — Разве в тот день, когда опозорил себя, чтобы завоевать вас?

Женевьева горячо поцеловала Мориса, крепко обняв возлюбленного.

— Да, Морис, ты прав, — согласилась она. — Это я обманывала себя. То, что я испытываю, это больше, чем угрызение совести, может быть это перерождение моей души. Но ты, по крайней мере, ты ее понимаешь, и я слишком люблю тебя, чтобы испытывать любое иное чувство, кроме боязни потерять тебя. Давай уедем далеко, друг мой, уедем туда, где никто не сможет нас настичь.

— О! Благодарю! — произнес вне себя от радости Морис.

— Но как бежать? — Женевьева вздрогнула от этой ужасной мысли. — Сегодня нелегко убежать от кинжала убийц 2 сентября или от топора палачей 21 января.

— Женевьева! — сказал Морис. — Бог защитит нас, поверь. Тогда, 2 сентября, о котором ты говоришь, я пытался сделать благое дело, и за него мне воздастся сегодня. Я хотел спасти одного бедного священника, с которым вместе учился. Ходил к Дантону, и по его просьбе Комитет общественного спасения выписал паспорт для выезда этому несчастному и его сестре. Паспорт Дантон вручил мне. Но гонимый священник вместо того, чтобы прийти за ним, как я ему говорил, заперся в Карме, там и умер.

— А паспорт? — вырвалось у Женевьевы.

— По-прежнему, у меня. Сегодня он стоит миллион и даже больше миллиона, Женевьева, — он стоит жизни, стоит счастья!

— О! Боже мой! Боже мой! — воскликнула молодая женщина, — да благословит вас Всевышний!

— Все мое состояние, — продолжал Морис, — поместье. Ты это знаешь. Управляет им старый слуга нашей семьи, истинный патриот, добрая душа, которой мы можем довериться. Он будет посылать мне деньги от доходов туда, куда я захочу. По дороге в Булонь мы заедем к нему.

— А где он живет?

— Недалеко от Аббевиля.

— Когда мы поедем, Морис?

— Через час.

— Никто не должен знать, что мы уезжаем.

— Никто и не будет об этом знать. Я побегу к Лорэну: у него есть кабриолет без лошади, а у меня есть лошадь без экипажа. Мы уедем тотчас, как я вернусь. Ты же пока, Женевьева, подготовь все к отъезду. Не собирай много вещей: все, что нам будет нужно, мы купим заново в Англии. Сейчас

я дам поручение Сцеволе и он уйдет. Вечером Лор все ему объяснит, а мы к этому времени будем уже далеко.

— Нас не задержат по дороге?

— А разве у нас нет паспорта? Мы поедем к Юберу, так зовут управляющего, Юбер — член муниципалитета Аббевиля. От Аббевиля до Булони он будет нас сопровождать и охранять, в Булони мы купим или наймем барку. Кстати, я могу сходить в Комитет, чтобы мне дали поручение в Аббевиль. Только не

надо никакого обмана, правда, Женевьева? Будем стремиться к нашему счастью, рискуя жизнью.

— Да, да, и удача будет сопутствовать нам. Но как ты сегодня благоухаешь, друг мой! — удивилась молодая женщина, пряча лицо на груди Мориса.

— Забыл совсем. Сегодня утром у дворца Эгалите я купил тебе букет фиалок. Но, войдя сюда и увидев, как ты грустна, я мог думать только о том, как выяснить причину твоей грусти.

— О! Дай же мне его.

Женевьева вдохнула аромат цветов с тем фанатизмом, который нервные натуры почти всегда проявляют к запахам.

И вдруг ее глаза наполнились слезами.

— Что с тобой? — спросил Морис.

— Бедная Элоиза! — прошептала Женевьева.

— Да, — со вздохом произнес Морис. — Но давай думать о нас, милая. Оставим мертвых поживать в тех могилах, которые своим самопожертвованием они уготовили сами себе. Прощай! Я уезжаю.

— Возвращайся скорее.

— Не дольше, чем через полчаса я вновь буду здесь.

— А если не застанешь Лорэна?

— Неважно! Его слуга меня знает. И я могу взять у него все, что мне нравится даже в его отсутствие. Точно так же, как и он у меня.

— Удачи тебе.

— Ты же, моя Женевьева, приготовь все, но ограничься самым необходимым. Нам совсем не нужно, чтобы отъезд выглядел, как переезд.

— Не волнуйся, все поняла.

Молодой человек шагнул к двери.

— Морис! — позвала Женевьева.

Он обернулся и увидел, что молодая женщина протянула к нему руки.

— До свидания, до свидания, любовь моя, и мужайся! — сказал он. — Через полчаса я вернусь.

Женевьева осталась одна и, как мы знаем, должна была подготовиться к отъезду.

Собиралась она как в лихорадке. Оставшись в Париже, Женевьева испытывала двойную вину. Ей казалось, за пределами Франции, за границей ее преступление, которое скорее было стечением роковых обстоятельств, будет менее тягостно. Она даже надеялась, что в одиночестве и изоляции забудет о том, что существуют другие мужчины, кроме Мориса.

Было решено бежать в Англию. Они поселятся в маленьком домике, вдали от всех, одни, скрывшись от посторонних глаз, сменят фамилии — из своих двух сделают одну.

Там они найдут двух слуг, ничего не знающих об их прошлом. К счастью, так сложилась жизнь, что и Морис, и Женевьева говорили по-английски. Ни она, ни он ничего не оставляли во Франции, о чем можно было бы сожалеть. Кроме той матери, о которой сожалеют всегда, хотя иногда она бывает и мачехой, и которая называется родиной...

Женевьева собирала вещи, необходимые для их путешествия, точнее — бегства. Она испытывала удовольствие от того, что среди всего многого выбирала наиболее любимое Морисом: костюм, подчеркивающий его фигуру, галстук, который лучше всего оттенял цвет лица, книги, которые он чаще всего перелистывал.

Не спеша она отобрала то, что хотела взять с собой, оставалось заполнить сундуки. В ожидании их Женевьева разложила все — одежду, белье, книги — на стульях, канопе и пианино.

Неожиданно донесся звук поворачиваемого в замочной скважине ключа.

— Ну, вот и хорошо, — подумала она, — вернулся Сцевола. Но разве Морис не встретил его?

И Женевьева продолжала возиться с вещами.

Сквозь раскрытые двери салона она слышала, как кто-то ходит в прихожей.

Она держала ноты и искала веревку, чтобы перевязать их.

— Сцевола! — позвала молодая женщина.

Шаги в соседней комнате приблизились.

— Сцевола! — повторила Женевьева. — Войдите, прошу вас.

— Я здесь! — раздался чей-то голос.

Услышав его, Женевьева стремительно повернулась и в ужасе вскрикнула.

— Мой муж!

— Он самый, — спокойно ответил Диксмер.

Женевьева стояла на стуле, подняв руки в поисках какой-либо веревочки в шкафу. Тут же у нее закружилась голова. Она протянула руки и чуть не опрокинулась назад, желая найти под ногами пропасть и броситься в нее.

Диксмер подхватил ее, донес до канапе, усадил.

— Что это с вами, дорогая моя? — спросил он. — Неужели мой приход произвел на вас столь неприятное впечатление?

— Я умираю, — откинувшись, пробормотала Женевьева, закрыв лицо руками, чтобы не видеть это ужасное привидение.

— Наверное, вы уже считали меня усопшим, не так ли, дорогая моя? И теперь я кажусь вам фантомом?

Женевьева обвела все вокруг блуждающим взглядом, и заметив портрет Мориса, соскользнула с канапе, упала на колени, как бы прося поддержки у этого застывшего, бессильно улыбающегося лица.

Бедная женщина ощущала весь тот гнев, который скрывал Диксмер за показным равнодушием.

— Да, мое дорогое дитя, издевался кожевенник, — это я Возможно вы считали, что я уже довольно далеко от Парижа, но нет — я остался здесь. Я вернулся через сутки и увидел на месте оставленного дома кучу пепла. Принялся расспрашивать о вас — бесполезно, никто ничего не знал о вас. Тогда я начал розыск — и найти вас стоило большого труда. Конечно, не ожидал встретить вас здесь. Но, признаюсь, кое-какие подозрения у меня были, поэтому я здесь и нашел вас. Как себя чувствует Морис? Вы, уверен, очень сильно страдали. Вы, такая преданная роялистка, вынуждены жить под одной крышей со столь фанатичным республиканцем.

— Боже мой! — прошептала Женевьева. — Боже мой! Сжальтесь надо мной!

— Хотя, — продолжал Диксмер, оглядываясь, — меня успокаивает, дорогая моя, то, что вы здесь неплохо устроились и не выглядите сильно пострадавшей от такой ссылки. Я же после пожара в нашем доме и нашего разорения бродил наугад по городу, жил в подвалах, в лодках, а какое-то время — даже в клоаках, примыкающих к Сене.

— Сударь! — произнесла Женевьева.

— У вас здесь прекрасные фрукты, а я же часто должен был оставаться без десерта, поскольку вообще не имел возможности пообедать.

Женевьева, рыдая, закрыла лицо руками.

— И, поверьте, не потому, что у меня не было денег. Слава Богу, я унес с собой тридцать тысяч франков золотом, что сегодня равняется пятистам

тысячам франков. Но как может угольщик, рыбак или старьевщик вытащить из кармана луидор и купить кусок сыра или сосиску! Ах, Боже мой, сударыня, я по очереди переодевался в этих людей. Сегодня, чтобы как можно лучше изменить свой облик, я стал патриотом, рьяным патриотом, марсельцем. Яgrossирую и ругаюсь. Черт возьми! Изгнаннику в Париже не так легко, как молодой и красивой женщине. Я не имею счастья знать преданную патриотку, которая скрывала бы меня от посторонних глаз.

— Сударь, сударь! — взмолилась Женевьева. — Сжальтесь надо мной! Вы ведь прекрасно видите, что я умираю...

— Я объясняю ваше состояние тревогой. Вы ведь очень волновались за меня. Но успокойтесь, я здесь, я вернулся, и мы больше не расстанемся с вами, сударыня.

— Сейчас вы убьете меня! — воскликнула Женевьева.

Диксмер взглянул на нее с ужасающей улыбкой.

— Убить невинную женщину! О! Сударыня, о чем вы говорите? Неужели печаль, терзающая вас из-за моего отсутствия в такой мере помutilа ваш разум?

— Сударь, — вновь взмолилась Женевьева, — сударь, я умоляю вас: лучше убейте меня, чем мучить такими жестокими насмешками. Да, я виновна, да, я преступница, да, я заслуживаю смерти. Убейте меня, сударь, убейте!..

— Значит, вы признаете, что заслуживаете смерти?

— Да, да.

— И, чтобы искупить свое не знаю уж какое преступление, в котором вы себя обвиняете, примете эту смерть без сожаления?

— Ударьте, сударь, я не издам ни звука. Вместо того, чтобы проклинать, я благословлю ту руку, которая меня убьет.

— Нет, сударыня, я не хочу убивать вас, хотя, вероятно, вы умрете. Только ваша смерть будет не позорной и бесславной, а вы не можете не опасаться этого, она войдет в историю как одна из самых благородных смертей. Благодарите меня, сударыня, я накажу вас бессмертием.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Вы будете по-прежнему идти к той цели, к которой мы стремились все, пока нас не сбили с дороги. Для вас и для меня вы падете виновной, а для всех же остальных вы умрете мученицей.

— О! Боже мой! Если вы и дальше будете говорить такими загадками, то сведете меня с ума. Во что вы вовлекаете, куда поведете меня?

— Возможно, к смерти.

— Позвольте мне помолиться.

— Помолиться?

— Да.

— За кого же?

— Какое это имеет для вас значение? С того момента, когда вы убьете меня, я уплачу свой долг. Но если я его заплачу, то больше ничего не буду вам должна.

— Да, это так, — согласился Диксмер, удаляясь в соседнюю комнату. — Я жду вас.

Женевьева встала на колени перед портретом Мориса, прижав руки к готовому разорваться сердцу.

— Морис, — тихо произнесла она, — прости меня. Я и не ожидала, что буду так счастлива, я лишь надеялась сделать счастливым тебя! Морис, я уношу от тебя счастье, составляющее твою жизнь. Прости мне свою смерть, мой возлюбленный!

Отрезав прядь длинных волос, она обвязала ею букет фиалок и положила его у портрета. Лицо на бесчувственном немом холсте с печалью следило за ее уходом. По крайней мере, так сквозь слезы в глазах показалось Женевьеве.

— Вы готовы, наконец, сударыня? — спросил Диксмер.

— Да! — прошептала молодая женщина.

— Впрочем, не торопитесь, сударыня!.. — отозвался Диксмер. — Я не спешу. Наверное, скоро вернется Морис и я буду рад выразить ему благодарность за оказанное вам гостеприимство.

Женевьева вздрогнула от ужаса, представив встречу мужа и любовника.

Она стремительно поднялась.

— Все кончено, сударь, — сказала она. — Я готова!

Диксмер пошел первым. Дрожащая Женевьева проследовала за ним, полуприкрыв глаза и откинув назад голову. Они сели в фиакр, который ожидал их у входа и экипаж тронулся.

Как сказала Женевьева, все было кончено.

Глава XII

Кабачок «Пюи-де-Ноз»

Тот самый человек в карманьолке, с которым мы познакомились тогда, когда он измерял шагами Зал Потерянных шагов, и которого мы слышали там во время обхода архитектора Жиро, генерала Анрио и папаши Ришара, точнее, слышали, как он обменялся несколькими репликами с тюремщиком, охранявшим вход в подземелье, тот самый рьяный патриот с густыми усами и в медвежьей шапке, хвалившийся Симону тем, что нес голову принцессы Ламбаль, на следующий вечер после нашего знакомства ровно к семи часам находился в кабачке «Пюи-де-Ноз».

Кабачок был расположен на углу улицы Вьей-Драпери и принадлежал торговцу, точнее торговке вином.

Патриот сидел в глубине зала, закопченного табаком и свечами, притворяясь, что наслаждается рыбой, пожаренной в прогорклом масле. К чести кабачка следует признать, что столы, покрытые красноватыми, вернее фиолетовыми скатертями, могли приютить немало посетителей. Но на этот раз зал пустовал. Только два или три завсегдатая, пользующиеся здесь привилегиями, проводили свой очередной вечер. Да и те исчезли друг за другом и без четверти восемь патриот остался в одиночестве. И тогда он с отвращением аристократа отодвинул грубое блюдо, которое, казалось, еще минуту назад доставляло ему удовольствие, достал из кармана плитку испанского шоколада и принялся медленно поглощать его уже с подлинным наслаждением без всякого притворства.

Время от времени, хрустя испанским шоколадом и черным хлебом, он бросал взгляды, полные тревожного нетерпения, на застекленную дверь, завешенную клетчатой красно-белой занавеской. Иногда он прислушивался и прекращал свою трапезу с рассеянностью, заставляющей задуматься хозяйку. Она сидела за прилавком недалеко от двери, на которую патриот так часто устремлял взгляды, и женщине, даже не обладающей особым тщеславием, могло показаться, что именно она вызывает у него такой интерес.

Наконец, колокольчик входной двери прозвенел и его звук заставил вздрогнуть нашего патриота. Он вновь принялся за рыбу, но украдкой, чтобы хозяйка не заметила, половину куска он кинул собаке, смотрящей на него голодными глазами, а вторую — коту, набрасывающемуся на пса с частыми и опасными ударами когтистых лап.

Дверь с занавеской в красно-белую клетку открылась, вошел человек, одетый почти так же, как патриот, только вместо медвежьей шапки на нем был красный колпак. На поясе вошедшего висела огромная связка ключей и в дополнение к ним — широкая сабля в кожаных ножнах.

— Мой суп! Мою бутылку! — крикнул он, входя в общий зал, даже не прикоснувшись к своему красному колпаку, довольствуясь тем, что кивнул хозяйке кабачка. Потом со вздохом усталости расположился за столом, рядом с тем, за которым ужинал наш патриот.

Хозяйка из-за давней почтительности, которую она питала к вошедшему, поднялась и сама пошла заказывать то, что он потребовал.

Мужчины сидели, повернувшись спиной друг к другу: один из них смотрел на улицу, другой — в глубину зала. Они не обменялись ни единым словом до тех пор, пока хозяйка не исчезла.

Когда за ней захлопнулась дверь, при свете единственной свечи, установленной на конце железного прута и дававшей достаточно света обоим посетителям, человек в медвежьей шапке увидел в стоящем перед ним зеркале, что комната абсолютно пуста.

— Добрый вечер, — произнес он, не поворачиваясь, своему соседу.

— Добрый вечер, — ответил тот.

— Итак, — продолжил патриот с тем же подчеркнутым безразличием, — как наши дела?

— Все кончено.

— Что именно?

— Как мы и условились, я нашел повод поговорить о службе с папашей Ришаром. Пожаловался на слабость слуха, на обмороки и даже упал в обморок прямо в канцелярии суда.

— Очень хорошо, и что дальше?

— А дальше папаша Ришар позвал свою жену, и она потерла мне виски уксусом, что и привело меня в чувство.

— Потом, как мы и решили, я пожаловался на то, что недостаток воздуха вызывает у меня обмороки и что напряженная

служба в Консьержери, где сейчас содержатся четыреста заключенных, меня убивает.

— И что ответили они?

— Мамаша Ришар меня пожалела.

— А папаша Ришар?

— Выставил меня за дверь.

— Но того, что он выставил тебя, еще недостаточно.

— Подождите. Мамаша Ришар, очень добрая женщина, тут же

упрекнула его в бессердечии. Она знала, что я — отец семейства.

— И что он ответил?

— Сказал, что она права. Но что первое непреложное условие для тюремного служащего — это оставаться в тюрьме, с которой он связан. Республика не лечит, а отрубает головы тем, у кого во время исполнения служебных обязанностей случаются обмороки.

— Черт возьми! — выругался патриот.

— И он, этот папаша Ришар, прав. С тех пор, как в тюрьме австриячка, для надзирателей начался суший ад: готовы подозревать даже родного отца.

Патриот позволил собаке, которую укусил кот, вылизать свою тарелку.

— Заканчивайте, — потребовал он, не поворачиваясь.

— Тут я опять застонал, словно почувствовал себя очень плохо. Попросил прислать врача и стал уверять, что мои дети умрут с голоду, если меня уничтожит моя страна.

— А папаша Ришар?

— Папаша Ришар сказал мне, что тюремным служащим не следует заводить детей.

— Но оставалась еще и мамаша Ришар?

— К счастью! Она закатила сцену мужу, упрекала его в жестокости. Папаше Ришару ничего не оставалось, как проявить доброту своего сердца. Он сказал мне: «Ну хорошо, гражданин Гракх, договоритесь с кем-нибудь из своих друзей о помощи. Согласен: представь мне того, кто будет тебя замещать». Я вышел, пообещав: «Хорошо, папаша Ришар, я сейчас поищу...»

— И ты нашел, «мой удалец»?

В этот момент появилась хозяйка. Она принесла гражданину Гракху его суп и бутылку.

И Гракх, и патриот тут же притворились равнодушными, не интересующимися друг другом.

— Гражданка, — сказал служитель, — я получил небольшое вознаграждение от папаши Ришара. Поэтому позволю сегодня свиную котлету с корнионами и бутылку бургундского. Отправь служанку к мяснику, а сама сходи в подвал.

Тут же служанка вышла через входную дверь, а сама хозяйка спустилась в подвал.

— Молодец, — заметил патриот, — ты толковый парень.

— Такой толковый, что не прячусь, несмотря на ваши прекрасные обещания, чем бы они не обернулись для нас обоих. Вы предполагаете, чем это закончится?

— Да, конечно.
— Мы оба рискуем головами.
— Не беспокойся о моей.
— Признаюсь вам, сударь, что не ваша голова служит причиной моего живого беспокойства.
— Твоя?
— Конечно.
— Думаю, что это не самая большая потеря...
— Эх, сударь, голова — это драгоценная вещь.
— Но не твоя.
— Как? Не моя?
— По меньшей мере не сейчас.
— Что вы хотите сказать?
— Я хочу сказать, что твоя голова не стоит и ломаного гроша. Если бы я, к примеру, был агентом Комитета общественного спасения, то тебя уже завтра бы гильотинировали.

Служитель так быстро повернулся, что на него залаяла собака.

Он был смертельно бледен.

— Не поворачивайся и не бледней, — произнес патриот. — Спокойно доедай свой суп: я не агент-provokator, я — друг. Сделай так, чтобы я попал в Консьержери, устрой меня на свое место, дай ключи и завтра я отсчитаю тебе пятьдесят тысяч ливров золотом.

— Правда?

— У тебя же прекрасный залог — моя голова.

Служитель задумался на некоторое время.

— Ну, — подтолкнул патриот, наблюдая в зеркало за своим собеседником, — не делай глупых выводов. Если ты донесешь на меня, то лишь выполнишь свой долг. Республика за это не даст тебе даже одного су. Если ты будешь служить мне, то есть, забудешь о своем долге, и поскольку в этом мире несправедливо делать что-нибудь задаром, я дам тебе пятьдесят тысяч ливров.

— Все хорошо понимаю, — ответил служитель, — я останусь в выигрыше, если сделаю то, что вы просите; но я опасаюсь последствий...

— Последствий!.. Чего ты боишься? Я ведь на тебя не донесу.

— Не сомневаюсь.

— На следующий день после того, как я устроюсь, ты придешь и сделаешь в Консьержери обход. Я дам тебе двадцать пять свитков, в каждом из них будет по две тысячи франков.

Эти двадцать пять свитков разместятся в твоих карманах. Вместе с

деньгами я дам тебе карту, с помощью которой ты покинешь Францию. Ты уедешь, и всюду, куда бы ты не поехал, кроме того, что ты богат, ты по меньшей мере будешь независим.

— Хорошо, сударь, договорились, будь что будет. Я ведь бедняк; я не вмешиваюсь в политику. Франция всегда прекрасно обходилась без меня и в дальнейшем не пропадет. Но если вы сделаете дурное дело, то тем хуже для вас.

— Во всяком случае, — ответил патриот, — я не сделаю ваше положение хуже, чем оно сейчас.

— Сударь позволит мне не судить о политике национального Конвента?

— Ты великолепен в философии и беззаботности. А теперь скажи, когда ты представишь меня папаше Ришару?

— Если хотите, сегодня вечером.

— Да, конечно. И кем я буду?

— Моим кузеном Мардошем.

— Мардошем, так Мардошем. Имя мне нравится. И какого сословия?

— Брючный мастер.

— От брючника до кожевенника рукой подать.

— А вы что, кожевенник?

— Я мог бы им быть.

— Понятно.

— В котором часу ты представишь меня?

— Через полчаса, если хотите.

— Тогда в девять.

— Когда я получу деньги.

— Завтра.

— Стало быть, вы ужасно богаты?

— Я ни в чем не нуждаюсь.

— Вы из бывших, не так ли?

— Какая разница?

— Иметь деньги и раздавать их, подвергаясь риску попасть на гильотину! Действительно, эти бывшие очень глупы!

— Чего же ты хочешь? У санкюлотов так много ума, что другим не осталось.

— Тсс! Вот мое вино.

— Встретимся напротив Консьержери.

— Да.

Патриот расплатился и вышел.

Из-за двери послышался его громовой голос:

— В чем дело, гражданка? Котлеты с корнишонами! Мой кузен умирает с голоду.

— Добрый Мардош! — отметил тюремщик, смакуя бургундское, которое ему только что налила нежно смотревшая на него кабатчица.

Глава XIII

Секретарь военного министерства

Покинув кабачок, патриот не ушел слишком далеко. Сквозь закопченные стекла он следил за служителем. Необходимо было убедиться: не свяжется ли тот с агентами республиканской полиции, одной из лучших во все времена. Потому что одна половина общества шпионила за другой не во имя правительства, а ради спасения собственной головы.

Но ничего опасного для патриота не произошло. За несколько минут до девяти, служитель поднялся, потрепал по подбородку кабатчицу и вышел. На набережной Консьержери патриот нагнал его и они вместе вошли в тюрьму.

Сделка состоялась в тот же вечер. Папаша Ришар согласился, чтобы Мардош занял место гражданина Гракха...

А за два часа до этого события, в помещении тюремного смотрителя, оно расположено в другой части тюрьмы,

разыгралась сценка, последствия которой имели немалое значение для главных действующих лиц этой истории. Устав

ший за день секретарь Консьержери сложил свои бумаги и уже намеревался уйти, как какой-то человек, сопровождаемый гражданкой Ришар вошел в его кабинет.

— Гражданин секретарь, — сказала она, — примите своего собрата из военного министерства. Он пришел от имени гражданина министра, чтобы восстановить имена военных, заключенных под стражу.

— Ах, гражданин, — расстроился секретарь, — вы несколько запоздали; я уже убрал все бумаги.

— Простите меня, дорогой собрат, — ответил вошедший, — но у нас так много работы, что мы можем ходить по другим делам только в то время, когда другие уже едят или спят.

— Ну, раз дело обстоит именно так, дорогой собрат, то поторопитесь. Уже время ужина, а я голоден. Покажите ваши документы.

— Вот они, — предъявил свои бумаги секретарь военного министерства, и его собрат, хотя и крайне спешивший, просмотрел их очень тщательно.

— Не беспокойтесь, с ними все в порядке, — заметила жена Ришара. — Мой муж уже познакомился с ними.

— Это не имеет значения, — возразил секретарь, продолжая читать

документы.

Секретарь военного министерства ждал терпеливо, как человек, привыкший к строгим формальностям.

— Прекрасно, — произнес секретарь Консьержери, — вы можете начинать работу в любое время. Вам потребуется много постановлений?

— Сотню.

— Это займет уйму времени.

— В таком случае, дорогой собрат, я устроюсь у вас. Если вы, конечно, позволите.

— Что вы имеете в виду? — не понял секретарь Консьержери.

— Это я расскажу во время ужина, на который сейчас приглашаю вас, ведь вы сами сказали, что голодны.

— И не намерен отрицать.

— Вот и хорошо, вы познакомитесь с моей женой, прекрасной хозяйкой, ближе узнаете меня, я — добрый малый.

— Честное слово, вы производите на меня именно такое впечатление, однако, дорогой собрат...

— Не спорьте, соглашайтесь запросто. Я куплю устриц на площади Шатэле, у нас есть цыпленок, взятый у торговца жареным мясом, и два или три блюда, которые мадам Дюран готовит в совершенстве.

— Вы меня соблазняете, дорогой собрат, — смутился секретарь Консьержери, ослепленный меню, к которому он не привык. Революционный трибунал платил ему два ливра ассигнациями, которые в действительности едва равнялись двум франкам.

— Значит, согласны?

— Согласен.

— В таком случае оставим работу до утра — и в путь.

— Отправляемся.

— Так что же вы?

— Одну минуту. Только позвольте мне предупредить жандармов, которые охраняют австриячку.

— Зачем вы их предупреждаете?

— Чтобы они знали, что я ушел. Предупрежденные о том, что секретарская комната пуста, они будут прислушиваться к малейшим звукам.

— Право, очень нужная мера предосторожности.

— И вы так считаете?

— Разумеется, идите.

Секретарь Консьержери вышел и постучал в окошко, которое открыл

один из охранников, предварительно спросив:

— Кто там?

— Секретарь, я ухожу. До свидания, гражданин Жильбер.

— До свидания, гражданин секретарь.

И окошко захлопнулось.

Секретарь военного министерства с пристальным вниманием следил за этой сценкой. И когда дверь камеры, в которой находилась королева, открылась, он успел осмотреть первое отделение. Его взгляд выхватил сидящего за столом жандарма Дюшена, и он еще раз убедился в том, что при королеве только два охранника. Но когда секретарь Консьержери вернулся, его собрат постарался придать своему лицу самое что ни на есть безразличное выражение.

При выходе из Консьержери они столкнулись с двумя мужчинами. Ими были гражданин Гракх и его кузен Мардош.

Кузен Мардош и секретарь военного министерства мгновенными движениями, которые, казалось, были вызваны одним и тем же чувством, при виде друг друга надвинули на глаза, один — медвежью шапку, другой — шляпу с широкими полями.

— Кто это? — поинтересовался секретарь военного министерства.

— Я знаю только одного из них — тюремщика по имени Гракх.

— Значит, тюремщики все-таки выходят из Консьержери, — с подчеркнутым безразличием заметил военный секретарь.

— Для этого им отведено определенное время.

Разговор прервался. Новые друзья пересекли мост Шанж. На углу площади Шатэле секретарь военного министерства, как и обещал, купил корзинку с устрицами. Дальше они продолжили путь по набережной Жевр.

Жилище секретаря военного министерства оказалось весьма простым. Гражданин Дюран занимал три маленькие комнаты на Гревской площади в доме без привратника. Каждый жилец имел свой ключ от входной двери. Было условлено, что если у кого-то не оказывалось при себе ключа, то он стучал молотком в ворота один, два или три раза: в зависимости от этажа, на котором жил. И тот, кто ждал или кто слышал этот сигнал, спускался и открывал дверь.

У гражданина Дюрана ключ был в кармане, ему стучать не пришлось.

Секретарю из Дворца Правосудия очень понравилась жена секретаря военного министерства. Ею оказалась действительно очаровательная женщина. Выражение глубокой печали, застывшее на ее лице, вызывало интерес с первого взгляда. Замечено, для красивых женщин печаль является одним из самых неоспоримых средств соблазна; печаль делает

влюбленными всех без исключения мужчин. Даже секретарей, что бы там ни говорили, а секретари — тоже мужчины. А среди них даже самый жестокий эгоист, не говоря уже о человеке с чувствительным сердцем, всегда стремится утешить огорченную женщину, сменить белые розы бледного лица на розы, более приятные для глаз, как говорил гражданин Дора.

Оба секретаря поужинали с большим аппетитом. Только мадам Дюран почти ничего не ела. Разговор шел на разные темы.

Секретарь военного министерства расспрашивал своего собрата с любопытством, довольно странным для этого драматического времени, о порядках во Дворце в дни судебных приговоров, о средствах досмотра посторонних. Секретарь Дворца, очарованный тем, что его слушают с таким вниманием, отвечал с удовольствием. Он рассказывал о привычках тюремных смотрителей, о Фукье-Тэнвилле, о гражданине Симоне — главном актере трагедии, которая ежедневно разыгрывалась на площади Революции.

Позже и он попросил коллегу рассказать о военном министерстве.

— Ничего интересного, я осведомлен гораздо меньше, чем вы. Мое положение намного ниже вашего. Я — скорее помощник секретаря, — отговорился Дюран. — Я незаметный служащий, приносящий пользу своей работой людям, занимающим видное положение. Это обычное явление любой бюрократии, даже революционной. Земля и небо, возможно, когда-нибудь изменятся, но канцелярии — никогда.

— Хорошо, я помогу вам, гражданин, — сказал секретарь Дворца, очарованный хорошим вином хозяина и особенно прекрасными глазами мадам Дюран.

— Благодарю, — ответил тот, кому было сделано это благосклонное предложение. — Любое разнообразие в работе — развлечение для бедного служащего. Мне, конечно, хочется поскорее закончить дела в Консьержери и не беспокоиться по поводу того, что они затягиваются. Если бы еще я мог приводить в канцелярию мадам Дюран, которая так скучает здесь.

— Не возражаю, — ответил секретарь Дворца, очарованный приятным развлечением, которое обещал его собрат.

— Она бы диктовала мне списки, — продолжил гражданин Дюран. — Ну, а время от времени, если вы нашли этот ужин не слишком плохим, вы бы приходили к нам сюда.

— Да, но не слишком часто, — самодовольно согласился секретарь Дворца. — Должен вам признаться, что меня будут бранить, если я стану возвращаться позднее обычного в один из домов на улице Пети-Мюск.

— Это устраивает и меня как нельзя лучше, — сказал Дюран, — не правда ли, дорогая?

Мадам Дюран, очень бледная и все такая же печальная, подняла на мужа глаза и ответила:

— Как вам будет угодно.

Пробило одиннадцать, пора было уходить. Секретарь из Дворца поднялся и простился со своими новыми друзьями.-

Его радость по поводу нового знакомства и приятного ужина была неподдельной.

Гражданин Дюран проводил гостя до лестничной площадки. Вернувшись в комнату, бросил:

— Ну, Женевьева, пора спать.

Молодая женщина поднялась, не отвечая, взяла лампу и прошла в другую комнату.

Дюран, а вернее Диксмер, посмотрел, как она вышла, посидел минуту в задумчивости, нахмутив лоб, затем он прошел в свою комнату на противоположной стороне коридора.

Глава XIV

Две записки

этого вечера секретарь военного министерства приходил усердно трудиться к своему коллеге во Дворец. Мадам Дюран делала выписки из документов, подготовленных заранее, а Дюран старательно их переписывал.

Дюран украдкой стремился рассмотреть все вокруг. Он заметил, как ежедневно в девять вечера Ришар или его жена приносили корзину с провизией и ставили ее под дверь камеры королевы. И в тот момент, когда секретарь предупреждал охранника: «Я ухожу, гражданин», Жильбер или Дюшан выходили и забирали корзину для Марии-Антуанетты.

Три вечера подряд Дюран дольше обычного засиживался за делами. И все эти часы задержки корзинка простояла у двери — охранники брали продукты только после ухода секретаря, и четверть часа спустя они выставляли ее назад за дверь уже пустой.

На четвертый вечер, происходило это в начале октября, после того, как секретарь Дворца ушел, и Дюран, вернее Диксмер и его жена остались в комнате одни, он уронил перо и прислушался к тишине с таким вниманием, словно от этого зависела его жизнь. Затем быстро встал, подбежал на цыпочках к двери камеры, приподнял салфетку, прикрывающую корзинку, и воткнул в хлеб маленький серебряный футляр.

Так же неслышно, бледный и дрожащий от волнения, а оно проявляется даже у самых сильных натур, совершающих после длительной подготовки рискованный поступок, он вернулся на свое место, прижав одну руку ко лбу, другую — к сердцу.

Женевьева наблюдала за ним, но не произнесла ни единого слова. После того, как муж забрал ее от Мориса, она всегда ждала, чтобы он заговорил первым.

Однако на этот раз она нарушила молчание.

— Это будет сегодня вечером?

— Нет, завтра, — ответил Диксмер.

И снова встал, осмотрелся, тщательно прислушался, собрал списки и, подойдя к камере, постучал в дверь.

— В чем дело? — спросил Жильбер.

— Гражданин, — сказал Диксмер, — я ухожу.

— Хорошо, — ответил охранник из глубины камеры. — До свидания.

— До свидания, гражданин Жильбер.

Дюран услышал скрип засовов, понял, что охранник открыл дверь и вышел.

В коридоре, который вел из комнаты папаши Ришара во двор, он столкнулся с тюремщиком в медвежьей шапке и с тяжелой связкой ключей.

Диксмера охватил страх. Этот грубый человек, как и все из «го сословия, сейчас окликнет его, посмотрится и, возможно, узнает его. Он надвинул на лоб шляпу, а Женестьева спрятала лицо в воротник своего черного пальто.

Но он ошибся.

— О! Извините! — только и произнес тюремщик, хотя его слегка толкнул Диксмер.

Диксмер вздрогнул, услышав этот мягкий и вежливый голос. Но тюремщик торопился, проскользнул в коридор, открыл ведущую к папаше Ришару дверь и исчез. Диксмер и Женестьева продолжили свой путь.

— Странно, — сказал Диксмер, когда за ними закрылась дверь, и свежий воздух охладил его пылающее лицо.

— Да, очень странно, — прошептала Женестьева.

Оставшись наедине, супруги могли поделиться причинами своего удивления. Но Диксмер скрыл свои мысли, пытаясь успокоить себя тем, что он ошибся, саму встречу — галлюцинацией. Женестьева же ограничилась тем, что, сворачивая за угол на мост Шанж, бросила последний взгляд на темное здание Дворца, в котором видение, напоминающее призрак потерянного друга пробудило в ней столько воспоминаний, нежных и в то же время горьких.

Они пришли на Гревскую площадь, не обменявшись ни единым словом.

А в это время охранник Жильбер как всегда вышел и взял корзинку с провизией, предназначенной королеве. В ней были фрукты, холодный цыпленок, бутылка белого вина, графин с водой и половина хлеба. Жильбер поднял салфетку, осмотрел обычный набор продуктов в корзинке, разложенных гражданкой Ришар. Отодвинув ширму, громко объявил:

— Гражданка, ваш ужин.

Мария-Антуанетта разломила хлеб. Едва ее пальцы прикоснулись к нему, она почувствовала холод серебра и поняла, что на этот раз в хлебе что-то спрятано.

Она оглянулась: охранник уже вышел.

Какое-то время королева сидела неподвижно, в ожидании, когда охранник отойдет как можно дальше. И, убедившись в том, что он сел

рядом с товарищем, она вытащила футлярчик из хлеба. В нем была записка. Развернув ее, королева прочитала:

«Сударыня, будьте готовы к тому, что завтра в то же самое время, когда вы получите эту записку, в то же самое время, в камеру Вашего Величества войдет женщина. Она переоденется в вашу одежду, а вам отдаст свою. Потом вы выйдете из Консьержери под руку с одним из самых преданных ваших слуг.

Не беспокойтесь из-за шума, который произойдет в первой комнате. Не обращайтесь ни на крики, ни на стоны, только поторопитесь быстрее переодеться в платье и пальто той женщины, которая должна остаться вместо Вашего Величества».-

— Какая преданность, — прошептала королева. — Благодарю тебя, Господи! Значит не все меня, как о том говорили, проклинают.

Она перечитала записку. Второй абзац поразил ее. «Не обращайтесь ни на крики, ни на стоны», — прошептала она. — О! Это значит, что моих охранников убьют, бедные люди! Они проявили ко мне столько участия... Никогда, никогда!»

Она оторвана чистую часть листочка и, поскольку у нее не было ни пера, ни карандаша, чтобы ответить незнакомому другу, который беспокоился за нее, она вытащила булавку из своего шейного платка и наколола на бумаге буквы, составившие слова:

*«Я не могу и не должна соглашаться на жертвоприношение
чьей-либо жизни в обмен на мою.*

М.-А.».

Она положила записку в футлярчик и воткнула его во вторую половинку разломанного хлеба.

Едва она управилась, пробило десять часов. Королева, продолжая держать в руке кусок хлеба, с грустью считала удары, падавшие медленно и ритмично. Неожиданно она услышала в одном из окон, выходящем в женский двор, резкий звук. Подобный звук издает стекло, разрезаемое алмазом. Потом кто-то легонько постучал в окно, раз, второй. Явно преднамеренным кашлем человек пытался заглушить стук. К ее удивлению в уголке окна появился сложенный клочок бумаги. Кому-то удалось просунуть его сквозь стекло. Тут же королева услышала бряцание ключей,

бьющиеся один о другой и удаляющиеся шаги

Она поняла, что в стекле прорезано отверстие и через него человек, чьи удаляющиеся шаги она слышала, передал ей записку. Бумажка валялась на полу. Королева отыскана ее глазами,

прислушиваясь, не приближается ли кто-нибудь из охранников. Но услышала, что они о чем-то тихо беседуют, как обычно, чтобы не докучать ей. Тогда она тихонько встала и шагнула, чтобы подобрать записку.

Тонкий и твердый, похожий на футляр предмет, выскользнул из нее и, упав на пол, издал металлический звон. Это было тончайшее лезвие, скорее похожее на украшение, чем на инструмент. Одно из тех стальных орудий, с помощью которого даже слабая и неловкая рука способна перерезать за четверть часа железо самой толстой решетки.

«Сударыня, — говорилось в записке, — завтра в половине десятого один человек придет поговорить через окно с жандармами, которые вас охраняют. За это время Ваше Величество подпилит третий прут решетки своего окна, считая слева направо... Пилите осторожно, Вашему Величеству должно хватить четверти часа. Потом будьте готовы выйти через окно... Это сообщение послал вам один из самых преданных ваших подданных, посвятивший жизнь Вашему Величеству, готовый с радостью отдать ее ради Вас».

— О! — прошептала королева. — Не западня ли это? Но нет, кажется, мне знаком этот почерк. Он тот же, таким была написана записка, полученная мною в Тампле. Так и быть. Возможно, Господь хочет, чтобы я бежала.

Королева упала на колени и предалась молитве, этому высшему утешенью заключенных.

Глава XV

Диксмер готовится

Наконец-то наступил этот роковой день, которому предшествовала бессонная ночь. Этот ужасный день, который без преувеличения можно назвать окрашенным в цвет крови.

В тот октябрь каждый, даже самый яркий солнечный день имел свои мертвенно-бледные пятна Королева плохо спала. Сон не дал ей отдыха: едва закрывала глаза, как ей чудилась кровь, крики.

Она уснула с лезвием в руках.

Большую часть дня она посвятила молитве. Тюремщики часто видели ее молящейся, поэтому не придали никакого значения этому приливу набожности.

Время от времени узница доставала спрятанное на груди лезвие, переданное теми, кто пытался ее спасти, и сравнивала изящество инструмента с толщиной решетки. К счастью, она была вмурована в стену только с одной стороны — нижней. Верхняя часть соединилась с поперечными прутьями. Если удастся

подпилить нижнюю часть, то достаточно будет потянуть за прутья, и решетка отойдет.

Но отнюдь не физические трудности останавливали королеву. Она прекрасно понимала, что задуманное — возможно. Но сама эта возможность превращала надежду в кровавое, слепящее глаза пламя. Пройти к ней ее друзья могли, только убив тех, кто ее охраняет. Но все в ней протестовало против такой цены — смерти единственных людей, проявлявших жалость и участие к ней в эти долгие дни заключения.

С другой стороны, за этими решетками, которые ей предстояло перепилить, за телами этих двух охранников, смерть которых прокладывала дорогу ее спасителям, были жизнь, свобода и, возможно, месть! Три таких ценности, особенно притягательных для женщины, просящей у Бога прощения за то, что она так страстно их желала. К тому же она сознавала: охранники ни о чем не подозревают, даже предполагать не могут о той западне, в которую их хотят заманить. Если, конечно, считать заговор западней.

Эти простые люди, по ее представлению, были бы просто преданы, а страдания не только научили ее переносить зло, но и предугадывать, предчувствовать его.

Королева больше не считала два неожиданных предложения о побеге ловушкой. Но по мере того, как крепла вера и исчезал страх быть схваченной в заранее расставленной западне, все с большим ужасом она думала о неизбежности крови и смерти невинных.

— Странная судьба, возвышенный спектакль! — прошептала она. — Двое заговорщиков объединяются для того, чтобы спасти бедную королеву, скорее — бедную женщину-узницу, ничего не предпринимающую для того, чтобы соблазнить или ободрить заговорщиков. И оба заговора намечены на один день, на один час. Кто знает! Может быть они — части одного целого. Может быть, этот двойной заговор и приведет к свободе. И если я захочу — буду спасена. Но бедная женщина заплатит за меня своей жизнью. И еще два охранника своей смертью предвелят мою смерть. Нет, Бог и будущее не простят меня. Невинные жертвы, безвинная кровь — чрезмерная цена. Невозможная цена.

И тут же ее мозг опровергал собственный вывод. Напоминал о многочисленных примерах самопожертвования слуг ради благополучия своих господ, об античных традициях и праве господ распоряжаться жизнью подданных, об уходящих призраках королевской власти.

— Анна Австрийская согласилась бы, — уговаривала она себя. — Анна Австрийская поставила бы превыше всего великий принцип спасения августейших особ.

Всю жизнь и во всем королева старалась равняться на Анну Австрийскую. И даже сейчас пыталась предугадать ее выбор в такой трагической ситуации. Хотя и другие мысли, горькое прозрение приходило к ней. Безумным было само ее согласие приехать во Францию с желанием править так, как правила Анна Австрийская. И все-таки она приехала и правила. Не потому, что сама этого хотела. Такова была воля родителей. Это они, два короля, решили, чтобы их дети, никогда не видевшие друг друга, не успевшие полюбить друг друга, соединились браком на одном алтаре, чтобы умереть потом на одном и том же эшафоте.

Как спорить с роком? Но разве моя смерть не повлечет за собой смерть бедного ребенка, который в глазах немногих моих друзей все еще является королем Франции?

В такой постоянно возрастающей тревоге, измученная своими страхами, лихорадкой сомнений королева дождалась вечера. Много раз она украдкой поглядывала на своих охранников и никогда еще, казалось ей, они не были столь спокойными. И мелкие знаки внимания, оказываемые ей этими грубоватыми мужчинами, особенно сильно поражали ее.

Когда в камере сгустились сумерки и прозвучали шаги часовых, а

бряцание оружия и ворчание собак уже эхом отдавались под сводами, когда, наконец, вся тюрьма проявила себя во всем своем ужасе и безнадежности, Мария-Антуанетта, покоренная слабостью, свойственной женской натуре, в ужасе поднялась.

— Я убегу, — шептала она, — Да, да, я убегу. Когда они придут, когда заговорят, я подпилю решетку. Я сделаю все, что Бог и мои освободители прикажут. У меня есть долг перед детьми, их не убьют из-за меня, или если все-таки их убьют, а я буду свободна... О! Тогда, по крайней мере...

Она не закончила. Глаза ее закрылись, угас голос. Это был ужасный сон обессиленной королевы в комнате, запертой на засовы и решетки. Но вскоре, во все еще продолжающемся сне, решетки и засовы упали. Она увидела себя в середине огромной безжалостной армии и приказала пламени пылать, а железу выйти из ножен. Она мстила народу, который в конечном счете был не ее народом...

А в это время Жильбер и Дюшен спокойно беседовали и готовили себе ужин.

А в это же время Диксмер и Женестье вошли в Консьержери и, как всегда, расположились в канцелярии. Через час после их прихода, как обычно, секретарь суда закончил свои дела и оставил их одних.

Как только за коллегой закрылась дверь, Диксмер бросился к пустой корзинке, выставленной за дверь в обмен на корзинку с провизией. Он схватил кусок хлеба, разломил его и нашел футлярчик. В нем была записка королевы. Прочитав ее, он побледнел. На глазах у Женестье он разорвал бумажку на тысячу кусочков и бросил их в горящий зев печки.

— Поздно, — бросил он, — все решено.

Потом, повернувшись к Женестье, сказал:

— Подойдите, сударыня.

— Я?

— Да, мне нужно с вами тихонько поговорить.

Женестье, неподвижная и холодная, как мраморная статуя, покорно кивнула головой и подошла к нему.

— Вот и настал час, сударыня, — произнес он. — Выслушайте меня.

— Да, сударь.

— Вы предпочитаете полезную смерть, смерть, которая прославит вас и вызовет сожаление в народе, смерти бесславной, не так ли?

— Да, сударь.

— Я мог убить вас, когда застал у вашего любовника. Но человек, который, как я, посвятил свою жизнь праведному и святому делу, должен извлекать пользу даже из своих собственных несчастий, к чему я и

стремлюсь, и на что надеюсь. Как вы убедились, я отказал себе в удовольствии самому свершить над вами суд. Я также пощадил вашего любовника...

Что-то вроде мимолетной, но ужасной улыбки промелькнуло на бескровных губах Женеьевы.

— Сударь, — прервала она, — я готова. К чему все эти речи?

— Вы готовы?

— Да, вы меня убьете. Вы правы, я жду.

Взглянув на Женеьеву, Диксмер невольно вздрогнул. Так величественна она была. Ее как бы освещал ореол, самый яркий из всех возможных, тот, что берет свет свой от любви.

— Я закончу, — продолжал Диксмер. — Я предупредил королеву, она ждет. Однако, вполне возможно, что она окажет некоторое сопротивление, но вы заставите ее сделать все, что нужно.

— Хорошо, сударь, отдавайте приказы, я их исполню.

— Сейчас я постучу в дверь, Жильбер мне откроет. Вот этим кинжалом, — Диксмер расстегнул свою одежду и показал, наполовину вытащив из ножен кинжал с двумя лезвиями, — этим кинжалом я убью его.

Женеьева невольно вздрогнула.

Диксмер сделал знак рукой, приказывая ей сосредоточиться.

— В тот момент, когда я нанесу удар, — наставлял он, — вы броситесь во вторую комнату, туда, где находится королева. Там нет двери, вы это знаете, есть только ширма. Вы поменяетесь с королевой одеждой, а я тем временем убью второго охранника. Затем я возьму королеву под руку и выйду с ней из камеры.

— Очень хорошо, — холодно произнесла Женеьева.

— Вы понимаете? — продолжал Диксмер. — Каждый вечер вас видят здесь в этом черном пальто, скрывающем ваше лицо. Наденьте это пальто на Ее Величество и сделайте все точно так, как вы это делаете каждый раз сами.

— Я сделаю все так, как вы говорите, сударь.

— Теперь мне остается только простить вас и поблагодарить, сударыня, — произнес Диксмер.

Женеьева кивнула головой и холодно улыбнулась.

— Мне не нужны ни ваше прощение, ни ваша благодарность, сударь, — сказала она, протянув руку. — То, что я делаю, а точнее, собираюсь сделать, сглаживает преступление, совершенное, мною по слабости. И не одна я виновна в нем. Вспомните свое поведение, сударь. Вы ведь почти вынудили меня совершить это преступление. Вы прямо-таки

толкали меня к нему. Таким образом, вы — подстрекатель, судья и мститель сразу. Это я должна простить вам мою смерть и я вам ее прощаю. Это я должна, сударь, поблагодарить вас за то, что вы лишаете меня жизни. Потому что жизнь стала для меня невыносимой в разлуке с единственным человеком, которого я люблю, а вы своей жестокой местью разорвали все узы, связывающие меня с ним.

Диксмер впился ногтями в грудь; хотел ответить, но голоса не было.

Он сделал несколько шагов по канцелярии.

— Время идет, — произнес он наконец, — на счету каждая секунда. Вы готовы, сударыня? Тогда пойдете.

— Я вам уже сказала, сударь, — ответила Женевьева со спокойствием мученицы, — я жду!

Диксмер собрал все бумаги, проверил, надежно ли заперты двери, чтобы никто не смог войти в канцелярию. Потом он попытался повторить свои инструкции.

— Не нужно, сударь, — остановила его Женевьева. — Я прекрасно знаю, что нужно делать.

— Тогда прощайте!

И Диксмер протянул ей руку, словно в этот величественный момент все обвинения должны были отойти перед значимостью ситуации и возвышенностью самопожертвования.

Вздвогнув, Женевьева коснулась кончиками пальцев руки своего мужа.

— Вы станете рядом со мной, сударыня, — произнес Диксмер. — И как только я ударю Жильбера, пройдете.

— Я готова.

Диксмер, сжав в правой руке свой широкий кинжал, левой постучал в дверь.

Глава XVI

Шевалье де Мезон-Руж готовится

то время, как в канцелярии и у двери в камеру королевы, а точнее у двери в первую комнату, занимаемую охранниками, происходила сцена, о которой вы прочитали в предыдущей главе, с другой стороны камеры, то есть с так называемого «женского двора» тюрьмы тоже велись подготовительные работы.

Вдруг от стены, как каменная статуя, отделился человек. Его сопровождали две собаки. Напевая «Са іга» — очень модную в то время песенку, он провел связкой ключей по пяти прутьям решетки, закрывающим окно королевы. Королева вздрогнула; но, догадавшись, что это сигнал, тихонько открыла окно и так умело принялась за работу, что сама удивилась своей сноровке. Раньше в слесарной мастерской, где ее августейший супруг иногда проводил время, она лишь касалась своими изящными пальцами инструментов, похожих на тот, на который в этот час возлагались все надежды на спасение.

Как только человек со связкой ключей услышал, что окно королевы открылось, он постучал к охранникам.

— А! А! — узнал Жильбер, глядя сквозь решетку. — Так это ведь гражданин Мардош.

— Он самый и есть, — подтвердил тюремщик. — Ну как? Кажется, мы хорошо несем службу?

— Как обычно, гражданин ключник. Вы, кажется, не часто находили у нас погрешности.

— Да, — согласился Мардош, — но в эту ночь нужна особая бдительность.

— Неужели? — удивился подошедший Дюшен.

— Да.

— А что произошло?

— Откройте окно, я расскажу вам.

— Открывай, — скомандовал Дюшен.

Жильбер открыл окно и обменялся рукопожатием с ключником, охранники уже успели подружиться с ним.

— Так в чем же дело, гражданин Мардош? — повторил Жильбер.

— Заседание Конвента было очень жарким. Вы читали?

— Нет. Что же там произошло?

— Сначала гражданин Эбер сообщил кое-что неизвестное.

— Что именно?

— А то, что заговорщики, которых считали мертвыми, живы и даже очень живы.

— Я уже слышал об этом, — вставил Жильбер. — Негодяи Делессар и Тьерри сейчас в Англии.

— А шевалье де Мезон-Руж? — произнес ключник так громко, чтобы королева его слышала.

— Как! Этот тоже в Англии?

— Вовсе нет, он во Франции, — так же громко продолжал Мардош.

— Он что, вернулся?

— Он и не уезжал.

— Какой дерзкий человек! — заметил Дюшен.

— Такой уж он есть.

— Теперь попытаются его арестовать?

— Конечно, попытаются, но кажется, что это совсем непросто.

В этот момент лезвие в руках королевы так сильно заскрежетало о железо, что ключник испугался, как бы охранники не услышали, несмотря на все его усилия заглушить эти звуки.

Он наступил на лапу одной из собак, которая взывала от боли.

— Бедное животное! — сказал Жильбер.

— Ему тоже следовало бы надеть сапоги, — ответил ключник. — Жирондист, замолчи.

— Твоего пса зовут Жирондист, гражданин Мардош?

— Точно, я выбрал для него такое имя.

— Однако, о чем ты говорил? — перебил Дюшен, который, поскольку и сам в какой-то мере являлся заключенным, живо интересовался всем происходящим, как и все находящиеся в изоляции люди.

— Ах, да, я говорил о гражданине Эбере. Именно так, патриот! Я говорил, что гражданин Эбер хотел перевести австриячку обратно в Тампль.

— Зачем?

— Черт возьми! Он считает, что ее перевели из Тампля только для того, чтобы отвлечь от немедленной инспекции Коммуны.

— А еще и затем, чтобы оградить ее от попыток этого проклятого Мезон-Ружа, — сказал Жильбер. — Но мне кажется, что подземный ход все-таки существует.

— То же самое ему заявил и гражданин Сантерр. На это Эбер ответил, что раз о нем стало известно, то никакой опасности он больше не таит. И

что в Тампле Марию-Антуанетту можно было бы охранять с половиной тех мер, которые приходится применять здесь, поскольку Тампль очень крепко стоит и надежнее Консьержери.

— Честное слово, — заявил Жильбер, — что касается меня, то я хотел бы, чтобы ее снова отправили в Тампль.

— Ясно, тебе надоело ее охранять.

— Нет, но это меня печалит.

Мезон-Руж громко кашлянул: чем глубже лезвие вонзалось в прут, тем больше шума оно производило.

— Так что же решили? — спросил Дюшен, подождав, пока у ключника закончится приступ кашля.

— Решили, что она останется здесь, но суд над ней состоится незамедлительно.

— Бедная женщина! — произнес Жильбер.

Дюшен, у которого слух оказался более тонким, чем у его сослуживца, или его внимание было не так занято рассказом Мардоша, наклонился, прислушиваясь к происходящему там, за ширмой.

Ключник заметил это движение.

— Понимаешь, гражданин Дюшен, — живо сказал он, — попытки заговорщиков, если они узнают, что времени на осуществление задуманного у них нет, станут совсем отчаянными. Когда в тюрьме удвоят охрану, им останется одно — вооруженный захват Консьержери. Чтобы добраться до королевы, то есть, я хотел сказать до вдовы Капета, заговорщики убьют всех, кто им помешает.

— Ну что ты! Как же войдут сюда твои заговорщики?

— Переодевшись в патриотов, они притворятся, что хотят повторить события 2 сентября, подлецы! Потом двери будут открыты — и прощай!

На мгновение воцарилась тишина, вызванная изумлением охранников.

Ключник с радостью, смешанной со страхом, услышал, что лезвие продолжает работать. Пробило девять часов.

В это время кто-то постучал в дверь камеры, но охранники были заняты беседой и не обратили внимания на стук.

— Хорошо, будем тщательно следить за всем, — сказал Жильбер.

— И, если понадобится, умрем на своем посту настоящими республиканцами, — добавил Дюшен.

«Она должна скоро закончить», — подумал про себя ключник, вытирая вспотевший лоб.

— И вы со своей стороны тоже будьте бдительны, — заметил Жильбер, — потому что вас они тоже не пощадят, если произойдет то, о

чем вы говорили.

— Я тоже так думаю, — согласился ключник. — В ночные обходы я изнемогаю от усталости: вы сменяете друг друга и можете спать хотя бы через ночь.

В это время в дверь камеры опять постучали. Мардош вздрогнул: любое, даже самое незначительное событие, могло помешать осуществлению его плана.

— Что там такое? — как бы невзначай поинтересовался он.

— Ничего особенного, — ответил Жильбер, — это секретарь из военного министерства уходит и предупреждает нас об этом.

— Очень хорошо, — сказал ключник.

Секретарь продолжал упорно стучать в дверь.

— Ладно, ладно, — крикнул Жильбер, не отходя от окна. — До свидания! Прощайте!

— Кажется, он что-то говорит, — сказал Дюшен, поворачиваясь к двери. — Ответь же ему...

Тут послышался голос секретаря.

— Подойди же, гражданин охранник, мне надо с тобой поговорить.

Голос, хотя волнение и изменило его, заставил ключника насторожиться. Ему показалось, что он его узнал.

— Что же тебе все-таки нужно, гражданин Дюран? — спросил Жильбер

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Ладно, скажешь завтра

— Нет, сегодня, я должен поговорить с тобой сейчас, — продолжил тот же голос.

— О! — прошептал ключник. — Что-то должно произойти — это голос Диксмера

Зловещий и вибрирующий голос, казалось, заимствовал что-то мрачного из отдаленного эха, рождающегося в темном коридоре.

Дюшен повернулся.

— Хорошо, — сказал Жильбер, — раз уж он так просит, я пойду.

И он направился к двери.

Воспользовавшись тем, что неожиданные события отвлекли внимание обоих охранников, ключник подбежал к окну королевы.

— Удалось, закончили? — спросил он.

— Я перепилила уже больше половины, — ответила королева

— Боже мой, Боже мой! — прошептал он. — Поторопитесь! Поторопитесь!

— Эй, гражданин Мардош, — сказал Дюшен, — где ты там?

— Я здесь, — воскликнул ключник, быстро возвращаясь к окну, у которого стоял раньше.

В тот момент, когда он перебегал, раздался ужасный крик, потом последовали проклятия, потом звук сабли, вырываемой из металлических ножен.

— Ах, злодей! Ах, разбойник! — кричал Жильбер.

Из коридора доносился шум драки.

Распахнулась дверь, и служитель увидел две борющиеся фигуры. Какая-то женщина, оттолкнув Дюшена, бросилась в комнату королевы.

Дюшен, не обращая на нее никакого внимания, рванулся на помощь своему товарищу.

Ключник прыгнул к окну королевы. Он увидел женщину, стоящую на коленях перед королевой; она просила, она умоляла узницу поменяться с ней одеждой.

Он наклонился и сверкающим взором вмиг рассмотрел женщину, узнавая и боясь узнать ее. Вдруг он жалобно вскрикнул:

— Женестьева! Женестьева! — позвал он.

Королева, уронив лезвие, подавленно сжалась. Еще одна попытка побега потерпела крах.

Ключник схватился за прутья решетки и сверхчеловеческим усилием потряс уже подпиленный прут.

Но решетка осталась на месте, потому что железо было недостаточно подпилено.

Тем временем Диксмеру удалось оттеснить Жильбера от двери и он уже почти прорвался в камеру. Но Дюшен, нажав на дверь, оттолкнул его.

Правда, Дюшену не удалось ее закрыть. В отчаянии Диксмер просунул руку между дверью и стеной.

Кинжал, зажатый в руке, скользнув по груди охранника, разорвал одежду и ранил его. Силы обоих были на пределе. Диксмер, чувствуя, что рука сейчас сломается, надавил плечом на дверь. И отчаянным напряжением вырвал свою онемевшую руку.

Дверь с грохотом захлопнулась: Дюшен задвинул засовы, Жильбер повернул ключ в двери.

В коридоре раздались быстрые шаги, затем все стихло. Охранники, переглянувшись между собой, стали осматривать камеру. И тут они услышали шум, производимый ключником, который пытался вырвать решетку.

Жильбер бросился к королеве. Он увидел стоящую на коленях

Женевьеву, которая умоляла королеву поменяться с ней одеждой. Дюшен схватил карабин и подбежал к окну: прямо перед ним на решетке висел человек и с яростью вырывал ее.

Дюшен прицелился.

Молодой человек заметил наклоняющееся к нему дуло оружия.

— О, да! Убей меня, убей!

Величественный в своем отчаянии, он подставил грудь, словно посылая вызов пуле.

— Шевалье! — воскликнула королева, — Шевалье, я умоляю вас: живите, живите!

Услышав голос Марии-Антуанетты, Мезон-Руж упал на колени.

Раздался выстрел, падение спасло шевалье: пуля пролетела над его головой.

Женевьева, решив, что ее друг убит, без сознания рухнула на пол.

Когда дым рассеялся, в «женском дворе» уже никого не было.

Через десять минут тридцать солдат в сопровождении двух комиссаров обшарили Консьержери, осмотрев даже самые отдаленные уголки. Они никого не нашли. Секретарь, спокойный и улыбающийся, как ни в чем ни бывало, прошел мимо кресла папаши Ришара.

Что касается ключника, то он выбежал с криком:

— Тревога! Тревога!

Часовой попытался преградить ему дорогу штыком, но тут на него набросились собаки.

Арестовали только Женевьеву, которая после допроса была заключена под стражу.

Глава XVII

Поиски

Мы не можем и дальше оставлять в забвении одного из самых главных персонажей этой истории, того, кто во время событий, о которых рассказано в предыдущей главе, страдал больше всех, и чьи страдания более всего заслуживают сочувствия наших читателей...

Яркое солнце освещало улицу Моннэ, и думушки болтали у дверей своих домов так радостно, будто вот уже в течение десяти месяцев ни единое кровавое облачко не зависало над городом; в этот час Морис возвращался в кабриолете, обещанном Женевьеве. Он передал поводья чистильщику сапог с паперти Сен-Есташ и с переполненным радостью сердцем поднялся по ступенькам лестницы.

Такова уж живительная сила любви. Она оживляет сердца, даже казавшиеся мертвыми, для любых проявлений жизни, она заполняет пустоты души, пробуждает в ней ликующую жизнь, полную надежды и счастья. Чувство это захватывает любящего до конца, ослепляет его. Ничего и никого он уже не видит, кроме любимого.

Морис не заметил болтающих кумушек, не слышал их слова; он видел только Женевьеву, готовящуюся к отъезду; слышал только Женевьеву, рассеянно напевающую свою привычную песенку. И эта песенка звучала настолько отчетливо, что он мог поклясться, что различает малейшие оттенки ее голоса.

На лестничной площадке Морис остановился перед открытой дверью, что очень удивило его — обычно она всегда была закрыта. Он огляделся, чтобы убедиться, нет ли Женевьевы в коридоре и не увидел ее там. Он прошел через прихожую, столовую, салон, зашел в спальню. Нигде никого. Он позвал.

Слуга, как мы знаем, ушел. Морис предположил: в его отсутствие Женевьеве, возможно, понадобилась веревка, чтобы перевязать чемоданы или что-нибудь из продуктов в дорогу и она спустилась за покупками. Он подумал, что это большая неосторожность с ее стороны и Мориса охватило беспокойство, но что предпринять — он не знал.

Он ходил и ходил по комнате, время от времени поглядывая сквозь окно на небо, потемневшее от туч. Вскоре Морису почудились на лестнице шаги. Прислушался; это были шаги не Женевьевы, выбежал на площадку, он наклонился через перила и узнал слугу, поднимающегося по лестнице с

беззаботностью, характерной для домашних слуг.

— Сцевола! — крикнул он.

Слуга поднял голову.

— Это вы, гражданин?

— Да, это я, но где же гражданка?

— Гражданка? — удивленно спросил Сцевола, продолжая подниматься.

— Да, ты ее внизу не видел?

— Нет.

— Спустись. Спроси у консьержа, у соседей, не видел ли ее кто?

— Сейчас.

— Скорее же! Скорее! — крикнул Морис. — Разве ты не видишь, что я, как на углях?

Морис подождал пять-шесть минут на лестнице и, поскольку Сцевола не возвращался, вернулся в квартиру и снова стал смотреть в окно: он видел, как Сцевола зашел в две или три лавки и вышел назад, явно ничего не узнав. В нетерпении он позвал слугу.

Тот поднял голову и увидел в окне своего потерявшего терпение хозяина.

Морис знаком приказал ему подняться.

— Невозможно же, чтобы она ушла, — уговаривал себя Морис.

И снова позвал:

— Женестьева! Женестьева!

Мертвая тишина. В пустой комнате не было даже эхо.

Вошел Сцевола.

— Один только консьерж видел ее.

— Консьерж?

— Да, соседи ничего не слышали.

— Так ты говоришь, консьерж видел? Когда?

— Он видел, как она выходила.

— Значит, она ушла?

— Кажется.

— Одна? Невозможно, чтобы Женестьева ушла одна.

— Она была не одна, гражданин, она была с мужчиной.

— Как с мужчиной?

— По крайней мере, так мне сказал гражданин консьерж.

— Сходи за ним, мне нужно знать, что это был за мужчина.

Сцевола сделал два шага к двери, потом обернулся:

— Подождите-ка, — сказал он, поразмыслив.

— Что? Что ты хочешь сказать? Говори, ты просто убиваешь меня.

— Возможно с мужчиной, который бежал за мной.

— За тобой бежал мужчина? Зачем?

— Чтобы от вашего имени попросить у меня ключ.

— Какой ключ, несчастный? Говори же, говори!

— Ключ от квартиры.

— И ты дал незнакомому человеку ключ от квартиры? — воскликнул Морис, схватив его за шиворот.

— Но он не был незнакомцем, сударь. Это — один из ваших друзей.

— Один из моих друзей. Наверняка Лорэн. Да, она ушла с Лорэном.

И, несмотря на бледность, Морис улыбнулся и провел платком по вспотевшему лбу.

— Нет, нет, нет, сударь, это был не он, — сказал слуга. — Черт возьми! Или я не знаю мсье Лорэна...

— Но кто же это был?

— Вы хорошо его знаете, тот самый мужчина, который приходил к вам однажды...

— Когда?

— В тот день, когда вы были таким грустным, а потом стали таким веселым...

Сцевола замечал все.

Ошеломленный Морис смотрел на слугу — дрожь пробежала по его телу. Потом, после долгого молчания, воскликнул:

— Диксмер?

— Честное слово, сударь, кажется, он.

Морис закачался и, отступив, упал в кресло. Его глаза закрылись.

— Боже мой! — прошептал он.

Потом, открыв глаза, посмотрел на букет фиалок, забытый, а точнее, оставленный Женеьевой. Он бросился к нему, взял и поцеловал цветы; потом обратил внимание на то, где лежал букет.

— Сомнений больше нет, — произнес он. — Эти фиалки... это ее последнее «прощай»!

Морис огляделся: он обратил внимание на то, что чемодан собран наполовину, а белье валяется на полу и лежит в полуоткрытом шкафу. Несомненно, белье выпало из рук Женеьевы на пол при появлении Диксмера.

Ему вдруг все стало ясно. Ужасная сцена, разыгравшаяся в этих четырех стенах, которые раньше были свидетелями такого большого счастья, воочию предстала перед ним.

До этого момента Морис пребывал в подавленном состоянии. Теперь же его пробуждение было жутким, а ярость молодого человека — ужасающей. Он поднялся, закрыл окно, достал из секретера два заряженных пистолета, осмотрел запальные устройства и, убедившись, что они в хорошем состоянии, положил пистолеты в карманы. Потом кинул в кошель две горсти луидоров, которые, несмотря на свой патриотизм, сохранил на дне ящика, взял саблю.

— Сцевола, — обратился он, — надеюсь, ты привязан ко мне, ведь ты служил моему отцу и мне пятнадцать лет.

— Да, гражданин, — ответил слуга, охваченный ужасом при виде мраморной бледности и нервной дрожи, которую никогда раньше не замечал у своего хозяина, считавшегося одним из самых отважных и самых сильных мужчин, — что прикажете?

— Послушай, если дама, которая жила здесь...

Он замолчал, потому что его голос, когда он произносил эти слова, дрожал так, что дальше Морис не смог продолжать.

— Если она вернется, — сказал он через минуту, — прими ее. Запри за ней дверь, возьми карабин, стань на лестнице и ценой головы, жизни, души, какой угодно, но не позволяй никому войти сюда. Если же кто-то захочет ворваться сюда силой, защити ее — бей, убивай, стреляй, ничего не бойся. Сцевола, я все возьму на себя.

Тон, которым говорил молодой человек, и его пылкое доверие воодушевили Сцеволу.

— Я не только убью кого бы там ни было, — сказал он, — но и пожертвую жизнью ради гражданки Женевьевы.

— Спасибо... А теперь послушай. Эта квартира мне ненавистна, я вернусь сюда только в том случае, если найду Женевьеву. Если ей удастся бежать, если она вернется, поставь на окно большую японскую вазу с королевскими маргаритками, которые она так любила. Это тебе задание на день. Ночью поставишь фонарь. Таким образом, каждый раз, когда я буду проезжать мимо, буду знать, что она здесь. Если на окне не будет вазы или фонаря, буду продолжать поиски.

— Будьте осторожны, сударь! Будьте осторожны! — воскликнул Сцевола.

Морис не ответил; выбежал из комнаты, спустился по лестнице и, словно на крыльях, понесся к Лорэну.

Невозможно выразить удивление, гнев, ярость поэта в тот момент, когда он узнал от Мориса ужасную новость.

— Так ты даже не знаешь, где она? — все время повторял он.

— Пропала! Исчезла! — в приступе отчаяния вопил Морис. — Он убил се, Лорэн, он убил ее!

— Ну, нет, дорогой друг, нет, мой добрый Морис, он не убил ее. После стольких дней размышлений таких женщин, как Женевьева, не убивают; нет, если бы он се убил, то убил бы сразу, на месте, и в знак мести оставил бы ее тело в твоей квартире. Но, видишь ли, он исчез вместе с ней, крайне счастливый от того, что вновь нашел свое сокровище.

— Ты не знаешь его, Лорэн, ты его не знаешь, — повторял Морис. — Даже во взгляде этого человека есть что-то злое.

— Это ты ошибаешься. На меня он всегда производил впечатление смелого человека. Он забрал Женевьеву, чтобы принести ее в жертву. Он сделает так, что их арестуют вместе и вместе убьют. Вот в чем я вижу опасность, — сказал Лорэн.

Эти слова удвоили исступление Мориса.

— Я найду ее! Я найду ее или умру! — воскликнул он.

— Что касается первого, то, очевидно, мы найдем ее, — сказал Лорэн, — только успокойся. Морис, добрый мой Морис, поверь мне, человек, потерявший спокойствие, потерпит поражение. При твоём волнении, при твоих поступках не дожидаться верных, разумных мыслей.

— Прощай, Лорэн, прощай!

— Что ты собираешься делать?

— Ухожу.

— Ты покидаешь меня? Почему?

— Потому что это касается только одного меня, потому что я один должен рисковать жизнью, чтобы спасти жизнь Женевьевы.

— Ты хочешь умереть?

— Я готов на все: я пойду к председателю Комитета по надзору, поговорю с Эбером, Дантоном, Робеспьером. Я во всем признаюсь, пусть только мне вернут се.

— Хорошо, — согласился Лорэн.

И он поднялся, не сказав больше ни слова, пристегнул пояс, надел форменную шляпу и, так же как Морис, сунул в карманы два заряженных пистолета.

— Пойдем, — просто добавил он.

— Но ты же скомпрометируешь себя! — воскликнул Морис.

— Ну и что?

Когда пьеса закончена, друг дорогой,

Со сцены уйти надо вместе с тобой.

— И куда же мы пойдем? — спросил Морис.

— Поищем вначале в том старинном квартале, знаешь? На старинной улочке Сен-Жак, потом выследим Мезон-Ружа: там, где он, несомненно, будет и Диксмер. Затем осмотрим дома на Вьей-Кордери. Знаешь, пошли разговоры о том, что королеву вновь вернут в Тампль! Поверь мне, такие мужчины, как они, до последней минуты не потеряют надежду спасти ее.

— Действительно, ты прав, — согласился Морис. — Думаешь, что Мезон-Руж в Париже?

— Диксмер ведь здесь.

— Это так, и они, наверняка, связаны, — сказал Морис, которого эти смутные проблески надежды привели в себя.

С этого момента друзья принялись за поиски, но все их усилия были напрасны. Париж велик и его тень густа. Ни одна пропасть так надежно, как он, не сохраняла тайну, которую преступление или несчастье доверили ей.

Сотни раз Морис и Лорэн проходили по Гревской площади, сотни раз бывали рядом с маленьким домом, где жила Женевьева под неусыпным надзором Диксмера. Так раньше священники следили и своей жертвой перед тем, как убить ее в угоду Богу...

Ну, а Женевьева, убедившись в том, что ей суждено погибнуть, как и все благородные души смирилась с самопожертвованием и хотела лишь умереть спокойно. Впрочем, она опасалась Диксмера меньше, чем провала и огласки заговора, которые толкнули бы Мориса на мрсть.

Она хранила глубокое молчание, словно смерть уже закрыла ей уста.

Не посвящая Лорэна, Морис умолял членов этого ужасного Комитета общественного спасения помочь ему, а Лорэн со своей стороны, ничего не говоря Морису, тоже хлопотал по этому делу.

И в тот же день Фукье-Тэнвилль поставил красные кресты напротив их фамилий и слово ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ соединило их в кровавом объятии.

Глава XVIII

Суд

В двадцать третий день этого месяца второго года французской республики, единой и неделимой, соответствующий 14 октября 1793 года по старому стилю, как тогда говорили, толпа любопытствующих с самого утра забила зал, в котором проходило заседание революционного трибунала.

Коридоры Дворца, набережная Консьержери были заполнены нетерпеливыми и жадными зрителями, которые передавали друг другу слухи и страсти, подобно волнам, передающим друг другу свой шум и свою пену.

Несмотря на любопытство, подталкивающее зрителей, а, возможно, что именно из-за этого любопытства, каждая волна этого моря, бурная, зажата между двумя барьерами — внешним, который толкал ее вперед, и внутренним, который отталкивал ее, сохраняла в этом приливе и отливе свое, почти не меняющееся место. Но те, кто успел захватить лучшие места, поняли, что они должны ценить свое счастье и старались поделиться всем увиденным и услышанным со своими соседями, разместившимися менее удачно, которые тут же по цепочке передавали примитивную информацию следующим.

У входной двери в трибунал группа сгрудившихся людей жестоко спорила о десяти линиях^[67] пространства в ширину и в высоту; потому что 10-ти линий в ширину хватало для того, чтобы между двумя плечами увидеть уголок зала и фигуры судей: десяти линий в высоту — чтобы видеть поверх голов весь зал и фигуру обвиняемой.

К несчастью, этот проход из коридора в зал, такой узкий, занимал один человек, он загородил его почти полностью своими широкими плечами и руками, поднятыми вверх в виде подпоры,

он сдерживал напирющую толпу, готовую хлынуть в зал, если этот заслон не выдержит. Этот непоколебимый человек, стоящий на пороге трибунала, был молод и красив и при каждом приливе толпы встряхивал своей густой шевелюрой, под которой сверкал мрачный и решительный взгляд. Оттолкнув же очередной прилив толпы, устояв перед очередной ее атакой, опять словно становился каменным.

Сотню раз потная толпа пыталась опрокинуть его, своим высоким

ростом он всем мешал, но как мы уже отметили, он был непоколебим, как скала.

Из середины же кипящего человеческого моря другой человек пытался проложить себе дорогу с упорством, граничащим с жестокостью. Ничто не останавливало его неутомимое продвижение вперед, ни удары тех, кто оставался позади, ни проклятия тех, кого он давил, ни жалобы женщин, которых в этой толпе было немало. На удары он отвечал ударами, на проклятия — таким взглядом, перед которым отступали даже самые храбрые, на жалобы — безучастностью, схожей с презрением.

Наконец, он приблизился к тому самому мощному молодому человеку, который преградил вход в зал. И среди общего выжидания, поскольку всем хотелось видеть столкновение двух жестоких соперников, так вот среди всеобщего выжидания, он попытался протиснуться оправдавшим себя способом, заключающимся в том, чтобы раздвинуть локтями, как клином, двух стоящих впереди зрителей и оттеснить их назад.

Это был молодой человек невысокого роста, бледное лицо и хрупкое тело которого говорили о щуплом сложении, но в его горящих глазах была непобедимая воля.

И едва его локти коснулись молодого человека, стоящего теперь перед ним, как тот, удивленный такой агрессией, быстро повернулся и также быстро вскинул кулак, грозящий мгновенным уничтожением. В этот момент оба соперника оказались лицом к лицу и одновременно у них обоих вырвался легкий вскрик.

Они узнали друг друга.

— О! Гражданин Морис, — произнес хрупкий молодой человек с невыразимой печалью в голосе. — Позвольте мне увидеть ее. Я умоляю вас. Вы убьете меня потом!

Мориса а это действительно был он, тронула и восхитила эта беспредельная преданность, несокрушимая воля.

— Вы! — прошептал он. — Вы здесь, безумец!

— Да, я здесь! Но я уже изнемог... О, Боже мой! Она говорит! Позвольте мне увидеть ее! Позвольте ее послушать!

Морис посторонился, и молодой человек прошел в зал. Теперь, поскольку Морис сдерживал толпу, ничто не мешало шевалье видеть происходящее в зале: он вынес столько ударов и толчков ради того, чтобы попасть сюда.

Эта сцена и краткий разговор привлекли внимание судей. Обвиняемая тоже взглянула в их сторону, она заметила и узнала шевалье.

Что-то похожее на дрожь пробежало по телу сидящей в железном

кресле королевы.

Допрос проходил под председательством Армана, вел его Фукье-Тэнвилль, защитником королевы был Шово-Лагард.

Все это время Морис оставался неподвижным, в то время как любопытствующие и в зале, и в коридоре уже сменились по нескольку раз.

Шевалье нашел себе опору у колонны. И был также бледен, как колонна, на которую он опирался.

День сменился темной ночью. Несколько свечей, зажженных на судейском столе, несколько ламп вдоль стен зала зловещим красным отблеском освещали благородное лицо королевы, которое было таким прекрасным на сверкающих огнях праздниках в Версале. Она отрешенно отвечала несколькими короткими и высокомерными фразами на вопросы председателя, иногда наклоняясь к своему адвокату, чтобы о чем-то тихо его спросить. Ее бледное лицо хранило свою обычную гордость. На ней было платье с черными разводами, которое Мария-Антуанетта постоянно носила после смерти короля.

Судьи поднялись, чтобы удалиться на совещание: заседание закончилось.

— Я вела себя очень высокомерно, сударь? — спросила она у Шово-Лагарда.

— Ах, сударыня, — ответил он, — вы всегда прекрасны, как бы вы ни говорили.

— Глядите-ка, какая она гордая! — воскликнула женщина из зала. И эти слова как будто ответили на вопрос, который несчастная королева только что задала своему адвокату.

Королева повернула голову в сторону женщины.

— Да, да, — откликнулась женщина, — это я сказала, что ты слишком горда, Антуанетта, и эта гордость погубила тебя.

Королева покраснела.

Шевалье повернулся к женщине, произнесшей эти слова, и тихо заметил:

— Она была королевой.

Морис схватил его за запястье.

— Пойдем, — чуть слышно посоветовал он ему. — Будьте мужественны, не губите себя.

— О! Мсье Морис, — ответил шевалье, — вы — мужчина и знаете, что говорите тоже с мужчиной. Скажите, как вы думаете, ее могут приговорить к смерти?

— Не думаю, — ответил Морис. — Я в этом уверен.

— Женщину! — с надрывом воскликнул Мезон-Руж.

— Нет, королеву, — ответил Морис. — Вы это только что сказали сами.

Шевалье в свою очередь схватил Мориса за руку с силой, которую невозможно было даже предположить, и заставил его наклониться к себе.

Была половина четвертого утра, в зале уже появились свободные места. И здесь, и там частично погасли лампы, отдельные уголки зала погрузились в темноту. В одном из самых темных и находились Мезон-Руж и Морис, который был готов выслушать все, что ему скажет шевалье.

— Почему вы здесь и что делаете, — спросил шевалье. — У вас же, сударь, вовсе не жестокое сердце.

— Увы! — ответил Морис. — Я здесь лишь для того, чтобы узнать, что случилось с одной несчастной женщиной.

— Вот как, — отозвался Мезон-Руж, — с той, которую муж толкнул в камеру королевы, не так ли? С той, которую арестовали у меня на глазах.

— Женеьеву?

— Да, Женеьеву.

— Значит, Женеьева — узница, принесенная в жертву своим мужем, убитая Диксмером?.. Теперь я понимаю, все понимаю. Шевалье, расскажите мне, как это произошло, скажите, где она, как я могу найти ее? Шевалье... эта женщина, это — моя жизнь, слышите?

— Да, я ее видел, я был там, когда ее арестовали. Я тоже пришел, чтобы помочь королеве бежать! Но наши планы были не согласованы, и вместо того, чтобы выручить, они нанесли вред один другому.

— И вы не спасли Женеьеву, вашу сестру?

— Как я мог? Ее отделяла от меня железная решетка. Если бы вы были там и соединили ваши силы с моими, то проклятая решетка поддалась бы, мы спасли бы их обеих.

— Женеьева! Женеьева! — прошептал Морис.

Потом, с яростью взглянув на Мезон-Ружа, спросил:

— А Диксмер? Что стало с ним?

— Не знаю. Он спасся. И он, и я.

— О! — прошептал Морис, стиснув зубы, — если бы я когда-нибудь его встретил...

— Да, я понимаю, но для Женеьевы еще не все потеряно, — сказал Мезон-Руж, — тогда как здесь, для королевы... Морис, вы сердечный человек, вы могущественны, у вас друзья... Прошу вас, как просят Бога, помогите мне спасти королеву!

— Вы надеетесь?

— Морис, Женевьева умоляет вас моими устами.

— Не произносите этого имени, сударь. Кто знает, может и вы, как Диксмер, тоже пожертвовали бедной женщиной.

— Сударь, — с гордостью ответил шевалье, — я знаю, что когда иду на риск, то жертвую только собой.

Морис хотел что-то сказать, но открылась дверь совещательной комнаты.

— Тише, сударь, — остановил его шевалье, — тише. Судьи идут.

Морис почувствовал, как дрожащая рука Мезон-Ружа, белая и хрупкая, легла на его руку.

— О! — прошептал шевалье. — О! У меня останавливается сердце.

— Мужайтесь и держитесь или вы погибли! — ответил Морис.

Трибунал действительно вернулся и весть о его возвращении распространилась в коридорах и галереях.

Толпа опять повалила в зал и, кажется, даже лампы ожили и в этот решающий и торжественный момент засветились ярче.

Привели королеву: она держалась прямо, высокомерно, взгляд ее был неподвижен, губы сжаты.

Ей зачитали решение суда, приговаривающего ее к смертной казни.

Она выслушала приговор, не побледнев, не нахмурившись, ни один мускул на лице не выдал ее волнение.

Повернувшись к шевалье, она послала ему долгий и выразительный взгляд, словно хотела поблагодарить этого человека, которого всегда воспринимала как олицетворение преданности; затем, опираясь на руку офицера, командовавшего вооруженной охраной, спокойно и достойно покинула зал.

Морис глубоко вздохнул.

— Слава Богу! — сказал он. — В ее показаниях нет ничего, что скомпрометировало бы Женевьеву. Еще есть надежда.

— Слава Богу! — в свою очередь прошептал шевалье де Мезон-Руж. — Все кончено, закончена борьба. У меня нет больше сил идти дальше по этому пути.

— Мужайтесь, сударь, — тихо произнес Морис.

— Постараюсь, сударь, — ответил шевалье.

Затем, пожав друг другу руки, они покинули зал через разные выходы.

Королеву увезли в Консьержери. Пробило четыре на больших часах, когда она вернулась туда.

У моста Пон-Неф Морис попал в объятия Лорэна.

— Стой, — сказал он, — хода нет!

— Почему?

— Куда ты направляешься?

— К себе. Теперь я могу вернуться, потому что знаю, что с ней произошло.

— Тем лучше, но домой ты не пойдешь.

— Почему?

— Причина проста: два часа назад к тебе приходили, чтобы арестовать.

— Ах, так! — воскликнул Морис. — В таком случае, мне тем более следует вернуться.

— С ума сошел? А Женевьева?

— Да, ты прав. И куда же мы пойдём?

— Ко мне, черт возьми!

— Но я погублю тебя.

— Тем более надо идти. Итак, в путь!

И он увлек Мориса за собой.

Глава XIX

Священник и палач

Как стало известно читателю, королеву из трибунала отвезли назад, в Консьержери.

Вернувшись в камеру, она взяла ножницы и отрезала свои длинные прекрасные волосы, ставшие еще прекраснее из-за того, что вот уже полгода пудра не касалась их. Она завернула волосы в бумагу, написав сверху:

«Разделить между моими дочерью и сыном».

Затем она села, а вернее, упала на стул, разбитая усталостью — допрос длился семнадцать часов — и уснула.

В семь часов ее разбудил шум за ширмой, она проснулась, вскочила, повернулась и увидела совсем незнакомого человека.

— Что нужно от меня? — спросила она.

Мужчина подошел к ней и вежливо поприветствовав, уточнил: она ли королева.

— Меня зовут Сансон, — представился он.

Королева слегка вздрогнула и поднялась. Одно только его имя сказало ей больше, чем длинная речь.

— Вы пришли слишком рано, сударь, — сказала она. — Не могли бы вы явиться немного позже?

— Нет, сударыня, — возразил Сансон. — У меня приказ.

Ответив, он сделал еще один шаг в сторону королевы. Все в этом человеке было выразительным и ужасным..

— Да, я понимаю, — произнесла узница, — вы хотите отрезать мне волосы?

— Это необходимо, сударыня, — ответил палач.

— Я знала об этом, сударь, — сказала королева, — и мне захотелось избавить вас от такого труда. Мои волосы здесь, на столе.

Сансон проследил за движением руки королевы.

— Только, — продолжала она, — я бы желала, чтобы сегодня вечером они были переданы моим детям.

— Сударыня, — ответил Сансон, — это меня не касается.

— Я только думала...

— Я занимаюсь только тем, — продолжал палач, — что снимаю... с приговоренных... их одежду... их драгоценности... все, что они формально отдают мне. Иначе все идет в Салпетриер, где распределяется между бедняками в больницах. Так предписывает постановление Комитета общественного спасения.

— Но, в конце концов, сударь, — настаивала Мария-Антуанетта, — могу ли рассчитывать, что эти волосы вручат моим детям?

Сансон молчал.

— Я возьму это на себя, — пообещал Жильбер.

Узница бросила на охранника взгляд, полный невыразимой признательности.

— Я пришел, — объяснил Сансон, — чтобы отрезать вам волосы. Поскольку эта работа уже сделана, я могу, если желаете, ненадолго оставить вас одну.

— Прошу вас, сударь, — сказала королева, — я хочу подумать и помолиться.

Сансон поклонился и вышел.

Королева осталась одна: Жильбер обратился к ней только за тем, чтобы предложить ей свою помощь и тут же скрылся за ширмой.

Приговоренная встала на колени, на стул, который был ниже других и служил ей скамеечкой для молитвы...

В эти минуты произошла не менее ужасная сцена, чем та, о которой мы рассказали, но участники ее находились в доме священника маленькой церкви Сен-Ландри в Сите.

Священник этого прихода только что поднялся. Когда старая экономка подала ему скромный завтрак, вдруг в дверь дома громко постучали. Даже в наши дни для священника непредвиденный, визит всегда связан с каким-нибудь событием: крестинами, свадьбой или исповедью. Ну, а в то время визит незнакомца мог означать только что-то очень важное. Действительно, в ту эпоху священник больше не был просителем божьих милостей, а должен был вести дела с людьми.

Однако аббат Жирар принадлежал к числу тех, кому можно было бояться меньше других: он дал клятву Конституции, совесть и порядочность взяли в нем верх над эгоизмом и религиозностью. Несомненно, аббат Жирар допускал возможность того, что и такой образ правления может быть успешным. Но жалел о злоупотреблениях по отношению к Боту и связанных с именем Бога. Жалел в душе. Выбор же

его был иным: он оставил себя, своего бога и принял братство республиканского режима.

— Посмотрите, мадам Жасинта, — попросил он, — посмотрите, кто это так рано стучит в нашу дверь. Если это случайно не какое-нибудь срочное дело, о котором просят, то скажите, что сейчас меня вызывают в Консьержери и мне следует немедленно туда отправиться.

Мадам Жасинту^[68] раньше называли мадам Мадленой; но она согласилась обменять свое прежнее имя на название цветка. Впрочем, и аббат Жирар согласился вместо кюре стать гражданином.

По приказу хозяина Жасинта поспешила спуститься в маленький сад, в котором находилась входная дверь. Она отодвинула засовы и увидела молодого человека, очень бледного, очень взволнованного, но с приятным и честным лицом.

— Месье аббат Жирар? — сказал он.

Жасинта обратила внимание на беспорядок в его одежде, длинную бороду и нервную дрожь, бившую пришедшего: все это казалось ей дурным предзнаменованием.

— Гражданин, — запротестовала она, — больше здесь нет ни сударя, ни аббата.

— Простите, сударыня, — продолжал молодой человек, — я хочу сказать викария Сен-Ландри.

Жасинта, несмотря на свой патриотизм, была тронута словом сударыня, которое теперь практически не употреблялось, однако ответила:

— Его нельзя видеть, гражданин: он молится.

— В таком случае, я подожду, — ответил молодой человек.

— Но, — продолжала мадам Жасинта, которой эта настойчивость вновь напомнила о дурных предчувствиях, охвативших ее вначале. — Вы напрасно будете ждать, его вызывают в Консьержери, и он сейчас уезжает.

Молодой человек ужасно побледнел, а точнее из бледного он превратился в мертвенно-бледного.

— Значит, это правда, — прошептал он.

Потом уже громче:

— Именно по этой причине, сударыня, — сказал он, — я и пришел сюда.

Продолжая говорить, он шагнул вперед, осторожно, но с твердостью, отодвинул засовы двери и, несмотря на сопротивление и даже угрозы мадам Жасинты, вошел в дом и даже в комнату аббата.

Тот, увидев его, удивленно вскрикнул.

— Простите сударь, — тотчас же отозвался молодой человек, — но

мне нужно поговорить с вами об очень важном деле. Позвольте сделать это без свидетелей.

Старый священник по опыту знал, как выражаются большие несчастья. На взволнованном лице молодого человека он прочитал страсть, а в прерывающемся голосе — чрезмерное волнение.

— Пропустите его, Жасинта, — сказал он.

Молодой человек с нетерпением следил глазами за экономкой, которая, привыкнув принимать участие во всех тайнах своего хозяина, колебалась — уйти или остаться. Потом, когда она, наконец, закрыла дверь, заговорил незнакомец.

— Сударь, вы, наверное, хотите знать, кто я такой. Я сейчас расскажу все. Я — изменник; я — человек, приговоренный к смерти, живущий уже на пределе сил, я — шевалье де Мезон-Руж.

Аббат, сидя в своем большом кресте, вздрогнул от ужаса.

— О! — не пугайтесь, — продолжал шевалье. — Никто не видел, как я вошел сюда, а если кто-нибудь меня и увидел бы, то не узнал. За два месяца я очень изменился.

— Но что вам угодно, гражданин? — спросил кюре.

— Сегодня вы направляетесь в Консьержери, не так ли?

— Да, меня вызвал консьерж.

— Вы знаете, зачем?

— К какому-нибудь больному, умирающему или, возможно, приговоренному.

— Вы знаете, что вас ждет приговоренная.

Старый священник с удивлением взглянул на шевалье.

— А вы знаете, кто она, эта приговоренная, — продолжал Мезон-Руж.

— Нет... не знаю.

— Ну так вот, это — королева...

Аббат вскрикнул

— Королева? О! Боже мой!

— Да, сударь, королева! Я навел справки и узнал, кого из священников ей должны дать. Я узнал, что это вы, и прибежал сюда.

— Чего же вы от меня хотите? спросил священник, напуганный возбужденным голосом шевалье

— Я хочу... я не хочу, сударь. Я пришел просить, вас, умолять, взывать к вам.

— О чем?

— Взять меня с собой к Ее Величеству.

— О! Да вы сошли с ума! — воскликнул аббат Но вы меня погубите!

Вы погубите меня!

— Ничего не бойтесь.

— Бедная женщина приговорена и ничего нельзя изменить.

— Знаю; я прошу вас вовсе не для того, чтобы попытаться спасти ее, я хочу видеть ее... Вы слушаете, отец мой? Вы не слушаете меня?

— Я не слушаю вас, потому что вы просите невозможного; я не слушаю вас, потому что вы ведете себя, как слабоумный человек, — сказал священник. — Я не слушаю вас, потому что вы приводите меня в ужас.

— Отец мой, успокойтесь, — ответил молодой человек, пытаясь и сам успокоиться. — Отец мой, поверьте, я в здравом уме. Королева погибла, я знаю. Но если бы я мог броситься к ее ногам хотя бы на секунду, это бы меня спасло. Если я не увижу ее, я убью себя, и поскольку вы будете причиной моего отчаяния, то вы убьете одновременно и тело, и душу.

— Сын мой, сын мой, — сказал священник, — вы ведь просите меня пожертвовать своей жизнью. Подумайте об этом, хотя я и стар уже, тем не менее, моя жизнь нужна еще многим несчастным. Хотя я и стар, но не могу идти сам за смертью — это значило бы совершить самоубийство.

— Не отказывайте мне, отец мой, — ответил шевалье. — Послушайте, вам ведь нужен викарий, прислужник; возьмите вместо него меня.

Священник пытался призвать всю твердость своего духа, поскольку его сердце было готово уступить.

— Нет, — сказал он, — нет. Это значило бы изменить своему долгу; я поклялся Конституции. Я поклялся ей всем сердцем, душой и совестью. Приговоренная женщина — это виновная королева. Я согласился бы умереть, если бы моя смерть могла быть полезной моему ближнему, ни я не могу изменить своему долгу.

— Но, — воскликнул шевалье, — если я вам скажу и повторю, если я поклянусь вам, что не собираюсь спасать королеву, вот на этом Евангелии, на этом кресте клянусь, что иду в Консьержери не для того, чтобы помешать ей умереть.

— Чего же вы тогда хотите? — спросил старец, взволнованный этим непритворным отчаянием.

— Послушайте, — сказал шевалье, душа которого, казалось, наполняла его слова, — она была моей благодетельницей. У нее есть ко мне своеобразная привязанность! Увидеть меня в свой последний час, я уверен, было бы для нее утешением.

— Это все, что вы хотите? — спросил священник, уже готовый уступить такому натиску.

— Более ничего.

— И вы не замышляете никакого заговора, чтобы попытаться освободить приговоренную?

— Никакого. Я — христианин, отец мой, и, если есть в моем сердце хотя бы тень лжи, если во мне есть хоть малейшая надежда на то, что она будет жить, если я хоть что-то попытаюсь сделать, то пусть Господь Бог покарает меня вечным проклятием.

— Нет, нет! Я ничего не могу вам обещать! — сказал аббат, — учитывая то, насколько опасна его неосторожность.

— Послушайте, отец мой, — произнес шевалье с глубокой печалью, — я говорил с вами только как ваш покорный сын, и только с христианским чувством взывал к милосердию. Ни одного дурного слова, ни одной угрозы не вырвалось из моих уст; однако, голова моя в горячке, лихорадка сжигает мою кровь, отчаяние пожирает мое сердце, к тому же я вооружен — смотрите, вот мой кинжал.

И молодой человек вытащил из кармана блестящее тонкое лезвие, которое отбросило мертвенно бледный отблеск на его дрожащую руку.

Священник быстро отступил.

— Не бойтесь, — с грустной улыбкой сказал шевалье. — Другие, зная о том, как вы верны своему слову, попытались бы, запугав вас, вырвать согласие. Я же умоляю вас и продолжаю умолять, кланяясь в ноги: сделайте так, чтобы я хоть на мгновение увидел ее. Вот вам для гарантии...

Он достал из кармана записку и протянул ее аббату Жирару. Тот развернул и прочитал следующее:

«Я, Рене, шевалье де Мезон-Руж, клянусь Богом и честью, что под угрозой смерти заставил достойного аббата из Сен-Ландри провести меня в Консьержери, несмотря на его отказ и сопротивление. В чем и подписываюсь.

МЕЗОН-РУЖ»

— Хорошо, — сдался священник, — но поклянитесь мне также в том, что вы не совершите ни малейшей неосторожности. Это нужно не только для того, чтобы спасти мою жизнь, ведь я отвечаю также и за вашу.

— Не будем думать об этом, — ответил шевалье. — Вы согласны?

— Приходится согласиться, поскольку вы этого так желаете. Будете ждать меня внизу и, когда она пройдет в канцелярию, вы увидите ее...

Шевалье схватил руку старца и поцеловал ее с таким почтением и пылом, словно целовал распятие.

— О! — прошептал он. — По крайней мере, она умрет королевой, рука палача ее не коснется.

Глава XX

Тележка

Получив согласие священника из Сен-Ландри, Мезон-Руж кинулся в полуоткрытую комнату аббата. Взмах бритвы — и его борода, усы упали на пол. И только теперь он увидел в зеркале свою ужасную бледность.

Возвратившись, он выглядел совершенно спокойным. Казалось, он просто забыл, что, несмотря на сбритые усы и бороду, его могли узнать в Консьержери.

Шевалье последовал за аббатом, за которым вскоре заехали два чиновника. И с той храбростью, устраняющей всякое подозрение, в том нервном возбуждении, которое преображает даже внешность, он прошел за решетку, окружавшую внутренний двор Дворца. Как и аббат Жирар, он был одет в черное — прежние одежды священников были запрещены.

В канцелярии собралось человек пятьдесят, это были тюремщики, представители власти, комиссары. Они хотели увидеть, как пройдет королева. Одни находились здесь по службе, другие пришли из любопытства.

Сердце Мезон-Ружа билось так сильно, что шевалье даже не слышал переговоров аббата с охранниками и консьержем. Какой-то человек, державший в руках ножницы и кусок ткани, на пороге толкнул его.

Повернувшись, Мезон-Руж узнал в нем палача.

— Что тебе нужно, гражданин? — спросил Сансон.

Шевалье пытался унять дрожь, которая невольно пробежала по его телу.

— Мне? — переспросил он. — Ты же прекрасно видишь, гражданин Сансон, я сопровождаю кюре из Сен-Ландри.

— Тогда ладно, — ответил палач, направляясь дальше и отдавая приказы помощнику.

В это время Мезон-Руж проник в канцелярию, из нее — в отделение, где находились два охранника.

Они выглядели подавленно: приговоренная, полная достоинства и гордости по отношению к другим, с ними была добра и кротка и они больше походили на ее слуг, чем на охранников.

Но отсюда шевалье не мог видеть королеву: ширма была закрыта.

Она открылась, чтобы смог пройти священник, но тотчас задвинулась за ним

Когда шевалье вошел, беседа уже началась.

— Сударь, — произнесла королева своим гордым и резким голосом, — поскольку вы дали клятву Республике, именем которой меня приговорили к смерти, я не могу исповедоваться вам. У нас теперь не один Бог!

— Сударыня, — ответил аббат, взволнованный этим пренебрежением к вере. — Христианка, которая должна умереть, должна умирать без ненависти в сердце и не должна отталкивать Бога в каком бы виде он не предстал перед нею.

Мезон-Руж сделал шаг, чтобы открыть ширму, надеясь, что королева, увидев его и узнав о причине, которая привела его сюда, изменит отношение к аббату, и тут же поднялись охранники.

— Но, — сказал Мезон-Руж, — поскольку я помощник аббата...

— Если она отказывается от аббата, ей не нужен и его помощник.

— Но, может быть, она согласится, — сказал шевалье, повышая голос, — не может быть, чтобы она не согласилась.

Но Мария-Антуанетта была слишком погружена в свои мысли, чтобы услышать, а тем более узнать голос шевалье.

— Идите, сударь, — продолжала она, обращаясь к Жирану, — идите и оставьте меня: поскольку сейчас мы живем во Франции при режиме свободы, я требую предоставить мне свободу умереть так, как мне вздумается.

Священник попытался настаивать.

— Оставьте меня, сударь, — сказала королева, — я уже говорила вам об этом.

Он опять попытался что-то возразить.

— Я так хочу, — произнесла королева с характерным для Марии-Антуанетты жестом.

Аббат Жиран вышел.

Мезон-Руж попытался заглянуть за ширму, но узница повернулась спиной.

Аббат столкнулся с помощником палача, тот входил, держа в руках веревки. А жандармы вытолкнули шевалье за дверь до того, как отчаявшийся, ослепленный и оглушенный, он смог проникнуть к королеве или хоть что-то предпринять для исполнения задуманного.

Он очутился в коридоре вместе с аббатом. Из коридора их выпроводили в канцелярию. Там уже стало известно об отказе королевы исповедоваться. Австрийская гордость Марии-Антуанетты стала для одних поводом для грубой брани, для других же — предметом тайного восхищения.

— Идите, — сказал папаша Ришар аббату, — возвращайтесь к себе. Поскольку она вас выгнала, то пусть умирает так, как ей вздумается.

— А ведь она права, — сказала жена Ришара, — я бы поступила точно так же.

— И была бы неправа, гражданка, — сказал ей аббат.

— Замолчи, женщина, — прошипел консьерж, сделав большие глаза. — Разве это тебя не касается? Идите, аббат, идите.

— Нет, — сказал аббат, — нет, я буду сопровождать ее, несмотря на ее возражения. Одно слово, пусть хоть одно слово, услышанное сю, напомнит ей о ее обязанностях. Впрочем, Коммуна поручила мне... я должен подчиниться Коммуне.

— Пусть будет так, но отошлите своего помощника, — грубо сказал офицер отряда охраны.

Этим офицером был бывший актер из театра Комеди-Франсез по имени Граммон.

Глаза шевалье вспыхнули от гнева, и он машинально сунул руку в карман. Аббат Жирар, зная, что у шевалье есть кинжал, остановил его умоляющим взглядом.

— Пощадите мою жизнь, — едва слышно прошептал он. — Вы же видите, для вас все потеряно, не губите же вместе с нею себя. По дороге я расскажу ей о вас. Клянусь: я скажу ей о том, какому риску подвергались вы ради того, чтобы увидеть ее в последний раз.

Эти слова успокоили молодого человека. Впрочем, наступила обычная в таком случае реакция, он вдруг впал в удрученное состояние. Этот человек, наделенный героической волей и чудесной силой, пришел сюда на пределе сил; сейчас он чувствовал себя опустошенным, побежденным и находился в том состоянии, которое можно было считать предвестником смерти.

— Да, — сказал он, — так и должно было произойти. Крест для Иисуса, эшафот для нее: боги и короли до конца испивают ту чашу, которую им преподносят люди.

Смирившись с этой мыслью, молодой человек без сопротивления позволил вытолкнуть себя до входной двери, защищаясь только невольными стонами. Он протестовал не больше, чем Офелия, обреченная на смерть, чувствуя, как ее уносят волны.

У решеток и дверей Консьержери собралась столь ужасная толпа, какую невозможно представить даже при самом богатом воображении. Нетерпение подчинило себе остальные страсти. Никто не сдерживал себя — стоял непрерывный, бесконечный гул, словно все население

Парижа собралось здесь, в квартале Дворца Правосудия.

Первые ряды этой толпы составляли солдаты — целая армия с пушками. Ей предстояло обеспечить охрану долгожданного праздника, обезопасить тех, кто пришел им насладиться.

Все попытки преодолеть толпу, которая все увеличивалась, по мере того, как известие о приговоре распространялось за пределами Парижа и о нем узнавали патриоты из предместий, были бы напрасны. Мезон-Руж, которого вытолкнули из Консьержери, оказался, естественно, в первом ряду среди солдат. Они спросили: кто ты такой?

Шевалье ответил, что он — викарий аббата Жирара; но ему, как и аббату, королева отказалась исповедоваться.

И солдаты, в свою очередь, вытолкнули его в первые ряды зрителей.

Ему пришлось повторить все то, что он говорил солдатам. Его тут же засыпали вопросами. — Он был у нее... Он ее видел... Что она сказала?.. Что она делает?.. Она по-прежнему горда?.. Она сражена?.. Она плачет?..

Шевалье отвечал слабым, тихим и приветливым голосом из последних сил. Его ответы были правдой, чистой

и простой. Только эта правда служила похвалой твердости и решительности Марии-Антуанетты. И поскольку он рассказывал с простотой и верой евангелиста, то слова его вселили беспокойство и угрызения совести не в одно сердце.

Когда он говорил о маленьком дофине и принцессе, о королеве без трона, о супруге без супруга, о матери без детей, наконец об этой женщине, одинокой и покинутой, среди палачей, то не одно лицо в окружавшей его толпе стало грустным, не одна слеза быстрая и жгучая, скатилась из глаз, недавно сверкавших от ненависти. На часах Дворца пробило одиннадцать; шум сразу затих. Сто тысяч человек считали удары часов, которым отвечали удары их сердец.

Когда звук последнего удара погас, растворившись в воз духе, за дверьми послышался сильный шум. В этот же момент тележка, прибывшая со стороны набережной Флер, рассекла сначала толпу, потом охранников и остановилась у самых ступеней.

Вскоре на огромной площадке крыльца появилась королева. Казалось, что в ее глазах отражались все страсти — толпа замерла.

В ее коротких волосах проблескивала седина и этот серебристый оттенок придавал еще больше утонченности перламутровой бледности, благодаря которой красота дочери Цезарей в эти трагические минуты казалась неземной.

На ней было белое платье, руки связаны за спиной.

Когда она появилась на верхней ступеньке лестницы — справа от нее находился аббат Жирар, сопровождавший королеву помимо ее воли, а слева шел палач. Оба они были в черном — по толпе пробежал шепот, истинный смысл которого понял бы только Бог, умеющий читать в сердцах людских.

В этот момент между палачом и Марией-Антуанеттой прошел какой-то человек. Это был Граммон. Он подошел, чтобы указать королеве на отвратительную тележку.

Королева невольно сделала шаг назад.

— Идите в тележку, — сказал Граммон.

Все услышали его слова: от волнения собравшиеся онемели. И все заметили, как кровь прилила к щекам королевы. Она покраснела до корней волос, но почти сразу же лицо ее вновь стало мертвенно бледным.

Ее побелевшие губы приоткрылись.

— Почему я должна ехать в этой тележке? — спросила она. — Ведь короля везли на эшафот в собственном экипаже?

Аббат Жирар сказал ей несколько слов. Несомненно, он хотел побороть у осужденной этот последний крик королевской гордости.

Королева замолчала и покачнулась.

Сансон вскинул обе руки, чтобы поддержать, но она выпрямилась до того, как палач прикоснулся к ней.

Она спустилась с крыльца. Помощник палача уже установил деревянную ступеньку у тележки. Королева взошла в тележку, следом за ней поднялся аббат.

Сансон усадил их обоих. Тут тележка покачнулась, и толпа, казалось, покачнулась вместе с ней. Солдаты, не понявшие, что случилось, на всякий случай дружно оттолкнули людей. Таким образом, между тележкой и первыми рядами образовалось свободное пространство.

И в этом пустом пространстве кто-то жалобно завыл.

Королева вздрогнула и встала, осматриваясь.

Она увидела свою собаку, которая потерялась два месяца назад; свою собаку, которая не могла вместе с ней оказаться в Консьержери, и которая, несмотря на крики и удары, бросилась к тележке — но почти тотчас же бедный Блэк, худой, изможденный, исчез под копытами лошадей.

Королева проследила за ним глазами. Она не могла говорить — шум заглушал ее голос. Она не могла показать пальцем — руки были связаны. Впрочем, если бы даже она и смогла показать, и если бы даже ее смогли услышать, то все равно просьба ее была бы бесполезной.

Но через мгновение она снова увидела собаку. Блэк находился на руках бледного молодого человека, который возвышался над толпой,

взобравшись на пушку. В порыве невыразимой экзальтации он приветствовал ее, указывая на небо.

Мария-Антуанетта тоже посмотрела на небо и кротко улыбнулась.

Шевалье де Мезон-Руж испустил стон, как будто эта улыбка ранила его в самое сердце, и поскольку тележка повернула к мосту Шанж, он бросился в толпу и исчез.

Глава XXI

Эшафот

На площади Революции, прислонившись к фонарю, в ожидании стояли двое мужчин. Они ждали вместе с толпой, часть которой находилась на площади у Дворца, а другая — на площади Революции. Они соединялись между собой густой беспокойной теснящейся людской цепью, протянувшейся между двумя площадями. Масса людей ждала прибытия королевы к орудию казни, уже износившемуся под воздействием дождя и солнца, рук палача и, о, ужас! изнашивалось от соприкосновения с жертвами и которое возвышалось над головами толпы со зловещей гордостью, подобно тому, как королева возвышается над своим народом.

Эти молодые люди, скрестив на груди руки, с бледными губами и нахмуренными бровями, тихо урывками переговаривались — это были Морис и Лорэн. Затерявшись в толпе, они продолжали беседовать и беседа их была столь же интересна, как и другие разговоры, что велись в разных группах людей. Потoki слов подобно электрической цепи оживляли это море людей от моста Шанж до моста Революции.

Сравнение, которое мы только что высказали по поводу эшафота, возвышавшегося над головами, поразило их обоих.

— Смотри, — сказал Морис, — как омерзительный монстр простирает свои кровавые руки. Разве нельзя сказать, что он нас зовет, улыбаясь своим зевом, этим ужасающим ртом.

— Я, ей Богу, — заметил Лорэн, — не принадлежу к той школе поэтов, которая все видит в кровавом свете. Я все всё в розовом, поэтому у подножия этой омерзительной машины я бы еще напевал, надеясь: «Dum spiro, spero»^[69].

— И ты еще надеешься в то время, когда убивают женщин?

— Ах, Морис, — ответил Лорэн, — ты, сын революции, не отвергай же свою мать. Оставайся, Морис, добрым и лояльным патриотом. Та, которая должна умереть, это не такая женщина, как другие. Та, которая должна умереть — это злой дух Франции.

— О! Я сожалею вовсе не о ней; не о ней я плачу! — воскликнул Морис.

— Я понимаю, ты думаешь о Женевьеве.

— Видишь ли, одна мысль сводит меня с ума: Женевьева находится

сейчас в руках тех поставщиков гильотины, которых зовут Эбер и Фукье-Тэнвилль. В руках тех людей, кто отправил сюда несчастную Элоизу и гордую Марию-Антуанетту.

— Теперь послушай, — размышлял Лорэн. — Что же дает надежду мне, когда народный гнев насытится обедом из двух тиранов — короля и королевы — он уляжется, по крайней мере, на какое-то время, подобно боа, который переваривает в течение трех месяцев то, что заглотил. Он не заглотит больше никого и, как говорят знающие, даже самые маленькие кусочки будут его пугать.

— Лорэн, Лорэн, — посетовал Морис, — я более опытен, чем ты. И я говорю тебе тихо, но могу повторить громко: Лорэн, я ненавижу новую королеву, ту, что, как мне кажется, сменит Австриячку. Это трагическая королева, та, чей пурпур окрашен ежедневной кровью, и ее первым министром является Сансон.

— Мы ей не поддадимся.

— Я уже ни во что не верю, — ответил Морис, потрянув головой. — Ты же видишь, для того, чтобы нас не арестовали в собственном доме, нас останется только одно — жить на улице.

— Но мы можем покинуть Париж, ничто не мешает нам это сделать. Не станем же мы роптать на судьбу. Мой дядя ждет нас в Сент-Омере; деньги, паспорта, все у нас есть. Мы здесь, потому что хотим остаться.

— То, что ты сказал, не совсем так, мой превосходный друг, преданное сердце... Ты остаешься, потому что я хочу остаться.

— А ты хочешь остаться, чтобы найти Женевьеву. А что может быть проще, вернее и естественнее? Ты думаешь, что она в тюрьме, это более, чем вероятно. Ты хочешь позаботиться о ней, а для этого нельзя покидать Париж.

Морис вздохнул; было ясно: его одолевали другие мысли.

— Помнишь смерть Людовика XVI? — спросил он. — Я хорошо помню свое волнение и гордость. В толпе, среди которой сегодня пытаюсь спрятаться, я тогда был одним из главных действующих лиц. У подножия вот этого эшафота я чувствовал себя таким великим, каким никогда не чувствовал себя и тот король, который поднимался по ступеням смерти. Какая перемена, Лорэн! И когда задумываешься что хватило всего девяти месяцев, чтобы так ужасно измениться.

— Девять месяцев любви, Лорэн!.. Любовь, ты погубила Трою!

Морис вдохнул; его мысли устремились уже в другом направлении.

— Бедный Мезон-Руж, — прошептал он, — какой же для него сегодня грустный день.

— Увы! — сказал Лорэн. — Хочешь, я скажу тебе то, что кажется мне самым грустным во всех революциях?

— Да.

— То, что часто врагами становятся те, кого хотелось бы иметь друзьями и друзьями людей...

— Мне хочется верить в одно, — прервал его Морис.

— Во что?

— В то, что он еще что-нибудь не придумает, что-нибудь совершенно безумное, пытаюсь спасти королеву.

— Один человек против ста тысяч?

— Я же сказал тебе: даже что-то безумное... Я знаю, для того, чтобы спасти Женевьеву...

Лорэн нахмурился.

— Я говорю тебе еще раз, Морис, — продолжил он, — даже если придется спасти Женевьеву, ты не станешь плохим гражданином. Ладно, хватит об этом, нас слушают. Посмотри, как в толпе повернулись головы; смотри, а вот и помощник господина Сансона поднимается наверх со своей корзиной и смотрит вдаль. Австриячка подъезжает.

Действительно, Лорэн верно заметил перемены в толпе — в ней нарастал трепет. Это напоминало один из тех шквальных порывов ветра, которые начинаются свистом, а заканчиваются завыванием.

Морис, забравшись на фонарь, посмотрел в сторону улицы Сент-Оноре.

— Да, — произнес он, вздрогнув, — вот и она!

Вдали показался не менее отвратительный механизм, чем гильотина. Это была тележка, на которой доставляли обреченных.

Справа и слева засверкало оружие эскорта, а скачущий перед тележкой Граммон отвечал, сверкая своим оружием, на крики нескольких фанатиков. Но по мере того, как процессия приближалась, крики внезапно стихли под холодным и мрачным взглядом приговоренной.

Еще никогда ее лицо не вызывало столько почтения, никогда Мария-Антуанетта не была более величественной, более королевой. Гордость ее мужества дошла до того, что внушала присутствующим страх.

Бесстрастное к увещаниям аббата Жирара, сопровождавшего Марию-Антуанетту против ее воли, лицо королевы не поворачивалось ни налево, ни направо. Неравномерное движение тележки по ухабистой мостовой только подчеркивало величие ее манеры держаться. Можно было подумать, что везут мраморную статую: только у этой королевской статуи был горящий взгляд и волосы развевались по ветру.

Мертвая тишина, подобно той, что бывает в пустыне, вдруг опустились на триста тысяч зрителей этой сцены, которую небо при солнечной погоде видело в первый раз.

Вскоре и в том месте, где стояли Морис и Лорэн, слышались скрип тележки и дыхание лошадей охраны

У подножья эшафота тележка остановилась.

И королева словно вдруг очнулась, все поняла она устремила беспокойный взгляд на толпу, и тот же самый бледный молодой человек, которого она видела у дворца стоящим на пушке, снова возник перед ней, этот раз на каменной тумбе. С нее он послал такое же почтительное приветствие, которое уже адресовал ей, когда она выходила из Консьержери. И он сразу спрыгнул с тумбы.

Его заметили многие, но поскольку он был одет в черное, то распространился слух о священнике, ожидающем Марию-Антуанетту, чтобы в последний момент перед эшафотом послать ей отпущение грехов. Поэтому его никто не тронул. При столь трагических обстоятельствах к благородным, хотя и не совсем законным побуждениям, люди из толпы испытывали высшее почтение.

Королева осторожно спустилась по трем приставным ступенькам; ее поддерживал Сансон, оказывающий ей наивысшее почтение. Казалось, его самого приговорили к исполнению трагического решения.

Пока она поднималась по ступенькам на эшафот, несколько лошадей встали на дыбы, несколько охранников и солдат покачнулись, потеряв равновесие. Немногие заметили, как какая-то тень скользнула под эшафот. Но спокойствие почти тотчас же восстановилось: никто не хотел в эти напряженные минуты покинуть свое место, никто не хотел упустить и малейшей подробности великой свершающейся драмы: все взгляды устремились к смертнице.

Королева уж: е находилась на площадке эшафота. Священник продолжал ей что-то говорить, один из помощников палача тихонько подталкивал ее назад, другой — развязывал косынку на ее шее.

Мария Антуанетта, почувствовав позорную руку, прикоснувшуюся к ее шее, резко отшатнулась и наступила на ногу Сансону, который привязывал ее к роковой доске.

Сансон высвободил свою ногу.

— Простите, сударь, я сделала это нечаянно...

Это были последние слова, которые произнесла дочь Цезарей, королева Франции, вдова Людовика XVI.

На часах Тюильри пробило четверть первого — и в эти секунды

Мария-Антуанетта канула в вечность.

Ужасный крик, крик, в котором смешалось все: радость, ужас, скорбь, надежда, триумф, искупление, как ураган, заглушил другой крик, слабый и жалостный, прозвучавший под эшафотом.

Услышали его только охранники, хотя он был очень слабым. Они рванулись вперед. Найдя щель, толпа хлынула, как река, прорвавшая запруду, перевернула ограду, раскидала охрану и, подобно приливу, налетела на эшафот, начав бить его ногами. Под натиском и ударами тот стал раскачиваться. Каждый хотел посмотреть: что же осталось от королевства, будучи уверен в том, что с Людовиком во Франции покончено навсегда.

Но охранников волновало другое — они искали ту тень, которая нарушила дозволенную границу и скользнула под эшафот.

Двое из них вернулись, держа за ворот молодого человека, рука которого прижимала к сердцу окрашенный кровью носовой платок.

За ним бежал жалобно завывающий спаниель.

— К смерти аристократа! К смерти бывшего! — закричали несколько человек, указывая на молодого человека. — Он смочил свой платок кровью Австриячки, к смерти!

— Великий Боже! — произнес Морис. — Лорэн, ты узнаешь его? Ты его узнаешь?

— К смерти роялиста! — требовали одержимые. — Отнимите у него этот платок, который он хочет сделать реликвией, вырвите его, вырвите!

Гордая улыбка пробежала по губам молодого человека. Он разорвал рубашку, обнажил грудь и уронил платок.

— Судари, — вымолвил он, — это не кровь королевы. Это моя кровь, дайте мне спокойно умереть.

На левой стороне его груди открылась глубокая рана. Толпа вскрикнула и отступила.

Молодой человек стал медленно опускаться и упал на колени, глядя на эшафот точно так же, как мученик смотрит на алтарь.

— Мезон-Руж! — прошептал Лорэн на ухо Морису.

— Прощай! — прошептал шевалье, опуская голову с божественной улыбкой. — Прощай, или вернее, до свидания!

И он скончался среди ошеломленных охранников.

— Лорэн, нужно еще кое-что сделать, — сказал Морис, — прежде, чем стать плохим гражданином.

Маленькая, испуганная и завывающая собачка бегала вокруг трупа.

— Ах, это Блэк, — узнал спаниеля какой-то мужчина, державший в

руке толстую палку. — Это Блэк. Иди-ка сюда, малыш.

Собака побежала к тому, кто ее позвал. Но едва только спаниель приблизился к мужчине, как тот, разразившись смехом, поднял палку и разmozжил ей голову.

— О! Несчастный! — воскликнул Морис.

— Тише, — прошептал Лорэн, останавливая его, — тише или мы погибли... это же Симон.

Глава XXII

Обыск

Друзья вернулись к Лорэну. Морис, чтобы не слишком компрометировать друга, покидал его дом рано утром и возвращался поздно вечером.

Он старался больше времени находиться в Консьержери, надеясь увидеть, не привезут ли Женевьеву, так как он не смог выяснить, в какой тюрьме она содержится.

После своего визита к Фукье-Тэнвиллю Лорэн дал Морису понять, что после первой же его попытки как-то проявить себя его арестуют, и тогда он уже не сможет помочь Женевьеве. Морис, хотя с удовольствием соединился бы с ней даже в тюрьме, стал очень осторожным из страха навсегда потерять ее.

Каждое утро он ходил в Кармы, в Порт-Либр, в Маделонетты, в Сен-Лазар, в Форс и наблюдал за тем, как из тюрем выезжают тележки и направляются с обвиняемыми в революционный трибунал. Осмотрев одних узников, он бежал к следующей тюрьме.

Вскоре Морис осознал, что даже десяти человек не хватило бы для того, чтобы вести наблюдение сразу за тридцатью тремя тюрьмами Парижа того времени. Пришлось ограничиться пребыванием в трибунале в ожидании, что туда привезут и Женевьеву.

Он уже начал приходить в отчаяние. И действительно, какие шансы были у узника после приговора? Иногда трибунал начинал заседать в десять часов, а к четырем выносил приговоры уже двадцати или тридцати человекам. Таким образом, первому еще давали возможность насладиться жизнью в течение шести часов, тогда как последнему приговоренному без четверти четыре, уже в половине пятого рубили голову.

Смириться с тем, что подобный жребий предназначен и Женевьеве, означало бы смириться с судьбой.

О! Если бы он знал, где томится арестованная Женевьева... Как бы Морис радовался простой человеческой справедливости, такой слепой в эту эпоху! Как легко и быстро он вырвал бы Женевьеву из тюрьмы! Никогда еще побеги из них не были такими удобными; но можно также сказать, что никогда они не были и такими редкими.

Что касается дворянства, то оказавшись за решеткой, оно устраивалось там, как в родовом замке и не отказывало себе в удовольствии умереть.

Побег приравнивался к попытке уклониться от дуэли. Даже женщины краснели от свободы, приобретенной такой ценой.

Однако Морис не был бы таким щепетильным. Убить собак, подкупить ключников, что могло быть проще! Женестьева не относилась к числу слишком известных личностей, привлекающих всеобщее внимание... Она бы не обесчестила себя побегом, впрочем... даже если бы и так!

Знали бы вы, с какой горечью он представлял себе сады Порт-Либр, откуда можно было без труда выбраться; эти камеры в Маделонеттах, из которых легко оказаться на улице, такую низкую ограду Люксембургской тюрьмы, темные коридоры в Кармах, куда решительный человек мог легко проникнуть сквозь окно!

Но была ли Женестьева в одной из этих тюрем?

Пожираемый сомнением, разбитый тревогой, Морис осыпал проклятиями Диксмера. Он от всей души ненавидел этого человека, подлая месть которого скрывалась под кажущейся преданностью королевскому делу.

«Я найду его, — думал Морис, — если он захочет спасти несчастную женщину, то объявится; если он захочет ее потерять, он оскорбит ее. И тогда я найду этого подлого... и горе ему».

Утром того дня, когда произошли эти события, о которых мы собираемся рассказать, Морис, как обычно, направился в революционный трибунал. Лорэн еще спал.

Ею разбудили громкие голоса женщин за дверью и удары прикладами.

Он бросил вокруг себя ошеломленный взгляд застигнутого врасплох человека, который хочет удостовериться в том, что рядом нет ничего компрометирующего.

В эту минуту вошли четверо членов секции, два жандарма и комиссар.

Их визит был настолько красноречив, что Лорэн поспешил одеться.

— Вы арестуете меня? — спросил он.

— Да, гражданин Лорэн.

— За что?

— Потому что ты — подозрительный.

— Ах, вот как.

— Комиссар нацарапал внизу протокола об аресте несколько слов.

— А где твой друг? — продолжал он.

— Какой друг?

— Гражданин Морис Линдей.

— Очевидно, у себя дома, — ответил Лорэн.

— Нет, он живет у тебя.

— Здесь? Ну, полноте! А впрочем, ищите, и если вы найдете...

— Вот донос, — сказал комиссар, — вполне определенный.

И он протянул Лорэну бумагу, исписанную безобразным почерком с довольно загадочной орфографией. В нем сообщалось, что видели, как каждое утро от гражданина Лорэна выходит гражданин Линдей подозрительный, об аресте которого принято постановление.

Донос был подписан Симоном.

— Ах, вот в чем дело! Этот сапожник теряет практику, — сказал Лорэн, — если он пытается делать сразу два дела. Ну, каково — доносчик и набойщик подметок! Однако, ты просто Цезарь, Симон.

И он рассмеялся.

— Гражданин Лорэн, — спросил комиссар, — где гражданин Морис? Мы требуем, чтобы ты его выдал.

— Ну, я же сказал вам, что здесь его нет!

Комиссар прошел в соседнюю комнату, потом поднялся в каморку, гас жил слуга Лорэна. Осмотрел еще одну комнату. Никаких следов Мориса.

Но на столе в столовой внимание комиссара привлекла недавно написанная записка. Это ее утром, уходя из дома, чтобы не будить друга, хотя они спали в одной комнате, оставил Морис.

*«Я иду в трибунал, — сообщал он, — завтракай без меня.
Вернусь только вечером».*

— Гражданин, — сказал Лорэн, — как бы я ни хотел подчиниться вам, вы понимаете, что я не могу идти с вами в сорочке... Позвольте, слуга оденет меня.

— Аристократ! — бросил кто-то. — Ему нужна помощь, чтобы надеть штаны...

— Боже мой, да! — ответил Лорэн. — Я ведь как гражданин Дагобер^[70]. Вы заметили, что я не сказал «король».

— Ладно, заканчивай еси дела, — разрешил комиссар, — но поторапливайся.

Из каморки появился слуга и стал помогать хозяину одеваться.

Лорэн позвал слугу не потому, что не мог одеться сам. Он рассчитывал, что тот, замечавший абсолютно все, позже передаст Морису обо всем здесь произошедшем.

— А теперь, судари... простите, граждане... теперь, граждане, я готов

и следую за вами. Только позвольте мне, прошу вас, взять с собой последний том «Писем к Эмили» Демустье, который только что появился, и я еще не успел прочитать его — это скрасит мое пребывание в заключении.

— Твое заключение? — рассмеялся Симон, который выступал в роли представителя муниципальной гвардии, наблюдая за четырьмя членами секции. — Оно будет недолгим: ты проходишь по делу женщины, которая пыталась заставить бежать Австриячку. Ее сулят сегодня... а тебя осудят завтра, после того, как ты дашь свидетельские показания.

— Сапожник, — мрачно сказал Лорэн, — вы слишком быстро пришиваете подметки.

— Да, но как хорош будет удар резака! — ответил Симон с омерзительной улыбкой. — Ты увидишь, увидишь, мой красавец.

Лорэн пожал плечами.

— Ну, что, идем? — сказал он. — Я жду вас.

И когда все повернулись, чтобы спуститься по лестнице, Лорэн наградил Симона таким сильным ударом ногой, что тот, вопя, скатился по крутым ступенькам.

Члены секции не могли удержаться от смеха. А Лорэн сунул руки в карманы.

— При исполнении моих обязанностей, — сказал побелевший от гнева Симон.

— Черт побери! — удивился Лорэн. — А разве мы все здесь не три исполнения обязанностей?

Его посадили в фиакр и отвезли во Дворец Правосудия.

Глава XXIII

Лорэн

Если читатель пожелает еще раз последовать за нами в революционный трибунал, то мы на том же самом месте обнаружим Мориса, еще более бледного и взволнованного.

В тот момент, когда мы опять открываем сцену этого скорбного театра, куда ведут нас скорее события, чем желание, суд уже начался. Двое обвиняемых с вызывающей тщательностью — в то время это было своеобразным издевательством над судьями — перед тем, как отбыть на эшафот, привели себя в порядок, и судьи еще

обменивались репликами с адвокатами, неясные слова и выражения которых были похожи на слова врача, отчаявшегося от состояния своего больного.

В этот день трибуны занимал народ в свирепом расположении духа. Именно в том, которое подстегивает суровость судей: под взглядами люда из предместий судьи держатся лучше, так же, как актер удваивает энергию, чувствуя дурное настроение публики.

Итак, с десяти утра пять обвиняемых, стараниями этих неуступчивых судей превратились в приговоренных. Те двое, что еще находились на скамье подсудимых, ожидали решения судей: да или нет, оставят им жизнь или швырнут в объятия смерти.

Присутствующие в зале ожесточились от ежедневной, уже привычной трагедии, превратившейся в излюбленный спектакль. И теперь, когда обсуждался приговор, народ своими выкриками принимал участие в этом представлении.

— Смотри! Смотри! Посмотри на того высокого! — указывала одна вязальщица другой, той, у которой не было шляпки, поэтому ей приходилось носить трехцветную кокарду на своем шиньоне. — Смотри, какой он бледный! Можно подумать, что это уже мертвец.

Обвиняемый, с презрительной улыбкой взглянул на женщину.

— О чем ты говоришь? — удивилась соседка. — Он же смеется.

— Да, сквозь слезы.

Один из ремесленников взглянул на часы.

— Сколько времени? — полюбопытствовал сосед.

— Без десяти час! Затянулось уже на три четверти часа.

— Точно, как в городе несчастий — Данфроне: прибыл в полдень —

повешен в час.

— А маленький-то, маленький! — кричал другой зритель. — Посмотрите-ка на него, какой уродливой будет его голова в корзине!

— Не торопись оценивать, ведь не всегда удастся заглянуть в нес.

— У Сансона можно потребовать показать голову: есть такое право.

— Посмотри, какая красивая голубая одежда у этого тирана, если уменьшится число богатых, то хоть это скрасит жизнь бедным.

Да, как объяснял палач королеве, беднякам доставались наряды богатых жертв. Сразу после казни одежда направлялась в Салпетриер, где ее распределяли среди нуждающихся — туда же была отправлена и одежда казненной королевы.

Морис не обращал внимания на все эти разговоры. Собственные заботы и тревоги словно изолировали его от других.

Вот уже в течение нескольких дней то страх, то надежда заполняли его сердце. И эти постоянные колебания сделали его нечувствительным, безучастным.

Судьи, как и ожидала публика, обоих обвиняемых приговорили к смертной казни. Обреченные вышли уверенным шагом; в ту эпоху умирали красиво.

И тут же раздался мрачный и зловещий голос судебного исполнителя:

— Гражданин общественный обвинитель против гражданки Женеьевы Диксмер.

Морис вздрогнул всем телом и холодный пот заструился по его лицу.

Маленькая дверь, через которую вводили обвиняемых, отворилась и появилась Женеьева.

Она была в белом. Вместо тою, чтобы обрезать волосы, как делали многие женщины, она искусно, с очаровательным кокетством уложила их. Несомненно, бедная Женеьева хотела до последнего момента оставаться красивой для всех, кто мог ее видеть.

При виде Женеьевы Морис почувствовал, как силы, которые он копил для этого случая, вдруг покинули его. И хотя он готовился к такому, уж двенадцать дней не пропускал ни одного заседания и ему уже трижды слышалось имя Женеьевы, но некоторые беды так огромны и глубоки, что предугадать реакцию на них заранее невозможно.

Все, кто увидел вошедшую женщину, такую прекрасную, такую бледную, вскрикнули: одни от ярости — в эту эпоху люди ненавидели любое превосходство: в красоте, в деньгах, уме или происхождении, другие — от восхищения, некоторые — от жалости.

Женеьева, конечно, узнала один единственный голос среди всех. Она

повернулась в сторону Мориса, пока председатель листал досье, время времени поглядывая на нее. С первого же взгляда, брошенного в зал, она узнала Мориса, хотя на нем была широкополая шляпа. Она с нежной улыбкой повернулась в его сторону и еще более нежным жестом приложила свои дрожащие руки к губам и, казалось, вложила всю свою душу в этот прощальный воздушный поцелуй, предназначенный одному единственному человеку из всей толпы.

По залу пробежал шепот — всех заинтриговало такое начало, Женестьева хотела повернуться к судьям, но застыла посередине этого движения и расширившиеся глаза ее замерли с выражением ужаса.

Напрасно Морис вставал на цыпочки: он ничего не увидел, а вернее, что-то более важное приковало его внимание к сцене, то есть к трибуналу.

Фукье-Тэнвилль начал читать обвинительное заключение. Из него следовало, что Женестьева Диксмср — супруга ярого заговорщика, что она подозревается в оказании помощи шевалье де Мезон-Ружу, который неоднократно предпринимал попытки освободить королеву.

Впрочем, ее и арестовали в тот момент, когда она стояла на коленях перед королевой и умоляла ту поменяться с ней одеждой, предлагая умереть вместо нее. Этот глупый фанатизм, говорилось в обвинительном заключении, заслужил бы, несомненно, похвалу контрреволюционеров. Но сегодня жизнь каждого французского гражданина принадлежит только нации, и если жизнь приносится в жертву врагам нации, то это — двойная измена.

Женестьеву спросили: действительно ли ее арестовали в тот момент, когда она на коленях умоляла королеву поменяться одеждой, как свидетельствуют Дюшен и Жильбер, она ответила просто:

— Да!

— В таком случае, — потребовал председатель трибунала, — расскажите нам о вашем плане: на что вы рассчитывали в дальнейшем?

Женестьева улыбнулась.

— Женщина может на что-то надеяться, — сказала она. — Но женщина не может придумать сама такой план, жертвой которого стала я.

— В таком случае, как вы там оказались?

— Потому что я не принадлежу себе и меня заставили пойти на это.

— Кто заставил? — спросил общественный обвинитель.

— Люди, которые угрожали мне смертью в случае, если я не подчинюсь.

И гневный взгляд молодой женщины опять устремился в ту точку зала, которая оставалась невидимой для Мориса.

— Но, чтобы избежать смерти, которой вам угрожали, вы согласились на другую — ведь за этот поступок вам грозил смертный приговор.

— В то время нож уже был приставлен к моей груди, тогда как гильотина была еще далеко от моей головы. Я подчинилась насилию.

— Почему же вы не позвали на помощь! Каждый честный гражданин защитил бы вас.

— Увы, сударь, — ответила Женевьева с грустной, но в то же время такой нежной интонацией, что сердце Мориса готово было разорваться, — увы, рядом со мной никого не было.

Растроганность уступила место интересу, а интерес — любопытству. Многие из присутствующих опустили головы, одни прятали слезы, другие плакали открыто. В этот момент Морис заметил слева от себя человека с вызывающе, как казалось, поднятой головой и неподвижным лицом.

Это был Диксмер. Он стоял с мрачным видом, безжалостный, ни на минуту не спуская глаз ни с Женевьевы, ни с трибуны.

Кровь ударила в голову молодому человеку. Гнев, охвативший его, перерос в неудержимое желание мести. Он бросил на Диксмера взгляд, полный такой жгучей ненависти, что тот, как бы привлеченный этой горячей волной, повернулся к своему врагу.

Их взгляды пересеклись как два языка пламени.

— Назовите нам имена этих подстрекателей, — сказал председатель.

— Он один, сударь.

— Кто?

— Мой муж.

— Вы знаете, где он?

— Да.

— Укажите адрес, где он находится?

— Он смог быть подлецом, а я не могу. Не я должна сообщать о том, где он находится, а вы сами должны его найти.

Морис взглянул на Диксмера.

Тот не шевельнулся. В голове молодого человека мелькнула мысль: выдать его, выдав тем самым себя, но Морис отогнал ее. «Нет, — сказал он себе, — Диксмер не так должен умереть».

— Значит, вы отказываетесь помочь нам в поиске?

— Я думаю сударь, что не могу себе этого позволить, — ответила Женевьева, — потому что меня за это будут презирать все, а главное — я сама.

— Свидетели были? — спросил председатель.

— Один есть, — ответил судебный исполнитель.

— Вызвать его.

— Максимилиан-Жан Лорэн! — взвизгнул судебный исполнитель.

— Лорэн! — воскликнул Морис. — Боже мой! Что же случилось?

Суд, напомним, проходил в тот день, когда арестовали Лорэна, и Морис еще ничего не знал.

— Лорэн! — оглянувшись с печальным беспокойством, прошептала Женевьева.

— Почему свидетель не отвечает на вызов? — поинтересовался председатель.

— Гражданин председатель, — ответил Фукье-Тэнвилль, — по недавнему доносу этот свидетель был арестован в своем доме. Сейчас его приведут.

Морис вздрогнул.

— Есть еще один более важный свидетель, — продолжал Фукье, — но его пока не нашли.

Улыбаясь, Диксмер повернулся к Морису: возможно, у мужа промелькнула такая же мысль, как и ранее в голове любовника.

Женевьева побледнела и со стоном опустилась на скамью.

В это время в сопровождении двух охранников вошел Лорэн.

Вслед за ними в той же двери возник Симон, который в зале суда устроился на своем обычном месте.

— Ваше имя и фамилия? — спросил председатель.

— Максимилиан-Жан Лорэн.

— Положение?

— Свободный человек.

— Не долго тебе им оставаться, — произнес Симон, показав Лорэну кулак.

— Вы родственник подсудимой?

— Нет, но имею честь считаться ее другом.

— Вам известно, что она участвовала в заговоре с целью освобождения королевы?

— Откуда же я должен был это знать?

— Она могла довериться вам.

— Мне, члену секции фермопилов?.. Да что вы!

— Иногда вас видели вместе с ней.

— Да, могли видеть, даже часто.

— Вы знали, что она — аристократка?

— Я знал, что она — жена кожевника.

— Ее муж был совсем не тем, за кого себя выдавал.

— Ах так, этого я и не знал, мужья не входят в число моих друзей.

— Расскажите о нем.

— Охотно! Это — презренный человек...

— Мсье Лорэн, — сказала Женевьева, — сжальтесь...

Но Лорэн продолжал безучастным голосом:

— Тот, кто пожертвовал бедной женщиной, которую вы видите, даже не из-за политических взглядов, а из-за личной ненависти. Тьфу! Я ставлю его на одну ступень с Симоном.

Диксмер смертельно побледнел. Симон пробовал что-то сказать, но председатель жестом восстановил тишину.

— Кажется, вы великолепно знаете эту историю, гражданин Лорэн, — сказал Фукье. — Так расскажите ее нам.

— Простите, гражданин Фукье, — сказал, поднимаясь Лорэн, — я сказал все, что знал об этом.

Он поклонился и вновь сел.

— Гражданин Лорэн, — продолжал обвинитель, — твой долг все рассказать трибуналу.

— Пусть довольствуется тем, что я уже сказал. Что касается этой бедной женщины, то я повторяю, что она только повиновалась насилию... Ну, посмотрите, да разве она похожа на заговорщицу? Ее принудили сделать то, что она совершила, вот и все.

— Ты так думаешь?

— Я уверен в этом.

— Именем закона, — произнес Фукье, — я требую, чтобы свидетель Лорэн был привлечен к ответственности, как соучастник этой женщины.

Морис застонал.

Женевьева закрыла лицо руками.

Симон воскликнул в порыве радости:

— Гражданин обвинитель, ты спас родину.

Лорэн, ничего не ответив, перепрыгнул барьер, чтобы сесть рядом с Женевьевой. Он взял ее руку и почтительно поцеловал.

— Здравствуйте, гражданка, — сказал он с таким хладнокровием, которое взбудоражило толпу. — Как вы себя чувствуете?

И он сел рядом с ней на скамью подсудимых.

Глава XXIV

Продолжение предыдущей

Вся эта сцена подобно фантасмагорическому видению промелькнула перед Морисом. Он опирался на рукоятку сабли, с которой не расставался, и видел, как один за другим падают в бездну, не возвращающую свои жертвы, его друзья. И сцена смерти настолько удручала его, что он спрашивал себя: почему ты, Морис, близкий друг этих несчастных, продолжаешь цепляться за край пропасти и не уступишь вихрю, который унесет тебя вместе с ними?

Лорэн, перепрыгнув через барьер и сев рядом с Женевьевой, увидел мрачное и насмешливое лицо Диксмера.

Женевьева наклонилась к Лорэну:

— Боже мой! Вы знаете, Морис здесь.

— Где?

— Только не смотрите сразу. Ваш взгляд может погубить его.

— Будьте спокойны.

— Позади нас, недалеко от двери. Как ему будет тяжело, если нас приговорят к смерти.

Лорэн с нежным соучастием посмотрел на молодую женщину.

— Нас приговорят. В этом я даже не сомневаюсь. Если вы надеетесь на другой исход, то разочарование будет слишком жестоким.

— Боже мой! — вздохнула Женевьева. — Бедный друг, на этом свете он останется совсем один.

В этот момент Лорэн повернулся в сторону Мориса и Женевьева не удержалась, чтобы тоже не бросить быстрый взгляд на молодого человека. Морис не сводил с них глаз, прижав руку к сердцу.

— Чтобы спастись, у вас есть одно средство, — сказал Лорэн.

— Надежное? — и ее глаза засияли от радости.

— О да! Ручаюсь.

— Лорэн, если бы вы спасли меня, как бы я вас благословляла.

— Но этот способ... — продолжал молодой человек.

Женевьева заметила сомнение в его глазах.

— Вы значит тоже его видели? — спросила она.

— Да, я его видел. Вы хотите спастись? Тогда пусть он тоже сядет в это железное кресло, где сейчас сидите вы.

Диксмер по выражению лица Лорэна несомненно догадался о том, что

тот говорил Женевьеве, и побледнел; но вскоре успокоился и адская улыбка вновь заиграла на его губах.

— Это невозможно, — ответила Женевьева, — я не мог ненавидеть его еще больше.

— Скажите лучше, что он знает о вашем благородстве и пользуется этим.

— Конечно, потому что он уверен в себе, во мне, во всех нас.

— Женевьева, Женевьева, я менее совершенен, чем вы. Позвольте мне убедить вас в том, что он должен быть наказан.

— Нет, Лорэн, клянусь вам, что у меня нет ничего общего с этим человеком, даже смерти. Мне кажется, что я изменю Морису, если умру вместе с этим человеком.

— Но ведь в таком случае, вы не умрете.

— Сохранить себе жизнь такой ценой, когда он будет мертв?

— Ах! — вздохнул Лорэн. — Как прав Морис, что любит вас! Вы — ангел, а родина ангелов — на небесах. Бедный милый Морис!

Симон, не слыша, о чем говорят на скамье арестованные, пожирал глазами их лица в надежде разобрать слова.

— Гражданин охранник, — сказал он, — запрети им продолжать строить заговоры против Республики прямо в революционном трибунале.

— Но, — возмутился тот, — ты же хорошо знаешь, гражданин Симон, что здесь больше не составляют заговоров. Если и попытаются что-либо предпринять, то совсем ненадолго. Эти граждане беседуют и поскольку законы не запрещают разговаривать даже в тележке смерти, почему нужно запрещать им разговаривать в трибунале?

Охранником был Жильбер, который, узнав в арестованной женщину, проникшую в камеру королевы, проявил к ней свое доброе отношение, восхищенный ее мудростью и преданностью.

Председатель проконсультировался с судьями и по знаку Фукье-Тэнвилля начал задавать подсудимым вопросы.

— Обвиняемый Лорэн, — спросил он, — какого рода отношения были у вас с гражданкой Диксмер?

— Какого рода, гражданин председатель?

— Да.

Светлая дружба тянулась от сердца к сердцу.

Как брата любила она, а я ее — как сестру.

— Гражданин Лорэн, — поправил Фукье-Тэнвилль, — рифма не очень хорошая.

— Почему? — поинтересовался Лорэн.

— Одна буква лишняя.

— Так отрежь ее, гражданин обвинитель. Отрежь, ведь это — твоя работа.

От этой ужасной шутки безучастное лицо Фукье-Тэнвилля слегка побледнело.

— И как же, — поинтересовался председатель, — гражданин Диксмер смотрел на связь своей жены с человеком, считающимся республиканцем?

— Ничего не могу вам сказать по этому поводу, так как никогда не знал гражданина Диксмера и очень этим доволен.

— Но, — продолжал Фукье-Тэнвилль, — ты не сказал, что твой друг Морис Линдей был тем узлом, который связывал тебя с обвиняемой такой чистой дружбой?

— Если я не сказал об этом, — ответил Лорэн, — значит считаю, что об этом говорить нельзя, и даже думаю, что вы могли бы брать с меня пример.

— Граждане судьи, — обратился к ним Фукье-Тэнвилль, — не сочтете ли странным союз двух республиканцев с аристократкой, замешанной в самом черном заговоре против нации.

— Откуда же я могу знать о заговоре, про который ты говоришь, гражданин обвинитель? — спросил Лорэн, скорее возмущившийся, чем испугавшийся грубости аргумента.

— Вы знали эту женщину, были ее другом, она называла вас братом, вы называли ее сестрой, и вы не знали о ее намерениях? Возможно ли? — задал вопрос председатель, — чтобы она одна задумала и совершила это деяние?

— Она совершила его не одна, — продолжал Лорэн, употребляя те же слова, что и председатель, — потому что она вам сказала, и я вам со этом сказал, и повторяю еще раз, ее вынудил муж.

— Почему же в таком случае ты не знаешь мужа? — спросил Фукье-Тэнвилль. — Ведь муж был заодно с женой?

Лорэну не оставалось ничего иного, как рассказать о первом исчезновении Диксмера, о любви Женевиевы и Мориса; наконец о том, как муж украл и спрятал свою жену в недоступном месте. Рассказать все это для того, чтобы снять с себя всякую вину и рассеять подозрения. Но для этого ему надо было открыть тайну двух друзей; заставить Женевиеву краснеть перед пятьюстами присутствующими в зале суда. Лорэн покачал

головой, как бы говоря «нет» самому себе.

— В таком случае, что вы ответите гражданину обвинителю? — спросил председатель.

— Что его логика просто уничтожающая, — ответил Лорэн, — и что он убедил меня в том, о чем я даже не догадывался.

— В чем именно?

— В том, что я, как это теперь представлено, один из самых ужасных заговорщиков, которых когда-либо видели.

Это заявление вызвало в зале смех. Даже сами члены суда не могли бы в это поверить; с такой иронией молодой человек произнес эти слова.

Фукье почувствовал насмешку. В своем неутомимом упорстве он старался проникнуть во все тайны обвиняемых, но сейчас он понял Лорэна и не мог запретить себе сочувствовать ему, восхищаться им.

— Ну, гражданин Лорэн, — обратился он, — говори, защищайся. Трибунал выслушает тебя. Ему ведь известно твое прошлое, а это — прошлое достойного республиканца.

Симон хотел что то сказать; председатель знаком велел ему молчать.

— Говори, гражданин Лорэн, — сказал он, — мы слушаем тебя. Лорэн снова покачал головой.

— Это молчание является признанием, — продолжал председатель.

— Вовсе нет, — ответил Лорэн, — это молчание просто молчание, вот и все.

— Повторяю еще раз, — сказал Фукье-Тэнвилль, — ты будешь говорить?

Лорэн повернулся к залу, чтобы глазами спросить у Мориса, что делать.

Морис не сделал ни малейшего знака, чтобы позволить Лорэну говорить, и тот промолчал,

Это было равносильно тому, что приговорить самого себя к смерти.

За этим быстро последовала бы казнь.

Фукье подвел итог обвинению, а председатель — дебатам; судьи посоветовались и признали виновными Лорэна и Женевьеву.

Председатель приговорил их обоих к смертной казни.

На больших часах Дворца пробило два.

С последним ударом часов председатель успел закончить чтение приговора.

Морис прислушался к двум слившимся ударам. Когда стих голос председателя и часы закончили бой, ему показалось, что с их последним ударом его покинули последние силы.

Охранники увели Женевьеву и Лорэна, который предложил молодой женщине руку.

Каждый из них по-своему поприветствовал Мориса: Лорэн улыбнулся; Женевьева, бледная и изнемогающая, кончиками пальцев, смоченных слезами, послала ему воздушный поцелуй.

До последнего момента она надеялась на то, что ей сохранят жизнь, и она оплакивала не себя, а свою любовь, которая угаснет вместе с ее жизнью.

В полуобезумевшем состоянии Морис не ответил на это прощание своих друзей. Он поднялся со скамьи, на которой сидел, бледный и ошеломленный. Его друзья исчезли.

Он почувствовал, что в нем осталось только одно живое чувство — сжигающая сердце ненависть.

Морис бросил вокруг себя последний взгляд и узнал Диксмера, который вместе с другими, выходя из зала, пригнулся под сводами двери, ведущей в коридор.

Со скоростью распрямляющейся пружины, Морис прыгал со скамьи на скамью, пока не достиг той самой двери.

Диксмер уже спускался в полутьме коридора.

Морис бросился за ним.

В тот момент, когда Диксмер ступил на плитки большого зала, его плеча коснулась рука Мориса

Глава XXV

Дуэль

В те времена положить руку на плечо чужому человеку считалось делом серьезным.

Повернувшись, Диксмер узнал Мориса.

— А, здравствуйте, гражданин республиканец, — произнес Диксмер, слегка вздрогнув, но тут же взял себя в руки, сумел скрыть свое волнение.

— Здравствуйте, гражданин подлец, — ответил Морис, — вы не ждали меня, не так ли?

— Правильнее сказать — я вас больше не ждал.

— Отчего же?

— Просто я был уверен, что вы появитесь раньше.

— Я пришел к тебе еще слишком рано, убийца! — голос Мориса превратился в ужасающий шепот. Полыхавшая в его сердце гроза проявлялась в гневном блеске глаз.

— Вы пытаетесь испепелить меня своим взглядом, — усмехнулся Диксмер. — Напрасно. Нас сейчас опознают и последуют за нами.

— Вот оно что, ты боишься ареста? Ты боишься, что тебя отправят на тот самый эшафот, на который ты отправляешь других? Раз так — пускай нас арестуют. Даже тем лучше, если нас схватят. Думаю, национальному правосудию сегодня не хватает подлинного виновного.

— Как, впрочем, не хватает одного имени в списке людей чести, согласны? С тех пор как из него исчезло ваше имя.

— Ну что ж, об этом разговор впереди. Пока же, замечу, вы сполна отомстили за себя, к несчастью, отомстили, подставив женщину. Если вам был нужен мой ответ, то почему не дождались меня в моем доме, когда украли Женевьеву?

— Всегда считал, что вор — вы.

— Довольно, сударь, нет смысла спорить. Когда-то я вас знал сильным в деле — не на словах. Вспомните тот день, когда вы пытались убить меня. Тогда вы и проявили всего себя, раскрылись полностью.

— Я до сих пор упрекаю себя в том, что не послушался голоса природы, — спокойно согласился Диксмер. — И не исполнил задуманное.

Морис в сердцах стукнул саблей о пол. — Предлагаю вам реванш.

— Если хотите — завтра, но только не сегодня.

— Почему завтра?

— Или сегодня вечером.

— Почему не сейчас?

— Потому что до пяти я занят.

— Еще готов какой-то гнусный план, — сказал Морис, — еще какая-нибудь западня?

— Ах, мсье Морис, — с издевкой заметил Диксмер, — вы и впрямь неблагодарный человек. Целых шесть месяцев я предоставлял возможность вам и моей жене нежно любить друг друга; целых шесть месяцев я допускал ваши свидания. Никогда еще мужчина, согласитесь, не был таким снисходительным, как я.

— Лишь потому, что это было выгодно. Ты рассчитывал, что я окажусь полезным для тебя.

— Конечно, — подтвердил Диксмер, который становился все более спокойным по мере того, как Морис окончательно вышел из себя. — Конечно! В то время, как вы изменяли своей Республике, продавая ее за один взгляд моей жены; в то время как вы бесчестили себя изменой, а она — прелюбодеяниями, я был умницей и героем. Я выжидал и торжествовал победу.

— Ужас! — не выдержал Морис.

— А разве не так? Оцените свое поведение, сударь. Оно отвратительно! Оно позорно!

— Ошибаетесь. Но поистине позорно и отвратительно поведение мужчины, которому женщина доверила свою честь и который поклялся беречь эту честь, а сам вопреки клятве превратил ее красоту в приманку, чтобы поймать на нее слабое сердце. Вы согласно священному долгу обязаны были защищать женщину, а вы ее предали.

— У меня свой перечень обязанностей и дел и назову его. Я должен был спасти своего друга, отстаивавшего вместе со мной святое дело. Во имя его я пожертвовал и своим состоянием, и своей честью. Больше того, я вычеркнул себя из списка живых, если и вспоминал о себе — то в последнюю очередь. Но у меня больше нет друга — он заколол себя кинжалом, у меня нет больше королевы — моя королева погибла на эшафоте. У меня осталось одно — месть.

— Признайтесь честно — убийство.

— За прелюбодеяние не убивают — наказывают.

— Но это вы подтолкнули ее и потому даже прелюбодеяние в таком случае законно.

— Вы так считаете? — мрачная улыбка исказила лицо Диксмера. — Но вы у нее уточните — думает ли она так.

— Тот, кто наказывает, убивает открыто. Ты же не наказываешь, ты, подставляя ее голову под гильотину, сам прячешься.

— Это я убегаю! Я прячусь! Какие у тебя поводы, чтобы утверждать это, — спросил Диксмер. — Разве я прячусь, если присутствую при вынесении ей смертного приговора? Разве я убегаю, если иду даже в Зал Мертвых, чтобы в последний раз, в последнюю минуту попрощаться с нею?

— Ты намерен снова увидеть ее? — воскликнул Морис. — Ты пойдешь попрощаться с нею?

— Спокойнее, — пожал плечами Диксмер. — В вопросах мести ты, Морис, явно не специалист. На моем месте ты бы предоставил событиям и обстоятельствам развиваться своим чередом. Думаешь, что женщина-прелюбодейка, наказанная мной смертью и приговоренная к ней, расплатилась со мной. Нет, гражданин Морис, я нашел лучший способ сполна возвернуть ей все то зло, которое она причинила мне. Она любит тебя — она умрет вдали от тебя; она ненавидит меня — и опять увидит меня. Вот, — добавил он, доставая из кармана бумажник. — В нем находится пропуск, подписанный секретарем Дворца. С этим пропуском я пройду к Женеьеве и напому ей о прелюбодеянии. Я увижу, как палач обрезает ей волосы. И когда они упадут, она услышит мой голос, повторяющий: «Прелюбодейка!». Я буду сопровождать ее до тележки и на эшафоте последнее слово, которое она услышит, будет: «*прелюбодейка*».

— Поберегись! У нее не хватит сил вынести столько подлости, она выдаст тебя.

— Нет, — запротестовал Диксмер, — для этого она слишком ненавидит меня. Если бы она могла меня выдать, то уже бы выдала,

как шепотом ей посоветовал твой друг. Раз она не выдала меня ради спасения жизни, то теперь и вовсе не выдаст: она не захочет умирать вместе со мной. Она хорошо знает, что, если выдаст меня, я продлю ее пытки. Она хорошо понимает, что, если выдаст меня, то я буду с нею не только во Дворце Правосудия — даже на эшафоте мы будем рядом. Вместо того, чтобы оставить ее у Дворца, я сяду с ней в тележку, повторяя всю дорогу это ужасное слово: «*Прелюбодейка*». Даже на эшафоте она услышит его и только вместе с нею обвинение канет в вечность.

Диксмер был ужасен в своем гневе и ненависти: он схватил руку Мориса и встряхнул ее с такой силой, которую молодой человек у него не предполагал. Но по мере того, как распалялся Диксмер, успокаивался Морис.

— Послушай, — сказал он, — в твоей мести не хватает только одного.

— Чего же?

— Чтобы ты мог ей сказать: «Уходя из трибунала, я встретил твоего любовника и убил его!»

— Напротив, я предпочту сказать ей, что ты жив и всю оставшуюся жизнь тебя будет преследовать картина ее смерти.

— Ты все-таки убьешь меня, — взорвался Морис. — Или, — добавил он, оглянувшись вокруг и чувствуя себя почти хозяином положения, — или я убью тебя.

И бледный от волнения и гнева, он схватил Диксмера за горло и потащил к лестнице, которая вела к берегу реки. Его силы удвоила необходимость сорвать этот тщательно продуманный адский план.

Нападение Мориса вывело Диксмера из себя.

— Да, нас рассудит смерть. Но тебе незачем тащить меня силой — я иду сам.

— Так иди, ты же вооружен.

— Я последую за тобой.

— Нет — впереди. И предупреждаю, при малейшем движении, при малейшей попытке схитрить, я разрублю твою голову вот этой саблей.

— Ты же прекрасно знаешь: я не боюсь, — ответил Диксмер с улыбкой, которая на его бледных губах выглядела страшной.

— Нет, ты не боишься моей сабли, нет, — прошептал Морис, — но ты боишься лишиться своей мести. И ты лишишься ее. Теперь, когда мы, наконец, лицом к лицу, забудь о мести навсегда.

Они направились к реке, и если за ними можно было еще проследить взглядом, то помешать дуэли времени уже не оставалось.

Гнев в одинаковой мере пожирал соперников. Продолжая переговариваться, они спустились по маленькой лестнице и прошли на почти пустынную набережную — толпа все еще заполняла зал, коридор, двор Дворца Правосудия в ожидании новых приговоров. Диксмер жаждал крови Мориса не меньше, чем Морис жаждал крови Диксмера.

Они углубились под один из сводов, выводящих камеры Консьержери к реке, по которым окрашенные кровью воды унесли не один труп из подземной тюрьмы.

Морис стал между рекой и Диксмером.

— Я уверен в том, что убью тебя, — пообещал Диксмер, — ты слишком дрожишь.

— Увы, Диксмер, — отозвался Морис, надежно прикрывая саблей возможность отступления противнику. — Я несомненно убью тебя. И, убив тебя, возьму из твоего бумажника пропуск секретаря Дворца. Хотя ты

слишком хорошо застегнулся, моя сабля расстегнет твою одежду, будь она даже из бронзы, как у рыцарей древности.

— Так ты возьмешь пропуск? — завопил Диксмер.

— Обязательно, — подтвердил Морис, — и воспользуюсь им, пройду к Женевьеве. Я буду всюду рядом с ней — на тележке, на эшафоте, и до тех пор, пока она дышит, буду шептать ей: «я люблю тебя»; и в последний момент, прежде чем упадет ее голова, она услышит: «Я люблю тебя».

Левой рукой Диксмер пытался схватить бумажник и вместе с пропуском зашвырнуть его в реку. Но быстрая, как молния, острая, как секира, сабля Мориса обрушилась на руку и почти полностью отрубила кисть.

Раненый крикнул, встряхивая искалеченной рукой, и занял оборону. И под забытым и сумрачным сводом начался страшный бой. Двое мужчин были заперты в таком узком пространстве, что сабли скользили по влажным плитам и тяжело ударялись о стены. Нетерпение и гнев ускорили ритм боя.

Диксмер чувствовал, как течет его кровь, понимал, что с нею уходят и его силы. Он бросился на Мориса с такой яростью, что вынудил его отступить. Отступая, Морис упал и сабля врага задела его грудь.

Но движением, быстрым, как мысль, хотя он и стоял на коленях, Морис перехватил саблю левой рукой и направил ее навстречу Диксмеру. В ярости и азарте тот поскользнулся на покатом склоне и рухнул прямо на саблю соперника. Ее острие пронзило Диксмера.

Раздалось жуткое проклятие, и оба противника покатались к воде...

Поднялся один из них — это был Морис: весь в крови, но в крови своего врага. Он вытащил свою саблю из груди Диксмера. И пока он ее вытаскивал, тело Диксмера содрогалось, прощаясь с жизнью.

Убедившись, что враг мертв, Морис наклонился, расстегнул одежду убитого, достал бумажник. Понимая, что его окровавленный вид привлечет внимание и он будет немедленно арестован, Морис подошел к реке, наклонился, вымыл руки и одежду.

Потом, быстро поднявшись по лестнице, бросил последний взгляд на место боя. Красная дымящаяся струя выбегала из-под свода и стекала к реке.

Он пришел во Дворец, открыл бумажник и достал пропуск, подписанный секретарем.

— Боже праведный, благодарю! — прошептал он.

И заторопился по ступеням, которые вели в Зал Мертвых.

Часы пробили три. Всего час назад Морис и Диксмер спустились на

набережную.

Глава XXVI

Зал мертвых

Как мы помним, используя жену, Диксмер установил приятные отношения с секретарем Дворца, а не только получал от него списки арестованных. Легко представить, какой ужасный страх охватил секретаря, когда он узнал о разоблачении заговора. Вольно или невольно он оказался соучастником Диксмера и его вполне могли приговорить к смерти вместе с Женевьевой.

Секретаря вызвал Фукье-Тэнвилль. И доказать свою невиновность ему удалось только благодаря Женевьеве, подтвердившей его полную неосведомленность о планах Диксмера. Еще ему повезло: Фукье-Тэнвилль был заинтересован в том, чтобы его администрация оставалась незапятнанной.

— Гражданин, — молил секретарь, бросаясь на колени, — прости меня, я позволил обмануть себя.

— Гражданин, — не уступал общественный обвинитель, — человек, который находится на службе нации и позволяет обмануть себя в такое время, как наше, достоин гильотины.

— Но я был дураком, гражданин, — продолжал секретарь, буквально умирающий от желания назвать Фукье-Тэнвилля... монсиньором.

— Дурак или нет, значения не имеет, — заявил суровый обвинитель. — Ничто не должно усыплять любовь к Республике. Гуси Капитолия тоже были глупыми, тем не менее они проснулись и спасли Рим.

Секретарю нечего было возразить — он лишь стонал в ожидании своей участи.

— Я прощу тебя, — пообещал Фукье. — Я даже стану защищать тебя, поскольку не хочу, чтобы подозревали моего служащего. Но учти, если я услышу еще хоть слово или даже упоминание о твоём деле — ты отправишься на гильотину.

Нет нужды говорить о том, с какой поспешностью и вниманием секретарь отправился листать газеты, всегда готовые сообщить то, что знают, а временами и то, чего не знают, хотя это могло стоить жизни многим людям. Он везде искал Диксмера, чтобы попросить его о молчании, но тот сменил жилище и секретарь не нашел его.

Женевьева, к счастью, еще в своих показаниях до того, как ее посадили на скамью подсудимых, заявила, что ни у нее, ни у мужа не было

никаких сообщников. Как же он благодарил взглядом несчастную женщину, когда ее везли в трибунал.

Но после того, как он вернулся в канцелярию, чтобы взять дело, затребованное Фукье-Тэнвиллем, неожиданно вошел Диксмер. От его спокойного и уверенного вида секретарь буквально оцепенел.

— О! — только и сумел он выдать из себя, словно увидел призрак.

— Разве ты не узнаешь меня? — удивился вошедший.

— Узнаю. Ты — гражданин Дюран, точнее — гражданин Диксмер.

— Да, это я!

— Гражданин, но разве ты не умер?

— Как видишь, еще нет.

— Я хочу сказать, что сейчас тебя арестуют.

— И кто же? Меня никто не знает.

— Я тебя знаю и мне достаточно сказать лишь слово, чтобы тебя гильотинировали.

— А мне нужно сказать два слова, чтобы тебя гильотинировали вместе со мной.

— То, что ты говоришь — чудовищно.

— Нет, просто логично.

— Что ты имеешь в виду? Говори да поторапливайся: чем меньше мы будем разговаривать, тем меньшей опасности подвергаемся.

— Хорошо. Моя жена обречена, не так ли?

— Очень этого боюсь. Бедная женщина!

— Я хочу в последний раз увидеть ее и попрощаться.

— Где?

— В зале Мертвых.

— И ты осмелишься войти туда?

— Почему бы и нет?

— О! — простонал секретарь так, словно от одной этой мысли у него по телу побежали мурашки.

— Есть способ? — спросил Диксмер.

— Войти в зал Мертвых? Да, конечно.

— Какой?

— Воспользоваться пропуском.

— Где взять его?

Секретарь смертельно побледнел и пробормотал:

— Эти пропуска... Вы спрашиваете, где их взять?

— Да, я спрашиваю, где взять пропуск, — не отступал Диксмер. — Мой вопрос предельно ясен.

— Его можно получить... здесь.
— Вот так! Прекрасно; и кто же их обычно подписывает?
— Секретарь.
— Но секретарь — ты.
— Да, конечно, я.
— Смотри, как удачно! — усмехнулся Диксмер, усаживаясь, — ты мне и подпишешь его.

Секретарь вскочил.

— Ты просишь у меня мою голову, гражданин.
— Нет! Я прошу лишь пропуск, вот и все.
— Несчастный, сейчас я арестую тебя! — пригрозил секретарь, собрав всю свою волю.

— Попробуй! — ответил Диксмер. — Но не сомневайся — я донесу на тебя. Скажу, ты — мой сообщник. И вместо того, чтобы пропустить меня одного, ты пойдешь в зал смерти вместе со мной.

Секретарь побледнел.

— Подлец! — воскликнул он.
— Что же здесь подлого? — спросил Диксмер. — Мне нужно поговорить с женой, поэтому я прошу у тебя пропуск.

— Неужели для тебя так важно поговорить с нею?

— Очевидно, если для того, чтобы увидеть ее, я рискую головой.

Довод показался секретарю убедительным. И Диксмер заметил, что он заколебался.

— Успокойся, — посоветовал он. — Уверяю тебя, никто ничего не узнает. Черт побери! У тебя же бывают подобные случаи.

— Редко. Крайне редко.

— Тогда, тем хуже! Арестуют нас обоих!

— Ладно, постараемся все уладить другим способом.

— Если возможно, я не против.

— Вполне возможно. Войдешь в ту дверь, в которую входят приговоренные — для этого пропуск не требуется. Потом, когда ты переговоришь с женой, позовешь меня — и я выведу тебя.

— Неплохо! — оценил Диксмер. — Но, к несчастью, в городе рассказывают очень схожую историю.

— Какую?

— Историю об одном бедном горбуне, который ошибся дверью. Думая, что вошел в архивное помещение, он оказался в зале, о котором мы только что говорили. И вошел он туда через дверь для приговоренных вместо того, чтобы войти через главную дверь. Поскольку у него не было

пропуска и никто его не знал, то уже назад и не выпустили. Ему сказали, что раз он вошел через дверь для приговоренных, значит, он и есть приговоренный. Напрасно горбун протестовал, клялся, звал на помощь — никто ему не поверил, никто не пришел на помощь, никто его не выпустил. И, несмотря на все его протесты, клятвы, крики, палач сначала отрезал ему волосы, а потом — голову. Ну, как анекдот, правдоподобен, гражданин секретарь? Ты должен знать его лучше, чем кто-либо другой.

— Да, увы! История правдивая! — задрожал секретарь.

— Сам видишь, было бы безумством воспользоваться твоим советом.

— Но я буду там, я же сказал!

— А вдруг тебя позовут, вдруг ты будешь занят или забудешь?

Диксмер безжалостно повторил, сделав ударение на последнем слове:

— Если ты забудешь, что я *там*?

— Но я тебе обещаю...

— Нет. Впрочем, и тебя это скомпрометировало бы: увидят, как ты со мной разговаривал. Ни мне, ни тебе это не подходит. Я предпочитаю пропуск.

— Невозможно.

— Тогда, мой дорогой друг, я заговорю и мы вместе отправимся на площадь Революции.

Полумертвый от страха, оглушенный, секретарь подписал пропуск для этого *гражданина*.

Диксмер стремительно вышел и занял, как мы знаем, место в зале трибунала.

Что произошло дальше, нашим читателям тоже уже известно.

Подписав пропуск, секретарь, чтобы избежать малейшего подозрения в соучастии, пошел в трибунал, и сел рядом с Фукье-Тэнвиллем. Канцелярию он оставил на своего первого помощника.

В три часа десять минут Морис, предъявив пропуск, прошел охрану и без затруднений добрался до роковой двери. Когда мы называем эту дверь роковой, то имеем в виду, что в помещение вели две двери. Через большую входили и выходили обладатели пропусков. А меньшая дверь была для приговоренных, через которую входили те, кто отправлялся на эшафот.

Комната, в которую попал Морис, была разделена на две части. В одной сидели служащие, регистрирующие приходящих. В другой, где стояли только деревянные скамейки, размещали тех, кого только что арестовали, и тех, кого уже приговорили. Впрочем, это было почти одно и то же.

В темный зал свет проникал из единственного окна, имевшегося в той

половине комнаты, где размещались служащие.

В углу этого мрачного зала, прислонившись к стене, сидела в полуобморочном состоянии какая-то женщина, одетая в белое. Перед ней, скрестив руки на груди, стоял мужчина, время от времени пытавшийся заговорить с женщиной, которая, как ему казалось, теряет сознание.

Вокруг них сидели приговоренные: одни рыдали или пели патриотические гимны, другие прохаживались широкими шагами, как будто хотели убежать от мучавших их мыслей.

Это была своеобразная прихожая смерти и комната была достойна такого названия. Виднелись гробы, застланные соломой, и слегка приоткрытые — как бы зазывали живых. Это были кровати для отдыха, временные склепы.

В другом конце возвышался не менее безобразный шкаф. Один из осужденных открыл его и в ужасе отступил. В нем была сложена окровавленная одежда казненных накануне. В нескольких местах свешивались длинные волосы — своеобразные чаевые палача: он продавал их родственникам, если власти не успевали сразу же сжечь эти дорогие реликвии.

С трепетом Морис открыл дверь и одним взглядом охватил всю эту картину. Он сделал три шага и упал к ногам Женевьевы.

Бедная женщина вскрикнула, но Морис прикрыл ей рот.

Лорэн со слезами обнял друга: это были первые слезы, которые он пролил.

Как ни странно, остальных несчастных, которым предстояло умереть всем вместе, не затронула столь трогательная встреча трех друзей. Каждый из них был охвачен своими личными горестными чувствами. Чужие переживания их не волновали.

Трое друзей на какой-то миг соединились в теплом и почти радостном объятии. Лорэн первым пришел в себя.

— Тебя что, тоже арестовали? — спросил он у Мориса.

— Да.

— О! Какое счастье! — прошептала Женевьева.

Радость людей, которым осталось жить всего один час, не может длиться даже столько, сколько жизнь.

Морис, посмотрев на Женевьеву с той горячей и глубокой любовью, которая переполняла его сердце, поблагодарил ее за эти слова, такие эгоистичные и в то же время такие нежные, повернулся к Лорэну.

— А теперь, — сказал он, согревая в своих руках руки Женевьевы, — поговорим.

— Да, поговорим, — согласился Лорэн, — если для этого у нас хватит времени. Что же ты хочешь мне сказать?

— Ты арестован из-за меня, приговорен из-за меня, не совершив ничего противозаконного. Если мы с Женевьевой платим наш долг, так зачем еще и тебя заставлять платить его вместе с нами?

— Не понимаю.

— Лорэн, ты свободен.

— Свободен? Я? Да ты с ума сошел, — не удержался Лорэн.

— Нет, я в своем уме. Я повторяю — ты свободен, вот пропуск. Тебя спросят: кто ты такой, ответишь, что работаешь секретарем в тюрьме в Кармах и сюда пришел поговорить с секретарем Дворца. После разговора из любопытства зашел взглянуть на приговоренных, попросив для этого пропуск. Ты их увидел, ты удовлетворен и теперь уходишь.

— Это шутка, не так ли?

— Нет, дорогой друг, вот тебе пропуск, воспользуйся им. Ты ведь не влюблен, тебе не нужно умирать ради того, чтобы провести еще хоть несколько минут со своей возлюбленной, ни секунды не потерять из своей вечности.

— Не понимаю, Морис, — возразил Лорэн. — Если можно выйти отсюда, во что я никогда не поверю, то почему бы сначала не спасти сударыню. Что касается тебя, то мы посмотрим.

— Невозможно, — ответил Морис, у которого ужасно сжалось сердце, — ты же видишь: в пропуске написано «гражданин», а не «гражданка». Да Женевьева и не захочет выйти отсюда без меня и жить, зная, что я умру.

— Если она не уйдет, то почему, ты считаешь, захочу спастись я. Думаешь, у меня меньше мужества, чем у женщины?

— Ошибаешься, мой друг. Я уверен в том, что ты один из самых храбрых людей, но твое упрямство неоправданно и неразумно. Лорэн, воспользуйся случаем. Неужели ты не доставишь нам высшей радости — радости знать, что ты свободен и счастлив.

— Счастлив! — воскликнул Лорэн. — Да ты что, шутишь? Счастлив без вас?.. На кой черт мне жизнь в Париже без своих друзей? Жизнь, лишенная всего, что ее украшало. Не видеть вас больше, не докучать вам своими стихами? Ну нет, черт возьми, нет!

— Лорэн, друг мой...

— Да, именно потому, что я твой друг, я и настаиваю. Если бы у меня была надежда найти вас обоих, я преодолел бы все преграды. Но вырваться отсюда одному, чтобы потом ходить по улицам, склонив голову, мучиться

от угрызений совести, непрестанно слышать взывающий голос: «Морис», «Женевьева», особенно в тех местах, где мы бывали вместе, чтобы ваши тени преследовали меня в любимом Париже. Нет, ей Богу, нет. И я считаю, что были правы те, кто изгонял королей, пусть даже короля Дагобера.

— Какое вообще отношение имеет король Дагобер к тому, что происходит сейчас?

— Этот тиран, разве не он говорил великому Элуа^[71]: «Он не из такой уж хорошей компании, которую следует покинуть?» А я, я — республиканец! И я говорю: ничто не вынудит меня покинуть хорошую компанию — даже гильотина. В ней я чувствую себя хорошо, с ней я и останусь.

— Бедный друг! Бедный друг! — вымолвил Морис.

Женевьева молчала и только смотрела на них глазами полными слез.

— Ты сожалеешь о жизни? — спросил Лорэн.

— Да, из-за нее!

— А я, я не сожалею ни о чем. Даже о Богане Разума, у которой — я забыл сказать тебе об этом, — были большие претензии ко мне, мешающие ей утешиться подобно Артемизе древности. Спокойно и сознательно иду на все. Согласен развлекать тех негодяев, которые побегут рядом с тележкой: я продекламирую красивое четверостишие мсье Сансону и попрощаюсь со всей компанией... Впрочем, подожди.

Лорэн замолчал.

— Впрочем, — продолжал он, — я хочу выйти. Я хорошо знаю, что никого не люблю, но совсем забыл, что я кое-кого ненавижу. Сколько времени, Морис?

— Половина четвертого.

— Мне хватит времени, черт возьми! Мне хватит.

— Конечно! — воскликнул Морис, — еще осталось девять обвиняемых. Наша очередь подойдет часам к пяти: у нас в запасе почти два часа.

— Этого времени вполне достаточно; дай-ка мне пропуск и двадцать су.

— Боже мой! Что вы собираетесь делать? — прошептала Женевьева.

Морис пожал ему руку: для него самым главным было то, что Лорэн все-таки уходит.

— Меня осенили кое-какие идеи, — улыбнулся тот.

Морис достал из кармана кошелек и протянул его другу.

— А теперь и пропуск, именем Бога!.. Я хотел сказать именем

Высшего Разума!

Морис вручил ему пропуск.

Лорэн поцеловал руку Женеьевы и, воспользовавшись тем, что в канцелярию привели очередную группу приговоренных, перепрыгнул через скамейки и направился к большой двери.

— Эй, — крикнул охранник. — Кажется, один из них хочет спастись.

Лорэн выпрямился и предъявил пропуск.

— Смотри, — сказал он, — гражданин охранник, и учись лучше запоминать людей.

Охранник узнал подпись секретаря. Но он принадлежал к той категории чиновников, которые отличаются особой недоверчивостью и поскольку секретарь Дворца, так и не переборовший внутреннюю дрожь и страх от встречи с Диксмером, выходил как раз из трибунала, он обратился к нему.

— Гражданин секретарь, вот документ, с помощью которого можно выйти из зала Мертвых. Этот документ действителен?

Секретарь побледнел от ужаса и, убежденный в том, что если посмотрит перед собой, то увидит жуткое лицо Диксмера, схватив пропуск, поспешил ответить:

— Да, да, это моя подпись.

— Но, — сказал Лорэн, — если это твоя подпись, тогда верни мне пропуск.

— Нет, — возразил секретарь, разрывая его на тысячу кусочков, — такие пропуска действительны только один раз.

На какой-то миг Лорэн застыл в нерешительности.

— Ну что ж, тем хуже. Но прежде всего мне нужно его убить.

С волнением, которое легко можно понять, Морис следил за Лорэном.

— Он спасен! — с воодушевлением, похожим на радость, Морис сообщил об этом Женеьеве. — Пропуск разорвали и он больше не попадет сюда. Если и попытается, то опоздает: заседание трибунала уже будет закончено, в пять часов нас уже не будет в живых.

Женеьева вздрогнула и вздохнула.

— О! Обними меня, — попросила она, — мы больше не расстанемся... Почему же это невозможно? Боже мой! Чтобы нас убили одним ударом, чтобы мы одновременно сделали свой последний вздох.

Они уединились в самом углу сумрачного зала. Женеьева села рядом с Морисом и обвила его шею руками. Они дышали единым дыханием, они гасили в себе отзвуки любых мыслей. Приближающаяся смерть не могла преодолеть силы любви.

Прошло полчаса.

Глава XXVII

Почему выходил Лорэн

Через полчаса раздался сильный стук: охранники открыли низкую дверь. За ней стояли Сансон и его помощники со связками веревок в руках.

— О, друг мой! — едва вымолвила Женевьева, — наступил роковой час, я теряю сознание.

— И будете неправы, — вдруг раздался звучный голос Лорэна:

Вы и правда неправы,
Смерть, свободу подари.

— Лорэн! — в отчаянии воскликнул Морис.

— Стихи не слишком хороши? Согласен, со вчерашнего дня я только и делаю, что пишу жалостливые стихи...

— Ты вернулся, несчастный!.. Ты вернулся!.. — Морис ничего не понимал.

— По-моему, мы так и договаривались? Послушай, то, что я расскажу, заинтересует и тебя, и сударыню.

— Боже мой! Боже мой!

— Дай же мне досказать, а то времени не хватит. Я выходил для того, чтобы купить нож на улице Барийери.

— Для чего он тебе?

— Хотел убить этого распрекрасного Диксмера.

Женевьева вздрогнула.

— А! — оживился Морис, — я понимаю.

— Я купил нож. И вот что приказал себе, оцени, какой у твоего друга логический ум. Вероятно, я должен был стать

математиком, а не поэтом. Я рассуждал так. Диксмер подставил свою жену, Диксмер пришел посмотреть, как ее судят. Так? И вывод: он не лишит себя удовольствия посмотреть, как она садится в тележку, и проводить ее к месту казни. Значит, я непременно увижу его в первом ряду зрителей, проскользну к нему со словами: «Здравствуйте, мсье Диксмер», и всажу нож ему в грудь.

— Лорэн, — воскликнула Женевьева.

— Успокойся, дорогая подруга. Провидение распорядилось по-своему.

Представьте себе, что зрители вместо того, чтобы как обычно стоять напротив Дворца, образовали полукруг и заполнили набережную.

— Нужно взглянуть, — сказал я себе, — очевидно утонула какая-то особа, как жаль, что это не Диксмер.

Я подошел к парапету и увидел у воды массу людей, старавшихся что-то рассмотреть на земле. Приблизился и вижу... Это что-то... угадай, кто это был...

— Это был Диксмер, — мрачно сказал Морис.

— Как ты догадался? Действительно, дорогой друг, это был Диксмер, который сам пронзил себе живот. Несчастный сам убил себя, чтобы искупить свои грехи.

— Неужели, — мрачная улыбка тронула лицо Мориса, — ты так думаешь?

Женевьева уронила голову на руки: она была слишком слаба, чтобы вынести столько чрезмерных потрясений.

— Да, я так подумал, потому что нашел возле него окровавленную саблю. Если только конечно... если он никого не встретил...

Морис промолчал, и, воспользовавшись тем, что Женевьева, удрученная, ничего не видела, расстегнул свой костюм и показал Лорэну окровавленные жилет и рубашку.

Ну, тогда это совсем другое дело, — сказал Лорэн. И протянул руку Морису.

— Теперь, — произнес он, наклоняясь к Морису, — поскольку меня не обыскали, поверили, что я из свиты мсье Сансона, то нож все еще у меня. И, если гильотина вызывает у тебя отвращение...

Морис с радостью взял оружие в руки.

— Нет, — сказал он, — Женевьева будет слишком страдать.

И вернул нож Лорэну.

— Ты прав, — ответил тот, — да здравствует изобретение мсье Гильотэна! Ведь это его машина? Щелчок по шее, как сказал Дантон. А что такое этот щелчок?

И он кинул нож в середину группы приговоренных.

Один из них, схватив его, вонзил себе в грудь и тут же рухнул замертво.

В тот же момент вскрикнула Женевьева: палач положил руку ей на плечо.

Глава XXVIII

Да здоровствует Симон

По вскрику Женевьевы Морис понял, что... началось. Любовь может возвысить человеческую душу до героизма, любовь, вопреки естественному инстинкту, может подтолкнуть человека к смерти, но она хранит и боязнь печали. Очевидно, что Женевьева, узнав о том, что Морис умрет вместе с ней, безропотно, в соответствии со своей религиозностью ожидала смерть. Ее больше мучило предчувствие страдания, ведь уйти из этого мира — это значит не только упасть в ту пропасть, имя которой — неизвестность, но еще и страдать при падении.

Морис осмотрелся:

Посередине зала лежал труп, из груди которого охранник поспешил вырвать нож, опасаясь, как бы им не воспользовался еще кто-нибудь из приговоренных. Вокруг него стояли люди, онемевшие от отчаяния, почти не обращавшие ни на кого внимания, торопившиеся написать карандашом на бумажниках последние, не оконченные слова, пожимали друг другу руки. Одни повторяли бесконечно дорогие их сердцам имена или омывали слезами портреты, кольца, пряди волос, другие посылали яростные проклятия тиранам, проклиная весь мир.

Среди всех этих несчастных Сансон, которого давил не возраст — 54 года, а его ремесло; Сансон настолько мягкий, что пытался еще утешить, дать совет одному, другого грустно ободрял, находя христианские слова для ответа и на отчаяние, и на браваду!

— Гражданка, — обратился он к Женевьеве, — нужно снять шейный платок и отрезать или заколоть волосы. Пожалуйста, сделайте это.

Женевьева задрожала.

— Дорогая подруга, — поддержал Лорэн, — мужайтесь!

— Могу ли поднять волосы сударыне? — спросил Морис.

— О! Да, да, пусть это сделает он! — Я умоляю вас, мсье Сансон, — воскликнула Женевьева.

— Хорошо, — ответил Сансон, отворачиваясь.

Морис развязал галстук, еще хранящий тепло его тела. Женевьева поцеловала его и, став на колени перед молодым человеком, склонила к нему свою очаровательную головку, еще более красивую в печали, чем она была когда-либо в минуты радости.

Когда Морис закончил все приготовления, руки его сильно дрожали, а

лицо выражало столько горя, что Женестьева воскликнула:

— О, Морис! Я не боюсь.

Сансон повернулся.

— Не правда ли, сударь, я держусь бодро? — спросила она.

— Истинная правда, сударыня, — взволнованно ответил палач, — вы по-настоящему мужественны...

Первый помощник палача в это время просматривал список, присланный Фукье-Тэнвиллем.

— Четырнадцать, — сказал он.

Сансон пересчитал приговоренных.

— Вместе с мертвым — пятнадцать, — ответил он, — как же это получается?

Лорэн и Женестьева пересчитали присутствующих вслед за ним, пораженные одной и той же мыслью.

— Так вы говорите, что должно быть четырнадцать приговоренных, а нас — пятнадцать? — спросила она.

— Да. Наверное Фукье-Тэнвилль ошибся.

— Ты солгал, — повернулась Женестьева к Морису, — тебя не судили.

— Зачем мне ждать до завтра, если ты умираешь сегодня? — ответил он.

— Друг мой, — поблагодарила она, улыбнувшись, — ты успокоил меня, теперь я вижу, что умирать легко.

— Лорэн, — позвал Морис, — Лорэн, в последний раз говорю... тебя никто не может здесь опознать... скажи, что ты пришел сюда попрощаться со мной... скажи, что тебя заперли здесь по ошибке. Позови того охранника, который видел, как ты выходил... Я стану настоящим приговоренным, я должен умереть. Но ты, мы умоляем тебя, друг, доставь нам радость своей жизнью, хотя бы для того, чтобы сохранить память о нас. Еще есть время, Лорэн, мы тебя умоляем!

При этом Женестьева, как при молитве, сложила руки.

Лорэн наклонился и поцеловал их.

— Я сказал нет, значит нет, — твердо ответил он. — Больше об этом со мной не говорите, а то я подумаю, что мешаю вам.

— Четырнадцать, — повторил Сансон, — а их — пятнадцать.

Потом, повысив голос, произнес:

— Ну, среди вас есть кто-нибудь, кто может доказать, что попал сюда по ошибке?

Может быть некоторые уста и открылись бы на этот призыв, но не раздалось ни слова. Те, кто мог бы солгать, постыдились сделать это, а тот

единственный, кто не солгал бы, не хотел больше ничего говорить.

На несколько минут воцарилась мертвая тишина, помощники палача занимались своим скорбным делом.

— Граждане, мы готовы... — произнес тогда глухим торжественным голосом Сансон.

В ответ раздались несколько всхлипов и стонов.

— Вот и хорошо, — зазвучал голос Лорэна.

Умрем за Родину, друзья!

Ведь это — лучшая судьба.

— Да, в том случае, когда действительно умирают за родину. Но теперь вижу и понимаю, что мы умираем только для того, чтобы доставить удовольствие тем, кто жаждет нашей смерти.

— Ей Богу, Морис, я точно такого же мнения, что и ты, я тоже начинаю ненавидеть Республику.

— Переключка! — объявил появившийся в проеме двери комиссар.

Несколько охранников вошли за ним в этот зал, перекрыв выходы и став стеной между жизнью и приговоренными, чтобы помешать этим несчастным вернуться в нее.

Морис отозвался на имя самоубийцы и подумал бесстрастно: на одну смерть будет больше. Его вывели бы из зала и, если бы установили его личность, то все равно неизбежно приговорили бы к гильотине.

Приговоренных повели к выходу. Каждому у двери связывали руки за спиной.

В течение десяти минут эти несчастные не обменялись ни единым словом.

Говорили и действовали только палачи.

Чтобы их больше не разлучили, Морис, Женестьева и Лорэн прижались друг к другу.

Потом приговоренных вывели во двор Консьержери.

Дальнейшее зрелище было ужасным. При виде тележек у многих подкосились ноги — служащие помогали им продвинуться вперед.

За еще закрытыми дверями слышался многоголосый шум толпы, и, судя по нему, можно было догадаться, что толпа эта огромна.

Женестьева села в тележку, Морис поддерживал ее под локоть. Затем занял место позади нее.

Лорэн не торопился, выбрав себе место слева от Мориса.

Двери тюремного двора открылись — в первых рядах зрителей стоял Симон.

Друзья узнали его, он тоже увидел их. И тут же влез на какую-то тумбу, мимо которой должны были проезжать тележки, их было три.

Первая тронулась. И как раз та, в которой находились трое друзей.

— Эй, привет, прекрасный гренадер! — окликнул Симон Лорэна. — Сейчас ты попробуешь удар моего резака, я правильно думаю?

— Да, — ответил Лорэн, — и я постараюсь этим не нанести ему ущерба, чтобы он мог также раскроить и твою шкуру.

За первой тележкой двинулись и две оставшиеся.

Ужасная буря криков, возгласов одобрения, стонов, проклятий вокруг приговоренных была подобна взрыву.

— Держись, Женевьева, держись! — шептал Морис.

— О! — ответила молодая женщина. — Я не сожалею о своей жизни, потому что умираю вместе с тобой. Сожалею лишь о том, что у меня связан?: руки и я не могу перед тем, как умереть, обнять тебя.

— Лорэн — произнес Морис, — Лорэн, поищи в моем жилете, там должен быть перочинный нож.

— Черт побери! — воскликнул Лорэн. — Как же мне нужен этот нож. Я бы чувствовал себя униженным при встрече со смертью, будучи связанным по рукам и ногам, как теленок.

Морис нагнулся так, что карман оказался на уровне рук его друга. Лорэн достал ножик, потом они сообща открыли его. Морис зажал нож зубами и педерезал веревки, стягивающие руки Лорэна.

Освободившись от пут, Лорэн освободил Мориса.

— Поторопись, — предупредил молодой человек, — а то Женевьева сейчас потеряет сознание.

Действительно, для того, чтобы высвободить руки, Морис на мгновение отвернулся от молодой женщины, а поскольку всю свою силу она черпала в нем, Женевьева закрыла глаза, уронив голову на грудь.

— Женевьева, — позвал Морис, — Женевьева, открой глаза, друг мой: у нас осталось несколько минут, чтобы вместе смотреть на этот мир.

— Веревки ранят меня, — прошептала молодая женщина.

Морис развязал ей руки.

Она тотчас же открыла глаза и в состоянии экзальтации, которая делала ее красоту ослепительной, поднялась.

Одной рукой она обняла Мориса за шею, а другой взяла руку Лорэна и все трое, стоя в тележке, они устремили к Небу благодарные взоры.

Народ, оскорбляющий их, когда они сидели, увидев их вставшими,

замолчал.

Показался эшафот.

Морис и Лорэн первыми увидели его; Женевьева его не замечала, она смотрела только на своего возлюбленного.

Тележка остановилась.

— Я люблю тебя, — сказал Морис Женевьеве, — я люблю тебя!

— Сначала женщину, женщину первую! — закричала толпа в тысячи голосов.

— Спасибо, народ, — сказал Морис. — Кто же сказал, что ты жесток?

Он взял Женевьеву на руки и, слив в поцелуе ее губы со своими, понес ее в объятия Сансона.

— Держись! — крикнул Лорэн. — Держись!

— Я держусь, — ответила Женевьева, — я держусь!

— Я люблю тебя! — шептал Морис. — Я люблю тебя!

Они больше не были жертвами, которых собирались умертвить. Они были друзьями, ликующими на празднике смерти.

— Прощай! — крикнула Женевьева Лорэну...

Женевьева исчезла под роковым рычагом.

— Теперь ты! — воскликнул Лорэн.

— Нет, ты! — ответил Морис.

— Послушай! Она зовет тебя..

И действительно, Женевьева вскрикнула в последний раз.

— Приди! — звала она.

По толпе прокатился ропот. Пала красивая и грациозная головка.

Морис кинулся вперед.

— Это очень справедливо, — сказал Лорэн. — Все логично. Ты слышишь, Морис?

— Да.

— Она любила тебя, ее убили первой. Ты не был приговорен, ты умрешь вторым; я ничего не сделал, но поскольку меня считают среди нас самым большим преступником, я уйду последним.

Как просто все получается —

Логикой объясняется.

— Ей Богу, гражданин Сансон, я обещал тебе четверостишие, но тебе придется довольствоваться двустишьем.

— Я люблю тебя! — прошептал Морис, уже привязанный к роковой

доске, улыбаясь отрубленной голове своей подруги. — Я тебя лю...

Удар прервал его на середине слова.

— Ко мне! — воскликнул Лорэн, прыгая на эшафот. — И быстрее! А то я и так теряю голову... Гражданин Сансон, я не прочитал тебе четверостишье, взамен предлагаю тебе каламбур.

Сансон привязал его к доске.

— Так вот, — закончил Лорэн, — когда умираешь, положено что-то крикнуть. Раньше кричали: «Да здравствует Король!», но короля больше нет. Потом кричали: «Да здравствует Свобода!», но свободы тоже больше нет. Поэтому — «Да здравствует Симон!», соединивший нас троих.

И голова благородного молодого человека упала рядом с головами Мориса и Женевьевы!

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ШЕВАЛЬЕ ДЕ МЕЗОН-РУЖ

Перевод А. СМЕТАНКИНОЙ

Художник А. А. БОБРОВ

© Акционерное общество «Римол»

ISBN 5—85860—011—05

Литературно-художественное издание

Александр Дюма Шевалье де-Мезон Руж

Ответственный за выпуск Р. Х. Мусаяев

Сдано в набор 25.04.91. Подписано в печать 12.07.91. Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Уч. — изд. л. 23,03. Усл. кр. — отт. 23, 41. Тираж 500000 экз. (1-й завод 100 000). Заказ 6680. Цена 10 руб.

Акционерное общество «Римол». 200001 г. Таллинн, ул. Маакри, 15

Набрано и отпечатано на АП Ташполиграфкомбинат Государственного комитета УзССР по печати, 700129, г. Ташкент, Навои, 30.

Примечания

2–5 сентября 1792 г. народ стихийно расправился с заключенными в парижские тюрьмы роялистами. Это были дни опасности иностранного вторжения.

21 января 1793 года был казнен Людовик XVI.

Конвент — высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики. Действовал с 21.09.1792 по 26.10.1795.

Дюмурье Шарль-Франсуа (1739–1823) — французский генерал, в 1792 году командовал центральной армией, действовавшей против войск коалиции, и одержал ряд побед. В апреле 1793 года составил заговор с целью восстановления монархии. Заговор был раскрыт, Дюмурье бежал в Австрию, оттуда в Англию, где и поселился.

Жирондисты — политическая группировка, представляющая в основном республиканскую торгово-промышленную и земледельческую буржуазию, отражала интересы крупной буржуазии, выступившей против феодализма, но не желавшей революционной ломки феодального строя.

Монтаньяры — революционно-демократическое крыло Конвента, представляющее якобинцев; занимало на заседаниях верхние скамьи. Отсюда и название. По-французски *montagne* — гора.

Якобинцы — члены Якобинского клуба, оставшиеся в его составе после изгнания из него жирондистов (1792 г.), наиболее смелые представители революционно-демократической буржуазии, выступавшей в союзе с крестьянством и плебсом против монархистов и феодалов.

Коммуна — орган парижского городского самоуправления в период Великой французской революции.

Комитет общественного спасения — один из комитетов Конвента, фактически являлся высшим правительственным органом, назначал министров, генералов, послов, направлял комиссаров на фронт и в провинцию.

Феро Жан-Бертран (1756–1795) член Конвента, комиссар в ряде департаментов. Убит во время народного восстания в мае 1795 года.

Колло д'Эрбуа Жан-Мари (1749–1796) — член Конвента, якобинец. Содействовал перевороту 9 термидора, но во время термидорианской реакции арестован и сослан, умер в ссылке.

Кордельеры — члены французского политического клуба «Общество прав человека и гражданина», одного из наиболее демократических клубов французской буржуазной революции. Назывались по месту своих заседаний — в здании бывшего монастыря кордельеров. После восстания народа 10 августа 1792 г. участвовали в борьбе с жирондистами.

Луве Жан-Батист (1760–1797) — французский писатель и политический деятель, автор авантюрного романа «Похождения кавалера Фоблаза». Был членом Конвента, примыкал к жирондистам.

Петион Жером (1756–1794) — деятель французской революции, член Учредительного собрания и Конвента, один из вождей партии жирондистов; после событий 31 мая—2 июня 1793 года исключен из состава Конвента, бежал в провинцию, где покончил жизнь самоубийством.

«Монитор» — так называлась французская правительственная газета, издававшаяся с 1789 по 1868 год. Позже переименована в «Журналь оффисьель».

Санкюлоты — от франц. sans — без и culotte — короткие штаны. Аристократы называли так представителей городской бедноты, носивших в отличие от дворян не короткие, а длинные штаны. В годы якобинской диктатуры — самоназвание революционеров.

Питт Уильям Младший — в те годы премьер-министр Великобритании.

Фермопилы — горный проход к югу от Фессалийской равнины, соединяет северные и южные районы Греции. Во время греко-персидских войн, в 480 г. до 300 спартанцев во главе с царем Леонидом стойко обороняли Фермопилы от персов и все погибли в неравном бою.

Лютеция — древнее поселение паризиев, на месте которого расположен современный Париж. *Лукреция* — женское имя.

Капет — фамилия казнённого Людовика XVI. Капетинги — династия французских королей в 987–1328 гг. Основатель — Гуго Капет.

Деизм — распространенное в 17–18 вв. религиозно-философское учение, допускавшее существование Бога лишь как первопричины мира и отрицавшее его существование как личности и его вмешательство в жизнь природы и общества.

<...> *имя Жан* <...> *ассоциировалось с* <...> *деизмом* — имеется в виду имя Жана Жака Руссо — виднейшего представителя деизма.

Сцевола — по античному преданию, римский герой — юноша, пробравшийся в лагерь этрусков, чтобы убить их царя. Был схвачен и, желая показать презрение к боли и смерти, сам опустил правую руку в огонь.

Демустье Шарль-Альбер (1760–1801) — французский литератор, автор «Писем к Эмилии о мифологии».

Протей — в греческой мифологии морское божество, обладает пророческим даром, способен принимать облики различных существ.

Аристей — в греческой мифологии сын Апполона и нимфы Кирены. Когда Аристей преследовал Эвридику, ту укусила змея и она умерла. Разгневанные боги наслали на Аристея пчел. Протей открыл причину гнева богов и способ избавления от него.

Барнав Антуан-Жозеф (1761–1793) — французский социолог, один из руководителей преимущественно крупной буржуазии и либерального дворянства, выступавших за конституционную монархию. В 1793 году был обезглавлен.

Мюскадены — прозвище, данное контрреволюционно-настроенной буржуазно-дворянской молодежи. Название происходит от мускусных духов, которыми душилась эта «золотая молодежь».

10 августа 1792 года произошло народное восстание в Париже, приведшее к свержению монархии и провозглашению Республики.

Сантерр Антуан-Жозеф (1752–1809) — деятель французской революции, якобинец.

Осселэн Шарль-Никола (1754–1794) — примыкал к якобинцам. В 1794 году арестован и казнен по обвинению в укрывательстве контрреволюционеров.

Принят 17 сентября 1793 г. Подозрительными и подлежащими аресту объявлялись лица, своим поведением или связями, речами или сочинениями проявившие себя как сторонники тирании; дворяне, находившиеся в родстве или связями с эмигрантами и не доказавшие своей преданности республике и т. д.

Мулине — фехтовальный прием — удар с круговым или полукруговым движением острия и с обходом оружия противника.

Туаз — старинная французская мера длины, равная 1 м 949 мм.

Вето — от латинского veto — запрещаю; прозвище короля, употреблявшееся во Франции в связи с конституцией 1791 года, ограничивавшей права монарха.

Здесь игра слов: по-французски L'orient — восток, название города пишется точно так же.

Кошениль — название краски, иначе — кармин.

31 мая 1793 г. произошло выступление народных масс Парижа, окруживших здание Конвента и потребовавших исключения и ареста министров и депутатов-жирондистов. Под давлением вооруженного народа Конвент принял соответствующие решения. С этого момента власть перешла в руки якобинцев.

Брунsvик Шарль-Гийом (1735–1806) — прусский генерал, главнокомандующий коалиционной армией.

Бриссотинцы — от Бриссо. *Бриссо Жан-Пьер* (1754–1793) — один из вождей партии жирондистов, член Законодательного собрания и Конвента; боролся против якобинцев, казнен по приговору Революционного трибунала.

Анрио Франсуа (1761–1794) — якобинец, начальник парижской национальной гвардии 31 мая 1793 г. казнен вместе с Робеспьером.

Ролан Жак-Мари (1734–1793) — член Конвента, жирондист; после событий 31 мая–2 июня 1793 года бежал из Парижа и покончил жизнь самоубийством.

Ажесилас — король Спарты 397–360 г. до н. э., спас родину от нашествия врагов. Употребляется как символ патриотизма.

Имеется в виду Артемиза. *Артемиза* — королева одного из древних государств в Малой Азии, проживала в Галикарнассе; построила для своего умершего супруга Мавзола роскошную усыпальницу, являющуюся одним из семи чудес света. Ее имя используют как символ супружеской верности. (От имени Мавзола происходит слово мавзолей).

Эгерия — в римской мифологии нимфа-прорицательница. Ее имя употребляют для обозначения тайной советницы.

Сен-Жюст Луи-Антуан Флорель (1767–1794) — один из виднейших деятелей французской революции; был членом Конвента и Комитета общественного спасения; якобинец, друг Робеспьера; после переворота 9 термидора был казнен.

Теруань де Мерикур (1762–1817) — героиня французской революции, активно участвовала во взятии Бастилии и в восстании 10 августа. Ее называли «Амазонка Свободы».

Ролан Манон (1754–1793) — жена жирондиста Ролана, высокообразованная, женщина, знаток литературы и искусства, хозяйка знаменитого в Париже салона. Имела большое влияние на ход политических событий. Невежество монтаньяров привело ее на эшафот.

Мюгэ — Muguet — ландыш (*франц.*).

Левайан Франсуа (1753–1824) — французский путешественник и натуралист, родился в голландской Гвиане.

Аджюдан — старшее унтер-офицерское звание. *Аджюдан-майор* — полковой (батальонный) адъютант.

Консьержери — парижская тюрьма, примыкавшая к Дворцу Правосудия. Во время революционного террора в ней содержались приговоренные к смерти.

«*Пойдет, пойдет!*» — припев и название песни времен Французской революции.

Барбару Шарль-Жак (1767–1794) — член Конвента, жирондист; после событий 31 мая–2 июня 1793 года бежал из Парижа в провинцию, где пытался поднять мятеж; был схвачен и казнен.

Ламбаль Мария-Терезия-Луиза (1749–1792) — родственница французской королевской семьи, любимая подруга Марии-Антуанетты, жертва сентябрьской резни 1792 года.

Расин Ж., «Андромаха» (пер. И. Шафаренко и В. Шора).

«Амадис де Голь» — знаменитый роман, написанный наполовину на испанском, наполовину на французском языках разными авторами XV века. Амадис — символ верного, постоянного возлюбленного и странствующего рыцаря.

Анселан — один из титанов, восставших против Зевса. Бежал на Сицилию, был поражен Зевсом и похоронен под Этной. Это его дыхание приводит в движение гору и вызывает извержение огненной лавы. В литературе этот образ используют, чтобы показать чьи-нибудь бесполезные усилия для изменения установившихся вещей.

Эли де Бомон Жан-Баттист-Жак (1732–1786) — адвокат Парижского суда, защитник Каласа.

Латюд Жан-Анри (1725–1786) — авантюрист, вследствие ссоры с мадам де Помпадур был заключен в Бастилию, затем в другие тюрьмы, общий срок его заключения равнялся 35 годам.

Аристид (ок. 540–467 г. до н. э.) — афинский генерал и государственный деятель.

Орест и *Пилад* — в греческой мифологии — верные друзья. Пилад в переносном смысле — верный друг.

Осселэн Шарль-Никола (1754–1794) — деятель французской революции, член Конвента, примыкал к якобинцам. В 1794 г. арестован и казнен по обвинению в укрывательстве контрреволюционеров.

Остров Сен-Луи — французская колония, другое название о. Реюньон, ранее назывался о. Бурбонов.

Фукье-Тэнвиль Антуан-Кантэн — общественный обвинитель Революционного трибунала. Во времена Террора являлся неутомимым поставщиком для гильотины. Погиб на эшафоте в 1795 году.

Мессалина — первая жена римского императора Клавдия, известная своим распутством, мать Британика и Октавии, убита в 48 году.

Агриппина — мать Нерона, властолюбивая интриганка. В третьем браке вышла замуж за своего дядю императора Клавдия, заставила его усыновить своего сына, потом отравила Клавдия, чтобы усадить на трон Нерона. Но тот сперва попытался утопить ее, затем приказал центуриону убить. «Бей в живот», — сказала она, будто хотела наказать свое чрево за то, что носила в нем подобного монстра.

Линия — единица длины в системе английских мер 1 л = 1/12 дюйма = 0,2 сантиметра.

Jacinthe — гиацинт (*фр.*).

Пока дышу, надеюсь.

Дагобер — сын Клотара II, король Франции в 628 году.

Элуа — казначей и ювелир французских королей Клотара II и (588–659) Дагобера.